

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ V

ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1980

К изучению белуджского языка и фольклора

На карте, помещенной в т. X фундаментального труда Гриссона *Linguistic Survey of India* и изданной в 1921 г., крайним северным пунктом распространения белуджской народности и речи указан Наурузабад в Персии, несколько южнее Серахса. Однако, это не соответствовало действительности уже к моменту выхода в свет названной работы, и ныне прошло более четверти века с того времени, как белуджи перешли северные пределы персидских и афганских владений. К настоящему времени их более или менее значительные и прочные колонии сосредоточены в Байрам-алийском, Йолотанском и Мервском (урочище Пермет-яб, около 40 км к северу от Мерва) районах Туркменистана, насчитывая в общей сложности около 4—4½ тысяч семейств. Около 400 семейств находится, сверх того, в Серахском районе, но они не землеустроены, и прочность их поселения там пока неизвестна.¹

Однако, вплоть до последнего времени, не только в научной литературе отсутствовали сведения об этих белуджах, но и общей печати о них было известно очень мало. Лишь статистический обзор Туркменской области за 1917—1920 гг. указывает белуджское сельское общество в Байрам-алийском районе, в составе 936 чел., причем преобладающим среди населения языком назван персидский. Эти сведения были повторены в Трудах академической Комиссии по изучению племенного состава населения СССР (№№ 9 и 13), и лишь Отчет об экспедициях и командировках АН за 1927 г., стр. 248, сообщает некоторые дополнительные данные и отмечает сохранение белуджами Туркменистана родного языка, наряду с употребляемым ими также персидским. Некоторые сведения о родовом составе и быте

¹ Перепись 1926 г. (т. XVI, изд. ЦСУ) белуджей ТССР учла всего в количестве 9974 чел., но, вероятно, переписью не охвачено полностью все белуджское население пограничной полосы, довольно текучее по своему составу. Цифры, указанные в тексте, основаны как на административных подсчетах, так и на опросе самого населения в разных местах.

даются в работе Г. Карпова «Белуджи, краткий историко-этнографический очерк» (Туркменоведение, февраль 1928 г., № 2), в статьях д-ра Бурко, помещенных в Туркменской Искре летом и осенью того же года (№№ 192, 194, 195 и 197), и в только что опубликованном Е. Штейнберг описании «Поездки к белуджам» (Наши Достижения, июль 1930 г., № 7).

Последующее изложение основано на записях и наблюдениях, сделанных осенью 1928 г. у белуджей Байрам-алийского и частично Йолатанского районов. Оно имеет целью дать представление о белуджской речи, употребительной в Туркменистане, и о тех образцах народного творчества, в которых она выражается.

Как известно, описанные до сих пор белуджские диалекты принято делить на две группы: южную (или, по терминологии Грирсона, западную) и северную (по Грирсону, восточную). Для первой характерен более архаичный звуковой состав и сохранение смычных согласных (как глухих, так и звонких) во всех положениях, тогда как северные диалекты во многих случаях создали из смычных систему спирантов и аспират, отсутствующих в южной группе. С точки зрения этого разделения белуджская речь Туркмении является типичной представительницей южной группы.

В подтверждение можно привести много примеров:

- kārč* нож (южн.-белудж. то же, сев.-бел. *k'ārčā*);
gōk корова (южн.-бел. то же, сев.-бел. *gōx*);
pīg сало (южн.-бел. то же, сев.-бел. *pīγ*);
jaγar печень (южн.-бел. то же, сев.-бел. *jaγar*);
čam глаз (южн.-бел. то же, сев.-бел. *č'am*);
trus- бояться (южн.-бел. *turs-*, *trus-*, сев.-бел. *t'urs-*);
ārt мука (южн.-бел. то же, сев.-бел. *art'*);
dāta данный (южн.-бел. то же, сев.-бел. *dāḁa*);
ōdā там (южн.-бел. то же, сев.-бел. *ōḁā*);
pād нога (южн.-бел. то же, сев.-бел. *p'ād*);
kōrag плечо (южн.-бел. то же, сев.-бел. *k'ōrag*);
šar ночь (южн.-бел. то же, сев.-бел. *šaf*).

Вообще, в произношении белуджей Туркменистана аспираты, равно как спиранты *θ* и *δ* отсутствуют вовсе, спиранты же *x*, *γ* и *f* встречаются лишь в сравнительно поздних заимствованиях, притом *f* только в индивидуальном произношении.

Точно так же, произношение гортанного *h* можно услышать только в очень редких случаях: в специальных выражениях, при очень напряженном произношении в начале слова, у отдельных субъектов или иногда в пении. Нормально же *h* не произносится. Историческое *h* отпало, независимо от его происхождения, во всех случаях: как в начале, так и в середине и в исходе слова. В этом отношении диалект туркменских белуджей отличается, как от северных, так и от южных диалектов. Соответствующих сопоставлений можно привести очень много:

- ātag* сырой (южн.-бел. *hātag*, сев.-бел. *hātaγ*);
- ar* осел (южн.-бел. *har*, сев.-бел. *k'ar*, *xar*);
- āk* земля, почва (южн.-бел. *hāk*, сев.-бел. *hāx*);
- ā-(murg)* яйцо (птицы) (южн.-бел. *haik*);
- and-* смеяться (южн.-бел. *kand-*, *hand-*, сев.-бел. *k'and-*, *xand-*);
- ōn* кровь (южн.-бел. и сев.-бел. *hōn*, *hūn*);
- ūk* свинья (южн.-бел. *hūk*, сев.-бел. *hūx*);
- ušk* сухой (южн.-бел. и сев.-бел. *hušk*);
- mī* гвоздь, кол (южн.-бел. *mūk*, сев.-бел. *mēx*, *mēh*);
- prā* широкий (южн.-бел. *prāh*, сев.-бел. *p'rāh*);
- nāin* ноговь (южн.-бел. *nākun*, *nāhun*, сев.-бел. *nāxun*);
- gwār* сестра (южн.-бел. *gwahār*, сев.-бел. *gwāhar*, *gōhar*, *gwār*);
- māi* рыба (южн.-бел. *māhī*, сев.-бел. *māhīg*, *māhīγ*);
- bār* часть, доля (южн.-бел. и сев.-бел. *bahar*);
- bā* цена (южн.-бел. *bahā*, сев.-бел. *bhā*).

В тесной связи с отсутствием *h* находится своеобразное отражение исторической группы *-xt-*. По объяснению Гейгера, она должна была дать обще-белуджск. *-kt-*; в южном диалекте, вследствие перестановки, получилось *-tk-*, в северном — имевшая место спирантизация вновь дала *-xt-*:

- южн.-бел. *dōtka*, сев.-бел. *dōxt'a* спитый;
- южн.-бел. *rētka*, сев.-бел. *rixt'a* пролитый;
- южн.-бел. *sōtka*, сев.-бел. *sōxt'a* зажженный;
- южн.-бел. *gētka* просеянный.

Белуджский диалект Туркмении, не имеющий *h*, сохраняет во всех этих случаях из группы только *-t-*:

dōtag, *rētag*, *sōtag*, *gētag*.

К этой же категории нужно отнести: *ātag* пришедший, южн.-бел. *ātka*, сев.-бел. *āxt'a*, а также *duttuk* кукла, дочь (поэтич.).

В отражении группы *-ðr-* диалект Туркмении также представляет особенности:

mās мать (южн.-бел. *māt*, сев.-бел. *māð*);
pis отец (южн.-бел. *pīt*, сев.-бел. *p'ið*);
brās брат (южн.-бел. *brāt*, сев.-бел. *brāð*);
zāmās зять (сев.-бел. *zāmāð*).

Отличаясь, таким образом, по своей фонетике от уже известных образцов белуджской речи, в морфологическом отношении рассматриваемый диалект также своеобразен. Глагольная флексия настоящего времени имеет следующий вид:

ед. ч. 1. <i>-in</i>	мн. ч. 1. <i>-an</i>
2. <i>-äi, -ä</i>	2. <i>-it</i>
3. <i>-īt, -t</i>	3. <i>-an(t)</i> .

В прошедших временах 1 л. ед. ч. имеет окончание *-in*, 3 лицо, как обычно, не имеет окончания, остальные формы сходны с соответствующими настоящего времени.

Прошедшее причастие не отличается от южно-белуджского типа, но использование причастия, в качестве неопределенного наклонения, специфично для данного диалекта. Как в южном, так и в северном диалектах, инфинитив, он же вместе с тем и имя действия, образуется от настоящей основы: южн.-бел. *kanag*, сев.-бел. *k'anay* «делать, делание». — Но эти формы неизвестны туркменским белуджам, среди которых в значении инфинитива употребительно исключительно *kurtag(ā)* «делать». Зато для выражения имени действия у них имеется особая форма, образуемая от прошедшей же основы прибавлением суффикса *-in*: *kurtin* «делание», т. е. получается дифференциация, аналогичная существующей в таджикских говорах (ср. Иран, II, стр. 114).

Примеры:

man wantāgū na kan'in, kitābüi wantin sakk-int я не умею читать,
 читать книги трудно;

ša zāgāi grētīnā от плача ребенка;

mnī waptīnāi waxtā во время моего сна.

Как видно из последних примеров, эта форма способна изменяться, в зависимости от падежа. В сложении с префиксом *b(i)-* она же может принимать личные окончания и, имея значение сослагательного наклонения, служит для выражения ирреального условия. В эпической поэзии ее употребление еще шире и она часто заменяет простое прошедшее.

Примеры:

agár man bgúštin-un ki amé kār mnī dastā na gīt, man bi' tīā na k-ātun
если бы я считал, что эта работа для меня бесполезна, я бы к тебе не приходил;

ē draxt mnī bútin-ant! о, если бы эти деревья были моими!

Употребляемый в этих случаях (равно как при образовании повелительного наклонения) префикс *bi-* обычно сокращает гласный элемент, часто даже до нуля, и потому перед глухими выражается в виде *p-*, а перед носовыми — в виде *m-*: *pkan* делай (< *bikan*), *pkaš* тащи (< *bikaš*), *pkiš* убей (< *bikiš*), *mnind* садись.

Для характеристики системы глагола весьма существенным является способ выражения субъекта при прошедшем времени переходных глаголов. В этом отношении диалект, представленный в Туркмении, отступает от общепринятой белуджской нормы, и косвенный падеж для выражения подлежащего уже не употребляется. Поэтому *ē zāg ā zāgā jat* значит только: «этот мальчик прибил того мальчика», но не наоборот, в противоположность приводимому Гейгером аналогичному примеру: *ē mardā ā mard jat* dieser Mann schlug jenen Mann (Grundriss der iranischen Philologie, I-2, 239).

Прочие глагольные особенности второстепенны.

Морфология имен также представляет отличия, хотя ее основные свойства: образование множественного числа на *-ān* и косвенного падежа на *-ā*, разделяются всеми известными диалектами. Точно также уже отмечен, хотя и не повсеместно, родительный падеж множественного числа на *-ān-ī*. Но в образовании родительного падежа единственного числа рассматриваемый диалект более оригинален и получает его прибавлением *-āḡ* (> *-ā'* > *-ā*). Поэтому *mardāḡ sar* «голова мужчины», а не *mard sar*, как в южном, и не *marda sar*, как в северном из основных известных диалектов (Linguistic Survey of India, X, 341). При этом родительный падеж существительных воспринимается, как прилагательное, и поэтому может принимать дополнительное окончание косвенного падежа *-ā*:

(bi) *watí brás-äḡ-ā* к своему брату, у своего брата;

bi amé aspáḡ wāḡnd-äḡ-ā к хозяину этой лошади, у хозяина этой лошади;

bi' tí-ā к тебе, у тебя.

Повидимому, в силу такого понимания родительного падежа, он обычно соединяется с послелогоми, выражающими большинство падежных отношений: *bi watí pis-äḡ padā* за своим отцом (вслед).

Из местоимений заслуживает упоминания включительная форма личного местоимения множественного числа, не отмечавшаяся в опубликованных образцах: *mašmā* «мы с вами», в противоположность *ammā* мы (без вас) и *šmā* вы (без нас). В остальном отличия личных местоимений незначительны:

	Ном.	Сас. овл.	Ген.
я	<i>man</i>	<i>mnā</i>	<i>mnī</i>
ты	<i>ta</i>	<i>trā</i>	<i>tī</i>
мы	<i>ammā</i>	<i>ammā-rā</i>	<i>ammāḡ</i>
вы	<i>šmā</i>	<i>šmā-rā</i>	<i>šmāḡ</i>
мы с вами	<i>mašmā</i>	<i>mašmā-rā</i>	<i>mašmāḡ</i>

В качестве суффиксального местоимения 3 л. ед. ч. обычно употребляется, как и в северно-белуджском, *-ī*:

gišt-ī он сказал, *šut-ī* он ушел, *bgirit-ī* возьмите его!

В словарном отношении совершенно естественно, что рассматриваемый диалект тесно примыкает к южной группе, что очевидно уже из помещенных примеров. Однако, нужно упомянуть о некоторых лексических особенностях. Служащий для выражения исходного падежа предлог *ša*, *š-* «от, из», в описанных до сих пор диалектах отмечался в иных формах: *ač*, *cī*, *až*, *aš*, *ši*. Заимствование и широкое употребление персидского местного и направительного предлога *bi*, *b-* также до сих пор не отмечалось. Из слов, обозначающих «дом, жилище», туркменские белуджи обычно употребляют *gis*, *ges*: общебелуджское *lōg* имеет лишь пренебрежительное значение. Для выражения понятия «женщина, жена» служит производное *jīnēn*, *jānēn*: только в эпической поэзии употребительны *jan* в значении «жена» и *zāl* «женщина»; в разговорной речи последнее встречается лишь в сочетании *pīra-zāl* «старуха».

Изложенные факты свидетельствуют, что, хотя по основам своей фонетики белуджская речь Туркменистана входит в состав южной диалектической группы, однако целый ряд фонетических и морфологических признаков существенно отличает ее от основных южных диалектов, описанных Е. Pierce'ом (A Description of the Mekranee Beloochee Dialect) и Е. Moskier'ом (Grammar and Vocabulary of the Mekranee Beloochee Dialekt), работы которых дали главный материал для выводов и классификации Гейгера. Другие диалекты южной группы известны очень мало. По имеющимся и доступным образцам, можно отметить, что отражение исторической группы *-ḍr-*, как *-s-*, свойственное рассматриваемому диалекту, наблюдается еще в панджгурском диалекте, исследованном Гейгером на основании небольшого рукописного словаря, находящегося в Британском музее, а также в диалекте, образцы которого помещены Грирсоном в т. X Linguistic Survey of India и который, хотя его точное распространение неизвестно, повидимому, близко примыкает к панджгурскому. В этих же диалектах группа *-xt-* отражается, как *-ht-*: *ahṭa(g)* «пришедший», *dohṭa* «спитый», что также несколько сближает их с диалектом Туркмении, особенно, если принять во внимание отсутствие в последнем звука *h*. К сожалению, морфология панджгурского диалекта неизвестна, так что сопоставления в этой области невозможны. Что же касается близкого к панджгурскому диалекта, образцы которого изданы Грирсоном, то наиболее существенным морфологическим признаком, сближающим его с рассматриваемым диалектом, является образование родительного падежа единственного числа на *-ai*, *-ē*: *ispētē aspaī zēn* the saddle of the white horse, что в белуджском языке Туркменистана звучало бы: *spētēn aspāī zēn*. Но, конечно, об отождествлении этих двух диалектов или об установлении особой их близости говорить не приходится. В этом убеждает даже беглый просмотр образцов. Необходимо, таким образом, признать, что в языке белуджей Туркменистана представлен особый диалект южной группы, хотя и приближающийся по некоторым свойствам к панджгурскому, но все же отличный от него.

Диалект туркменских белуджей, повидимому, дальнейших подразделений не имеет. По крайней мере, производившиеся наблюдения таковых не обнаружили, конечно, если не иметь в виду индивидуальных отличий. При этом языковая норма чувствуется очень отчетливо, и обращается большое внимание на ее соблюдение. Часто можно услышать, особенно среди молодежи, исправления неправильностей речи и даже насмешки над дурным

выговором: *ā duragá int, ēšī zabān zabr na gardīt balūciā* он ублюдок, его язык не ворочается как следует по белуджски! Особенно приходится считаться с такими упреками инородцам по происхождению или детям от смешанных браков.¹

Эта чуткость в отношении языковой нормы тем замечательнее, что туркменские белуджи двуязычны, и, за редкими исключениями, мужчины с детства усваивают, в качестве обиходного, и персидский язык. Он же вместе с тем является единственным языком письменности для грамотных, весьма, впрочем, немногочисленных. Однако, несмотря на создаваемую двуязычием благоприятную среду для восприятия чужеродных влияний и воздействий, на белуджской почве ярких форм развития таковых не заметно. Конечно, словарные заимствования из персидского чрезвычайно многочисленны. Но почти все они, особенно более старые, совершенно приспособлены к требованиям белуджской фонетики (*akikat* истина, *kāgad* бумага) и не нарушая языковой нормы, уже не воспринимаются, как заимствования. То же нужно сказать о серии старых заимствований из брахуи: *gut* горло, *ḡigar* земля, *bag* стадо верблюдов, *ḡarum* стадо коров и др. Позднейшие заимствования, правда, менее приспособлены, но зато они должны были для своего признания семасиически дифференцироваться со старыми: новое заимствование *xabar* «известие, новость» противопоставляется вполне освоенному *abar* «слово, речь» (в сочетании *abar dātag* «говорить, разговаривать»), более новое *xudā* «бог» имеет более литературный характер, в противоположность старому *udā*, избегаемому в качестве простонародного, вульгарного. Или же новейшие заимствования пуристами языка отвергаются,

¹ К таким инородным группам прежде всего относятся довольно многочисленные выходцы из персидской среды, натурализовавшиеся среди белуджей и усвоившие их язык. Одному из белуджских родовых подразделений, так называемым *kukan*, целиком приписывается персидское происхождение, что объективно может быть подтверждено тем обстоятельством, что многие из них, несмотря на длительное сожительство с суннитами, до сих пор принимают участие в шиитских обрядах во время Мухаррама. Кроме того, нужно отметить несколько сот семейств брахуи (*brāhūi*), живущих в течение весьма продолжительного времени в различных местах совместно с белуджами. Они настолько уже ассимилированы в бытовом отношении, что не только все без исключения говорят по-белуджски, но даже обычно, по культурному признаку, не отделяют себя от белуджей. В упоминавшейся работе Г. Карпова брахуи названы, как одно из основных белуджских подразделений. Однако, в большинстве, несмотря на усвоение белуджского языка, а также персидского, они сохранили и свой национальный, что заставляет их считать особой этнической группой. Употребительный у туркменских брахуи язык существенно не отличается от описанного в книге Denys Bray. *The Brahui Language*. Calcutta, 1909.

и употребление таких слов, как *ayiyat* (вместо *akikat*) или *kāyaz* (вместо *kāgad*) порицается, как варваризм.

Несомненно, развитию языкового чутья и внимания к фактам своего языка не мало содействовало богатство и разнообразие форм его художественного проявления.

В области устного творчества наибольшее значение принадлежит героическому эпосу. На него уже давно было обращено внимание, и потрудившийся более других на этом поприще М. Longworth-Dames объединил результаты своих тридцатилетних работ в специальном сборнике (*Popular Poetry of the Baloches*). И мало что можно было бы прибавить к его характеристике белуджской поэзии, если бы все делавшиеся сборы и записи не относились исключительно к восточному (т. е. северному) диалекту. Как указывает Грирсон, изданный им отрывок в 30 стихов (*Linguistic Survey of India*, X, 371) — единственный опубликованный образец западной (т. е. южной) белуджской поэзии. Между тем, героические песни (былины, баллады), называемые обычно заимствованным термином *šā'r* (старое название *gāl* сейчас уже почти вышло из обращения) представляют немаловажное явление в жизни южных белуджей, или, по крайней мере, их туркменских представителей. Белуджи любят свои песни, понимают их значение и высоко ценят их. В песнях отражается их жизненный идеал, формируются представления о надлежащем поведении, всецело проникнутом идеей мужества (*mardī*), недостаток которого величайший позор. Художественные образы такого поведения, достойного доблестного мужа, по представлению белуджей, не вымыслены, и содержание песни — правда, при этом одновременно и правда-истина, и правда-справедливость. Высшая похвала для певца — возгласы слушателей: *rāst!* правда! справедливо! Действующие лица песен и их содержание известны уже из образцов восточного (северного) эпоса. Это — герои и богатыри легендарного прошлого и их подвиги в междуплеменной борьбе. Иногда содержание заимствуется из преданий о мусульманских святых и подвижниках, но эти песни менее популярны.

При большом значении, придаваемом белуджами эпической поэзии, совершенно естественно высокое общественное положение, занимаемое певцом (обычно он вместе с тем и поэт — *šāir*). Он всегда дорогой и желанный участник всякого мало-мальски значительного праздника. Без певца не обходятся брачные торжества, и его искусство подчас вознаграждается весьма щедро. Ханы приглашают к себе певцов на продолжительное

время, иногда из далеких краев (в 1926—1927 гг. один из знаменитых певцов Сеистана, по имени Джангиан (старший), провел продолжительное время среди белуджей Туркмении); некоторые даже стараются удержать при себе певца на постоянное жительство. С певцом считаются и боятся его обидеть: от него зависят, воспеть ценителя поэзии и тем увеличить его популярность, или, осмеяв обидчика в песне, повсеместно обесславить его, а опасение сделаться *badnām* («с дурным именем») — один из могучих стимулов поведения у белуджской знати.

В старое время, по рассказам, положение певца было еще выше. Певец являлся непременным участником совета родовых старейшин и вождей, и при решении важных дел, он давал своего рода поэтические справки из кодекса национальной чести, отыскивая соответствующие деяния в прошлом и воспевая легендарных героев. Иногда он принимал даже более активное участие, и когда между племенами возникали кровавые распри, вожди брали с собой певца, и он песней вдохновлял бойцов. Конечно, возможно, что эти рассказы лишь идеализация отдаленного прошлого, но и в таком случае им нельзя отказать в характерности.

По самой идее белуджской песни в ней нет места для вымысла: она должна быть правдива. Может меняться только художественная передача, и этой возможностью певцы широко пользуются,¹ отнюдь не избегая отступлений от традиционного текста, а даже часто заботясь о его большей оригинальности и подчеркивая ее, в отличие от песен других на ту же тему. Можно даже сказать, что почти каждая песня есть плод личного творчества ее певца, а текст ее всегда более или менее импровизирован.

К песням в тесном смысле слова не причисляется эротическая лирика, так называемые *līkō*. Это своего рода белуджские частушки, состоящие из неопределенного количества коротких двустихий. Одни из них представляют основной, постоянный фонд, другие меняются и часто импровизируются. Число их определяется талантом импровизатора и вниманием слушателей. Внешнее единство каждой отдельной *līkō* выражается определенным напе-

¹ В этом легко убедиться, сравнив песню о Балаче и Накибе, записанную в Туркменистане, с соответствующими образцами сборника M. Longworth-Dames. *Popular Poetry of the Baloches* (№ XVIII). При почти одинаковом размере обоих вариантов (155 и 149 стихов) примерно только треть представляет сходство в композиции, в остальной части содержание излагается совершенно самостоятельно. То же, хотя в меньшей степени, относится и ко второму публикуемому образцу (о Султানে Джум-джума), вариант (более подробный) которого издан в указанном сборнике под № LVII (Персидская версия легенды опубликована В. А. Жуковским, ЗВО., VII, стр. 63 сл.).

вом и размером стиха (от 5—8 слогов); некоторые *līkō* сопровождаются припевом, который повторяется после каждого двустипия; таков один из публикуемых образцов, известный под именем *Kaḡīr-jān*, по имени героини, упоминаемой в припеве. Каждое из двустипий, составляющих *līkō*, обычно представляет собою самостоятельное парное сочетание образов, большей частью, контрастных. Но это вовсе не обязательно, и иногда последовательность и связь образов улавливаются с трудом. Этого и не требуется. *Līkō* считаются «пустыми словами, бессмысленными речами» (*urken abar*), тратить на них время не достойно серьезного человека. Однако, несмотря на такое пренебрежительное отношение, *līkō* довольно популярны, особенно среди молодежи. Впрочем, не всегда проявляется подобная нетерпимость, и иногда на свадьбе *līkō* исполняется весьма почтенным певцом (*šāīr*). Второй из публикуемых образцов (*Bībī-jān*) записан со слов поэта-профессионала, по имени Джангиян (младший, из района Йолотани).

Область народного творчества, где белуджская фантазия проявляется с особенной силой, почти не стесняемая условными рамками, это — сказки (*asmānak*). Их содержание весьма разнообразно, но, повидимому, преобладают сказки волшебные, наполненные самыми невероятными приключениями и чудесами. Сказка обязательно должна начинаться словами: «было (не) было, кроме нашего с вами бога, (лучше) никого не было». Конец сказки также обозначается формулой: «я оттуда выскочил, завязал (!), для себя снискал благоденствие, для вас доставил невесту». Шаблонное начало и конец — единственное требование, предъявляемое к сказочнику: в этих пределах его свобода ничем не ограничивается.

Как почти все иранцы, белуджи увлекаются сказками и, начиная с десятилетних детей, готовы рассказывать их при всяком удобном случае. Избегают только сказок днем, хотя бы к тому имелся и досуг и повод. Это неприято, и некоторые поясняют, что если рассказать сказку днем, может случиться несчастье в доме, где она была рассказана. Другие боятся неприятных последствий для самого рассказчика, особенно опасаются, что он может стать «растерянным» (*sargardān abūt*) и не будет в состоянии принять определенное решение в затруднительном случае или, отправившись куда-нибудь, начнет сомневаться и колебаться, и в нерешительности вернется домой. Чтобы избежать этих нежелательных последствий, вторая из публикуемых сказок, рассказанная в неурочное время, днем, только в качестве образца, была лишена рассказчиком типичных начала и конца.

ОБРАЗЦЫ БЕЛУДЖСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Балач и Накиб

- 1 *šugr in^t gō mē rabbaḡ dārā,*
ništun bē rindaḡ daptarā.
Bālāč ō Nakībī kissawā^a:
Dūda mulukēn bē-gunā
- 5 *yaḡšē na dārīt bē dilā*
ništa gō alk ō ṭakarā.
Sammī janōzanē ēdā
ništa bē Dūdaḡ gwarā.
Bēbarg akaḡt nā-rawā,
- 10 *rāḡt pa šikār ō sādīyā,*
čizē na dist ō bir gašt padā.
Sammīḡ gorumā ḡata.
Sammī biguštīn pa dapā:
īṭi ta Dūda kam-xatā,
- 15 *nē mardīḡ bōdišt tirā,*
Bēbarg akaḡt nā-rawā
gorumā ruptīn ša kū-čarā.
Dūda ke rummīt nun š-ēdā
kapt bē Bēbargḡ padā,
- 20 *burt ō rasēnt āi rā.*
ōdā bē dar-tankāḡ dapā
ḡangān dō-dēmī laggita,
gorumā gardēnt bē padā.
Bēbarg beguštīn pu dapā:
- 25 *kaḡl int, māḡlīn trā zindagā,*
badnām kurtāḡ rindāḡ tahā.
yak aptagē nun gwast ša sarā,
Bēbarg š-ēdā rummita,
šutīn bē Dūdāi sarā.
- ōdā bē šāmānī ḡalā,*
Dūda mulukēn bē-gunā
wāpta bē wābānī ḡalā;
yaḡšē na dārīt bē dilā.
Dūda ša wābā ḡikkita
sāḡā rā kuštīn rēsagā.
- drēč ku gō Bēbarg nā-rawā,*
Dūda yarībā kušt ēdā.
Bēbarg beguštīn pa dapā:
Nakīb ḡulāmē ša ḡahā
Bālāč kasan int bē padā
kaḡ agīt ōnāḡ ša man.
- apt sāl gwastīn ša sarā.*
Bālāč yēr kapt ša kūā,
dōlānā sātīt brābirā:
ḡītī watī brāsāḡ janā
kaḡtī Nakībō ša darā,
- ōdā ša mā bagāḡ padā,*
pursī ša mē alkaḡ janā^a:
čē int s^amāḡ alkaḡ binā?
dōlān pa čī kurtant tawār?
- zālān ḡawāb gardēnt padā:*
Bālāč agīt brāsāḡ janā
bad bū Nakībō nā-rawā
īṭi Bālāč kam-xatā!
nē mardīḡ bōdiš tirā!
- ta ke ḡirāḡ brāsāḡ janā,*
baččē bedantīn trā Xudā
bad-nām abaḡ rindāḡ tā.

ar čand ke mard šērāḡ narēn
 60 *zālāḡ uzūrāḡ naukar int.*
ā mard ke "ōnānā girant,
iṅgar ša zālān akanant;
sar-jaḡ singāḡ lonḡar int
wābī talārānī sar int
 65 *s'yāyēn Nakīb gušt pa dapā*
man ke gulāmē un ša jaḡā
Dūda m^{na} gipta pa bā,
yā Dūdaāḡ "ōnā girin,
yā aḡsi sarā ziyānā kanēn,
 70 *kallī ō āp gō tōšagā*
prēntī be čapēn kōpagā
zāmā be rāstēn paṅḡagā
šewag büt be jaḡāḡ tagā.
Bālāč xayāl ku be dilā:
 75 *ē ke brāut, rindē pkušitī*
bad-nām abāin be ālamā.
prēntī jaṅāḡ saunānā,
kapt be Nakībōī padā
burt ō rasēntī āi rā
 80 *čē int, lālā, tī binā?*
biyā brawan pīrāḡ sarā.
ōdā Sultānāḡ laṅgarā
sāḡ sāl miništīn jaḡawa.
Bālāč wābē dist ēdā:
 85 *pīra mnā dātī nun šapā*
ramag akāḡant kī sarā
jupty akāḡant brābirā
yakē lagīt š-ē sarā
yakē lagīt š-ā sarā;
 90 *amēš int mnā ō tī binā.*
Nakīb bguštīn pa dapā:
Bālāč, ta mnindāḡ bē yaṁā:
Bēbargāḡ alk laḡḡita
ōdā be dar-tankāḡ dapā

be Balxaḡ čāī sarā 95
jupty akāḡant brābirā
yakē lagīt š-ē sarā
yakē lagīt š-ā sarā.
gōn int Nakībō nā-rawā
goḡit ō prēntī čō nalā. 100
kaptant Nakībōī paḡā,
ḡista be mā jaḡāḡ tagā
Bālāč gōn int zām-jaṅēn
goḡit ō prēntī ša yak sarā.
Bēbarg beguštīn pa dapā: 105
īti trā Bālāč kam-xatā
nē mardāḡ bōdišt tirā
čēr āḡ čō duzzēn tolāḡā
wābā kušāḡ brā-xundagā.
ta sī pkan ō biyā pa miḡā 110
warnā ša kullān dar rēčant
srēn basta ō čād akanant
pa ḡistagēn mardāḡ padā
čōn zindagā killant tirā.
Bālāč beguštīn pa dapā: 115
ōdā ke jaṅḡāḡ haḡ-haḡ int
rūba ō tolāḡ bāḡ nāḡnt
sakkā psāt ta watī saṅgarā.
Bālāč akaḡt pa gōkalā,
Bēbarg trā mālum kurta ēdā! 120
tīrē na kašiyēn jāta
pādaḡ čuṡun dāt ō šuta
ā čō sagā pari'āt kurta
rindān tamāmēn anditant.
Bālāčāḡ zāmāḡ drippagā 125
Bēbargā zurta larzaga
nāḡlīt kučak pa gardagā.
Bēbarg beguštīn pa dapā:
Bālāč kam pkan kēnagānā
rāḡāḡ mūḡāḡmēn dutagā 130

- yakē bgir ō mnind bēyamā.*
Bālāč bārak kurtī dilā
bad bū Nakībō nā-rawā
īti Bālāč kam-xatā
 135 *ta girāi si'alāi janā*
baččē b'dant t'rā Xudā
bad-nām aba'āi rindāi tā
ar čand ke mard šērāi nar int
zālāi uzūrāi naukār int
 140 *ša turān ō lajan dar int*
ā mard ke "ōnān agirant
iŋgar ša zālān akanant
sar-jāi siŋgāi lonḡar int
- čērgēj talārānī sar int*
brāsī maza-dapēn loḡ int
brā-zākē tēzēn xanjar int
gwar-zākē pullēn ispar int.
Bālāč beguštīn pa dapā:
ānčō pkanīn, kasē ma kant
ūkē ma kant gō arzunā
garmēn lū'ar gō čullūkā".
amrē Xudāwand jūd akant
rastar ō šērān miḡ adant
šēr be pulangān sawār atant
Bālāč ō Nakībāi kār atant.
 155

Содержание песни заимствовано из предания о родовой вражде Дуды и Бебарга (ср. Longworth-Dames. Popular Poetry of the Baloches, XVIII, также его же статью в Folk-lore за 1902 г., стр. 252 сл.). Бебарг отбил и угнал стада, принадлежавшие вдове Самми, находившейся под покровительством Дуды. Дуда вступает за Самми и возвращает скот. Бебарг предательски нападает на Дуду и убивает его. Балач, малолетний брат Дуды, забывает о мести, и через семь лет хочет жениться на вдове брата. Но преданный брат Дуды, Накиб, пробуждает в нем чувство долга. Они отправляются для послушания к наиболее чтимой белуджами святыне (*langar*) Султана, известного, в качестве покровителя верблюдов (ср. упоминание о нем также в *likō* о Каджир-джан, 12, стр. 670). Через три года святой старец посылает им во сне знамение и научает мести. Они с двух сторон нападают на Бебарга, и тот предлагает мир. Мирными переговорами песня оканчивается.

(Перевод)

- 1 Благодарение этой господней обители!
 я воссел в совете рындов.
 Вот повесть о Балаче и Накибе.
 — Дудá справедливый и праведный —
 5 не имеет он козней в сердце, —
 пребывал с народом и племенем.
 Вдова Самми здесь же
 приютилась подле Дуды.
 Приходит Бебарг недостойный,
 10 идет на охоту и забаву;
- ничего не нашел и возвращался назад,
 напав на стадо Самми.
 Самми заговорила устами:
 «Позор тебе, обездоленному Дуде!
 нет мужества и запаха у тебя!
 Бебарг приходит недостойный,
 стада повыметал с пастбища».
 Как снаряжается теперь оттуда Дудá,
 бросился вслед Бебаргу,
 пошел и достигнул его;
- 15
- 20

там в устье ущелья-теснины
 завязалась битва лицом к лицу;
 стадо вернул обратно.
 Бебарг заговорил устами:
 25 «Слово, что не оставляю тебя в живых!
 ты обесчестил (меня) среди рындов».
 Одна неделя прошла теперь с той поры,
 Бебарг оттуда снаряжился,
 отправился в поход на Дуду;
 30 там в разгаре вечерней поры
 Дуда справедливый и праведный
 спал в беседе со снами;
 не имеет он козней в сердце.
 Дуда, от сна встрепенувшись,
 35 троих убивал подряд;
 но столкнулся с недостойным Бебаргом
 и он убил здесь беднягу Дуду.
 Бебарг заговорил устами:
 «Накиб раб исконный,
 40 следом Балач младенец, —
 кто взыщет кровь на мне?»
 Семь лет проходило затем.
 Балач спускается с гор,
 барабаны приводит в порядок;
 45 он берет своего брата жену.
 Приходит Накиб снаружи,
 там сзади верблюжьего стада,
 спрашивает у женщин этой округи:
 «что готовится в вашей округе?»
 50 зачем зазвучали барабаны?»
 Женщины возвращают ответ:
 «Балач берет жену брата».
 Разгневался Накиб недостойный:
 «позор бездельному Балачу!
 55 нет мужества и запаха у тебя!
 вот ты берешь жену брата,
 и если сына даст тебе бог,
 обещан станешь ты среди рындов.
 Как бы ни был мужчина подобен льву,
 60 перед женщиной он как прислужник.
 Те мужи, которые взыскивают кровь,
 соблюдают воздержание от женщин;

изголовье (у них) — плоский камень,
 сон их на вершине шалаша».
 Устами сказал черный Накиб: 65
 «хоть я и раб исконный,
 за деньги взял меня Дуда, —
 или взыщу кровь Дуды,
 или единственную голову погублю».
 70 Мех и воду и припасы
 он положил на левое плечо,
 с мечем в правой руке,
 отправился в южную степь.
 Балач подумал про себя:
 «вот он пойдет, убьет его рынд, 75
 обещан буду я в свете».
 Он наложил развод на жеку,
 бросился вслед за Накибом,
 пошел и нагнал его.
 «Что ты, братец, задумал? 80
 давай, отправимся к старцу».
 Там в святыне Султана
 три года пребывали на месте.
 Балач однажды видел здесь сон:
 «старец ныне помощь мне дал: 85
 стадо овец идет по горам,
 пара (волков) подходит напротив:
 один хватает с этой стороны,
 другой хватает с той стороны;
 90 таков приступ и мой и твой».
 Накиб заговорил устами:
 «Балач, ты сиди безмятежно,
 Бебаргово племя откочевало
 туда к устью ущелья-теснины,
 95 что возле Бальхова колодца».
 Пара (как волки) подходит напротив:
 один хватает с этой стороны,
 другой хватает с той стороны.
 Вот Накиб недостойный,
 как тростинки, сечет и швыряет. 100
 Бросились вслед за Накибом,
 он побежал в ту южную степь.
 Вот Балач, потрясая мечом,
 сечет и швыряет с другой стороны.

105 Бебарг заговорил устами:
 «Позор тебе, бездельный Балач!
 нет мужества и запаха у тебя!
 Ты прячешься, подобно вору-шакалу,
 во сне убиваешь названного брата!
 110 Ты сделай вызов и приходи на бой:
 юноши стремятся из домов,
 стянув пояс и горя рвением;
 (если ты гонишься) за убегающим,
 как оставят в живых тебя?»
 115 Балач заговорил устами:
 «там, где раздался шум битвы,
 нет места лисе и шакалу;
 ты накрепко береги свой стан».
 Крадучись подходит Балач, —
 120 но вот тебя заметил здесь Бебарг!
 Стрела пущена неудачно:
 слегка задела ногу и скользнула, —
 он, как собака, испустил крик,
 а рынды все засмеялись.
 125 От стука меча Балача
 Бебарга ударило в дрожь;
 даже собаке не даст пробежать!
 Бебарг заговорил устами:
 «Балач, умерь ненависть,
 130 и лучшую девушку племени

возьми, и живи безмятежно».
 Сжалось сердце Балача,
 но разгневался недостойный Накиб:
 «позор тебе, бездельный Балач!
 135 ты возьмешь из рода жену,
 и сына если даст тебе бог,
 обесчещен ты будешь у рындов.
 Как бы ни был муж подобен льву,
 перед женщиной он прислужник,
 он вне почета и чести. 140
 Те мужи, которые взыскивают кровь,
 соблюдают воздержание от женщин;
 изголовье (у них) — плоский камень,
 постель — на верху шалашей;
 братом у них — меч с большим лезвием, 145
 сыном брата — острый кинжал,
 сыном сестры — украшенный щит».
 Балач заговорил устами:
 «как я поступлю, никто не поступит:
 кабан не поступит с просом, 150
 жаркое лето с мелкой рыбешкой».
 — Завет устанавливает Господь,
 хищным зверям и лвам назначает
 войну.
 Львы над барсами одержали победу.
 Таковы были дела Балача и Накиба. 155

Султан Джум-джума («череп»)

1 *yā ilāhim, yā ilāhim,*
ālamaḡ nūrēn xudā!
azrati Isā rawān būt
pa šikār ō šādī⁹ā.
distatī uskēn kadūlē
kaptā barr ō beḏiān.
kirm ō mōrān jā ku(r)ta,
mār ō zūmān rā ku(r)ta.
 5 *ē ḏē kasē būta ke*
āta barr ō beḏiān?

azrati Isā walīyēn,
ḏēwa pursāḡ ta m'nā?
man ke atun pādšāē
nām-un Sultān jum-ḡjuma.
ša manī ukm ō karārā
iḥ gida ākum na-w at,
rō dar-āt tā rō nišīnā
muḏḏe ālam pa larzag at.
yak azār ḡwānēn sipāi
pa šikārā gō man at,

yak azār zandēn naryān at
zēn ō sanjīs nuyra^w at,
yak azār kārāḫ kanīz at
muč pa āpaḫ kašagā,
yak azār sⁱyāēn gulām at
alya-gōš wuštāt atan^t,
yak azār pākēn suwāḫl at
muč manī māḫēn jan at,
15 *yak azār kārčāḫ kassāb at*
pa guranḏāḫ kōtagā.
ar kasē tālār jītā at
nān ō gōšt gō dummagā.
laškar-un bāz ō bisyār at
čō kē māšāḫ dānagā,
čō kē māšāḫ dānagā
kuntičāḫ urtēn barā

māl-un bāz ō bisyār at
ša ganji Kārūn gēštīr at.
malka-mut zilli-ilāēn 20
kāḫt pa sāāḫ giptinā
kāḫt pa sāāḫ giptinā
kajdā kant čō lēḏawā
kajdā kant čō lēḏawā
prēntagī ša markabā.
muč-un ku(rt) šārāḫ tabībā,
ar kas-un dārū dawā ku(rt),
ar kas-un dārū dawā ku(rt),
ič na būt dastgīr mⁱnā:
ša dō čīzā ḡpīl atun: 25
ša namāz ō rōčagā.

(Перевод)

1 О боже, о боже,
 боже, освещающий мир!
Святой Иса отправился в путь
 для охоты и радости.
Он увидел высохший череп
 упавший на сушь и пустыню.
Черви и муравьи там поселились,
 змеи и скорпионы проложили до-
 рогу.
5 Что это за человек был,
 попавший в сушь и пустыню?
— Святой Иса угодник,
 зачем спрашиваешь ты меня?—
— меня, который был царем,
 по имени Султан Джум-джума.
Над моим приказом и правилом
 вовсе не было владыки.
От востока до запада
 весь мир был в трепете.
10 Тысяча молодых витязей
 на охоту со мной отправлялись;

была тысяча откормленных коней
 с седлами и сбруей из серебра;
была тысяча рабочих рабынь —
 все для переноски воды;
была тысяча черных рабов —
 с кольцами в ушах они стояли;
была тысяча ясных звезд —
 все были моими луноликими женами;
была тысяча мясников с ножами — 15
 разрубать бараньи туши.
У каждого человека был особый шатер,
 хлеб и мясо с салом.
Мое войско было велико и многочис-
 ленно,
 подобно зернам маша, —
 подобно зернам маша
 и мелким плодам кунджута.
Мое богатство было велико и обильно,
 больше сокровищ Каруна.
Но ангел смерти, тень божья, 20
 приходит взять душу;

приходит взять душу,	Я всех собрал городских врачей,
вот он опутывает как верблюда,	и всякий давал мне лекарства и
опутывает как верблюда,—	снадобья;
и вот уже сбросил с корабля	всякий давал мне лекарства и снадобья,
(жизни).	но не было никакой помощи мне:
	я пренебрегал двумя вещами:
	25 молитвою и постом.

Каджир-джан

Припев:

mnā armān Kaḡīr-ḡānī У меня тоска по Каджир-джан,
parḡāḡ sāḡl be čammānī в ее глазах взгляд пэри.

(повторяется после каждого двустипия)

1 <i>kitābā b'iyār ke man b'ānīn,</i>	<i>ḡānik rusta cō anḡīrā</i>	
<i>kitābāḡ mānī'ā bzānīn.</i>	<i>sarī kapta gō bad-šīrā.</i>	
<i>ḡānikāḡ āskīēn čamm ant,</i>	<i>ḡānik zurta watī adatā</i>	10
<i>janōzan čīllagāḡ čamm ant.</i>	<i>bačak trusīt ša kiyāmatā.</i>	
<i>ḡānikāḡ brā ō baladā</i>	<i>kitābāḡ bāragēn rāē</i>	
<i>janōzan kapta pānādā.</i>	<i>Kaḡīr-ḡān čārdaḡ māē.</i>	
<i>ḡānikāḡ čūčūkā sōr pkan</i>	<i>ḡānikāḡ māparr-ant zarrī</i>	
<i>janōzanā bgīr ō gōr pkan</i>	<i>ša Sultānāḡ kūā parrīt.</i>	
(<i>janōzanāḡ xatā kōr pkan</i>).	<i>kalāmān gipta tī māsā</i>	
5 <i>ḡānikāḡ ḡāmagā gwand kan,</i>	<i>na pušīt mnī gulā xāsā</i>	
<i>janōzanā gīr ō kand kan.</i>	(<i>kē trā na pušita xāsā</i>).	
<i>ḡānikāḡ ḡāmagā tū kan,</i>	<i>kapōtāḡ ižzag ō šaykē</i>	
<i>janōzanāḡ dapā gū kan.</i>	<i>ḡānikāḡ gardināḡ taykē.</i>	
<i>ḡānik ništa be mē tuxtā,</i>	<i>sar-un kapta garībīyā</i>	15
<i>xudā prēnīt m'ānī baxtā.</i>	<i>dīl-un mānta pa bibīyā.</i>	
<i>ḡānik rusta cō mē tīrā</i>		
<i>xudā prēnīt m'ānī gīrā.</i>		

(Перевод)

- 1 Принеси книгу, чтобы я прочитал
и узнал содержание книги
У девушки глаза, как у газели,
вдовы — как старые овцы в зимние хо-
лода.
- От роста и изящества девушки
вдова привалилась на бок (от стыда)
У девушки мизинец окрась,
вдову возьми и брось в могилу
(|| вдовый след истреби).
- 5 Для девушки сделай короткое платье,
вдову возьми и закопай.
- Для девушки сделай широкое платье,
вдове испражнись в рот.
- Девушка сидит на возвышении, —
пусть бог пошлет ее на мой жребий!
- Девушка вытянулась, подобно столбу
в шатре, —
пусть бог пошлет ее на мою долю!
- Девушка выросла, подобно фиговому
дереву,
но голова ее попала к злодею.
Девушка уже овладела своими повад- 10
ками (в любовной игре),
но юноша боится страшного суда.
Книги (т. е. прописной морали) дорога
узкая,
а Каджир-джан как месяц четырнадца-
того дня (в полнолуние).
Девичьи косы украшены монетами,
она (невинна, точно) спускается с Сул-
тановой горы (после богомолья).
Писаниями поражена твоя мать:
не одевает она мой цветок в тонкие
ткани
(|| потому что она не одела тебя в тон-
кие ткани).
- У голубя порхание и вожделение,
у девушки на шее — ожерелье.
Моя голова попала на чужбину, 15
мое сердце осталось ради госпожи.

Биби-джан

- 1 *pa-utī sawābā*
bdāḡ mnī ḡawābā.
- mēšanī xāl-pušt,*
tī ḡamā mnā kušt.
- pa mnī dilā bīt,*
pōš tī tilā bīt.
- dō dil ḡam-dil bīt,*
ḡinnatāḡ gul bīt.
- šīpānk ša gazā,*
čukkī ša sabzā.
- dil gō xayālā,*
rang cō palalā.
- tī baḡōēn čammān*
siyā pkanāḡ pa man.
- čādir tilāi*
wada tirmāi.
- 5

- dasmāl tī dastā,*
γand sarāḡ basta.
- 10 *ǰālā diʾātē,*
Bur-ǰān xāyātē.
- wābāḡ čō āskā,*
prēncīn tī bāskā.
- sittāḡ nar āskī,*
pruśant tī bāskī.
- pōz ō pōz-bandāḡ*
pūxāḡ, na ʰandāḡ.
- kāʰāḡ ō kōštāḡ,*
mnī dilā prōštāḡ.
- 15 *ništaḡāḡ kūkī,*
tī luntā čukkīʰ.
- kalla-dār dramme,*
aʰulū čammē.
- guṭā tī taḡkē*
gardāḡ pa šaḡkē.
- guṭā tī pōtē*
sabzēn kapōtē.
- guṭā tī lāl ant*
ša ikkīʰā ǰāl ant.
- 20 *mōrag kattār ant*
bē gōdan sʰwār ant.
- biyā, bra bāḡāḡ tā,*
šalwār tāyāḡ tā.
- pollūk tī pōzā,*
guṭ čō surōzā.
- šīpōl nalāḡ tā,*
ta biyā mnī dilāḡ tā.
- tī siʰāēn gidana,*
tī wašēn lisāna.
- tī kučak gwak kant,*
dīl-sōča ǰak kant.
- šap ke karār int,*
tī kaušāḡ tawār int.
- gēs tī panā int*
dastāḡ čamā int.
- tī dantān ridēn ant*
tī lunt kāgadēn ant.
- aḡr ant ō gwāt ant*
dōstāḡ saḡrāt ant.
- Mārī ō Taǰan,*
dōstāḡ padā bǰan.
- Mārī gālōw ku,*
dōstā kulāw ku.
- čalla tī čār ant*
zargarāḡ kār ant.
- čalla tī šaš ant,*
sōrāḡ sīm-kaš ant.
- suwār bāḡ biyānā,*
sāḡl pkan ǰiyānā.
- suwār bāḡ komajtā*
ēr pkap ǰūwāḡ tā.
- kalladār tī guṭā,*
čukkīn tī luntā.
- kalladār guṭī,*
srēnī yak muṭī.
- mnindan am-zānā,*
čūšīn tī zwānā.

baḍḍi batē bīt
bēdāi šatē bīt.

40 *āpā ma kan gil,*
trakkūt mnī dil.

tī lāpā zāgē,
mnī dilā dāgē.

jalāi watan bīt,
dastmāl čakan bīt.

ša dilāi dūtā
sar janāi lūtā.

kaṣṣā pādā pkan,
ša dōstā salā pkan.

kaṣṣān čangakī,
biyā, mnī kaṣṣakī.

45

(Перевод)

1 Ради своего спасенья,
 дай мне разрешение.
 Овечка с отметиной на спине,
 твоя скорбь меня убила.
 Будет по моему сердцу,
 будет у тебя платье из золота.
 Пусть будут два сердца согласны,
 пусть будет райский цветок.

5 Как трость из (дерева) газ,
 ее поцелуй из свежести.

Когда сердце в задумчивости,
 цвет лица как блеклая солома.

Твои глаза молодой газели
 почерни ради меня.

Золотое покрывало
 осенней поры.

В твоих руках платок,
 а в нем завязан сахар.

10 К югу (вниз) есть деревня,
 там есть Бур-джан швея

Ты спишь как газель,
 11 обниму твою руку.

зкв, v.

Ты прыгаешь, как самец газели, —
 сломятся твои руки!

Нос укутан покрывалом,
 ты молчишь, не смеешься.

Ты приходишь и стоишь,
 мое сердце разрываешь.

Ты села спесиво, —
 я поцелую твои губы.

15

Много калладаров (т. е. золотых монет
 в ожерелье),
 глаза молодой газели.

На твоей шее ожерелье,
 ты ходишь спесиво.

На твоей шее повязка,
 как смуглый голубь.

На твоей шее рубины
 пониже адамова яблока.

Кораллы рядами
 оседлывают грудь.

20

Давай, пойдем в сад, —
 штаны лежат в нише.

Серьга в твоём носу,
 горло, как скрипка.

Свист в флейте,
приди в мое сердце.

Твой черный шатер,
твой приятный язык!

25 Твоя собака лает,
милый друг кашляет.

Ночью, когда стихнет,
слышен звук твоих туфель.

Дом — твой покров —
близок, как глаз.

Твои зубы — ровными рядами,
твои зубы (белы), как бумага.

Дожди и ветры —
подарки от друга.

30 О Мерв и Теджен!
иди вслед за другом.

В Мерве поспели дыни,
пошли известие другу.

У тебя четыре перстня,
они — ювелирной работы.

У тебя шесть перстней,
они — из золотой проволоки.

Сядь верхом на жеребенка,
сделай прогулку по свету.

Сядь верхом на скакуна,
спустись в арык.

Калгадар у тебя на шее,
целую тебя в губы.

Калгадар на ее шее,
ее стан с кулак величиною.

Сядем колено к колену,
я буду сосать твой язык.

Пусть будет (возлюбленная), как пестрая
утка,
пусть будет, как ивовая трость!

Не взмучивай воду,
мое сердце разрывается.

40

В твоем животе ребенок (от другого),
в моем сердце язва.

Пусть будет родина на юге,
пусть будет вышитый платок.

От дыма в сердце
преклоню голову в пустыне.

Надевай на ноги туфли,
у друга спроси совет.

Туфли с крючками,
приди, ты с завитками.

45

С к а з к и

I

1 *būt būt, čap ša xudā kāsē (gētir) na būt.* 2 *yak wáxtē at, dōñkē wa yak rōtīñkē at.* 3 *ē rōtīñk gúštī: b'yā, brawán, yak jāē ārusīē ast. dōñk gušt: šar, brawán.* 4 *rōtīñk dēmā būt, dōñk bē aī padā būt.* 5 *ē šūtant bē mā ārusīāiā, bāzēn nān ō gōštē wártant, wat rā sér kurtant.* 6 *šamódā pādā watī jāgā ātant, bē ráā yak jwákkē b-ēsānī dēmā dár āt.* 7 *ē dōñk gúštī: ta kup pkan. rōtīñk gúštī: tá kup pkan.* 8 *dōñk kup kurt, āpāi miāñjīnā kapt. rōtīñk andīt, andīt, trakkītī.* 9 *šamódā jīstun ō bástun, pa wat īmānī ā'urtun pa' ta dištārē.*

(Перевод)

1 Было было, кроме нашего с вами бога, никого (лучше) не было. 2 Было время, был комок земли, и была кишка. 3 Кишка сказала: «давай, пойдем, в одном месте есть свадьба». Комок земли сказал: «хорошо, пойдем». 4 Комок земли был впереди, кишка сзади него. 5 Они прошли к месту той свадьбы поели много хлеба и мяса, насытились. 6 Пошли назад во-свои. По дороге попалась им на встречу канава. 7 Комок земли сказал: «ну, прыгай!» Кишка сказала: «ты прыгай!» 8 Комок земли прыгнул, и упал в середину воды. Кишка смеялась — смеялась и лопнула. 9 Оттуда я выбежал, завязал, для себя снискал благоденствие, для тебя привел невесту.

II

1 *yak wáxtē yak pādšāē at.* 2 *pādšā yak brā-zákē dāšt.* 3 *pādšā yak jānīkē dāšt.* 4 *amē pādšāi brā-zāk watī pisā gušt kē: mnī nākōāi jānīkā pa man alās pkan.* 5 *ē pādšā šut watī brāsāiā.* 6 *watī brāsā gušt kē: watī jānīkā bē mnī zāgā bdāi.* 7 *pādšā gušt kē: mnī jānīk watī ixtiārā wat dārīt.* 8 *jānīkā sōč kurtant.* 9 *jānīk gušt kē: Nēkī-dar-jīyānāi unārā pa man biyārīt, gudā girīn-ī.* 10 *ē šut, watī zāgā gušt kē: jānīk amē rang gušt:* 11 *Nēkī-dar-jīyān unār dārīt kē yak sālāg mudāt dārīt,* 12 *kē yak sālāgā unārā bzūrīt am kušīt-ī, ma bzūrīt am kušīt-ī.* 13 *ē cōrāi pis watī zāgā burt bē Nēkī-dar-jīyānāi.* 14 *Nēkī-dar-jīyān gušt kē: ātāgīt, mnīndīt.* 15 *Nēkī-dar-jīyān šut pa*

šikārā, ē zāg amédā muǰúl-gwāzīyā kurt. 16 dīstī, ša burzāgā dōnkē kapt. saǰ¹ kúrtī ke: mazánēn kuškē burzēn. 17 amē burzēn yásrāǰ sarā jānīkē. 18 ē jānīk guštī: aǰ cōrī, ta Nēkī-dar-ǰiyānāǰ unārā amē-rangī^uā zúrāǰ? 19 cōrī gušt ke: napā cōn kanīn? 20 jānīk gušt ke: mnā girāǰ ke man trā nisānā dāīn. 21 cōrī gušt ke: ān, man trā girīn. 22 jānīk wānt, pa wāntīnā rāē paǰdā büt. 23 ē jānīk Nēkī-dar-ǰiyānāǰ jānīk at. 24 ē ša Nēkī-dar-ǰiyān pa ilmā puxtatīr at. 25 cōrī amédā tā yak sāl wānt. 26 Nēkī-dar-ǰiyān ke édā ma bütin, šut be jānīkāǰā, ódā wānt. agā édā bütin, na šut. 27 tā yak sāl ša Nēkī-dar-ǰiyān puxtatīr büt. 28 sālē kē purrā büt, cōrīāǰ pis āt pa padāǰ ke bārt-ī. 29 gušt ke: ta Nēkī-dar-ǰiyānāǰ unārā zurtāgā na kanāǰ, biyā brawān, ke trā kušīt. 30 zāg gušt: šarr, brawān. ē šútant, ša padāǰš Nēkī-dar-ǰiyān āt. 31 Nēkī-dar-ǰiyān zāgē dāšt, watī zāgā sóč kurt ke: guǰā šut? 32 zāg gušt ke: pisī āt ō búrtī. 33 Nēkī-dar-ǰiyān padāǰš kapt. 34 amā zāg wāt rā yak lēdāē kurt. 35 watī pisā gušt ke: mnā bá kurtāǰ, mnī aysārā ma dāǰ. agar ar cínka zar trā dātant, mnī aysārā ma dāǰ. 36 Nēkī-dar-ǰiyān āt, dīstī ke ē wat rā lēdāē kurtā. 37 Nēkī-dar-ǰiyān ša dēmāǰš šut ō wat rā tāǰirē kurt, pañǰā uštīr bār bastā aysār kurt ō āt. 38 édā āt, pīra-márdā gušt: uštīrā bā kanāǰ yā na kanāǰ? 39 pīra-márd gušt ke: ān, bá kanīn. 40 gušt kē: cínka rā daāǰ? 41 gušt ke masalān yā pānzdá čirwān yā bīst čirwān. 42 gušt ke: šarr, girīn, gušt: girīn-ī, aysārā ^uam bdāǰ. 43 gušt ke: aysārā na dāīn. 44 gušt kē: trā ša mnī uštīrān yak uštīrā gō bārā dāīn. gušt ke: na dāīn. 45 gušt ke: amē pañǰā uštīrā gō bārā múčānā trā dāīn, amē aysārā am bdāǰ. gušt ke: dāīn. 46 dāt uštīrā. Nēkī-dar-ǰiyān burt. 47 ē cōrīāǰ pis Nēkī-dar-ǰiyānā drust na kurt. 48 ē pīra-márd pañǰā uštīrā burt, ā-kaštīrā ke šut, ar járre be watī jahā šut. pīra-márd be maǰdānā mānt bē uštīr. 49 ā uštīrā Nēkī-dar-ǰiyān burt watī gēsā, watī zāgā gušt ke: kārčā biyār ke uštīrā pkušīn. 50 Nēkī-dar-ǰiyānāǰ jānīk amā kārčā čēr kurt, watī brāsā gušt ke: kārč wadīyā na bīt, pisā bguš ke bāǰt, wadī pkan. 51 watī pisā tawār kurt ke: kārč wadī^uā na bīt, bi^uā, wadī pkan. 52 pisī gušt ke: bi^uā, uštīrā psāt, man wadī^uā kanīn. 53 ē cōrī ō jānīk ar dō šútant. 54 pisī āt pa kārčāǰ gaštīnā, uštīrā be zāgāǰ dastā dāt. 55 jānīk watī brāsā gušt ke: uštīrā bil ke āp bu^uart ke tunnág int. 56. cōrī gušt ke: uštīr āpā na wārt. 57 jānīk gušt ke: aysārā ša sarāǰ bzūr ke uštīr āpā wārt. 58 cōrī uštīrāǰ aysārā ša sarāǰ zurt. 59 uštīr māī^uē büt, wat rā be āpāǰ tā prēnt. 60 cōrī tawār kurt watī pisā: biyā ke uštīr be āpāǰ tā kapt. 61 Nēkī-dar-ǰiyān āt ō wat rā saglāū^uē kurt, be āpāǰ tā prēnt, káptā

bə māāāi padā, rasēntág na kúrti. 62 ā cōrí dár kapt, wat rā kapótē kurt, pír kurt. pír kurt ō šut, amā watí nākóāi tā ništ. 63 amā bāg apt sāl at kə gúlā nā^y ā^uúrt, ē bə ništ amé bāg mūci gul ā^uúrt. 64 wat yak gúlē büt, bāgwānāi dastā kapt. 65 bāgwān ēšā burt, bə pādšā dāt kə: tī bāg gul kurt. 66 Nēkī-dar-jiyān ša āpāi dár kapt, dist kə cōrí wat rā kapótē kurt ō pír ku(rt). 67 Nēkī-dar-jiyān wat rā šāinākē kurt ō padāi kapt. 68 šut bə mā pādšā^yāi bāgā, dist kə amé gul amāi kār ant, ammā jīndi ēdā nāiint. 69 sāi¹ kurtá: bə pādšā^yāi dastā int. 70 wat rā yak malángē kurt ō šut bə pādšā^yāi kə: amé gulā bdāi bə man. 71 pādšā yār kurt kə: apt sāl int kə mnī bāg gul na kurtá, nūⁿ kə gul kurtá, ta ša man aloťāi. na dāin trā. 72 ē maláng šut. aīdāi rōčā āt. 73 gušt kə: marōci aīdāi rōč int, bdāi amé gulā bə man. 74 pādšā yār kurt, amé gulā jat bə đigārā. 75 ē gul kunčitāi dānág büt, pāš-pāš büt. 76 wat yak dānágē kunti büt, pādšāi kašāi tā kapt. 77 Nēkī-dar-jiyān yak galá murgē büt ō binā bə dānókāi čitinā büt. 78 ā cōrí ša kašāi tā dár kapt ō šagālē büt, binā bə amé murgānī giptinā büt, murgānā yak-yak gipt ō wart. 79 duwārág wat mardúmē büt. 80 pādšā aīrān mānt. gušt kə: cē sabábē? 81 cōrí gūšti kə: ē Nēkī-dar-jiyān int. man wártun-ī, š-āi zōrāk bütun. 82 cōrí šut, Nēkī-dar-jiyānāi jānīka gipt. 83 duwārág at, pādšāi jānīkā am gipt.

(Перевод)

1 Некогда был царь. 2 У царя был племянник (сын брата). 3 У царя была дочь. 4 Этот царский племянник сказал своему отцу: «выдай за меня дочь моего дяди». 5 Этот царь пошел к своему брату. 6 Сказал своему брату: «отдай свою дочь за моего сына». 7 Царь сказал: «моя дочь свободна сама выбрать». 8 Спросили девушку. 9 Девушка сказала: «пускай он принесет мне искусство Неки-дар-джиана («мирское благо», так звали волшебника), тогда я возьму его». 10 Он пошел и сказал сыну: «девушка так сказала: 11 «Неки-дар-джиан обладает искусством, и ему представлен годовой срок: 12 если кто в течение года овладеет его искусством, того он убивает, а кто не овладеет, также убивает». 13 Отец этого юноши отвел его к Неки-дар-джиану. 14 Неки-дар-джиан сказал: «пришли, так садитесь». 15 Неки-дар-джиан отправился на охоту, а юноша принялся тут играть в бабки; 16 вдруг увидел, сверху свалился комок. Посмотрел, оказывается там большой и высокий замок, 17 а на верху этого высокого замка девушка. 18 Эта девушка сказала ему: «так-то юноша, ты постигаешь премудрость Неки-дар-джиана!». 19 Юноша сказал: «что же поделаешь?». 20 Девушка сказала: «возьмешь меня, если я научу тебя?»

21 Юноша сказал: «да, я тебя возьму». 22 Девушка прочитала (заклинание); от чтения появилась дорога. 23 Эта девушка была дочь Неки-дар-джиана. 24 Она в науке была еще более сведущей, чем Неки-дар-джиан. 25 Юноша целый год учился здесь. 26 Как только Неки-дар-джиан не было, он уходил к девушке и там учился; если же он был, не уходил. 27 В течение года он стал более сведущим, чем Неки-дар-джиан. 28 Как только год исполнился, отец юноши пришел за ним, чтобы увести его; 29 сказал: «ты не сможешь овладеть искусством Неки-дар-джиана; давай, пойдем, а то он убьет тебя». 30 Сын сказал: «хорошо, пойдем». Они пошли, а тотчас за ним пришел Неки-дар-джиан. 31 У Неки-дар-джиана был сын; он спросил своего сына: «куда он (юноша) делся?» 32 Сын сказал: «приходил его отец и увел его». 33 Неки-дар-джиан бросился вслед за ними. 34 Тот юноша обратился в верблюда; 35 сказал своему отцу: «будешь меня продавать, не отдавай моей упряжи; сколько бы денег тебе ни давали, упряжи не отдавай». 36 Неки-дар-джиан подошел, увидел, что он обратил себя в верблюда. 37 Неки-дар-джиан пошел к ним на встречу и обратил себя в купца: снарядил пятьдесят верблюжьих вьюков, нагрузил их и подошел. 38 Подошел сюда и сказал старику: «продаешь верблюда или нет?». 39 Старик сказал: «хорошо, продам». 40 Он сказал: «за сколько отдашь?». 41 Сказал, например, пятнадцать или двадцать червонцев. 42 Он сказал: «хорошо я беру». Сказал: «беру его, но ты отдай и упряжь». 43 Сказал: «упряжь не дам». 44 Сказал: «я дам тебе из моих верблюдов одного верблюда с его вьюком». Сказал: «не дам». 45 Сказал: «всех этих пятьдесят верблюдов со вьюком дам тебе, только отдай мне эту упряжь». Сказал: «отдаю». 46 Отдал верблюда. Неки-дар-джиан (взял и) повел. 47 Отец того юноши не узнал Неки-дар-джиана. 48 Старик повел пятьдесят верблюдов, но как только отошел подальше в другую сторону, все они стали зарослями по своим местам. Старик остался в степи без верблюдов. 49 А того верблюда Неки-дар-джиан, отвел к себе домой и сказал своему сыну: «принеси нож, я зарежу верблюда», 50 Дочь Неки-дар-джиана спрятала нож и сказала своему брату: «ножа не найти, скажи отцу, пусть придет, отыщет». 51 Он своему отцу закричал: «ножа не найти, поди сюда, отыщи». 52 Отец сказал: «поди сюда, поддержи верблюда, я отыщу». 53 Сын и дочь пошли вдвоем. 54 Отец принялся искать нож, а верблюда передал сыну. 55 Девушка сказала своему брату: «дай верблюду попить воды, он хочет пить». 56 Юноша сказал: «верблюд не пьет воду». 57 Девушка сказала: «сними с него упряжь, пусть верблюд напьется». 58 Юноша разнуздал верблюда. 59 Верблюд обратился в рыбу и бросился в воду. 60 Юноша закричал отцу: «поди сюда, верблюд бросился в воду». 61 Неки-дар-джиан подошел и превратил себя в выдру, бросился в воду, кинулся за рыбой, но настичь не смог. 62 Тот юноша выскочил, обратил себя в голубя, полетел; полетел и исчез, спустился в сад своего дяди. 63 А уже семь лет, как тот сад не цвел; как только он спустился, весь тот сад сразу зацвел. 64 Сам он обратился в цветок и попал в руки садовнику. 65 Садовник

понес его и отдал царю: дескать, твой сад зацвел. ⁶⁶ Неки-дар-джиан выскочил из воды, увидел, что юноша обратил себя в голубя и полетел. ⁶⁷ Неки-дар-джиан превратил себя в сокола и полетел по его следам, ⁶⁸ направился к саду того царя, увидел, что эти цветы его дело, но самого его там нет. ⁶⁹ Посмотрел: он в руках у царя. ⁷⁰ Превратил себя в нищего (юродивого) и пошел во дворец к царю: дескать, дай мне этот цветок. ⁷¹ Царь разгневался: дескать, семь лет уже, как мой сад не цвел, а теперь, когда он дал цветы, ты их требуешь: не дам! ⁷² Нищий ушел. В день праздника пришел; ⁷³ сказал: «сегодня день праздника, дай мне тот цветок». ⁷⁴ Царь разгневался, бросил тот цветок на землю. ⁷⁵ Цветок обратился в семена кунджута, они рассыпались. ⁷⁶ Сам же (юноша) превратился в кунджутное зерно и завалился под царский башмак. ⁷⁷ Неки-дар-джиан сделался стайей кур и принялся клевать зерна. ⁷⁸ Тот юноша выскочил из-под царского башмака и превратился в шакала, принялся хватать куриц; куриц хватал одну за другой и съедал. ⁷⁹ Вновь обратился в человека. ⁸⁰ Царь изумился, сказал: «что за причина?» ⁸¹ Юноша сказал ему: «это Неки-дар-джиан, я его съел, я оказался сильнее, чем он». ⁸² Юноша пошел, взял дочь Неки-дар-джиана. ⁸³ Вновь пришел и взял также царскую дочь.

Ив. Зарубин.

БЕЛУДЖСКИЕ СКАЗКИ

СОБРАННЫЕ И. И. ЗАРУБИНЫМ

**ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

IV

1932

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ

Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии Наук СССР

Том II, выпуск 2. 1927. Ц. 3 р. 50 к.

Том III, выпуск 1. 1928. Ц. 4 р. 50 к.

Том III, выпуск 2. 1928. Ц. 7 р. 50 к.

Том IV. 1930. Ц. 5 р.

Том V. 1930. Ц. 17 р.

Иран.

Том I. 1927. Ц. 4 р.

Том II. 1928. Ц. 4 р.

Том III. 1929. Ц. 4 р.

Тексты по истории Средней Азии.

Вып. 1. Гияс-ад-дин-Али. Дневник похода Тимура в Индию. 1915.
Ц. 5 р.

Труды Музея палеографии.

Том III. В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии
Академии Наук. 1929. Ц. 4 р.

Мусульманский мир.

Вып. 1. 1917. Ц. 75 к.

Труды Комиссии по истории знаний.

Вып. 8. И. Ю. Крачковский. Шейх Тантави профессор С.-Петербургского
Университета (1810—1861). 1929. Ц. 2 р. 25 к.

Труды Памирской экспедиции 1928 г.

Вып. VI (Лингвистика). И. И. Зарубин. Орошорские тексты и словарь.
1930. Ц. 2 р. 50 к.

БЕЛУДЖСКИЕ СКАЗКИ

СОБРАННЫЕ И. И. ЗАРУБИНЫМ

**ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

IV

1932

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Октябрь 1932 г.

Непременный секретарь академик *В. Волин*

Редактор издания академик С. Ф. Ольденбург

Технический редактор Л. С. Ляпунова

Сдано в набор в августе 1931 г. — Подписано к печати 5 октября 1932 г.

VIII + 220 стр. — Б₅ — 14⁵/₈ печ. л. — 43.488 тип. зн. — 1000 экз.

Ленгорлит № 30724. — АНИ № 247. — Заказ № 1337

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
Предисловие	V
Белуджские сказки:	
I. О внуке старика, научившемся чародейству (Ибрагим Мамад-ханов)	1
II. Об овчаре, сделавшемся царем (Мамад-нур Каландаров).....	10
III. Вариант той же сказки (Ибрагим Мамад-ханов).....	36
IV. О четырехглазом брате и сестре ведьме (Кадыр Шакаров)	52
V. Вариант той же сказки (Ибрагим Мамад-ханов).....	60
VI. О Ша-нияз-хане (Мамад-нур Каландаров).....	69
VII. О Гуле и Момине (Ибрагим Мамад-ханов).....	90
VIII. О пэри Шар-шару (он же).....	97
IX. О Ша-трасане (он же)	104
X. О Джантеге и Деде-гаргашанге (Сафар Нур-мамадов).....	121
XI. Об Абат-ша и Сорокавьючнике (Ибрагим Мирбеков).....	134
XII. О Гарам-богатыре (Ибрагим Мамад-ханов)	150
XIII. О богаче (он же).....	163
XIV. О кознях мачехи и приключениях царевича (он же)	173
XV. О приключениях царевича и о кознях его младшего брата и визиря (Самад Гуль-миров).....	190
XVI. Об исполнении завета покойного отца (Карим Гуль-мамадов) ..	198
XVII. О плешивом (Кадыр Шакаров)	201
XVIII. О старом и молодом волке (он же)	209
XIX. О глупом волке (он же)	212
XX. О лисице-мулле (Ибрагим Мамад-ханов)	214
XXI. Про вошь-богатыршу (он же)	218

Примечание. К этому же собранию должны быть отнесены две сказки, помещенные в Записках Коллегии востоковедов, т. V, стр. 675—679 (1930):

- I. О комке земли и кишке (Кадыр Шакаров),
- II. О юноше, научившемся чародейству (вариант первой сказки настоящего сборника) (Кечи-хан).

Предлагаемое собрание белуджских сказок представляет собою продолжение серии материалов по изучению белуджского языка и фольклора, начатой печатанием в Записках Коллегии востоковедов (т. V, стр. 653—679). Так как при издании первых образцов уже были сообщены необходимые сведения о белуджах СССР и особенностях их языка и фольклора, то здесь можно ограничиться приведением лишь немногих дополнительных данных, характеризующих авторов публикуемых сказок и особенности транскрипции и перевода.

Главным источником получения сказочного материала была белуджская молодежь, учившаяся в 1928—1929 гг. в Мерве и частью в Ленинграде; только одна сказка была записана вне этой среды. Из этой молодежи старшими были Мамад-нур Каландаров и Кадыр Шакаров; обоим было лет по 20—25 (своего точного возраста белуджи не знают). В 1928 г. они учились на Мервских педагогических курсах, а в 1929—30 г. на рабочем факультете при Ленинградском Восточном институте. Мамад-нур Каландаров принадлежал к аристократическому слою белуджского общества: он был пасынком крупнейшего из родоначальников белуджей СССР, известного Керим-хана, жившего близ Йолатани, и имел многочисленных родственников также в Серахском районе. До поступления на педагогические курсы он учился некоторое время в одном из персидских медресе, и был хорошо грамотен по персидски и по туркменски. Его сказки (II и IV настоящего сборника) отличаются наибольшей литературностью и заметно проникнуты персидским влиянием. В противоположность ему, Кадыр Шакаров бездомный бедняк; брахуи по происхождению, круглый сирота, он с детских лет был вынужден трудом добывать себе пропитание, то на железной дороге, то в качестве чернорабочего в Мерве, то пастухом у туркмен. Скитальческая жизнь сделала его полиглотом: в той или иной степени, он был знаком с языками: персидским, туркменским, брахуи и русским. Его сказки (IV, XVII—XIX) заметно отличаются от сказок Мамад-нура Калан-

дарова, как более простым языком, так и своим содержанием (особенно три последние). Больше всего сказок (I, III, V, VII—IX, XII—XIV, XX—XXI) принадлежит Ибрагиму Мамад-ханову, и почти все они фантастического содержания. Рано осиротев, он жил в семье горячо любившего его дяди, человека степенного и несколько образованного, занимавшего должность председателя аульного совета в Байрам-алийском районе. Ибрагиму Мамад-ханову было лет 15, он считался очень способным в школе, и по своему развитию он опережал своих товарищей, как в Мервском интернате для белуджей, где он учился до 1928 г., так и на рабочем факультете в Ленинграде, где он пробыл следующие два года. Языкам персидскому и русскому он начал учиться только в школе. Остальные сказители из воспитанников Мервского интерната: Ибрагим Мирбеков (XI), Сафар Нур-мамадов (X), Самад Гуль-миров (XV) и Карим Гуль-мамадов (XVI) были мальчиками лет 14, ничем не выделявшимися из среды своих сверстников; персидскому языку они учились в интернате, русского не знали. Родители Ибрагима Мирбекова жили в Йолатанском районе, остальных — в Байрам-алийском, и по своему имущественному положению были не выше и не ниже среднего уровня. Последним из сказителей, со слов которого была записана вторая из сказок, помещенных в Записках Коллегии востоковедов, был некто Кечи-хан, — уже немолодой человек, занимавший раньше командную должность в персидской армии и в 1926 г. или 1927 г., бежавший оттуда в Советский Союз. В 1928 г. Кечи-хан жил в ауле близ железнодорожной станции Анненково (ныне Захмат), недалеко от Байрам-али, где он пользовался большим уважением среди односельчан, и был известен также, как недурной поэт и музыкант.

Ни одна из сказок не принадлежит сколько-нибудь выдающемуся сказителю или сказочнику-специалисту. За исключением Мамад-нура Каландарова, и то в одном только случае (II), никто из рассказчиков не мог указать, от кого и где была впервые услышана рассказываемая сказка, хотя все они обычно подчеркивали, что сказки не складывались ими самими, а были от кого-нибудь услышаны. Таким образом, публикуемые сказки не должны считаться принадлежащими к лучшим образцам белуджского сказочного творчества. Скорее они дают представление о том сказочном фонде, который находится в распоряжении рядового рассказчика и которым удовлетворяются художественные потребности массового слушателя (в данном случае, преимущественно, в кругу учащейся молодежи). При этом рассказ-

чики распоряжаются сказочным материалом, входящим в этот фонд, довольно свободно: отдельные эпизоды переносятся с места на место и из одной сказки в другую, сюжеты сливаются и переходят один в другой, создаются новые варианты одних и тех же сказок (образцом могут служить первые пять сказок настоящего сборника и вторая сказка из Записок Коллегии востоковедов). В результате получается тот средний и наиболее распространенный тип белуджской сказки, который представлен в публикуемом собрании.

Применяемая транскрипция обычна для иранских текстов, и пояснения требуют лишь некоторые детали. Долгота гласных *o* и *e* особо не обозначалась, так как эти гласные нормально долги, и при допускаемом иногда сокращении они заменяются соответственно гласными *u* и *i*. Точно также не обозначался заднеязычный характер артикуляции *n*, свойственный этому звуку перед *g* и *k*. С другой стороны, знаками *i* и *e* обозначаются лишь акустические оттенки одной и той же фонемы и ее большее или меньшее приближение к типу *i* или *e*. Точно также *ā* (в отдельных случаях также *ä*) выражает лишь комбинаторные оттенки краткого *a*. Произношение гортанного *h*, обычно чуждого белуджской фонетике, отмечалось во всех случаях. Расхождения в записи одних и тех же слов не устранялись вполне сознательно, так как сопоставление и анализ этих расхождений могут помочь точнее определить фонетические границы фонемы (*janik* || *jänik* || *je-nik* || *jīnik*) или разновидности слова (*bekan* || *pkan*, *pigr* || *pikr*). Сложные слова и обычно слитно произносимые словосочетания по большей части писались через малое тире (*š-atodā*), но далеко не во всех случаях можно было сделать нужную разбивку. Ударение обозначено всюду; слова, где оно не указано, нужно рассматривать как энклитики или проклитики.

Перевод, сопровождающий текст сказок, не претендует на литературную самостоятельность и имеет лишь научно-вспомогательное значение. Его основная задача, это — служить иранистам необходимым пособием при чтении и анализе текста, восполняющим недостаток словарей и других пособий, и этой цели лучше всего удовлетворяя бы перевод дословный или наиболее к нему приближающийся. Однако желание сделать публикуемый материал доступным не только для иранистов, но также для фольклористов, интересующихся восточной сказкой, заставило во многих случаях отступить от дословной передачи текста и всецело подчинить перевод требованиям русского литературного стиля. С этой же целью местами сделаны

· необходимые пояснения и вставки (всюду помещенные в скобках), и выделен курсивом перевод встречающихся в одной сказке специальных арабских выражений. При всем том перевод стремится передать с максимальной точностью не только мысль подлинника, но и способ ее выражения. Вместе с тем перевод рассчитан исключительно на подготовленных читателей, уже занимавшихся восточной сказкой, в частности персидской, и знакомых с особенностями и условностями мусульманского быта и восточной речи; поэтому довольно многочисленные персидские термины и своеобразные обороты оставлены без пояснений. Новым из сохранных в переводе и специфически белуджским можно считать лишь термин бузлангí, обозначающий фантастическое чудовище, повидимому, сходное с персидским дивом.

При выборе наиболее точных и подходящих русских выражений большая помощь была оказана Д. К. Зелениным, С. Ф. Ольденбургом и Л. С. Ляпуновой, просмотревшими корректуру перевода; в отдельных случаях не отказали в ценных замечаниях И. Ю. Крачковский и Ф. А. Розенберг. И им всем в значительной степени обязан перевод, если его задачи разрешены удовлетворительно.

Ив. Зарубин.

БЕЛУДЖСКИЕ СКАЗКИ

I

būt na bāt, ša mašmāi xudā getír káse na bāt. yak pādšā at. amé pādšā dāšt yak gok-čaréne. amé gok-čarén pīramārde at. amé pīramārd dāštī yak nuwāsāge. amé nuwāsāgī šut go gokān. yak čunt waxt bāt, amé pīramārdāi nuwāsāgai dil omān kurt pa jīnēnā. š-amódinā ātī bi watī pīrūkai gisā, go watī pīrūkā gūštī: pīró, ša ta maróči a-loṭín ki brawāi bi pādšāaiyā, go pādšā bgūšai ki ai pādšā, ǵabli ālām, ta watī jīnikā bdai bi mnī nuwāsāgā. amé pīramārd gūštī: nápa bāz juwān int-a. amé pīramārdāi nuwāsāg ātī bi gorumāiyā, amé pīramārd āt bi pādšāai gisā. amé ki āt, dístī tā pādšā yak mardúme rā kušīt, yáke rā lāp tál a-dánt, yáke rā dém a-dánt bi bandī-xānā. amé pīramārd š-amódinā jīst u āt bi watī gisā. tāriēnā amé pīramārdāi nuwāsāg ātī ša gorumāiyā bi watī pīrūkai gisā, go watī pīrūkā gūštī: ai pīró jān, ta maróči šūtai bi pādšāai gisā? amé pīramārd jawāb dātī bi watī nuwāsāgā ki pīró jān, man šūtun bi pādšāaiyā, ša dūrā sāil kúrtun tā yáke rā kušīt, yáke rā bandīt, yáke rā dém a-dánt bi bandī-xānā, man trusītun, pádā jīstun u ātun bi gisā. amé pīramārdāi nuwāsāg gūštī: ta bāndā ukmánā mebāīt, brawāi bi pādšāaiyā, go pādšā bgūšai amā mnī abārā ki man go tā gūštun.

(I. О внуке старика, научившемся чародейству)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя был пастух. Этот пастух был старик. У этого старика был внук. Этот его внук ходил с коровами. Прошло некоторое время, старикову внуку захотелось жениться. Он пришел в дом своего деда и сказал своему деду: «дедушка, сегодня я хочу от тебя, чтобы ты сходил к царю и сказал царю: „о царь, средоточие мира, отдай свою дочь за моего внука!“» Старик сказал: «очень хорошо». Стариков внук пошел к стаду, старик пошел в царский дом. Когда он пришел, то увидел, что царь одного человека убивает, другому вспарывает брюхо, третьего посылает в тюрьму. Старик выбежал оттуда и вернулся к себе домой. На утро стариков внук пришел от своих стад в дом своего деда и сказал своему деду: «голубчик дедушка, ты ходил сегодня в царский дом?» Старик ответил своему внуку: «голубчик внучек, я ходил к царю, посмотрел издали, как он одного убивает, другого захватывает, третьего отправляет в тюрьму, выбежал обратно и вернулся домой». Стариков внук сказал: «завтра тебе непременно нужно сходить к царю и сказать царю то, что я тебе сказал».

tārienā bût, amé pīramārd ša watí gisá sar gipt u átī bi pādšāāi gisá. amé ki átī, bi pādšāāi gisái pānādā sar būti, yak wār dístī tā čunén diwáne bi pādšāāi ništág ant. amé pīramārd yak katráe oštát, dístī tā diwán alás bût, ar kas šut bi watí jágá, amé pādšá taná bi watí gisá mántī. yak wār amé pīramārd š-amódinā át bi pādšāāi gisá, karār waš-ámáde číze kúrtant. amé pādšá ša amé pīramārdā pursít ki ta pa čéwāi xátirā átag āi? amé pīramārd gúšti: āi pādšá ʔábli ālám, man dārín yak nuwáságe, amái dil omán kurtagí pa tī jiníká, anún mnā dem dātagí bi tíyā, anún ta čé a-gušái? amé pādšá gúšti: ta bra, amá watí nuwáságā bzūr u biyār bi mníyā. amé pīramārd badbáxt š-amódinā sar gipt u átī bi watí nuwáságāiyā, go watí nuwáságā gúšti: pīró, man šútun pādšāāiya, amá tī abárā go pādšá gúštun, pādšá am rāzī bût, gušt: ta bra, amá watí nuwáságā bzūr u biyār bi mníyā, anún biyā ki man u ta brawán. amé pīramārdāi nuwáság pa gāl-u-bal gokánā naz āurtī, rādág kúrtī démi gisán. ar góke rā dāt bi wāúndāi dastáiš u amé ɖaɥl am go wāúndāniš am gúšti: bándā yáke watí goká elá ma kant ki man bándā go gokánā na raín.

tārienā bût, amé pīramārd u amé pīramārdāi nuwáság š-amódinā sar gíptant u átant bi pādšāāi gisá. dístant tā pādšá taná bi watí gisá ništágí. pīramārd u amé pīramārdāi nuwáság átant pādšāāi gisái tā. amé pīramārdāi nuwáság salám dāti, pādšá aláik kúrtī. go pādšá wašámáde kúrtant. yak

Наступило утро. Старик вышел из своего дома и подошел к царскому дому. Когда он дошел до царского дома, он сразу увидел, что у царя заседает какой-то важный совет. Старик немножко постоял, увидел, что совет закончился и что каждый пошел к себе, а царь остался дома один, и тотчас вошел в царский дом. Итак, они обменялись приветствиями, и царь спросил у старика: «ради чего ты пришел?» Старик сказал: «о царь, средоточие мира, у меня есть один внук; его сердце устремилось к твоей дочери, и вот он послал меня к тебе; что ты теперь скажешь?» Царь сказал: «иди, возьми своего внука и приведи ко мне!» Несчастный старик вышел оттуда, пошел к своему внуку и сказал своему внуку «внучек, я ходил к царю и сказал царю твои слова; царь остался доволен и сказал: „иди, возьми своего внука и приведи ко мне!“ Теперь давай, пойдем!» Стариков внук с радостью и весельем пригнал коров и отправил по домам. Каждую корову он вручал хозяевам, и говорил хозяевам таким образом: «завтра пусть никто не выпускает своей коровы, потому что завтра я с коровами не пойду».

Наступило утро. Старик и стариков внук вышли, пошли в царский дом и увидели, что царь сидит у себя дома один. Старик и стариков внук вошли в царский дом. Стариков внук поздоровался, царь ответил на приветствие.

sáte nístant. yak wār amé pādšá go pīramárdāi nuwāságā gúšti: ta pa mnī jínikā āšix āi? amé pīramárdāi nuwāság gúšti: ān. pādšá go amé pīramárdāi nuwāságā gúšti: man ša ta māl ičiyā na loťín, yak šárte kanín. agár ta amá šartá kúrtāi, gúdinā man trā watí jínikā dāín. amé pīramárdāi nuwāság gúšti: bguš, pādšá. amé pādšá gúšti: amíngūr yak mullāe ast, bāz ilm dārít, agár ta ša amá mullāāi demá bi mníyā ilm āúrtāi, gúdinā man watí jínikā bi ta dāín.

pīramárd u pīramárdāi nuwāság šútant bi watí gisá, ódinā nístant, nān-máne wártant u šapénā wáptant bi watí gisá. tāríenā š-amódinā sar gíptant u šútant bi mullāāi gisá. tángāt sar na bút-atant ki pīramárdāi nuwāság bi watí dilá pígrī kurt ki man š-āí demá čon ilm biyārín? biyá ki man go watí pírúkā e ɖaʊl bgúšin ki píró jān, ta ki ódinā mnā búrtāi, ta ma guš ki amá átág-an ki ša tī demá ilm barán; ta ki mnā búrtāi, ódinā mullāā bguš ki man amé watí nuwāságā amédinā kilín, ta ameší rá gā waxtá yak káme sabáx bdāi. amé pīramárd u pīramárdāi nuwāság šútant bi mullāāi gisá. amé ki sar bútant, yak wār mullá ša watí gisá dár kápti. salám u aláike kúrtant, wašámáde kúrtant. yak wār amé mullá amé pīramárdā u amé pīramárdāi nuwāságā pursít ki šmā pa čéwā átag-it? pa kār-māre yā pa digá číze átág-it? amé pīramárd gúšti: mullá sāib, man amé

Они обменялись с царем приветствиями и посидели часок, как вдруг царь сказал старикову внуку: «ты влюблен в мою дочь?» Стариков внук сказал: «да». Царь сказал старикову внуку: «я не требую от тебя никакого имущества, но ставлю одно условие; если ты это условие выполнишь, тогда я отдам тебе свою дочь». Стариков внук сказал: «говори, о царь!» Царь сказал: «в этой стороне есть один мулла, большой учености, и если ты принесешь мне знания от этого муллы, тогда я выдам за тебя свою дочь».

Старик и стариков внук пошли к себе домой, там посидели, поели, что пришлось, и ночь переночевали дома, а на утро вышли оттуда и пошли в дом муллы. Еще не дошли, как стариков внук стал про себя размышлять: «как это я от него приобрету знания? давай-ка, я скажу своему деду: „голубчик дедушка, когда ты меня туда отведешь, ты не говори, что мы, мол, пришли, чтобы вынести от тебя знания; когда ты меня отведешь, там ты скажи мулле, что я, мол, оставлю здесь своего внука, а ты иногда немного поучи его»». Старик и стариков внук пошли в дом муллы. Когда они подошли, мулла сразу вышел из своего дому. Они поздоровались и обменялись приветствиями. Тотчас мулла спросил старика и старикова внука: «ради чего вы пришли? по какому-нибудь делу или ради чего другого?» Старик сказал: «почтенный мулла,

watí nuwāságā āurtág-un bi tīyā; agár ta alás a-bayāi, gā waxtā amēšī rā sabáx bdāi. amé mullā kabūl kúrtī, gúštī: bāz juwān int-a. amé pīramárd watí nuwāságā amédinā íštī u šútī bi watí gisá. anūn ša pīramárdā bil u ša nuwāságāi goš pkaš.

karār, amé pīramárdāi nuwāsag a-gindīt tā e mnā sabáxā na dant. yak róče büt, amé mullāi jiník átī bi amé zāgāiyā, gúštī: trā tī pīrúk ídinā íštī ki ta bwānāi, anūn mnī pis trā pa če sabáxā na dant? ta maróči yak dróge bguš ki bāndā mnī pīrúk a-kāit, mnā bart, ta mnā sabáx bdāi. tārienā büt, amé pīramárdāi nuwāság go mullā gúštī: āi mullā sāib, mnī pīrúk mnā āurtī bi tīyā ki ta mnā sabáx bdāiyāi! amé mullā amé pīramárdāi nuwāságā yak káme sabáx a-dātī, ša panč ročā yak róče.

yak róče roč pešín bütī, yak wār amé mullā watí demā dātī bi ro-ništīnā u šútī. amé pīramárdāi nuwāság am bi amé mullāi padā šútī. mullā bi demā u pīramárdāi nuwāság bi padā, amé ḍaḥl šútant bi yak jāgāe, bi yak ḍaḥalīeyā. yak wār amé mullā ništ u zīgri kúrtī. dérā büt, yak wār amé ḍigār bi larzágā āt. yak wār amé mullā putrīt bi ḍigārāi tā. amé pīramárdāi nuwāság amédinā oštātagī u sāl a-kant. dérā büt, dístī, mullā ša ḍigārāi čērā dār káptī u yak pātiyāe kúrtī, ḍigār drūwā bütī. mullā ā rā íšt u ša digā rāe šut. amé pīramárdāi nuwāság šut, amódinā ki mullā ništ-āt,

я привел к тебе своего внука, и если ты будешь свободен, ты иногда займись с ним!» Мулла согласился, сказал: «очень хорошо». Старик оставил здесь своего внука и пошел к себе домой. Теперь оставь старика и послушай про внука.

Итак, стариков внук видит: он ведь не дает мне уроков! Однажды случилось, что дочь муллы пришла к этому юноше и сказала: «твой дед оставил тебя здесь, чтобы ты учился, почему же теперь мой отец тебя не учит? сегодня ты ему налги, что завтра, дескать, придет мой дед и уведет меня, займись со мной!» Наступило утро. Стариков внук сказал мулле: «почтенный мулла, мой дед привел меня к тебе, чтобы ты мне давал уроки!» Мулла стал немного заниматься со стариковым внуком, из пяти дней один день.

Однажды было за полдень, вдруг мулла обратился лицом к заходу солнца и пошел. Стариков внук пошел вслед за ним. Мулла впереди, стариков внук сзади, так они пошли в одно место, на один пустырь. Вдруг мулла сел и стал совершать зикр (мистические призывания). Прошло много времени, вдруг земля задрожала, и мулла тотчас проник внутрь земли. А стариков внук стал и смотрит. Прошло много времени, он увидел, что мулла вышел из-под земли, совершил молитву, и земля стала, как была. Мулла покинул ту дорогу и пошел по другой дороге. Стариков внук пошел туда, где сидел мулла, сел и тоже

améš am šut, amódinā ništ u zigrī kurt. dérá bût, dístī tā đigár du kap bût, yak wār amé pīramárdāi nuwāság ér šútī bi đigárāi tā, šútī bi đigárāi tā, dístī tā yak mardúme ništagi, yak wār amé pīramárdāi nuwāság salám dátī, amé mardúm aláik kúrtī, ša amé pīramárdāi nuwāságā pursítī ki ta ša gujāngūr ātág-āi? amé pīramárdāi nuwāság gúšti: man ša āncén jágāe ātág-un. tā yak sáte nístant, gúđinā amé mardúm amé pīramárdāi nuwāságā gúšti: ta anún bra. amé pīramárdāi nuwāság š-amódinā átī pádā bi mullāāi gisá. amé ki átī, amé mullāāi jiník pursítī ki ta gujá bûtág-āi? amé pīramárdāi nuwāság gúšti: biyá ki man bi āncén jágāe bûtág-un. amé mullāāi jiník zántī ki amá đigárāi čérāi mardúm mnī pisái pīr būtagí. gúšti: anún ta ša mnī pisá unár búrtāi, anún digá ā go ta íči guštága na kant wa agár bzānt, trā kušít. amé ki tī pīrúk átī, bra go watí pīrúkā.

amé šapénā tārīenā pīramárd átī, go mullá gúšti: man anún watí nuwāságā barín, pa ce ki amāi māl u āl ódinā wáil ant u ič kas xizmátā na kántiš. amé mullá gúšti: nápa bāz juwán int-a.

amé pīramárdāi nuwāság go watí pīrúkā šútī, bi ráā nazíkā šútant, yak wār amé pīramárdāi nuwāság go watí pīrúkā gúšti: pīró, ta bra demá, man majďāne kanín u káin. amé pīramárd gúšti: nápa bāz juwán int-a.

стал совершать зикр. Прошло много времени, он увидел, что земля разверзлась на двое. Стариков внук тотчас спустился под землю, пошел внутри земли и увидел, что там сидит человек. Стариков внук поздоровался, тот человек ответил на приветствие и спросил старикова внука: «откуда ты пришел?» Стариков внук сказал: «я пришел из такого-то места». Они посидели часок, потом тот человек сказал старикову внуку: «теперь иди!» Стариков внук оттуда вернулся в дом муллы. Когда он пришел, дочь муллы спросила его: «где ты был?» Стариков внук сказал: «подумай-ка только, ведь вот в каком месте я был!» Дочь муллы поняла, что тот подземный человек был пир (духовный руководитель) ее отца. Она сказала: «теперь ты отнял искусство у моего отца, и впредь он уже ничего тебе сказать не сможет, а если узнает (о происшедшем), убьет тебя! когда твой дед придет, уходи со своим дедом!»

На утро после этой ночи пришел старик и сказал мулле: «я заберу теперь своего внука, потому что там наше хозяйство залустело, и никто его не обслуживает». Мулла сказал: «очень хорошо».

Стариков внук пошел со своим дедом. Они приблизились к дороге, как вдруг стариков внук сказал своему деду: «дедушка, ты иди вперед, а я схожу на двор и потом подойду». Старик сказал: «очень хорошо». Старик пошел к той дороге,

pīramárd démi amá rá šut. yak wār amé nuwāságī wat rá gipt, yak langén kargóške kurt u jist bi watí pīrúkā demá. yak wār ameší pīrúk ki dístī, bi āí padá kapt, watí dilá gúšti, bálken e pa rāstīen kargóške. kapt bi padāī, rasentá na kúrtī, karār šut. amé pīramárdāī nuwāság wat rá panāī kúrtī u mardúme kurt, xap-xápī kurt, āt, ša watí pīrúkā pādā büt. amé ki pīrúkī demá bütī, watí nuwāságā na dístī. yak wār amé nuwāságī šut, watí pīrúkā rasentī, gúšti: ta áxtī čée dístāī ki padāī kápt-atāī? amé pīramárd gúšti: biyá ki man yak kargóške dístun, ar če jān dátun, giptág na kúrtun, jístī ša mnī demá. amé pīramárdāī nuwāság gúšti: āī pīró, zalár na dārít.

demtírā šútant, yak wār amé pīramárdāī nuwāság go watí pīrúkā gúšti: ta amé ráā tā bra demtírā, gúđinā man a-kāín. amé pīramárd go watí nuwāságā gúšti: ta čo watí axtīenā der ma kanāī, zūte biāā. amé pīramárdāī nuwāság gúšti: nápa bāz juwān int-a. amé pīramárd bi amé ráā tā déle a-šut, yak wār amé nuwāságī gipt, wat rá langén āūe kurt u jist bi watí pīrúkā demá. ameší pīrúk dístī tā alā āūe langén! yak wār bi padāī kapt. amé ki bi padāī káptī, tā yak ťukúre rá šútī, yak wār jist, ša watí pīrúkā panā bütī u amédinā čer káptī. ameší pīrúk átī, ša amé rá šut. amé ki dístī tā mnī pīrúk ša man gwástī, wat rá mardúme kurt u jist u šut, watí

а его внук взял и обернулся в хромого зайца, и побежал навстречу своему деду. Как только его дед завидел его, он бросился за ним: он подумал, что это настоящий заяц. Он бросился за ним, но догнать не мог, и пошел потихоньку. А стариков внук укрылся и обернулся в человека; пригнулся, подошел и очутился сзади своего деда. Так как его дед был впереди, он не видал своего внука. Тотчас его внук пошел, догнал своего деда и сказал: «разве ты давеча что-нибудь увидел, что бросился вслед?» Старик сказал: «смотри-ка, я увидел зайца, но как ни старался, не смог поймать, и он убежал от меня!» Стариков внук сказал: «ну, дедушка, это ничего!»

Они пошли вперед, как вдруг стариков внук сказал своему деду: «ты иди вперед по этой дороге, а я потом подойду». Старик сказал своему внуку: «только ты, как давеча, не запаздывай, а приходи поскорей!» Стариков внук сказал: «очень хорошо». Старик пошел себе по этой дороге. А его внук взял и обернулся в хромую газель, и побежал навстречу своему деду. Его дед стал смотреть: что́-де это? неужели хромая газель? и сразу бросился за ней. Когда он за ней бросился, его внук сначала некоторое расстояние бежал по дороге, а потом вдруг бросился, укрылся от своего деда и спрятался. Его дед достиг этого места и пошел дальше по дороге. Когда он увидел, что дед прошел мимо, он обернулся в человека и по-

pīrúkā raséntī, go watí pīrúkā gúštī: ta pa če áxtīy a-jístāi? amēšī pīrúk gúštī: man yak āūe langén dístun, ar če bi padāi káptun, rasentág na kúrtun, ta bi pádā mánt-atāi. amé pīramárdāi nuwāság go watí pīrúkā gúštī: amā kargóšk am u amé āū am mán atun. ta amā kārwānā gindāi? amé pīramárd gúštī: an. amé pīramárdāi nuwāság gúštī: ta mnā suwār bāi, man wat rā yak zabrén leđae kanín. amé pīramárd gúštī: juwān int-a. amé pīramárdāi nuwāság gúštī: ta amā kārwānkāšānā bguš ki kai leđae zint? man watí leđā bá kanín. agár am trā gúštant: pa čín-kasā dayāi? ta bguš: pa sad tumān a-daín u gúđinā ā mnā ki ša ta zítant, ta amé mnī aysārā ma dāi bi āwān. amé pīramárd gúštī: nápa bāz juwān int-a. amé pīramárdāi nuwāság wat rā leđae kúrtī. pīramárd suwār bútī, bi amé rāā tā ai kurt u burt. amé pīramárdāi nuwāság pelík a-ját.

amé kārwānkāš ki nazík átant, yak wār amé pīramárdā dístant tā čunén juwānén leđae dārít. kārwānkāš go amé pīramárdā gúštant: ta amé watí leđā bá na kanāi? amé pīramárd gúštī: bá kanín. amé kārwānkāš gúštant: pa čín-kasā daāi? amé pīramárd gúštī: pa sad tumān a-dāín. amé kārwānkāš gúštant: amā zinán. amé ki zítant, amé pīramárd gušt: man amé aysārā šmā rā na daín. amé kārwānkāš gúštant: šar, ma dāi. šútant, pīramárd am šut. anūn ša pīramárdā bil u ša kārwānkāšān goš pkaš.

бежал; догнал своего деда и сказал своему деду: «зачем ты давеча бежал?» Его дед сказал: «я увидел хромую газель, но как ни преследовал ее, догнать не мог, а ты оставался сзади!» Стариков внук сказал своему деду: «и тот заяц, и эта газель, всё это был я! ты видишь тот караван?» Старик сказал: «да». Стариков внук сказал: «садись на меня верхом, а я превращу себя в хорошего верблюда». Старик сказал: «хорошо». Стариков внук сказал: «ты скажи караванщикам: „кто берет верблюда? я продаю своего верблюда“; если скажут тебе: „за сколько продаешь?“ ты скажи: „продаю за сто туманов“, а потом, когда меня от тебя возьмут, ты им не отдавай моей упряжи». Старик сказал: «очень хорошо». Стариков внук обернулся в верблюда, а старик сел на него верхом и погнал его по этой дороге. Стариков внук стал реветь по-верблужьи.

Когда караванщики приблизились, они сразу заметили старика: какой, дескать, у него хороший верблюд! Караванщики сказали старику: «ты не продашь своего верблюда?» Старик сказал: «продам». Караванщики сказали: «за сколько продашь?». Старик сказал: «за сто туманов отдам!» Караванщики сказали: «мы берем». Когда они взяли, старик сказал: «я упряжи не отдам!» Караванщики сказали: «хорошо, не давай!» Они ушли, старик тоже пошел. Теперь оставь старика и послушай про караванщиков.

amé kār wānkāš šútant, bi tukúre rá yak wār er kúrtant. amé ki er kúrtant, amé leđá am go e ušturán kajd kúrtant u íštant, wat wáptant. amé ki wáptant, yak wār amé pīramárdāi nuwāság wat rá mardúme kurt u watí kajdá páč kurt u jist u šut, wātí pīrúkā rasénti. ā u pīrúkī šútant bi watí gisá.

tārīenā átant yak pāléze pānádā pa kārā, dédi kār a-kúrtant. yak wār amé mullá, ta bzānāi čón a-bit, zānt ki pīramárdāi nuwāság ša man unār burt. wat rá bāze kant u bāl a-kant u kāit. amé ki pīramárdāi nuwāság bāzāi tawārā uškítī, yak wār go watí pīrúkā gúštī: pīró, mullá int-a ki kāit, biyá ki mašmá bjíyan. amé pīramárd gúštī: ta nápa bji, man a-raín bi gisá. amé pīramárdāi nuwāság jístī, šut bi amé pālézāi pānádā, yak wār amé mullá am átī, er kapt bi đigārā. amé ki pīramárdāi nuwāság dístī ki ā er kapt, yak wār šut, wat rá galáuwe kúrtī. amé ki mullá dístī: ā wat rá galáuwe kurt, yak wār amé sauzwānā gúštī: ta bra, amá zardén galáu wā pa man biyār, man trā gúdā yak juwānén pātiyāe daín. amé sauzwān šut démi amá galáu wā. amé ki sará jālī kurt bi amá galáu wā, yak wār amé galáu bāl kurt. amé sauzwān aīrān mántī ki galáu bāl kurt.

yak wār amé mullá wat rá šāināke kurt u bāl kurt, kapt bi pīramárdāi nuwāságāi padá. yak wār amé pīramárdāi nuwāság šut bi padšāāi bāgānī

Караванщики пошли и, пройдя часть дороги, остановились. Когда они остановились, они привязали этого верблюда вместе с другими и оставили, а сами легли спать. Когда они заснули, стариков внук обернулся в человека, развязал свои путы, побежал и догнал своего деда. Он и его дед пошли к себе домой.

На утро они пошли на огород и стали уже работать. А мулла вдруг, — пойми, как это случится! — узнает: а ведь стариков внук отнял-таки у меня искусство! Он превращает себя в сокола, взлетает и приближается. Как только стариков внук услышал шум сокола, он тотчас сказал своему деду: «дедушка, это мулла приближается! давай, убежим!» Старик сказал: «ты, пожалуй, беги, а я пойду домой». Стариков внук добежал до края огорода, как вдруг приблизился и мулла и спустился на землю. Как только стариков внук увидел, что он спустился, он тотчас превратил себя в дыню. Как только мулла увидел, что тот превратил себя в дыню, он тотчас сказал огороднику: «сходи-ка, принеси мне вон ту желтую дыню, и я тогда дам тебе хорошую молитву». Огородник пошел к той дыне. Как только он нагнул голову к дыне, вдруг эта дыня полетела. Огородник изумился: как это так дыня полетела!

А мулла немедленно обернулся в королевского сокола, полетел и погнался за стариковым внуком. Тотчас стариков внук отправился в цар-

tā, wat rā yak gúle kurt. amé mullá āt, ar če sāi kurt, na zāntī ki gujām gul int-a. yak wār amé pādšāāi bāgwān āti pa gulāi čitīnā, āti, sāli kurt tā bābā! čunén juwānén gúle sabz kurtagi! amé gulá sist u búrti pa pādšā. yak wār amé mullá zāntī: amé gul ki bi pādšāāi bāgwānāi dastā int, amā int-a. wat rā malānge kurt, gúšti: gulá mnā bdāi. amé pādšāāi bāgwān gúšti: na bīt, man e gulá barīn pa pādšā. burt, bi pādšā dāti. amé pādšā amé gulá dédi bó a-kúrti, yak wār mullá āt, gúšti: ta amé gulá bi man bdāi. amé pādšā amé gulá ir dāti bi demāi. yak wār amé gul arzún būt u paš wart bi đigārā. yak wār amé mullá wat rā mādā-múrge kurt u bi dānūkāi binā kúrti, yak arzúne, ta bzānāi, bi pādšāāi kaušāi tā kapt. yak wār amé pīramārdāi nuwāsāg wat rā šagāle kurt, amé murgāi sarāgā sist. amé pādšā airān mānt. yak wār pīramārdāi nuwāsāg wat rā mardúme kurt, go pādšā gúšti: man amā pīramārdāi nuwāsāg-un ki ta mnā gúšt-atāi: bra, ša palānā mullāāi unār biyār, gúđinā man watī jiníkā bi ta daín, man šútun, amā mullāāi jindā pa unār āúrtun, bi ti demā kúštun.

karār amé pādšā demāi čukīti u jārčīnā gúšti: jār dí ki bāndā ič kas pa kārā ma rāut ki pādšā watī jiníkā gís a-dánt. amé jārčīn jār jāti ki bāndā ič kas pa kārā ma rāut ki pādšā watī jiníka gís a-dánt. tārīenā ič kas

ский сад и превратил себя в цветок. Мулла подошел, но как ни всматривался, не мог узнать, какой он цветок. Вдруг подошел царский садовник набрать цветов, подошел, посмотрел: что за красивый цветок распустился! — сорвал этот цветок и отнес царю. Мулла сразу догадался: этот цветок, который в руках у царского садовника, это он! Он превратил себя в дервиша и сказал: «дай мне цветок!» Царский садовник сказал: «нельзя, я этот цветок отнесу царю». Он отнес его и отдал царю. Царь стал нюхать этот цветок, как вдруг подошел мулла и сказал: «дай мне этот цветок!» Царь бросил ему цветок. Тотчас этот цветок превратился в просо и рассыпался по земле. Мулла немедленно обернулся в курицу и бросился на зерна, — а тебе надо знать, что одно зернышко проса попало в царский туфель. Стариков внук обернулся в шакала и оторвал курице голову. Царь изумился. Вдруг стариков внук обернулся в человека и сказал царю: «я тот стариков внук, которому ты сказал: „иди и приобрети искусство у такого-то муллы, тогда я отдам за тебя свою дочь!» а я пошел и своим искусством самого того муллу привел и убил пред тобой!»

Итак, царь поцеловал его в лицо и сказал глашатаю: «провозгласи, чтобы завтра никто не шел на работу, потому что царь, мол, выдает замуж свою дочь». Глашатай провозгласил, чтобы на следующий день никто не шел на работу, потому что царь выдает замуж свою дочь. На утро никто не пошел на работу.

pa kārā nā šut, pādšā ešī rā gīsī dātī. tā apt šap u apt roč dol kúrtī. karār pīramārdāi nuwāsāg būti pādšāāi zamās. man š-amódinā jīstun u bāstun, pa wat yak imāne āúrtun, pa ta yak jīnīke āúrtun.

II

būt u būt, ša xudā káse getír na^w-at. yak wáxte yak Asán nāmen. šwānáge at. ešī apt sāl go yak mardúme ramág a-čarént. aštumīen sālāi sarā yak šápe wábe dístī ke be dastāi sái dānág istār at. ša wābā ke āgā būt, ramágā ai kurt déme wutí wazdārāi gisā. šap nemágā ramágā wutí wazdārāi gisāi demā yālā kurt. wazdāri tawār kurt: ai Asán, ta ganók būtág ai, či balā? ta pa če ramágā šap nemágā gisāi dapā kārāi? Asán gúšti: mnā íčči na būtā. man ša šapí āngūrī tī ramágā na čarenín. zóre dārāi, utí zorā be man mālúm pkan, yā naít, go man íči abár ma dāi. apt sāl tī ramágā čaréntun, nūn-a na čarenín. ša tāi wazdārā bāz u bāz xāišť a-kanín ke mnā. yak pāteyāe beďāi, pa če ke pa ta bāz zāmát kaštā un, wa ruxsāt bekanāi. gúďā ša ta bāz u bāz rāzī a-baín: mni jīnd am sā sad pas dārín, á um tī bayánt, āwānā man na loťín. wazdāre ke ar če zārī kurt, Asán kabūli na kurt. gúďā Asānā yak pāteyāe dātī, rādág kurt.

Царь его женил. Семь ночей и семь дней били в барабан. Итак, стариков внук сделался царским зятем. Я оттуда убежал, завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел девушку.

(II. Об овчаре, сделавшемся царем)

Было-было, не было никого лучше бога. Когда-то жил овчар по имени Асан. Семь лет он пас стадо у одного человека. В начале восьмого года однажды ночью он видел сон, что у него в руках три звезды. Проснувшись, он погнал стадо к дому своего хозяина, и к ночи выпустил стадо перед домом своего хозяина. Его хозяин закричал: «Асан, ты с ума сошел, что ли? зачем ты к ночи приводишь стадо к дверям дома?» Асан сказал: «ничего со мной не случилось, но начиная с этой ночи я больше не пасу твоего стада; если у тебя есть власть, эту власть прояви надо мной; если же нет, нечего тебе со мной говорить; семь лет я пас твое стадо, больше не буду пасти. От тебя, как хозяина, я очень и очень хочу, чтобы ты дал мне благословение, потому что я много потрудился для тебя, и чтобы ты отпустил меня. Затем я тобою очень и очень доволен: у меня самого есть триста овец, пусть они будут твоими! я не требую их!» Как хозяин ни жаловался, Асан не согласился. Потом он благословил Асана и отправил его.

Asán watí laťá, watí ʔapúrā zurt u rādág büt. šápe jáe, róče jáe, čunt šapá gúdā be yak šāre sār büt. šut, ämé šārā tā yak darwāzágāi dapá wapt. š-āi bil o š-eši goš kaš.

amé darwāzáge ke e waptá, amé darwāzág wazírāi gís int. wazír yak jínike dārít. eši jíník go yak Asán náme amédā āšix bütá. šapíen šapá ešāni ar duénāni wadā int ke š-é šārā bejijánt, sāāti dúwā šapāiā. jíník wutí māšūyá ke Asán bit, guštá: sāti dúwā šapāiā ta darwāzágāi dapá kāāi, man um ša argá ér a-kapín, mašmá ar duén rawán. Asán um šar gušti. wazírāi jíníkāi māšūyāāi nām am Asán at. ā šapí bil tā wāb brāut, e šwānág ša gujá-āngū bāit, ämé darwāzágāi dapá b^uāspit.

šap nemágā wazírāi jíník ša "utí pisāi xazānágā du urjín tilā wa zar zúrti. āt be darwāzágāi dapá, dísti ke yak mardúme waptá. wazírāi jíník "utí dilā gušt ke mni māšūyá int ke waptá. íči na gušt u pādā šut, "utí pisāi aspāni tā du jwānén aspá zéni kurt u āt be darwāzágāi dapá, dísti ke Asán āngá-ta waptá. karār dastāi gipt u ešā pādī kurt, gušt: búst ke roč bütá, zūt kan ke brawán. e ʔaríben šwānág ustát u rādág büt. gušti: gujá-ngūrī brawán? jíník gušti: ta abár ma dāi, ar gujángū ke man a-rāin, ta mni padá biyá. Asán um padāi šut.

Асан взял свой посох, свою войлочную одежду и пустился в путь. Ночь в одном месте, день в другом, несколько дней спустя, добрался он до какого-то города. Он пошел и улегся перед одними воротами. Оставь теперь его и послушай об этом.

Ворота, у которых он лег, — это ворота дома визиря, а у визиря есть дочь. Эта девушка была влюблена в некоего Асана, и у них обоих был уговор, что этой ночью они бегут из этого города, в два часа ночи. Девушка сказала своему возлюбленному Асану: «в два часа ночи приходи к воротам, я также спущусь из замка, и мы вдвоем отправимся». Асан сказал: «хорошо», — а имя возлюбленного дочери визиря было также Асан. Оставь его на ночь, пусть идет спать! а этот овчар, откуда бы он ни был, пусть спит в этих воротах.

К полуночи дочь визиря взяла из хранилищ своего отца две переметные суммы с золотом и деньгами, подошла к воротам и увидела спящего человека. Дочь визиря сказала про себя: это ведь спит мой возлюбленный! Она ничего не сказала; вернулась, из лошадей своего отца оседлала двух лошадей получше, подошла к воротам и увидела, что Асан все еще спит. Она осторожно взяла его за руку, разбудила его и сказала: «вставай, уже день! поторопись, мы едем!» Бедняга овчар встал, собрался и сказал: «куда мы поедем?» Девушка сказала: «молчи, и куда я ни поеду, ты следуй за мной!» Асан последовал за ней.

ša šarā ke dār būtant, wazīrāi jiník Asáni sarā yak tūke kurt. Asán awāb na dāti. jiník duwārág yak tūke kurt. duwārág Asán jawāb na dāti. édā wazīrāi jiník aīrān bût ke Asán pä çe abārā na dāt. duwārág wazīrāi jiník iči na gušt, rādág bût. tārī ke roč bût, wazīrāi jiník ešā sāīli kurt ke e mni māšūyā nāint. édā jēnīk aīrān bût ke nūn con kanín? "utí dilā píkrī kurt ke āi, ar çe ke mni pešāniā xudā kurtā, amāw a-bit. aspā jāti yak čā-būke, āi kūrti, yak tūkūre ke rā šut, "utí dilā gušt ke ta byā ke ešā āzmūišť kanín ke e çe mardúme. yak jāe ātan ke tūén nāizāre. wazīrāi jiník gūšti ke čunén jwānén nāizāre! ā burzágāi sarā gokčarén ništā būtin, gok um édā bečartín ant! Asán gūšti: gujā? pādāi nāle bešútin! jiník zānti ke e gokčaréne nāint. yak tūkūre digār ke šútan, ešāni demā mazānen jikkīe paidā bût. jiník gūšti ke čunén jwānén jikīe! ā burzágāi sarā sarwān ništā būtin, édā uštúr bečartín ant! Asán jawāb dāt ke gujā? sarwānāi pādā jīke bešútin. e jiník "utí dilā gušt ke e sarwāne am nāint. yak tūkūre digā ke šútant, yak jwānén yúmāi sarā bālā būtant. jiník sāīli kurt ke čunén alāpe dārīt e yum, gūšti ke édā yak azārién ramāge būtin u yak jwānén nal-jānen šwānág édā tamāšā kurt! ya-gā Asán šipóle kurt. édā wazīrāi jiník zānti ke e mardúm šwānāge. āmé rangā šútant.

Когда они очутились за городом, дочь визиря дотронулась до головы Асана. Асан не отвечал. Вторично девушка тронула Асана. Опять Асан не дал ответа. Тогда дочь визиря удивилась, почему Асан не говорит. Больше она ничего не сказала, поехала. На утро, когда рассвело, дочь визиря посмотрела на него: да ведь это не мой возлюбленный! Тогда девушка растерялась: что, дескать, я теперь буду делать? стала раздумывать: «ну, пускай будет, что бог мне судил!». Она ударила лошадь плетью и погнала ее, а когда немножко проехала, сказала про себя: «дай-ка, я его испытаю, что он за человек!» Они подъехали к месту, где были большие тростниковые заросли. Дочь визиря сказала: «какие хорошие тростниковые заросли! сидеть бы наверху коровьему пастуху, а коровы паслись бы здесь!» Асан сказал: «где? в его ногу воткнулся бы тростник!» Девушка поняла, что он не коровий пастух. Они проехали еще немножко, и перед ними появились большие заросли колючего кустарника. Девушка сказала: «какие хорошие заросли колючки! сидеть бы наверху погонщику верблюдов, а здесь бы паслись верблюды!» Асан отвечал: «где? в ногу погонщика впились бы колючки!» Девушка сказала про себя: «он не верблюжий погонщик». Они еще немного проехали и поднялись на хорошие пески. Девушка посмотрела: что за трава на этих песках! и сказала: «быть бы здесь тысячному стаду овец, а молодой овчар играл бы здесь на дудке и любовался бы!» Сразу Асан присвистнул. Тут дочь визиря поняла, что этот человек овчар. Так они ехали

roč garm at, jiník tunnág büt. tawārī kurt: äi Asan, man bāz tunág bū-tág un, yak káme āp paidā kurtága na kanāi? Asán gušti: bāz jwán int, anūn man pa ta āp a-kārīn, ič yusá ma war. Asán zúti "utí tūrágā wa laťá zurt u šut, pa āpā šut, gašt, āpe paidāi kurt, "utí maškā āpi kurt u āt ke rādág bit. sāili kurt ke āpāi rāsten pānādā yak čize guróg a-jánt. Asán gušt ke ta byā ke amā rā sāil kanín ke amé čée? šut, sāili kurt ke yak čirāge. Asán amāe rā ša āpāi tā zurt u rādág büt, déme jänikā, āwúrti. āpānā be jänikā dāti. jäník ke wárti, Asán gušti ke äi jäník, man yak čize š-āpāi sará distun. jäník gušt ke gúj int? ta byār ke sāil kanán ke čée. Asán amāe rā jänikāi dastā dāt. jäník ke sāili kurt, durústi kurt ke e čiz pādšāeen čize, zurt ešá, "utí urjínāi tā kurt, gušti: bēl tā bit āmédā. Asán gušt: šar. šútant, yak u du šapā gúdā be yak šāre nazzikā ātant. wazírāi jiník gušti ke zānāi ke muslāt čé int? Asán gušti: na. jäník gušti: muslahát āmēš int ke man t'rā sad tumán zár a-dāin, ta bezūr u berá be šārā, man amédā nindín, ta yak jwānén gise wa yak muzūre girāi, gúdā pa mni padā beyā, gúdā man šār a-raín. Asán gušt: šar. zar zurt u šut be šārā. yak jwānén gise wa yak muzūre gipt u gisá jwān páki kurt u āt pa wazírāi jinikāi padā, ešá zurt u šut. be šārā.

День был жаркий, девушка захотела пить. Она закричала: «Асан, я очень хочу пить, ты не можешь найти немного воды?» Асан сказал ей: «очень хорошо, я сейчас принесу тебе воды, ты не беспокойся». Асан быстро взял свою торбу и посох и пошел; пошел за водой, походил, отыскал воду, наполнил водой свой мех и собрался в путь, но увидел, что справа от воды что-то блестит. Асан сказал: «дай-ка, посмотрю, что это!» пошел, посмотрел: светильник! Асан вынул его из воды и пошел к девушке; принес и дал девушке воды. Когда она попила, Асан сказал: «девушка, я видел в воде одну вещь». Девушка сказала: «какую? давай, посмотрим, что это!» Асан передал ее девушке. Когда девушка посмотрела, она поняла, что это царская вещь. Она взяла ее, положила в свою переметную суму и сказала: «оставь ее, пусть лежит здесь!» Асан сказал: «хорошо». Они поехали и через одну или две ночи приблизились к какому-то городу. Дочь визиря сказала: «знаешь, что теперь делать?» Асан сказал: «нет». Девушка сказала: «нужно вот что: я тебе дам сто туманов денег, ты возьми их и отправляйся в город; я останусь здесь, а ты найми хороший дом и слугу и возвращайся ко мне, тогда и я поеду в город». Асан сказал: «хорошо». Он взял деньги и поехал в город; нанял хороший дом и слугу, хорошенько вычистил дом и вернулся за дочерью визиря, взял ее и поехал в город.

amá jáe ke Asán paidā kurt-at, šapí amódā wáptant, bándāi šapá wazírāi jānīk āmé "utí muzúrā gušt: ta bra, yak jwānén mullāe paidā bekán u beyár. muzúr šut u yak mullāe paidāi kurt u āwúrt be gisá. wazírāi jānīk pa mullā yak jwānén nahāre jódī kurt u dátī. ša nahārā gúdā wazírāi jīnīk mullā gušt: zānāi, mullā sāib, ke musla^hát čé int? mullā gušt: na. wazírāi jīnīk gušt ke go me Asán nām mni aydā band. gúšti: šar, magár man ša ta yak čize pursín, ta rāsténā begušāi. wazírāi jīnīk gušt: ar če ke pursāi, purs, man "uštātā-wun. mullā gušt ke ta jīníke wāi yā na? wazírāi jīnīk jawáb dāt ke man jīníke-wun. duwārāg mullā sóji kurt ke ta digá dištāre dārāi yā na? jīnīk gušt: na dārín. mullā gušt ke nūn ta p-āmé mar-dúmā ke āmédā ništā Asán nām, p-amešī rāzī āi? wazírāi jīnīk jawáb dāt ke mullā sāib, agár amāi aydā bándāi, band, agár na bandāi ke bāz abār-ma dāi, bust u berá pa watí rahā. mullā gúšti ke āi jānīk, ša mni soj kurtínen čizán ti dilā ma gīt, sabābi ke man mullāe un, mni ^hak int ke ame-rangén čizānā pursín.

šapí ke ešāni aydā bāsti, tārī ke roč būt, wazírāi jānīk Asānā gušt: zānāi ke abār čé int? Asán gušt: na, na zānín. jānīk gušt: abār āmēš int ke ta maróči āmé šamā bzūr u berá be pādešāe, ódā ke šútāi, ešā be pāde-

В том доме, который нашел Асан, эту ночь они переночевали, а в следующую ночь дочь визиря сказала своему слуге: «иди, отыщи и приведи хорошего муллу». Слуга пошел, отыскал муллу и привел домой. Дочь визиря приготовила для муллы хороший обед и предложила ему. После обеда дочь визиря сказала мулле: «знаешь, почтенный мулла, что надлежит сделать?» Мулла сказал: «нет». Дочь визиря сказала: «обвенчай меня с человеком по имени Асан». Он сказал: «хорошо, но я спрошу у тебя кое-что, а ты говори правду». Дочь визиря сказала: «все, что ты имеешь спросить, спрашивай, я готова». Мулла сказал: «ты девушка или нет?» Дочь визиря отвечала: «я девушка». Вновь мулла задал вопрос: «есть у тебя другой жених или нет?» Девушка сказала: «нет». Мулла сказал: «а теперь ты согласна на брак с человеком, который здесь находится, по имени Асан?» Дочь визиря ответила: «почтенный мулла, если ты совершаешь этот брак, то венчай, если же нет, то не трать много слов, встань и иди своей дорогой». Мулла сказал: «дочка, не обижайся на меня за вещи, которые я спрашиваю, потому что я мулла, и мое право спрашивать о таких вещах».

Ночью он совершил их брак, а на утро, когда рассвело, дочь визиря сказала Асану: «знаешь, о чем теперь речь?» Асан сказал: «нет, не знаю». Девушка сказала: «дело теперь обстоит так: возьми сегодня эту свечу и иди к царю,

šaāi demā bil u beyā. Asān gušt: šar. amāe rā zurt u šut be pādešāāi argā. ōdā ke šut, salāme dāt u ništ.

yak u du sāt ništ u gūdā šamā be pādešāāi demā išt. pādešā gušt: e čee, parzind? Asān gušt: mán-a na zānín ke e če, tái pādešā ma zānāi, mán-a na zānín. duwārág Asān um abār na dāt, pādešā am abār na dāt. čunt sāáttā gūdā Asān gušt: man nūn a-raín. pādešā gušt ke šar, ke rawāi, murxās āi! Asān ustāt u rādág būt, āt "utí gisā. jāník gušt: āi Asān, čon kurtāi? Asān gušt ke ičči na kúrtun, búrtun, dátun u átun. š-āi bil u ša pādešā goš kaš.

Asān ša gisā ke dār būt, pādešā yak mardúme rā eši padā kurt ke eši gis gujāngūr int. e mardúm āt u Asānī gisā paidāi kurt u sāili kurt ke xā-nái xarāb, čunén jānéne dārīt. e mardúm pādā šut u pādešāā gúšti: āi pādešā, ta apt jānén dārāi, amā ar aptén Asānī jānénāi molíd ant. e rangén jānén ič be ti pādešāāi mulkāi tā nāint. āmé mardúm ke Asānī gešā šút-at, pa pādešā bāz u bāz tārīpi kurt Asānī jānénā. pādešā am pa Asānī jānénā āšiy būt. "utí wazírā loṭit ke e rangén abāre ast, nūn čon kanán? wazír gušt ke agār āe rā maróči beyārāi, be dārā bejānāi, gūdā ti nām kámme gandág a-bit. pādešā gušt: nápa čon kanán? čon āe rā ziyān a-kanāi?

а когда туда придешь, поставь ее пред царем и приходи обратно». Асан сказал: «хорошо», взял ее и пошел в царский дворец. Когда пришел туда, он поздоровался и сел.

Он посидел час-другой, потом положил свечу перед царем. Царь сказал: «что это, дитя мое?» Асан сказал: «я не знаю, что это; раз ты царь и не знаешь, я тоже не знаю». Больше Асан ничего не сказал, царь тоже ничего не сказал. Через некоторое время Асан сказал: «я теперь пойду». Царь сказал: «хорошо, если хочешь, можешь итти». Асан встал и пошел. Он пришел домой, и девушка сказала: «ну, Асан, что сделал?» Асан сказал: «ничего не сделал! снес, отдал и пришел назад!» Оставь его и послушай про царя.

Когда Асан вышел из помещения, царь послал вслед за ним человека: где, дескать, находится его дом? Этот человек пошел, отыскал дом Асана и стал смотреть: что б ему пусто было! какая у него жена! Этот человек вернулся и сказал царю: «о царь, у тебя семь жен, но все семеро годны лишь в служанки жены Асана; такой женщины в твоём царстве вовсе нет!» Этот человек, который ходил к дому Асана, очень и очень расхваливал царю жену Асана, и царь влюбился в жену Асана. Он призвал своего визиря: такое, дескать, дело! что теперь будем делать? Визирь сказал: «если ты его сегодня приведешь и отправишь на виселицу, впоследствии твое имя несколько опорочится». Царь сказал: «что же

wazír gušt ke ta bándā āe rā belót, begúš: amé šamáĭ adigá ballá ša ta loťín. pādešā šar gúštī.

bándā āe rā loťítī, gúštī: amé šamáĭ adigá ballá ša^t ta loťín. Asán gúštī ke e digá bálle na dārít. pādešā gušt: agá dārít yā na dārít, man ša ta loťín, agár da ročāĭ sarā āwúrtāĭ, ke íčī; agár nāy-āwúrtāĭ, tī jān u zāg múčī pādešāĭ a-bit, utí ixtiyārā dārāĭ. Asán šut utí gešā. jānénī pūrsítī ke pādešā ša ta čé soĭ kurt? Asán gušt ke ša man sóĭī kurt ke āmé šamáĭ adigá ballá berá, biyár, man gúštun ke ā digá bálle na dārít. pādešā gušt ke dārít yā na dārít, man ša ta dā ročāg loťín, agár dā ročāĭ sarā may-ārāĭ, gúdā tī jān u zāgá múčā pādešāĭā kanín. ša man āmešānā sóĭī kurt. gúdā jānénī gušt ke š-amódā ke ešā distāg-āĭ, amā jā nūn baladí^y a-kanāĭ? Asán gušt: baladí a-kanín, magá ódā š-ešān bāz u nāint. jānén gušt ke āĭ, ar čé int, ométā be xudā bekán u berá. Asán gušt: šar.

Asán sar gipt u šut, amā āpā paidāĭ kurt, gāštī āpāĭ išk-uw-āškā, ya-ga amā rangén šame dístī, zúrt u utí tūrāgāĭ tā kurt u āt ke rādāg bīt, utí dilā gušt ke ta byā ke amé āpāĭ išk-w-āškā múčā yak čāre bekanín, bārén e čunén āpe. šut, amé āpāĭ išk-uw-āškā čārī kurt. ya-ga be gošāĭ mardúmāĭ tawāre būt. āmédā yak kámme uštāt, goš kašítī ke zāntī ke āmédā mardúmāĭ tawāre

будем делать? как бы тебе его погубить?» Визирь сказал: «призови его завтра и скажи: „я требую от тебя пару к этой свече“». Царь сказал: «хорошо».

На следующий день он позвал его и сказал: «я требую от тебя пару к этой свече». Асан сказал: «у нее не имеется другой под пару». Царь сказал: «имеется или нет, я от тебя требую! если ты в течение десяти дней принесешь, тогда ничего; если же не принесешь, твоя жизнь и дети, все будет царским, поступай, как знаешь!» Асан пошел домой. Его жена спросила у него: «что у тебя спросил царь?» Асан сказал: «вот что царь спросил: „отправляйся и принеси к этой свече другую под пару“, я сказал, что ей нет пары; царь сказал: „есть или нет, только я требую ее от тебя в десятидневный срок, и если ты через десять дней не принесешь, тогда я тебя самого с детьми и со всем имуществом объявлю царским!“ Вот что он с меня спросил!» Тогда жена сказала: «ты узнаешь теперь то место, где ты нашел ее?» Асан сказал: «узнать-то узнаю, но там ведь больше их нет». Жена сказала: «ну, что бы там ни было, надейся на бога и иди». Асан сказал: «хорошо».

Асан собрался и пустился в путь. Он отыскал ту воду, обошел ее кругом, и вдруг увидел такую же свечу. Он взял ее, положил в торбу и уже собирался уходить, но сказал сам себе: «дай-ка, обойду со всех сторон! что это за вода такая?» Он стал прохаживаться вокруг этой воды, и вдруг до его ушей дошел человеческий голос. Он постоял там немного, прислушался и убедился,

šut, ämé singānī tā gašt, ya-ga dístī ke amédā yak singāi gíse. šut, š-ämešī kaḍākā sāiī kurt ke yak aulo-čāmen jānīke amédā ništā. jānīk amešā dístī. ya-ga jānīk tawāri kurt ke āi musulmán, čéwā kanāi ke édā átag āi? berā ke anūn buzlangí a-kāyánt, trā waránt, bra pa wat. Asán guštī ke man ša ta getír ná-wun, trā alās ma kanín, na raín. jānīk gušt ke āi musulmán, sāi sad pālawān pa mnī padā āt u pādā na šut, múcānā amé buzlangí wartág ant, ta ke yak bazzágen yaríben mardúme wāi! Asán gušt: man ša sā sad mardúmā getír ná-un, āwānā ke wartág ant, man um be āwānī sarā. jānīk guštī ke utí onā wat utí gardínā kanāi, pa man um yúsae kārāi! man trā nūn gujā čér kanín? Asán gušt ke ta pa man ráai čápā jāe joḍ a-kanāi, ta ič yúsā ma war, inšallā, trā š-ešānī dastā alās a-kanín, pa šárte ke ar če ke man trā gušin, ta bekanāi. jānīk gušt: man a-kanín, agár trā kartúte bīt! Asán gušt: inšallā, yā trā alās a-kanín, yā amā sā sad pālawānāi padā raín. jānīk Asānā amédā čerī kurt u šut utí jāā, Asānā gušt: bāndā man a-kāin, ša ta yak awāle girín. š-ešī bīl u ša buzlangíyān goš pkaš.

buzlangí ke átant, dístan ke ādami-zátāi bóe. jānīkai sarā xāšm kurtant ke édā maróči káy átā, begúš! jānīk guštī ke šumā mánā yak jāe āwurtág it.

что это действительно человеческий голос. Он стал бродить среди скал и камней, и увидел каменное жилище. Он пошел туда и рассмотрел через щель, что там находится девушка с глазами молодой газели. Девушка его увидела и сразу закричала: «о мусульманин, что ты делаешь, придя сюда? уходи, потому что сейчас придут некие чудовища бузланги и съедят тебя! иди своей дорогой!» Асан сказал: «я ведь не лучше тебя! пока тебя не освобожу, не уйду». Девушка сказала: «о мусульманин, триста богатырей приходили за мной и назад не вернулись: всех поели бузланги! а ты ведь только труженик и странник!» Асан сказал: «я ведь не лучше трехсот человек! если их поели, так и я за ними!» Девушка сказала: «ты сам льешь свою кровь себе на шею, а мне приносишь заботу! куда я теперь тебя спрячу?» Асан сказал: «приготовь для меня место слева от дороги и не беспокойся! бог даст, освобожу тебя из их рук! при условии, если ты сделаешь все, что я скажу». Девушка сказала: «я сделаю, если только у тебя хватит силы!» Асан сказал: «бог даст, или тебя освобожу, или последую за теми тремя стами богатырей!» Девушка спрятала тут Асана и пошла к себе. Она сказала Асану: «завтра я приду узнать о тебе». Оставь теперь его и послушай про бузланги.

Когда бузланги пришли, они почуяли человеческий запах. Они разгневались на девушку: говори, дескать, кто сюда сегодня приходил. Девушка

ke mníyā ādame-zāt ātāga na kant. buzlangí ešā bázen dušmánē dātant u šútant, wáptant. bádi apt šapā gúdā mazániš ša wābā ustát. e ke ustát, múči sar gíptant u šútant pa šikārā. ā ke šútant, ša pádā jānīk Asānīyā šut. Asán guštī: pa če dér ātāi? jānīk guštī ke man trā na guštun ke ta pa man γussāe kārāi. Asán gušt: pa če? ta begúš. jānīk guštī ke zī ke buzlangí ke átant, mnā bázen dušmánē dātant ke édā ādamīāi bóe. man guštun: édā ādamīāi bo čewā lotít? Asán gušt ke man trā alās kanín, go mán a-rawāi? jānīk gušt: agá ta mnā alās kanāi, man tī xajrāt a-baín u go ta rāín, agár ša tī dastā bīt. Asán gušt: āmé číze ke man trā gušín, ta amā mnī abārā bzūrāi, ma trusāi, bekānāi. man inšallā pa xudāai ukmā trā alās a-kanín. jānīk gušt: čon bekānín, ta begúš. Asán guštī ke ta ke maróči šútāi, nānāi waxtā nān ma war, pūx bāi, bigré, ā wat ša ta pursánt ke ta maróči pa če pūx āi? ta begúš: man yak ādami-zāte wun, šmāi dastā kaptág un, šmā um ročā ráit pa gaštínā, man āmédā tanāka ništág un. gúdā awānī mazán wat ša tā pursít ke ta ša man čewā loťāi? ta begúš: man trā bāz u bāz dost dārín, ta watí napāsā āmé ke pa šikārā rawāi, be man bedāi, ke tā wáxti ke táw a-kāá, man go māi utí ročā gwāzenín. ā awālā trá abár

сказала: «вы привели меня в такое место, что ко мне не может прийти никто из человеческого рода». Бузланги ее сильно выбрали и пошли спать. Через семь ночей старший из них проснулся; когда он встал, все они собрались и пошли на охоту. Когда они ушли, тогда девушка пошла к Асану. Асан сказал ей: «почему ты поздно пришла?» Девушка сказала: «разве я тебе не говорила, что ты принесешь мне скорбь?» Асан сказал: «почему? скажи». Девушка сказала: «вчера, когда пришли бузланги, они меня сильно бранили: здесь, дескать, человеческий запах; я сказала: „какого вы захотели здесь человеческого запаха?“» Асан сказал: «я тебя освобожу, поедешь со мной?» Девушка сказала: «если ты меня освободишь, я для тебя пожертвую собой и пойду с тобой, если это будет в твоей власти». Асан сказал: «сделай то, что я скажу тебе, послушайся меня! не бойся! бог даст, я, по воле божьей, тебя освобожу». Девушка сказала: «скажи, что мне делать!» Асан сказал: «когда ты уйдешь отсюда, ничего не ешь во время обеда, будь печальна и плачь! они тебя спросят: „отчего ты сегодня печальна?“ ты скажи: „я человеческого рода и попала к вам в руки! а вы днем расходитесь, и я остаюсь здесь одна“; тогда старший из них спросит тебя: „чего же ты от меня хочешь?“ ты скажи: „я тебя очень и очень люблю; когда ты уходишь на охоту, отдавай мне свою душу, и я с ней буду проводить свои дни, пока ты не придешь“. Он сначала начнет

u dušmán a-dant, gúḍā utí napásā be ta na dant, trā digá yak číze dant, ta amáe rā jwān pāk bekanāi, joḍ kan u psāt. jānīk gúšti: šar.

jānīk ša Asānāyā ustāt u āt utí jāgā, ništ u girét. buzlangí ke āt, sājli kurt ke eš a-girét, šut, pursitī ke ta pa če girewāi? jānīk gušt ke ta mnā yak jāe āwurtāg āi ke čap ša xudā káse édā nāint, wat um ročā rawāi pa šikārā. man āmédā ništāg un tanā, yak číze am nāint ke go māi utí ročā barín. buzlangí gúšti ke ta čéwā loṭāi? beguš, ke man pa ta paidā kanín ke duwārāg ta go māi utí ročā begwāzenāi. jānīk gúšti ke man trā bāz u bāz dost dārín, agā ta utí napásā be man beḍāi, man áe rā čo gulāi sātín. ya-ga buzlangí eši rā yak čapóḍe jāti, yak sāātā gúḍā jānīk "óši kurt. buzlangí gušt: šar. šut u yak šišāge āwurt, gúšti: āmé mni napās int, ar ka āmešā prošit, man am mirín. šišāgā ešā dāt u wat šut pa šikārā.

ā ke šut, ša pádā jānīk šišāgā zurt u šut be Asānāyā. Asān gúšti ke čon kurtāi? jānīk gúšti ke buzlangí gúšti ke amé šišāg mni napās int. Asān gúšti: duróg a-jánt, e āi napās nāint. Asān gušt ke ta nūn yak kāre bekán. jānīk gušt: čon kanín? Asān gúšti: ta āmeši rā jwānén poš abrešūmíen bekán, wa digá puč am pkan, utí zānāi sarā bil. ā ke š-āngū āt, bgíndit

укорять и бранить тебя, и потом не тотчас даст тебе свою душу, а даст тебе что-нибудь другое, но ты и это хорошенько вычисти, приberi и береги». Девушка сказала: «хорошо».

Девушка поднялась, пришла от Асана к себе, села и заплакала. Когда бузланги пришел и увидел, что она плачет, он пошел и спросил ее: «почему ты плачешь?» Девушка сказала: «ты меня привел в такое место, где, кроме бога, больше никого нет, при этом ты сам днем уходишь на охоту, а я сижу здесь одна, и нет даже ничего, с чем бы я проводила свое время!» Бузланги сказал: «что же ты хочешь? скажи, чтобы я отыскал для тебя, и ты впредь проводила бы с этим свое время». Девушка сказала: «я тебя очень и очень люблю, и если ты отдашь мне свою душу, я ее буду беречь, как цветок». Бузланги вдруг дал ей пощечину, и только через час девушка пришла в чувство. Бузланги сказал: «хорошо». Он пошел, принес склянку и сказал: «вот это моя душа! как только она разобьется, умру и я!» Он дал ей склянку, а сам пошел на охоту.

Когда он ушел, девушка тотчас взяла склянку и пошла к Асану. Асан сказал: «что ты сделала?» Девушка сказала: «бузланги сказал: „эта склянка — моя душа“». Асан сказал: «он лжет, это не его душа!» Асан сказал: «теперь ты сделай одну вещь». Девушка сказала: «что сделать?» Асан сказал: «сделай для нее хороший шелковый футляр и еще другую обертку и положи к себе на колени; когда он вернется и увидит, что ты с ней хорошо обращаешься,

ke ta ešá zābr a-sātāi, ā wat gúdā utí napásā pa rāstí trā nišān a-dánt. āmé ke trā dātí, ta zúte mníyā beyār, man gúdā wat jođ a-kanín. jāník gušt ke šar, pādā šut, utí gisāi tā ništ.

čun sātā gúdā buzlangí āt. buzlangí gisāi tā sāili kurt ke jāník čon āmé šišágā zabr pošitá. buzlangí utí dilá gušt ke āmé jāník mnā bāz u bāz dost dārit, ta beyā ke pa rāstí utí napásā ešá nišān dāin. āmé đannā kámme uštát u sāili kurt u gúdā gisāi tā šut, jāníkai sará tawāri kurt: ai jāni man, imāni man, e će ke ta eši rā e ráng jwān sātítāg ai? jāník gušt ke e ti napás int ke man jođ kurtāg un. buzlangí gušt ke e mni napás nāint, man trā rāpéntun, ta bārin čon a-kanai mni napásā, nūn ke dístun, ta e rangā sātāi, nūn trā nišān a-dāin. jāník gušt: zānín, ša man trusítai ke awálā. utí napásā mnā nišān na dātai! buzlangí gušt ke ān. buzlangí gušt ke beyā ke berawán, utí napásā trā nišān dāin. jāník gušt: berawán. ar duén ša gisá dār bútant u šútant. buzlangí demā būt u jāník be padai. ešá búrti be yak mazānen draxtai sará. buzlangí bālā būt u yak šišāge 'éri kurt, šišāgai dapá páči kurt u jāníkā tawāri kurt, gúšti: ta āmé šišāgai tā sāil pkan ke će ast. jāník ke sāili kurt, dísti ke yak kapóte ništá. buzlangí gušt: će ast šišāgai tā? jāník gušt: yak kapóte amódā ništá. buzlangí gušt ke amá kapót

тогда он сам покажет тебе уже настоящую свою душу; как только он ее тебе даст, ты тотчас же ее привеси ко мне, и тогда уже я сам справлюсь». Девушка сказала: «хорошо», пошла назад и сидела дома.

Несколько времени спустя пришел бузланги. Бузланги взглянул в дом, и увидел, как хорошо девушка укутала склянку. Бузланги сказал про себя: «эта девушка очень и очень меня любит; попробую-ка я на самом деле показать ей свою душу!» Он немного пробыл снаружи, посмотрел, вошел в дом и позвал девушку: «душа моя, благополучие мое! чтó это, что ты так тщательно бережешь?» Девушка сказала: «это твоя душа, которую я так нарядила». Бузланги сказал: «это совсем не моя душа! я обманул тебя, чтобы посмотреть, чтó ты сделаешь; теперь, когда я увидел, что ты ее так бережешь, я покажу тебе свою душу». Девушка сказала: «понимаю! значит, ты боялся меня, раз ты мне сразу не показал своей души!» Бузланги сказал: «да». Бузланги сказал: «давай, пойдем, я покажу тебе свою душу». Девушка сказала: «пойдем». Оба вышли из дому и пошли. Бузланги был впереди, девушка сзади него. Он повел ее к большому дереву. Бузланги поднялся наверх, спустил вниз одну склянку, открыл ее горлышко, позвал девушку и сказал ей: «загляни-ка в эту склянку, чтó в ней?» Когда девушка посмотрела, она увидела, что там сидит голубь. Бузланги сказал: «ну, что в склянке?» Девушка сказала: «там сидит голубь».

mnI napás int, ar kas ämeší sará psindít, man am mirín. jäník gušt ke man äe rā pa ta xairát a-kanín ke ā eší sará psindít. buzlangí jäníkäi abārān kabúli kurt u kapótā be jäníkäi dastá dāt, gúšti: nūn tā ročā ke man édā ná-wun, go meší gwāzī bekān. jäník gušt: šar. ar du šútant be gisá.

bāndénā buzlangí šut pa šikārā, ā ke šut, ša pādā jäník zūti kapótā zurt u šut be Asánāyā. Asán gúšti ke šer-äi rūbā? jäník gušt ke inšallā, šer un! e āi napás int ke ešā zítun. Asán gušt ke gúj int? jäník kapótā nišāni dāt. Asán kapótā ša dastāi zurt u sāli kurt, jänikā gušt: zānāi ke nūn mu-sla^hāt čé int? jäník gúšti: na, man na zānín ke kār čé int. Asán gušt ke berawán be šmāi gisá. jäník gušt: man ša buzlangiā bāz u bāz a-trusín. Asán gušt: agá napási āmé bit, ič ma trus, berawán. jäník gušt: berawán.

ar du š-é gešā ke dār būtant déme buzlangiā gešā, ya-ga buz-langí ešāni demā dār āt, dīsti ke mnI jānén go digā ādami-zāte gardít, yak gašt déme amāwān rādāg büt. tawārāi sarā ke āt, jäník äe rā dist. Asán gušt: agá āmé kapót āi napás bit, zabr int, agá má bit, mašmā rā ar duwénānā wart. gúdā Asán gušt: ič yusā ma war, tā ā nazík bāit, gúdā man go wāi abār a-dāin. buzlangí ke nazík āt, Asán tawār kurt ke äi buzlangí, amódā bošt. buzlangí na wuštāt u āt. ya-ga Asán kapótā äe rā

Бузланги сказал: «этот голубь и есть моя душа! как только кто-нибудь оторвет ему голову, я умру». Девушка сказала: «я принесу за тебя в жертву того, кто оторвет ему голову!» Бузланги поверил словам девушки и вручил голубя девушке, сказав: «теперь ты забавляйся с ним в те дни, когда меня здесь нет». Девушка сказала: «хорошо». Оба пошли домой.

Через некоторое время бузланги пошел на охоту. Как только он ушел, тотчас же девушка быстро схватила голубя и пошла к Асану. Асан сказал: «лев или лисица?» Девушка сказала: «бог даст, лев! вот его душа, я достала ее». Асан сказал: «где?» Девушка показала голубя. Асан взял голубя у нее из рук и стал рассматривать; потом он сказал девушке: «знаешь, что теперь делать?» Девушка сказала: «нет, не знаю, что теперь?» Асан сказал: «пойдем в ваш дом». Девушка сказала: «я очень и очень боюсь бузланги!» Асан сказал: «если это его душа, ничего не бойся! пойдем!» Девушка сказала: «пойдем».

Оба направились из этого дома к дому бузланги. Бузланги сразу вышел к ним навстречу и увидел: да ведь это моя жена расхаживает с другим человеческим существом! Он тотчас пошел к ним. Когда он подошел на расстояние голоса, девушка его увидела. Асан сказал: «если этот голубь его душа, хорошо; если же нет, он съест нас обоих». Потом Асан сказал: «не беспокойся, пусть он приблизится, тогда я с ним поговорю». Когда бузланги подошел, Асан закричал: «эй, бузланги, стой там!» Бузланги не остановился

nišān dāt. guštī ke čón int ke anūn ti sarágā psindín? bŭzlangí ke kapótā dist, tawári kurt Asánā: äi ādami-zát, ar če a-loťái, man trā dāin tā mni kapótā beďái. Asán gušt: man ša ta digá ičiyā na loťin, magá yak šárte dārin. agá amāe rā bekanái, gúďa ti kapótā trā dāin, agá má bit, anūn sarágāiā sindín. buzlangí gušt: beğúš, če árze dārái, ar če bit, man a-kanín. Asán gušt: tái buzlangí amā rā ar duénānā wutí puštā bekán, be plāná šārā bar, gúďa man ti kapótā dāin. buzlangí gušt: šar, beýait, mni puštā swār báit.

Asán šišágā prošt, kapótā watí dastā kurt u demā bŭt, jáník um be padái. Asán duwārág buzlangí gušt: äi buzlangí, agá ta šor bórái, ti sarágā sindín. buzlangí gušt ke ič ma trus, man šmā rā na warín. Asán jáníkā gušt ke beyā ke brawán, sawār bāyán. jáník gušt ke man a-trusín. Asán gušt ke ma trus, aī napās be mni dastā int, pa če trusái? jáník nā ilāj bŭt, ša wutí jā ustát, Asáni padā rādág bŭt, ar duén ātant, buzlangíyā swār bŭtant u déme amā šārā ke Asáni gis int, buzlangíyā gušt: amāngŭrī rādág bāi. buzlangí am amāngŭrī rādág bŭt u šut. amé ke šār paidā bŭt, Asán gušt: nŭn amā rā amédā ér kan. buzlangí ke ešānā amédā ér kurt, guštī: nŭn beďait mni kapótā. Asán gušt ke ta amédā

и продолжал подходить. Асан тотчас показал ему голубя и сказал: «что, если я сейчас оторву тебе голову?» Как только бузланги увидел голубя, он закричал Асану: «о рожденный человеком, все, что ты захочешь, я дам тебе, только отдай моего голубя». Асан сказал ему: «я от тебя ничего другого не хочу, но только при одном условии; если ты его исполнишь, я отдам тебе твоего голубя; если же нет, сейчас же оторву ему голову». Бузланги сказал: «скажи, какое у тебя желание; каково бы оно ни было, я его исполню». Асан сказал: «ты, бузланги, посади нас обоих к себе на спину и отвези в такой-то город, тогда я отдам твоего голубя». Бузланги сказал: «хорошо, подходите и садитесь ко мне на спину».

Асан разбил склянку, взял голубя в руки и пошел впереди, а девушка за ним. Асан вторично сказал бузланги: «бузланги, если ты зашевелишься, я оторву тебе голову». Бузланги сказал: «не бойся ничего, я вас не съем». Асан сказал девушке: «давай, пойдем и сядем верхом». Девушка сказала: «я боюсь». Асан сказал: «не бойся, ведь его душа у меня в руках, чего же ты боишься?» Девушке ничего не оставалось делать, она встала со своего места и пошла вслед за Асаном. Оба они подошли, сели на бузланги, и Асан приказал бузланги двинуться к тому городу, где был дом Асана. Бузланги направился туда. Когда показался город, Асан сказал: «теперь здесь нас спусти». Когда бузланги их спустил, он сказал: «теперь отдайте моего голубя».

mnind, amá ke yak kámme šútan, amódā ti kapótā kilán u rawán, gúdā ta biyá, bra. buzlangí yaríb gušt: šar. e ke amá đigārā šútant, Asán kapótāi sará sist, buzlangí édā murt. Asán u jäník ar du šútant be Asáni gešá. amá wadāe ke go pādešā kurt-át, yak šap demá šut be watí gisá.

wazírāi jäník ke āi jänén bit, gúšti: āi Asán, čon kurtāi? šāmā āwúrtāi yā na? ya-ga Asán óši kurt ke tūrág amá jāe ke go buzlangíyā awalién sará abár dātag ant, tūrág amódā be woš būtá. wazírāi jäník gušt ke zúte brá pa padāi, beyārāi, agá má yārāi, póši pādešā mnā go ti geš u múčānā pādešāi a-kant. āmé nokén jäník gúšti ke šmā čunén abāre dārít go wat, man am sī bāin ša šmāi abārā. wazírāi jäník p-e nokén jäníkā ke Asán ša buzlangíāi demá alás kurtá wu āwurtá, nūn p-āmeší náyl a-kánt, gúšti: āi dādā, yak wáxte amá āpāi sará ke ta būtág āi, š-amāi sará átan, Asán š-amódā yak šáme dist, āwúrti, mnā dāt, man um zúrtun, urjínāi tā kúrtun. e šarā ke átan, man Asānā gúštun ke āmé šamā bar, be pādešā beđāi. Asán um burt, dāt u át. yak šap gúdā duwārág Asānā loťítant. pādešā guštá ke āmeší adigá ballā ša ta dā-šapág a-loťín, agá dā šapāi sará ma yārāi, ti jān u zágā múčā pādešāi a-kanín. nūn um Asán no šap int ke pa šamāi padā šutá, nūn

Асан сказал: «посиди здесь; когда мы немного отойдем, мы отпустим твоего голубя и пойдем; тогда и ты подойдешь». Бедняга бузланги сказал: «хорошо». Как только они пошли по земле, Асан оторвал голубю голову, и бузланги тут же умер. Асан и девушка пошли вдвоем в дом Асана. Он попал домой на одну ночь раньше того срока, который был назначен царем.

Дочь визиря, которая стала его женой, спросила его: «ну, Асан, что сделал? принес свечу или нет?» Асан сразу вспомнил, что он забыл торбу в том месте, где он в первый раз разговаривал с бузланги. Дочь визиря сказала: «скорей сходи за ней! если не принесешь, послезавтра царь отберет в казну и меня, и твой дом, и все имущество». Новая девушка сказала: «что вы разговариваете только между собой? я тоже хочу знать, о чем вы говорите!» Тогда дочь визиря стала рассказывать новой девушке, которую Асан освободил от бузланги и привел: «сестрица, однажды мы подошли к той воде, где ты находилась; Асан увидел там свечу, принес и дал мне; я взяла ее и положила в переметную суму. Когда мы пришли в этот город, я сказала Асану: „отнеси эту свечу и отдай царю“. Асан отнес, отдал и вернулся. Ночь спустя, опять потребовали Асана; царь сказал ему: „я хочу от тебя в десятидневный срок пару к ней; если ты в течение десяти дней не принесешь, я тебя самого, твоих детей и все имущество отберу в казну“. Сейчас уже девять ночей с той поры, как Асан отправился за свечей, и теперь он вернулся с пустыми руками,

órka átá, bándā pādešá ešá loṭít. āmé nokén jäník gušt: äi dādā, ič ḡusá ma war, ā čize ke pādešá ša Asán loṭitá, bāz yak čize āsānen. ā rangén čiz go man bāz int, ič na ta ḡusá bor, na Asán. bándā ke roč büt, man paidā a-kanín. wazíräi jäník gušt: ā rang bit, bāz u bāz jwanén káre bit.

āmé nokén jäník wazíräi jänikā gušt: äi dādā, man go ta yak muslaháte kanín, agá ta rāzī a-baäi. wazíräi jäník gušt: begúš, dādā, ā čunén muslaháte bit ke man rāzī ma baín. e jäník gušt: agá tī muslahát bit, šapí yak mullāe paidā kan ke mni aydá go Asán bandít. wazíräi jäník gušt: bāz u bāz jwán int, ta p-ameši ḡúštäi ke agá tī muslahát bit, eš u yak āsānen abāre, ta um mni ḡwār äi, mašmā rā ar duénānā Asán a-sātít. nokén jäník gušt ke äi dādā, mni ák int ke ša ta salā kanín, pä če ke ta Asáni jänén äi, tī dilā ma gīt ke e jäník ša ḡujāngū āt u be salā u be muslahátā mni mardā gipt. wazíräi jäník gušt: na, dādā, ā rang näint, albáta káse ke trā āwurtá, albát trā loṭít ke āwurtá. agá ma loṭitin, albatá š-amódā näy-āwúrti. ešāni abár āméda alás büt.

wazíräi jäník "utí muzúrá gušt ke berá, mullāe paidā bekán u biyár. muzúr šut, mullāe paidā kurt u āwúrt. nān ke wártant, wazíräi jäník mullāa

а завтра царь его позовет!» Новая девушка сказала: «сестрица, не беспокойся ни о чем; то, что царь от Асана требовал, очень легко! у меня много таких вещей; не беспокойтесь ни ты, ни Асан! завтра, когда рассветет, я до-стану». Дочь визиря сказала: «если так будет, то будет очень и очень хорошо».

Эта новая девушка сказала дочери визиря: «сестрица, я хочу с тобой посоветоваться, если ты согласна». Дочь визиря сказала: «говори, сестрица! что́ это за совет может быть, на который бы я не соглашалась!» Девушка сказала: «если ты не возражаешь, отыщи вечером муллу, чтобы он обвенчал меня с Асаном!» Дочь визиря сказала: «очень и очень хорошо! потому-то ты и сказала мне: „если ты не возражаешь!“ но это ведь легкая вещь: ведь и ты моя сестра, и о нас обеих будет заботиться Асан». Новая девушка сказала: «сестрица, я должна у тебя спросить, потому что ты жена Асана и чтобы ты не обиделась, что вот, де, пришла откуда-то эта девушка и без разгово-ров и без спросу забрала моего мужа!» Дочь визиря сказала: «нет, сестрица, совсем не так! конечно, раз человек тебя привел, значит он тебя хочет, если привел! если бы не хотел, конечно, не привел бы оттуда!» На этом их разговор окончился.

Дочь визиря сказала своему слуге: «иди, отыщи и приведи муллу». Слуга пошел, отыскал и привел муллу. Когда они поели, дочь визиря сказала мулле:

gušt: mullā sāīb, amé jäník ke tī demā ništā, go me Asán nām aydāi band. mullā gušt wazírāi jäníkā ke e jänike yā janozáne? wazírāi jäník gušt: e jänike. duwārāg mullā gušt ke e jäník wat Asánā loṭīt yā Asán āe rā loṭīt? wāzírāi jäník gušt ke awál amé jäník Asánā loṭīt, gúḏā Asán āe rā loṭīt. mullā gušt: šar. wābānī waxtā ešānī aydā bast u šut.

tārī ke roč büt, amé nokén jäník ke go Asán ātā, amā wutí pitinkānā gašt, yak šāme paḏdāi kurt u Asánā dāt, gúšti: bar, pādešā beḏāy u byā. Asán zurt u šut be pādešāā gisā. ódā ke šut, salāme dāt u ništ. pādešā gušt: čon int tī awā? Asán gušt: duwāgú wun šmāi sarā. yak kámme ništ u gúḏā amé šamā Asán ša watí tūrāgāi tā dārī kurt u pādešāāi demā išt. pādešā gušt: āi Asán, e cé-ye? Asán gušt: e amā int ke mnā pa padāi dem dātāi. pādešā íčči na gušt. Asán bād¹ yak u du sātā gúḏā pādešāā gušt: anūn man ruxsāt a-bāin. pādešā gušt ke ruxsāt āi, parzind. Asán ustāt u āt "utí gešā. gešā ki sar büt, ar ḏu jänénī yak zubān a-pursítant ke šamā čon kurtāi? Asán gušt ke íči na kúrtun, šamā búrtun, dātun be pādešā, ātun. jänénī pursítant ke pādešā degā íči na pursít? Asán gušt: degā ša man céwā pursít? amā čize ke āi ša man loṭīt, man búrtun, dātun. š-āi bil u š-eši goš kaš.

«почтенный мулла, обвинчай эту девушку, которая сидит перед тобой, с этим Асаном». Мулла сказал дочери визиря: «это девушка или вдова?» Дочь визиря сказала: «это девушка». Вторично мулла спросил: «эта девушка хочет Асана или Асан ее хочет?» Дочь визиря сказала: «во первых, эта девушка хочет Асана, а затем Асан ее хочет». Мулла сказал: «хорошо». Ночью он совершил их брак и ушел.

На утро, когда рассвело, новая девушка, которая пришла с Асаном, стала перебирать свои пожитки, нашла свечу, дала Асану и сказала: «отнеси царю, отдай ее и приходи». Асан взял и пошел к царю в дом. Когда он пришел туда, он поклонился и сел. Царь спросил: «как ты поживаешь?» Асан сказал: «мольщик о вашем благополучии!» Он немного посидел, потом вынул из своей торбы свечу и положил перед царем. Царь сказал: «что это, Асан?» Асан сказал: «это то, за чем ты меня посылал». Царь ничего не сказал. Асан через час или два сказал царю: «теперь я прошу разрешения!» Царь сказал: «иди, сынок». Асан встал и пошел домой. Когда он добрался домой, обе жены в один голос стали спрашивать: «что ты сделал со свечой?» Асан сказал: «ничего не сделал; отнес свечу, отдал царю и пришел обратно». Его жены спросили: «царь больше ничего не спросил?» Асан сказал: «что еще ему с меня спрашивать? то, что он с меня требовал, я принес и отдал!» Оставь теперь его и послушай об этом.

bádi dā-bist ročā gúdā yak nokāre Asānī gešāi sarā brābír büt, sāilr kurt ke e gešāi tā čunén du juwānén ĵenén ništā. š-amédā šut, be pādešāā guštī: āi pādešā, man maróči yak číze dístun ke ĵuṭ āirān mántun. pādešā gušt: če distág āi, beḡuš. nokār gušt ke āmédā yak mardúme ast, du ĵenén dārít, tái pādešā apt ĵenén dārāi, tī ar aptén ĵenén āi amā gandágen ĵenénāi molíd ant. pādešā gušt: šar, bas int, berá pa watí rāā. nokār ke ša gešā dār büt, pādešā mardúme pa wazírāi padā démi dāt. wazír ke āt, pādešā gušt: āmé Asán námā, čon ziyān pkanán? wazír gušt ke ta beýā ke ešā beḡušān ke ša ta ša débi syāyi bāḡāi balgān dā šapág loṭín; agár da šapā sarā ma yārāi, gúdā tī geš u mālā múčā pādešāi a-kanín. pādešā gušt: badén dalíre nāint, šar, bāndā loṭíni.

bāndā ke roč büt, pādešā pa Asānī padā yak nokāre démi dāt, Asānā zurt u āt. Asán ke pādešāāyā āt, pādešā gušt ke āi Asán, man ša ta dā šapág ša débi siyā bāḡāi balgān loṭín. agá dā šapāi sarā má yārāi, gúdā tī geš u mālānā pādešāi a-kanín. Asán ĵawāb íči na gušt u ša gešāi dar büt, āt "utí gešā. ĵenénī ša Asán pursítant ke pādešā ša ta čéwā loṭít? Asán gušt ke pādešā ša man dā šapág ša débi siyāi bāḡāi balgān loṭít, agá dā šapāi sarā ešā ma yārāi, gúdā tī gešā ābādiyā pādešāi a-kanín. ĵenénī gúštant ke

Десять-двадцать дней спустя один слуга поровнялся с домом Асана и заглянул: что за две красавицы сидят в доме! Он пошел отсюда и сказал царю: «царь, я сегодня видел одну такую вещь, что прямо изумился». Царь сказал: «говори, что ты видел». Слуга сказал: «здесь есть один человек, и у него есть две жены; хотя ты царь, и у тебя семь жен, но все твои семь жен годны лишь в служанки его худшей жены». Царь сказал: «хорошо, довольно, иди своей дорогой». Когда слуга вышел из дому, царь послал человека за визирем. Когда визирь пришел, царь сказал: «как бы уничтожить этого Асана!» Визирь сказал: «давай, скажем ему: „я требую от тебя в десятидневный срок листьев из сада черного дива; если ты через десять дней не принесешь, тогда я отберу в казну твой дом и все имущество“». Царь сказал: «не плохой совет! хорошо, завтра я позову его».

На утро, когда рассвело, царь послал слугу за Асаном, тот забрал Асана и пришел обратно. Когда Асан пришел к царю, царь сказал: «Асан, я требую от тебя в течение десяти ночей листьев из сада черного дива; если ты через десять ночей не принесешь, тогда я твой дом и имущество отберу в казну». Асан ничего не сказал в ответ и удалился; пришел домой. Его жены спросили у Асана: «чего царь от тебя хочет?» Асан сказал: «царь требует от меня в течение десяти ночей листьев из сада черного дива: если ты, мол, не принесешь их через десять дней, тогда я твой дом и имущество отберу

ta débi s'iyái bágá distág äi? Asán gušt ke gujá man syā wu sepéti distág un? jénénī gušt ke nāpā čón a-kanái? Asán gušt: čón a-kanín? raín pa padái, agá paidá kanín, kārín; ma kanín, gúdā pādešā mnā kušit, šmā rā pa wat a-bárt. Asáni ar duén jénén gústant ke amā pādešā pa ta xāirát a-kanán. amé abārānā dātant u Asán gušt: nūn man a-raín, be débi syái šārā raín. jénénī gústant: šar ke rawái, berá. agá distái, sāil kaná ke débi syái bágái tā ar dāwlái jénawār paidá bit ke mardúm a-waránt. Asán gušt: äi jénén, ar če ke mnī pešānīy a-bit, amāw a-bit. amēšānā gušt u Asán ša gešái dar büt u šut.

šápe jāe, róče jāe, šut be yak rodái kirá, sái kurt ke e rod čon púr int ša āpá. yak káme ništ, dalíri kurt, utí dilá, gušt ke äi, omét be xudá, byā ke š-amé rodā begwazín. watí pučānā kašit, utí sarā bast u wat rā be rodā jat. ša rodā ke gwast, áškāi kerá dār büt, utí pučānā gwarā kurt u šut. yak tukúre rá ke šut, ša dūrā yak šāre mālúm büt, šut déme amā šārā. nema-šāmī be me šārā sār büt, amédā yak koná gisá tā ništ. šap nemágā š-é gešá dar büt u ya káme rá ke šut, yak ga Asáni demā yak mardúme dar át. Asán gušt: äi berás! aí gušt: če? Asán pursit ke e šār kí int? ā mardúm jawáb dāt ke e šār débi syā int, Asán íci na gušt u pādā déme amaxtīen gešá šut, pādā amē tā ništ.

в казну!» Его жены сказали: «ты видал сад черного дива?» Асан сказал: «где там я видывал черное и белое?» Жена сказала: «тогда что же ты будешь делать?» Асан сказал: «что́ буду делать? пойду за ними; если отыщу, принесу; не найду, — тогда царь меня убьет, а вас заберет к себе». Обе жены Асана сказали: «мы принесем царя в жертву ради тебя!» Они проговорили эти слова, и Асан сказал: «ну, теперь я пойду в город черного дива». Его жены сказали: «хорошо, раз идешь, иди! если найдешь, будь осторожен, потому что в саду черного дива находятся всякие звери, которые едят людей». Асан сказал: «эх, жены, что́ мне предназначено, то и будет!» Асан сказал это, вышел из дому и пошел.

Ночь в одном месте, день в другом месте, добрался он до берега одной реки и стал смотреть: «что это река так полноводна!» Он немного посидел, подумал, сказал про себя: «ну, надежда на бога, дай-ка, переправлюсь через эту реку!» снял свое платье, привязал к голове и бросился в реку. Он переправился через реку, вышел на том берегу, надел свое платье и пошел. Прошел он немного по дороге, вдали показался город; он пошел к этому городу, в сумерки добрался до города и остановился там в одном старом доме. К ночи он вышел из этого дома, и когда немного прошел по дороге, ему встретился один человек. Асан сказал: «эй, брат!» Тот сказал: «что?» Асан спросил: «чей это город?» Тот человек ответил: «это город черного дива». Асан ничего не сказал, пошел обратно к прежнему дому и там остался.

šap ke āxír büt, Asán ša gešā dar büt u déme débi syái bāgā šut. bā-gāi dapā ke šut, dísti ke múči ɣarāwúl waptág ant. Asán karā-karā šut be débi syái bāgāi tā, š-amā číze ke pa kār dāšt, amāe rā zurt u utí tūrágā tā kurt u ya káme dalíri kurt, utí dilā gušt ke āi, ta beyā ke āmé bālā-xānāāi sarā bālā bāin ke čé ast. sad dilā yak díli kurt, bālā büt. be bālā-xānāāi sarā ke bālā büt, dísti ke yak gešāi tā čirāge sučit. šut déme amā gešā. gešā dapā páči kurt u gešā tā šut, sáli kurt ke e gešā tā čunén jwānén jī-níke waptá. yak čirāge sarūnāi yer int, yáke pādūnāi yer int wa eší gwarā čil jāmág ant wa čil šalwār ant wa be sarāi čil dasmāl bastá. Asán sarūnāi čirāgā zurt, pādūnāi išt, pādūnāi čirāgā zurt, be sarūnāi išt, ša pučāni ša sarāi si wu nó dasmālāi páči kurt, wa si wu nó jāmāgāi ziyā páči kurt wa si wu nó šalwārāi aijnāgā páči kurt, yāk čúke š-é demāi gipt, yáke š-ā demāi gipt u ustát. Asán kasānīyā yak káme wānt-at, yak káme xatā zānti, na ke bāz. āmé gešā tā kāgād u ɣaláme yer at. Asán āmé kāgādān wa ɣaláme zurt u utí nāmā wa utí pisā nāmā wa gujām šārā ke ništ, niništ u amā kā-gadāni tā išt, wat ša gešā dār büt. ič ka āe rā na dist, dār but u šut. amā rāe ke āt-at, be mā rāā pādā šut. š-āi bil u ša jeníkā goš pkaš.

Когда ночь была на исходе, Асан вышел из дома, пошел к саду черного дива, и когда подошел к воротам сада, увидел, что все сторожа спят. Асан потихоньку вошел в сад черного дива, взял, что ему было нужно, положил в свою торбу, немного подумал и сказал про себя: «дай-ка, я взберусь на вышку! что там такое?» Сто сердец соединил он в одном своем сердце и взобрался наверх. Когда он поднялся на вышку, он увидел, что в одной комнате горит огонь. Он пошел к этой комнате, открыл дверь комнаты, вошел в нее и посмотрел: что за красавица девушка спит в этой комнате! Один светильник стоит у нее в головах, другой в ногах, на ней сорок рубашек и сорок шальвар, а на голове сорок платков. Асан взял светильник от изголовья и поставил в ногах, а от ног светильник поставил к изголовью; из одежд раскрыл тридцать девять головных платков, расстегнул тридцать девять рубашек и распустил завязки у тридцати девяти шальвар; потом поцеловал ее один раз с одной стороны, другой раз с другой стороны, и встал. В детстве Асан немного учился и знал немного грамоту, не очень много. В этой комнате была бумага и перо. Асан взял бумагу и перо и написал свое имя, имя своего отца и в каком городе он жил, — все обозначил на бумаге и сам вышел из комнаты. Никто его не видал, он вышел и пошел назад по той самой дороге, по которой пришел. Оставь теперь его и послушай про девушку.

tāri ke roč büt, ĵeník ša watí jǎá ke ustát, púci ša gwarǎi káptant. édā ĵeník ajrán mǎnt ke e čonén kǎre büt. pučǎnā gwarǎ kurt u šut be ɣarāwúlāniyā, xášmi kurt. pa ɣarāwúlāni jǎnǎ gúšti: doši édā kǎi ātá? ɣarāwúl gústant: dóši édā ič ka nǎi ātá. ĵeník ešǎnā bāzen dušmāne dāt u pādā šut utí gešǎ. gešǎi tā ke sǎli kurt, dísti ke āmédā yak kǎgáde kaptá. ĵeník kǎgádā ke zurt, sǎli kurt ke e mardúmǎi nām Asán int. dalír a-kurt ke ešǎ čon paǐdǎ kanín? yak gašt utí dilǎ gušt ke ta beyǎ ke be padǎi beráin. yak ga utí ĵenén-zāgíen pučǎnā dǎri kurt u utí gwarǎ mardén-zāgíen puč kurt u ša gešǎ pa bǎnǎǎi ammāmā dár büt u šut, šarǎi tā š-é kūčǎ, s-ǎ kūčǎ gwast, ya gašt ša šarǎ dár büt u démǎi Asáni rǎhǎ utí demǎ dāt u šut.

yak čunt sāt rǎ šut. yak ga eši demǎ yak róde dár āt. e ĵeník āmeši kerǎ. gǎšti pa gudǎre ke š-āmé rodǎ begwazít. āmé rangǎ šúti ke yak ga dísti ke be demǎi yak mardúme ništǎ, amé gudǎrǎi sarǎ ništǎ. ĵeník nazík āt, Asán um wat rǎ be rodǎ jat. yak ga ĵeník ešǎ tawár kurt ke āi mardúm, ta yak káme bošt ke man beyǎin. Asán ĵeníkǎ jawáb dāt ke ta ša man čéwǎ loťǎi ke mnǎ ša mnǐ rǎ mǎtál a-kanǎi. duwǎrǎg ĵeník tawár kurt ke āi berǎs, pursitínā āibe

Утром, когда рассвело, как только девушка поднялась со своей постели, ее одежды с нее упали. Девушка изумилась: что такое случилось? Она надела на себя платье и отправилась к сторожам; рассердилась и сказала сторожам: «кто приходил сюда прошлой ночью?» Сторожа сказали: «прошлой ночью сюда никто не приходил». Девушка их сильно выбранила и пошла назад к себе домой; дома осмотрелась и увидела, что вот упала какая-то бумага. Девушка взяла бумагу, посмотрела и увидела, что имя этого человека Асан. Она стала раздумывать: «как бы мне его разыскать?» и сказала самой себе: «дай-ка, я отправлюсь вслед за ним!» Она сняла свои женские одежды, надела на себя мужское платье, вышла из дому будто бы в баню и пошла; походила по городу из одной улицы в другую, наконец, вышла из города, направилась в сторону Асановой дороги и пошла.

Несколько часов она шла по дороге. Навстречу ей попалась река. Девушка стала бродить по берегу в поисках брода, чтобы переправиться через реку. Так она ходила, как вдруг увидела, что с краю сидит человек; сидит у самой переправы. Девушка подошла близко; Асан бросился в реку. Девушка тотчас закричала ему: «эй, человек, подожди немного, я подойду!» Асан ответил девушке: «что ты хочешь от меня, что задерживаешь меня на моей дороге?» Вторично девушка закричала: «брат, ведь нет греха в вопросе! как

näint, tī nām ká int? Asán jawáb dāt ke albatá ke áibe näint, mñī nām Asán int. ĵeník gušt: ša guĵám šār a-kāāī? Asán ĵeníkā jawáb dāt ke āī berās, ta mardúme ziyán kurtág āī, ĉe ke sóĵ a-kanāī? ĵeník gušt ke bálke mardúme zyān kurtág un, ta begúš ke ta ša guĵám šār a-kāāī. Asán gušt ke man rāstínā gušín yā na? ĵeník gušt: agá musulmāne baāī ke rāstínā gušāī, durógā na gušāī, agá musulmāne ná-wāī ke āngūrī "utí ixtiyārā dārāī. Asán gušt: rāstínā begušín, man ša débe siyāī šārā káin. ĵeník gušt: nápa ta ar ĵā rawāī, man tī padá wun. Asán gušt ke ta ĉunéne wāī ke mán-i bābāe ĵarībāī padá kāāī? ĵeník gušt ke agá ĵaríbe wāī yā gadāe wāī, man tī padá wun, ar ĵā berawāī. Asán d"wārág gušt: āī mardúm, ta ĉunéne wāī? "utí nāmā wa utí aslá beguš. ĵeník gušt ke man plāná pādešāā ĵeník un ke be débe syāī dastá kaptág un. sāī sāl int ke man be débe syāī dastá kaptág un, plāná šapá man be bālā-xāná waptá bütá un, ta be mñīā nāy átag āī? mñī ĉirágānā na gardéntag āī? gúdā xáte na nimístag āī ke mñī nām Asán int, plāná kási zāg un? xatá gešá tā na peréntag āī? ta amā mardúm ná-wāī? Asán gušt: ástun. ĵeník gušt ke astāī, ar ĵā ke ta rawāī, man tī padá wun. Asán gušt: šar. e ar duén yak ĵā bütant u šútant.

тебя зовут?» Асан ответил: «конечно, греха нет! мое имя Асан». Девушка сказала: «из какого города ты идешь?» Асан ответил девушке: «брат, ты человека потерял, что ли, что так спрашиваешь?» Девушка сказала: «именно человека потерял; ты скажи, из какого ты идешь города?» Асан сказал: «по правде сказать или нет?» Девушка сказала: «если ты мусульманин, скажи по правде, не лги! если же не мусульманин, тогда поступай по своему усмотрению». Асан сказал: «сказать по правде, я иду из города черного дива». Девушка сказала: «ну, так куда бы ты ни пошел, я последую за тобой». Асан сказал: «кто ты, что хочешь следовать за мной, бедным странником?» Девушка сказала: «если ты даже странник или нищий, я за тобой последую, куда бы ты ни пошел». Асан вторично сказал: «эй, человек, кто ты таков? скажи свое имя и происхождение». Девушка сказала: «я дочь такого-то царя, которая попала во власть черного дива, и вот уже три года, как я попала во власть черного дива; это я в такую-то ночь спала в вышке! разве ты не приходил ко мне? не переставлял мои светильники? не писал затем письма, что мое, де, имя Асан, сын такого-то? не оставлял затем в доме это письмо? разве ты не тот человек?» Асан сказал: «тот». Девушка сказала: «если ты тот, тогда куда бы ты ни пошел, я последую за тобой». Асан сказал: «хорошо». Они сошлись вместе и пошли.

šápe jáe, róče jáe, čunt šapá gúdā be Asáni gešá šútant. ádā ke šútant, amé ĵeník Asánā gúšti ke man trā gerín, mullāe belót, mnā go wat aýd kan. Asán gúšti: man du ĵenén dārín, ta čon mnā girái? ĵeník gušt ke agá dā ĵenén dāštā baái ke yáke mán un. Asán ar če ke gušt, eší kabúl na kurt. gúdā Asáni awálen ar du ĵenén Asánā gústant ke äĵ Asán, ā ĵeník ša watí pešaniā nán a-wárt, ta pa če āe rā gušái ke man du ĵenén dārín? Asán káme dalír kurt utí dilá, gušt: äĵ beyá ke ešá am bgirín. ustát u šut, mullāe āwúrt u e ĵeníkā go wat áýdī kurt.

du šapá gúdā amá balgānā zurt u šut be pādešái gešá. ádā ke šut, salāmī dāt u ništ, yak sáte ke ništ, gúdā amé balgānā be pādešái demá išt. pādešá gušt: e čé-want, parzind? Asán gušt: e amá balg ant ke mnā pa padái dem dātái, man šútun, āwúrtun. pādešá gušt: šar, parzind, nūn ruxsát äĵ, berá utī gešá. Asán ustát u āt utí gešá. gešá ke āt, ĵenénī pursítant ke čon kurtái? Asán gušt: íči na kúrtun, balgānā dātun u ātun.

yak čunt ročá gúdā duwārág Asáni gešá yak nokáre āt. ya káme ništ u eší gešá wa ĵenénā sáli kurt u pādā šut. šut be pādešáyā, gúšti: äĵ pādešá, Asán nūn go wat yak ĵenéne āwurtá ke ái awálái ar duén ĵenén wa tí ar aptén ĵenén amé nokén ĵenén ke āwurtá, ameši molíd ant. pādešá gušt: ta

Ночь в одном месте, день в другом, через несколько дней они дошли до дома Асана. Когда они подошли, тогда девушка сказала Асану: «я тебя возьму (в мужья), позови муллу и обвенчай меня с собой!» Асан сказал: «у меня уже две жены, как же ты возьмешь меня?» Девушка сказала: «если бы у тебя было даже десять жен, так я буду одной из них!» Что Асан ни говорил, она не соглашалась. Тогда первые две жены сказали Асану: «эта девушка хочет испытать предназначенное ей! зачем же ты говоришь ей: „у меня уже две жены?“» Асан про себя немного подумал и сказал: «ну, давай, возьму и ее!» встал, пошел, привел муллу и обвенчал с собой эту девушку.

Через две ночи он взял те листья и пошел в царский дом. Он пришел туда, поклонился и сел; немного посидел и положил те листья перед царем. Царь сказал: «что это, сынок?» Асан сказал: «это те листья, за которыми ты меня посылал; я сходил и принес». Царь сказал: «хорошо, сынок, теперь ты свободен, иди к себе домой». Асан встал и пошел к себе домой. Когда он пришел домой, его жены спросили: «ну, что ты сделал?» Асан сказал: «ничего не делал, отдал листья и пришел».

Несколько дней спустя, опять в дом к Асану пришел один слуга; немного посидел, посмотрел его дом, его жен и ушел обратно. Он пошел к царю и сказал: «о царь, теперь Асан привел с собой такую жену, что его обе первые жены и все твои семь жен только служанки той новой жены, которую он привел».

čewā gušāi? nokár gušt: amé ke gušín, amé rang ast. pādešā gušt: bra, wazírā tawār kan ke bāit. nokár šut, wazírā gušt ke trā pādešā loṭit. wazír āt, be pādešā guštī: če? pādešā gušt: e mardākā čon ziyān a-kanāi? ešā ke ar sūne ke dém a-daāi ke e ziyān bīt, e bāz š-amāngū go wat yak-yak jwānén jānīk a-kārīt? ešī ilājā čon a-kanāi? wazír gušt ke ta byā ke yak dalíre digár am mašmā bekanán. pādešā gušt: če dalíre bekanán? wazír gušt ke táí pādešā Asánā belót, beguš ke mán-i pādešā ša táí Asán dā ročág ša murdagén mardumán awál a-loṭín, ke awānī awál čón int, agá dā ročā sarā ma gušāi, gúdā tī sar u mālā múčā pādešāi a-kanín. pādešā gušt: šar, ešā am kanín.

bāndā ke roč būt, yak mardúme pa Asánī padā dem dāt. Asán ke pādešāyā ke āt, salāme dāt u ništ. pādešā gušt: Asán, zānāi, muslāt če int? Asán gušt: na zānín ke muslāt če int. pādešā gušt: muslāt amēš int ke táí Asán dā ročág bāid ša murdagán amā rā awál beḏāi, agá dā ročāi sarā awāl ma daāi, gúdā tī sar u mālā múčā pādešāi a-kanín. Asāne ʔarīb aīrān būt ke e čunén abāre. ustāt u šut déme utí gešā. gešā ke sār būt, jēnén pursítant ke pādešā ša ta čewā loṭit? Asán gušt: pādešā ša man murdagānī awālānā pursít, mnā gušt ke ša ta dā ročág ša murdagán awāl

Царь сказал: «что ты говоришь?» Слуга сказал: «как я говорю, так и есть». Царь сказал: «иди, позови визиря, пусть придет». Слуга пошел и сказал визирю: «царь тебя требует». Визирь пришел к царю и сказал: «что?» Царь сказал: «как бы тебе уничтожить этого человечка? в какую сторону ты ни посылаешь его, чтобы он погиб, он оттуда опять приводит с собой красивую девушку; какое ты найдешь средство от него?» Визирь сказал: «давай, испытаем еще другое средство». Царь сказал: «какое же средство испытаем?» Визирь сказал: «ты, царь, позови Асана и скажи: „я, царь, требую от тебя, Асана, в десятидневный срок сведений о положении мертвых людей, каково их состояние; если ты через десять дней не скажешь, тогда я твою голову и имущество отберу в казну“». Царь сказал: «хорошо, сделаю и это».

На другой день, когда рассвело, он послал человека за Асаном. Асан пришел к царю, поклонился и сел. Царь сказал: «Асан, знаешь, в чем дело?» Асан сказал: «в чем дело, не знаю». Царь сказал: «дело в том, что тебе, Асану, надлежит в десятидневный срок дать нам сведения о положении умерших; если через десять дней не сообщишь, тогда твою голову и все твое имущество я отберу в казну». Бедняга Асан изумился: что это за слова! встал и пошел к своему дому. Когда он добрался до дома, его жены спросили: «что царь хочет от тебя?» Асан сказал: «царь спросил у меня о положении умерших! он сказал мне: „я требую от тебя в десятидневный срок сведений

a-loṭín. amá awalén ar du ḡenéní gúštant: pādešá ganóke yā ta Asán ganóke wāi? š-amá awálen ḡenénān yáke gušt: amé pādešá go ta čap kaptá, eš kāit ke trā ziyān bekánt. Asán gušt: šar, nūn muslāt čé int? amé nokén ḡenéní gušt: čéwā muslāt? Asán gušt: na ke pādešá ša man dā šapág murgānī awál a-loṭít? amé nokén ḡenéní yak káme dalír kurt.

Asán šārā šut-át, ša šārā ke Asán āt, amé nokén ḡenéní ešá tawār kurt, gúšti: āi mard, zānāi ke muslāt čé int? Asán gušt: man nūn ícīā na zānín ke muslāt čé int. ḡenéní gušt: man a-zānín, agá ta mnī abārā bezūrāi, man e gaští yā pādešá zīyān a-kanín yā trā. Asán gušt: mnī dastāi kāre bit, kanín; agá na, ša man zór būt, ke ícī. ḡeník gušt: bzūrāi, abāre nāint. Asán gušt ke begúš ke čunén abāre? ḡeník gušt: ta yak kámke paǰdā pkan, beyār. Asán kámke paǰdā kurt u āwúrt. ḡeník gušt ke bar, be maǰdānā mnādén, du yā sāi čugóg begír u beyār. Asán šut, du čugóg gipt u āwúrt, ḡeníkā dāt. ḡeník čugógānā zurt u čérī kurt. Asānā gušt: berá, pādešá begúš ke du azār uštúrāi bār dār paǰdā pkan wa sad man naptāi rogín, gúdā man trā ša murgān awál a-dāin. pādešá du azār uštúrāi bār dār āwúrt, be yak maǰdāne perént wa sad man naptāi rogín. Asānā loṭít. Asán sāili kurt u šut, utí

о положении умерших“. Первые две жены сказали: «или царь сошел с ума или ты, Асан, сумасшедший!» Из первых жен одна сказала: «царь с тобой не в ладах и хочет тебя погубить». Асан сказал: «хорошо, но что же теперь посоветуете делать?» Его новая жена сказала: «что же посоветовать?» Асан сказал: «так разве царь не требует с меня в десятидневный срок сведений о состоянии умерших?» Его новая жена немного задумалась.

Асан ходил в город, а когда он вернулся из города, его новая жена позвала его и сказала: «знаешь, муж, что надо сделать?» Асан сказал: «нет, что теперь делать, совсем не знаю!» Его жена сказала: «я знаю, и если ты послушаешь моих слов, на этот раз я или царя погублю или тебя». Асан сказал: «что смогу, сделаю; если же не смогу и окажется выше моих сил, тогда ничего не поделаешь!» Девушка сказала: «сможешь, слов нет!» Асан сказал: «скажи же, в чем дело». Девушка сказала: «найди и принеси какую-нибудь птичью ловушку». Асан нашел ловушку и принес. Девушка сказала: «отнеси ее, поставь в степи, поймай двух-трех воробьев и принеси их». Асан пошел, поймал двух воробьев, принес и отдал девушке. Девушка взяла воробьев, спрятала и сказала Асану: «иди и скажи царю: „доставь две тысячи верблюжьих вьюков дров и сто манов керосину, тогда я сообщу тебе об умерших“. Царь доставил две тысячи верблюжьих вьюков дров и сто манов керосину, сложил на площади и позвал Асана. Асан посмотрел, пошел к своей

ženénā gušt ke pādešā du azār uštúrāi bār dār wa sad man naptāi rogín āwurtá u plāná maǰdānā ištā. ženēni gušt: šar, ta nūn yak káre bekán: šapí berá, amódā ar če ke naptāi rogín ant, amāwānā be mā dārāni sará pāš dāi yā beréc, bíl, beyā. Asán šut u amódā ar če naptāi rogín átan, múcānā be mā dārāni sará ret u pādā āt. tārī ke roč būt, Asāni ženén Asānā gušt ke berá, pādešā begúš ke ar ka ke murdag dārít, bāndā tái pādešā āe rā síy a-kanāi, ke be mā dārāni jā bāit. pādešā am tārī šārāi mardúmānā múcānā si kurt ke ar kas ke murdagē dārít, tārī palāná dārāni jā berót. šārāi mardúm tārī múci be mā dārāni jā šútant.

š-āi bil u ša Asāni ženénā goš pkaš ke Asānā pánt dāti ke mašmā ke šútan, ta begúš ke šmā mardúm múče be dārāni sará balá bāit; mardúm ke balá bútant, gúḍā man am go ta kāin, čugógānā am go wat zūran, man u ta am ša āwān burzaktír a-rawán, koštán. wáxti ke šútan, oštátan, ta tawār pkan ke degár mardúm ast yā na; amé ke gúštant ke na, gúḍā ta begúš ke nápa šmā múče sáil kanit ke man šmā rā ša šmāi murdagán awál a-dāin. Asán u ženēni šútant be dārāni sará balá bútant. Asán tawār kurt ke degá mardúm ast yā na? pādešā gušt: nāint, zūt pkan!

жене и сказал, что царь доставил две тысячи верблюжьих вьюков дров и сто манов керосину и сложил на такой-то площади. Его жена сказала: «хорошо, теперь сделай вот что: сегодня ночью сходи туда и, сколько ни есть там керосину, весь его разбрызгай или разлей по дровам, оставь так и приходи». Асан пошел и, сколько там ни было керосину, весь его вылил на дрова и вернулся. Утром, когда взошло солнце, жена Асана сказала: «иди и скажи царю: „завтра ты, царь, объяви, чтобы каждый, у кого есть умершие, пришел к тем дровам!“». Царь утром же объявил всем жителям города, чтобы каждый, у кого есть умершие, отправился к таким-то дровам. На утро все жители города отправились к этим дровам.

Оставь это и послушай про жену Асана, которая дала Асану такой совет: «когда мы с тобой пойдем, ты скажи людям: „теперь все вы подымитесь на эти дрова“; когда они поднимутся, тогда придем и мы с тобой, и возьмем с собой воробьев; мы с тобой подыдем выше их и остановимся. Когда мы пойдем и уже остановимся, ты закричи: „есть еще другие люди или нет?“ когда скажут, что нет, тогда ты скажи: „ну, так, теперь вы все смотрите! я вам покажу состояние ваших умерших“». Асан и его жена пошли и поднялись на дрова. Асан закричал: «есть еще люди или нет?» Царь сказал: «нет, поторопись

ar číze dārāĭ, nišān bdāĭ. Asán gušt ke šmā múčē sāĭl pkánit, anūn šmā rā ša šmāĭ murdagān awāl a-daĭn. Asán yak čugóge yälá kurt, yak sāt gúdā 'e digá čugóg yállá, kurt, amé ke duyumién čugógā yälá kurt, Asáni ĵenén Asánā gušt ke awlakí ma baáĭ, man trā zūrín, ĵalágā ér a-kapín. Asán gušt: šar. ya-ga Asáni ĵenén ša wutí bagálā gogírde dār kurt u kašít u perént. Asánā čo bāze zurt, watí bagálā kurt u bē awā šut, dūrā ša dārān, ša awā er āt, bē degārā ništ u déme mardúmān sāĭl kúrtant ke e mardúm wa pādešā múči āmédā bun giptág ant u sotág ant. káme sāĭliš kurt u šútant watí gisā. ādā ke šútant, Asáni adigá ar duén ĵenénī ša Asánā pursítant ke čon kurtít? Asán gušt ke íči na kúrtan, pādešā wa wazírā wa bāzén mardúme rā go naptāĭ rogínā bun dātan u ātan, digá káre na kurtá-yan.

sāĭ čār ročā gúdā āmé šārāĭ mardúme ke mánt-atant, amé mardúm Asánā āmé šārāĭ pādešā kúrtant. gúštant ke e mardúm bāz u bāz šiwāren mardúme-e. š-amódā ĵístun u ātun. amé rang ke xudā Asáni murádānā dāt, ĵamí bandágāĭ murádānā xudā bdant. āmé asmānákā man Mamat-nūr Kalandári zāg ša Mír-xān námen mardúmā zúrtun, bi Saráxsi watánā.

и показывай, что у тебя есть». Асан сказал: «вы все смотрите! теперь я покажу вам состояние ваших умерших». Асан выпустил одного воробья; немного спустя выпустил еще воробья. Когда он выпустил второго воробья, жена Асана сказала ему: «не торопись, я тебя возьму и спущу вниз». Асан сказал: «хорошо». Тотчас жена Асана стала вынимать из-за пазухи спички, зажигать и бросать их. Она взяла Асана, точно сокола, положила его за пазуху и поднялась на воздух, и опять спустилась с воздуха и села на землю уже далеко от дров. Они посмотрели на людей: и люди, и царь, все там зажглись и горели. Они немного посмотрели и пошли к себе домой. Когда они дошли туда, обе другие жены Асана спросили его: «что вы сделали?» Асан сказал: «ничего не сделали, только подожгли керосином царя и визиря и множество народу, и пришли, а больше ничего не сделали!»

Через три-четыре дня оставшиеся в городе жители сделали Асана царем этого города; они говорили: «этот человек большой разумник». Оттуда я выскочил и пришел. Как бог исполнил желания Асана, так да исполнит бог желания всех людей! Эту сказку я, Мамат-нур, сын Каландара, воспринял от человека по имени Мир-хан в Серахской области.

III

būt na būt, ša mašmāi xudā getír káse na būt. yak pādišāe at. amé pādišā yak šāpe wāb a-gindít tā roč ša ingūr dār āt, ša ingūr ništ. bi amé watí wābāi tā am yak šuwānāge rā wāb a-gindít ki amé mnī wābāi mānīyā amā zānt, digā ič kas na zānt. karār tārienā ša watí jāgā ustāt u šut bi amā šuwānāgūiyā, amé šuwānāgā gúšti: man doší āncén wābe distág un. amé šuwānag go amé pādišā gúšti: jwānén wābe. amé pādišā gúšti: doší man bi watí gisā wápt-atun, wāb dístun tā roč š-éngūr dār āt, š-éngūr ništ. karār amé watí wābāi mānīyā zabr pa amé šwānāg gúšti. yak wār amé šwānāg gúšti: ta anūn amé pasānā bzūr u bar ódinā bi mnī bādārāi gisā, mnī sad pas ant, amā pasānā pa wat bzin. amé pādišā gúšti: nápa bāz jwān int-a. amé šwānāg šúti bi yak šārāi pānādā.

yak wār šap būti. amé šuwānāg am gušnāg būti. karār š-amódinā šut, bi yak gisāi pānādā, wat rā tikāi dāti. ta bzānāi yak jīnīke u yak záge watí abārā yáke kurtág ant ki šapí bjíyant. karār amé šwānāg dísti tā yak mardúme sāi γātír āurti u amé gisāi dapā básti u amédinā yak zanjīre at, amé zanjīrā péš kašiti, yak wār amā jīnikó ša gisāi tā

(III. Об овчаре, сделавшемся царем, вариант)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. Этот царь однажды ночью видит сон, что солнце взошло с этой стороны и с этой же стороны зашло. В сне он видит также одного овчара, будто бы только он знает значение этого сна, а больше никто не знает. Поэтому на утро он встал, пошел к этому овчару и сказал: «вот какой сон я видел ночью!» Овчар сказал царю: «хороший сон!» Царь сказал: «ночью я спал у себя дома и видел сон, что солнце с этой стороны взошло и с этой же стороны село». Короче говоря, он обстоятельно рассказал овчару содержание своего сна. Овчар тотчас сказал: «возьми теперь этих овец и отведи их в дом моего хозяина! тут и есть моих сто овец, этих овец возьми себе!» Царь сказал: «очень хорошо!» Овчар же направился в другой город.

Наступила ночь; овчар проголодался. Он пошел и прилег около одного дома. А тебе нужно знать, что одна девушка и один юноша сговорились в эту ночь бежать. Поэтому овчар увидел, что один человек привел трех мулов и привязал к дверям дома; там была цепочка, он потянул эту цепочку, и девушка стала выбрасывать из дома одежды, а этот человек под-

jul prénti, amé mardúm amá julánā āurti, bi amé γātiráni sará lađiti. ar
 če ki amá ĵinikó a-prént, amé mardúm a-kāurt, bi γātiráni sará lađit. yak
 wār amé mardúm žand būti, amé watí išk u áškā sǎli kurt, yak wār amé
 šwānágā disti, go amé šwānágā gúšti: āi lālā, ta ídinā pa če wáptag āi?
 amé šwānág gúšti: man bāz gušnág un. amé mardúm gúšti: ta byā, go man
 amá julánā bi γātiráni sará blađ, gúđinā man trā nān a-dāin. šwānág gúšti:
 nápa bāz ĵwān int-a, brawán. amé mardúm amé šwānágā zúrti u āurti amé-
 dinā ki amé ĵinikó julá prénti, gúšti: anūn ta amé julánā biyār bi γātiráni
 sará blađ ki man wat rā amédinā tiká dāin tānāxten. amá mardúm šúti,
 wat rā bi amé gisá tiká dāti. amé šwānág amé julánā ki amé ĵinikó a-prénti,
 amé šwānág kāurti bi amé γātiráni sará lađiti. ar če ki amé ĵinikó a-prénti,
 amé šwānág a-kāurti, bi γātiráni sará lađiti. amá mardúm ki tiká dāt-atī,
 bí tā amódinā wāb brāut.

karār amé ĵinikó ša gisá āti u amé šwānágā gúšti: bálken mni
 yār améš int. gúšti: suwār bāi, tā brawán ki agár mni pis āgá bit,
 man a-zānín ki mnā u trā kušit. amé šuwānág pa gāl u bal γātirá
 suwār būti. ā u amé ĵinikó ai kúrtant. šútant bi yak ĵāgāe. amé ĵinikó
 watí dilá pigr kúrti: e agár mni yār būtin, tā anūn go man yak abāre
 čize dāti, a^mmā bi mni dalírá e mni yār náint-a, ta byā ki man ameší rā
 pkāzmūin.

носил и выучил эти одежды на мулов. Все, что девушка выбрасывала, этот человек приносил и выучил на мулов. Потом этот человек утомился, стал смотреть вокруг себя, увидел этого овчара и сказал ему: «ты, братец, зачем тут лежишь?» Овчар сказал: «я очень голоден». Этот человек сказал: «пди и навьючь со мной эти одежды на мулов, тогда я дам тебе поесть». Овчар сказал: «очень хорошо, пойдем». Этот человек взял овчара, привел туда, где девушка набросала одежды, и сказал: «перенеси теперь эти одежды и навьючь на мулов, а я пока здесь прилягу». Этот человек пошел и прилег около дома, а овчар стал подносить и выучить на мулов те одежды, которые девушка бросала. Оставь того человека, который там прилег, пусть спит там.

Итак, девушка пришла из дому и подумала про этого овчара: «конечно, это мой возлюбленный!» Она сказала: «садись верхом и поедем! если мой отец проснется, я ведь знаю, что он убьет и тебя и меня!» Овчар с радостью сел на мула. Он и девушка поскакали. Они доехали до одного места, и девушка стала задумываться: «если бы это был мой возлюбленный, он бы сказал мне что-нибудь до сих пор! пожалуй, это не мой возлюбленный, дай-ка, я его испытаю!»

amé dāul bi rá šútant, amé ĵinikó dísti tā amédinā čunén erezí-e. yak wār amé ĵinikó gúšti: bābāĵ másten, amédinā mnī pisāĵ asp būtin-ant, amé erezānā bwártin-ant, man am ódinā mníštin-un! amé šwānág íči na gúšti. š-amódinā šútant bi yak ĵāgāe. amé ĵinikó dísti tā amédinā čunén ĵikíe. yak wār gúšti: bābāĵ másten, amédinā mnī pisāĵ uštúr būtin-ant, ki amé ĵikānā bwártin-ant, man am bi ā dikāĵ sarā gwāzí pkúrtin-un! amé šwānág íčiyā na gušít. demtírā ki šútant, yak wār amé ĵinikó sáĵli kúrti, dísti tā amédinā čunén baāríe. yak wār amé ĵinikó gúšti: bābāĵ másten, amédinā mnī pisāĵ ramág pčártin, man am ódinā gwāzí pkúrtin-un! yak wār amé šwānág šipóli kúrti, yak wār amé ĵinikó šut démi šwānágā, go amé šwānágā gúšti: awálā man na zántun ki ta čunén mardúme wāĵ, anūn ta ki mnā āúrtāĵ, anūn aĵ pkanán watí aspānā. agár anūn mnī pisāĵ pairā sí bayánt, gúdinā kāyánt pa mašmāĵ ĵānā. zúte pkan, gisotág, ki mašmā brawán bi yak ĵāgāe ki duwārág mašmā rá mnī pis ma gindít. amé šwānág gúšti: nápa aĵ pkan bi mnī padā tā mašmā brawán pa wat. amé ĵinikó aĵ kurt bi amé šwānágāĵ padā.

šútant bi yak ĵāgāe, žand būtant. amódinā er káptant. amé ĵinikó amé šwānágā gúšti: ta bra, ā baryakí a-gindāĵ? amé šwānág gúšti: gindín. amé ĵinikó gúšti: amé aspā suwār bāĵ u bra, ša amā āpān pa mašmā āp bzūr u biyār. amé šwānág gúšti: mašmā máške na dārán. amé ĵinikó gúšti: dārán.

Так они ехали по дороге, пока девушка не увидела в одном месте: какой здесь замечательный клевер! Девушка сказала: «как было бы хорошо, если бы здесь находились лошади моего отца, ели бы эту траву, и я бы сидела тут же!» Овчар ничего не сказал. Оттуда они поехали в другое место, и девушка увидела: какая здесь верблюжья колючка! Она сказала: «как хорошо было бы, если бы здесь были верблюды моего отца, ели бы эту колючку, а я бы играла на этом холме!» Овчар ничего не сказал. Они поехали дальше; вдруг девушка посмотрела и увидела: какая здесь роскошная зелень! Девушка сказала: «как хорошо было бы, если бы здесь паслись овцы моего отца, и я бы тоже там играла!» Овчар вдруг свиснул; девушка тотчас обратилась к нему и сказала: «я сначала не знала, что ты за человек! теперь же, раз уж ты меня привез, погоним теперь своих лошадей, потому что, если слуги моего отца догадаются, они бросятся за нами. Поторопись, бездомный! поедem в такое место, чтобы мой отец нас больше не видел». Овчар сказал: «ну, так скачи за мной, и поедem!» Девушка поскакала сзади овчара.

Они доехали до одного места, устали и там остановились. Девушка сказала овчару: «подойди-ка, ты видишь там этот блеск?» Овчар сказал: «вижу». Девушка сказала: «садись на эту лошадь, съезди, возьми для нас воды и привези!»

amé mašká ĵinikó āurti, bi šwānágāi dastā dāt. amé šwānág šut, ša amé aspān yáke rā gipt u suwār būti u šúti pa āpā. amé watí mašká āpi kúrti. amé ki yak čánke āp zúrti, dísti tā amé āp tilā būtant. yak wār amé šwānág gipt, amé tilānā, bi watí tapúrāi gošāi tā prénti u wat amé watí mašká zurt u burt, bi aspāi sarā kúrti. wat am amé aspā suwār būti u ai kúrti u šúti bi ĵinikóyāiyā. ódinā ki šut, go ĵinikóā íči na gušt.

amé ĵinikó gúšti: bra, ódinā āptāwáge, amā āptāwágā biyār, yak káme āp bi tái pkan u bi ātíšāi sarā bil tā još pkanánt ki masmā yak káme čā bóran. amé šwānág šut, amā āptāwágā zurt u āurti, ša amé mašká yak káme āp kúrti, burt, bi ātíšāi sarā íšti tā još pkant. dār čumolí kúrti u bi sarāi bír dāt. amé ki još kúrti, ša ātíšāi sarā āurti, bi amé ĵinikóāi demā íšti. ĵinikó go amé šwānágā gúšti: ta bra, amā mašmāi urĵināi tā du piyālā astant, am-āwānā bzūr u biyār ki mašmā čā bóran. amé šwānág šut, š-amé urĵināi tā amé piyālānā dārī kúrti u āurti, bi amé ĵinikóāi demā íšti u wat šut, dūrā níšti. amé ĵinikó ar če amé šwānágā tawāri kúrti ki biyā, go man čā bor, amé šwānág náy-āti. karār amé ĵinikó wat nān u čā wárti, pa amé šwānágā am káme íšti. amé ki wat wárti, wat rā séri kúrti, agdarānā íšti u wat šut, dūrā níšti. amé šwānág āti, amé nānānā go amé čān wárti u šúti, pa duwārág dūrā níšti.

Овчар сказал: «у нас нет меха». Девушка сказала: «есть». Девушка принесла мех и дала овчару. Овчар пошел, взял одну из лошадей, сел верхом и поехал за водой; наполнил водой свой мех. Как только он зачерпнул горсть воды, он увидел, что вода превратилась в золотые монеты. Овчар тотчас взял золотые монеты и завернул их в край копыты; взял также мех, отнес, положил на лошадь, а сам сел на лошадь, погнал ее и поехал к девушке. Когда он туда доехал, он девушке ничего не сказал.

Девушка сказала: «там есть кувшин, сходи-ка, принеси этот кувшин, налей в него немного воды и поставь на огонь, пусть закипит; мы попьем немного чаю!» Овчар пошел, взял кувшин, принес, налил в него немного воды из меха, отнес и поставил на огонь вскипятить; наложил дров и поставил сверху. Как только вода закипела, он снял с огня, принес и поставил перед девушкой. Девушка сказала овчару: «в нашей переметной суме есть две чашки, сходи-ка, возьми их и принеси, будем пить чай!» Овчар пошел, вынул чашки из сумки, принес и поставил перед девушкой, а сам пошел и сел поодаль. Сколько девушка ни звала овчара: приходи, дескать, пить со мной чай, овчар не приходил. Девушка сама поела и попила чаю, а немного оставила для овчара. Когда она поела и насытилась, она часть оставила, а сама пошла и села поодаль. Тогда овчар подошел, попил чаю и поел хлеба, а сам опять отошел и сел поодаль.

yak wār amé ĵinikó amé šwānágā tawār kúrti u gúšti: ta bra, amé āptāwágā bzūr u bar. yak káme āp pkan u bar, bi ātíšāi sará bil tā garm bayánt. amé šuwānág šúti, amé āptāwágā zúrti, búrti, ša mašká āpi kúrti u āúrti, bi ātíšāi sará íšti, dār am bír dāti tā garm bayánt. amé ĵinikó go amé šwānágā gúšti: ta bra, watí āpānā sāil pkan ki bārén zabr garm bütág-ant yā na. amé šwānág š-amódinā áti bi amé watí āpānīyā. amé watí āpānā sáili kúrti tā mnī āp čo garm bütág-ant. amé āpānā zúrti u āúrti bi ĵinikóāiyā, go amé ĵinikóā gúšti: mnī āp čo garm bütág-ant. amé ĵinikó go amé šwānágā gúšti: ta anūn watí pučānā pkaš, yā awálā watí pučānā ma kaš, awálā watí kulá dār pkan. amé šwānág gúšti: nápa bāz ĵwān int-a. karār awálā watí kulá kašiti. amé ĵinikó amé sorén āpānā bi amé šwānágāi sará rēti. amé šwānág ar če grēti, amé ĵinikó nájšti. amé ĵinikó amé šwānágāi sará zabr šúšti u zabr eši jānā šúšti, nokén puč bi amé šwānágāi jānā dāti. gúšti: anūn ta bra, mašmāi aspānā biyār ki mašmā blađán, brawán. amé šwānág šut, aspāna āúrti, š-amódinā lađítant u šútant bi yak ĵāgāe.

šútant u šútant, bi yak šārāi pānādā ér kurtánt. amé ĵinikó amé šwānágā gúšti: ta bra, yak áspe rā suwār bāi u bra bi amé šārāi pādišāyā. amé ki šútāi bi šārāi pānādā, ič íngūr u ángūr sāil ma kan, rástam déme amé watí aspāi gardínā sāil pkan, ódinā ki šútāi bi pādišāāi gisá, awálā

Девушка позвала овчара и сказала: «сходи-ка, возьми кувшин, набери в него немного воды, снеси и поставь на огонь согреть». Овчар пошел, взял кувшин, понес, налил из меха воды, принес и поставил на огонь и наложил дров, чтобы согреть. Девушка сказала овчару: «сходи, посмотри воду, хорошо ли она нагрелась». Овчар пошел к воде и посмотрел свою воду: как хорошо она нагрелась! Он взял воду, принес девушке и сказал: «вот как нагрелась моя вода!» Девушка сказала овчару: «теперь ты разденься! или сначала не раздевайся, а сними свою шапку!» Овчар сказал: «ну, хорошо!» Сначала он снял свою шапку, а девушка стала лить ему на голову горячую воду. Как овчар ни плакался, девушка не переставала. Девушка хорошенько вымыла овчару голову и отмыла его тело, а потом дала ему новое платье и сказала: «теперь сходи и приведи наших лошадей, уложимся и поедем». Овчар пошел и привел лошадей, они выступили оттуда и поехали в другое место.

Ехали, ехали, остановились около одного города. Девушка сказала овчару: «садись на лошадь и поезжай к царю этого города, только, когда поедешь по городу, не глазей туда и сюда, а смотри только на шею своей лошади. Когда ты попадешь в царский дом, сначала с тобой поздороваются, потом прине-

wašāmád go ta kanánt, gúḍinā apt tām nān u seb u gošt u ame ḍāḷlén
číz a-kāránt pa ta, na ki ta čo watí awálāi šwānagíāi xayālā pkánāi, ša ar
tāme yak-yak majmá bórāi, ā ḍāḷl na ki pkánāi, ša ar tāme yak-yak lunká
bórāi ki ar káse ki trā bgindít, bzānt ki e pādišā zādāge. gúḍinā pādišā
trā pursít ki āi bābā, ta pa če átag-āi? ta gúḍinā bguš: āi bābā, man
pa amé xātírā átag-un bi tīyā: man ástun plānā pādišāāi zāg. man átag-un
bi tīyā, man ša watí pisā zār būtág-un wa man dārín yak jínéne. anún ta
amá rá bi amé watí šār u kalátāi tā amá rá yak gíse bdāyāi, čo zabr int! ki
amá-m bi tī pānāda mníndan.

amé šwānág šut, watí aspā āúrti, zabr zen u lagāmī kúrti u suwār
būti u āi kúrti u šúti. amé ki bi šārāi pānādā ki rástī, rāstám déme amé
aspāi gardínā sáili kúrti, karār šúti bi pādišāāi gisā, amé ki šut, bi pādi-
šāāi gisāi demā ki rast, pādišāāi muzūr dístant amé šwānágā. átant, amé
šwānágāi aspā gíptant u bástant u amé šwānág áti bi pādišāāi gisā. ān
čoš ki áti, go pādišā yak wašāmāde kúrti, yak katrāe digár ki büt, pa eší
nān āúrtant apt tām. amé ki amé šwānágāi dastānā šúštant, gúḍinā nānānā
āúrtant, bi ameší pānādā íštant. pādišāāi jind am áti, go amé šwānágā
nān wárti. amé šwānág ša ar tāme yak-yak lunká wárti. amé pādišā amé

суть тебе семь различных кушаний: хлеба, яблок, мяса и тому подобных вещей. Только ты не поступай по своему прежнему пастушескому обыкновению, чтобы от каждого кушанья есть целое блюдо, так не поступай, а от каждого кушанья ешь по кусочку, чтобы каждый, кто тебя увидит, знал, что это царский сын. Потом царь тебя спросит: что, мол, сынок, с какой целью ты пришел? Тогда ты скажи: „батюшка, я пришел к тебе с таким намерением: я сын такого-то царя и пришел к тебе, потому что я поссорился со своим отцом; у меня есть жена, и если бы ты дал нам в своем городе и крепости какое-нибудь жилище, как было бы хорошо! и мы бы жили у тебя!“»

Овчар пошел, привел свою лошадь, тщательно ее оседлал и взнуздал, сел верхом, погнал и поехал. Когда он доехал до города, он глядел только на шею своей лошади и так доехал до царского дома. Когда он подъехал к царскому дому, царские слуги увидели этого овчара, подошли, взяли лошадь и привязали; овчар вошел в царский дом. Как только он вошел, он поздоровался с царем, и когда прошло немного времени, ему предложили кушанья, семь блюд. После того как овчару помыли руки, поднесли кушанья и поставили возле него. Сам царь также подошел и ел кушанья с овчаром. Овчар от каждого блюда ел по одному куску. Как только царь заметил, что овчар от каждого

šwānágā ki dist ki e ša ar táme yak-yak lunká wárti, amé pādišá aīrān mánti wa watí dilá gúšti: e ar já int-a, pādišá zādáge. amé ki nān wár-tant, amé pādišá ša amé šwānágā pursít ki äi bābā, ta maróči pa čé átag-äi bi mnī gisá? pa kār-māre yā na, wat átag-äi? amé šwānág gúšti: man plāná pādišāäi zág-un wa man ša watí pisá zār bütág-un, wa man yak jī-néne dārín, wa man anūn átag-un bi tī šārā. agār ta mnā bi watí šārā yak gise bdāyāi, čo zabr int-a! amé pādišá gúšti: nápa bāz jwān int-a. yak gise bi amé šwānágā dāti. anūn, gúšti, ta bra, watí jīnénā am bzūr u biyār. amé šwānág gúšti: man anūn yak muzūre u yak āšpāze girín ki tānāxten amí-dinā pa amā nān pačít u tayār pkant. amé pādišá gúšti: nápa bāz jwān int-a.

karār pādišá pādā šúti bi watí gisá, amé šwānág am šúti, du muzūr gípti u āurti, bi amé gisāyā íšti. amé muzūrānā gúšti: ša šmā yak tānāx-ten amé gisā pāk pkant u yáke digār am tānāxten pa amā nān u gošt pačít. amé šwānág šut, watí aspā suwār bütī u šut bi watí jīnénāyā. amé ki átī bi watí jīnénā, go watí jīnénā gúšti: man šútun bi pādišāyā, pa mašmā yak gise alās kúrtun wa du muzūr am gíptun ki tānāxten pa mašmā nān pačánt wa yáke digār am tānāxten gisā pāk pkant. amé jīnikó gúšti: nápa bāz jwān int-a, anūn bladán u brawán. e lađítant u šútant bi watí gisá. amé ki rástant, dístant tā gisá čo zabr pāk kurtág-ant.

блюда ест только по одному куску, царь удивился и сказал про себя: «это во всяком случае царский сын!» Когда они поели, царь спросил у овчара: «с какой целью, сынок, сегодня ты пришел в мой дом? по какому-нибудь делу, или так себе пришел?» Овчар сказал: «я сын такого-то царя, и я поссорился со своим отцом; у меня есть жена; теперь я пришел в твой город, и если теперь ты мне дашь жилище в своем городе, как было бы хорошо!» Царь сказал: «ну, очень хорошо!» и дал дом этому овчару. «Теперь», сказал он, «иди, бери и привози свою жену». Овчар сказал: «теперь я возьму слугу и повара, чтобы он тем временем сварил и приготовил для нас кушанье». Царь сказал: «ну, очень хорошо!»

Итак, царь пошел к себе; овчар также пошел, взял двух слуг, привел и оставил у себя дома. Он сказал своим слугам: «один из вас пусть пока приберет дом, а другой испечет для нас хлеб и сварит мясо». Овчар пошел, сел на свою лошадь и поехал к своей жене. Когда он приехал к своей жене, он сказал: «я ходил к царю, снял для нас дом и взял также двух слуг, чтобы они испекли для нас хлеб, а чтобы другой тем временем прибрал дом». Девушка сказала: «ну, очень хорошо, теперь уложимся и поедем». Они уложились и поехали в свой дом и, когда приехали, увидели, как хорошо прибран дом.

amé ki putrítant bi watí gisáĭ tā, amé ki nān wártant, yak wār amé ĵinikó go amé šwānágā gúšti: ta anūn bra, ša amé šārāĭ tā yak mullāe rā paidā pkan u biyār ki mašmā rā neké bdant. amé šwānág š-amódinā šut, bi amé pādišāāĭ šārā tā gāšti, bi šārāĭ tā ič kasā nāĭnt-a. karār š-amódinā šut, amé pādišāāĭ mīrzā āurtī, gúšti: anūn ta amā rā neké bdāĭ. amé pādišāāĭ mīrzā ešī rā u amé ĵinikōā neké dātī, dīstī tā amé ĵinik čunén ĵwānéne. amé šwānág watí dastā bi watí kitōā búrtī, yak tilāe kašitī, bi amé pādišāāĭ mīrzā dātī. amé pādišāāĭ mīrzā pa gāl u bal zúrtī u šútī bi pādisāāĭā. ódinā go pādšā gúšti: āĭ pādšā, ħābli ālām, amédinā yak čorīe ast, aĵāben ĵinéne dārīt, maróči ātī pa mnī padā, go man gúšti: byā, brawán, mnā bi mnī ĵinénā neké bdāĭ. man šútun, āe rā neké dātun u wat ātun. ān čoš ki neké dātun, amā čorī watí dastā bi watí kitōā búrtī, mnā yak tilāāĭ ħukúre dātī. man zúrtun u āurtun bi tíyā. anūn ta āe rā kušāĭ yā na? amé pādišā watí muzúrānā loĭtīt, gúšti: šmā brāit, amāe rā byārit. amé pādšāāĭ muzúr š-amódinā ātant bi amé zāgāĭ gisā, go amé zāgā gúštant: amā rā pādšā pa tī padā dem dātagī, ta byā ki mašmā brawán. amé zāg go amé pādšāāĭ muzúrān gúšti: šmā tānāxten brāit, man gúdā kāin. amé pādšāāĭ muzúr š-amédinā ātant pādā bi pādišāāĭ gisā. amé ki rástant, bi pādšāāĭā ātant, gúštant go pādšā: āĭ pādšā, amā zāg ki ā-róči bi tī gisā ātī, amā int-a, yak katrāe d'ga kāĭt.

Когда они вошли в свой дом и поели, девушка сказала овчару: «теперь сходи, отыщи в этом городе муллу и приведи, чтобы он нас обвенчал». Овчар вышел и стал ходить по городу этого царя, а в этом городе никого нет! Он пошел, привел царского писаря и сказал ему: «обвенчай нас!» Царский писарь повенчал его и эту девушку, и увидел, как хороша эта девушка. Овчар опустил свою руку в карман, вынул один золотой и дал царскому писарю. Царский писарь с радостью взял и пошел к царю. Там он сказал царю: «о царь, средоточие вселенной, здесь есть один юноша, и у него удивительная жена! сегодня он приходил за мной и сказал мне: „давай, пойдем! обвенчай меня с моей женой!“ Я пошел, обвенчал его и пришел; когда я его обвенчал, этот юноша опустил свою руку в карман и дал мне кусок золота; я взял и принес тебе; убьешь ты его теперь или нет?» Царь позвал своих слуг и сказал: «сходите, приведите его!» Царские слуги пришли в дом юноши и сказали: «царь нас послал за тобой, пойдем!» Юноша сказал царским слугам: «идите пока, а я приду попозже». Царские слуги вернулись оттуда в царский дом. Когда они подошли и вошли к царю, они сказали: «о царь, это тот самый юноша, который тогда приходил в твой дом! он придет, немного погодя».

karár, amé šwānágā amé ĵinikó pánte dant: amé ki ta šútāi, awálā maj-lís a-kánt, gúdinā ki ta yak sáte níštāi, gúdinā wát a-gušít ki e mardā anún mašmá elá pkanán ki e mard nok arosíe. amé šwānág átī bi pādšāāi gisá. amé ki rástī, dístī tā pādšā majlís kurtagí. amé ki wašāmáde číze kúrtant, yak sáte digá büt, pādšā gúštī: e čoríyā anún mašmá elá pkanán ki brāut, pa če ki e čorí nok arosíe. yak sáte digár büt, pādšā amé šwānágā gúštī: man ša ta loťín yak majmáe tilá, yak majmáe ĵuwáir, anún bra. amé šwānág š-amódinā átī bi watí gisá. amé ĵinikó amé šwānágā pursítī: go ta pādšā cé gúštī? amé šwānág gúštī: pādšā ša man yak majmáe tilá u yak majmáe ĵuwáir loťítī. amé ĵinikó gúštī: ta amá tilánā ša guĵámadā āúrtāi, pádā bra, š-amódinā byār.

amé šwānág š-amódinā šútī bi amá ĵágá ki awálā tilá díst-atī. amé ki bi amá čamágāi pānádā šut, yak wār dístī, tā amédinā yak débe dédi yak ĵinikóe rá giptagí. yak wār a-bártī bi ā pānádā, kilít u wānít, amé ĵinikóāi sar ĵitá bīt. pa duwārág kārít, yak ĵā kant, bāz duwārág wānít, amé ĵinikóā mardúme kant. ar če ki amá deb a-wānt, amāi wāntínānā amé šwānág zúrtī. amé ki roč nazík mānt ki mnindít, yak wār amé deb amé ĵinikóā gíptī, búrtī, bi watí demá íštī u wāntī. amé ĵinikóāi sarág ángūr kapt, pádī

Между тем, эта девушка дает овчару совет: «когда ты придешь, сначала у него будет совет, а когда ты часок посидишь, он сам скажет, что, мы, дескать, отпустим теперь этого человека, потому что он новобрачный». Овчар пришел в царский дом. Как только он дошел, он увидел, что у царя собран совет. Когда они поздоровались и прошло некоторое время, царь сказал: «отпустим теперь этого юношу, пусть идет, потому что он новобрачный!» Еще через некоторое время царь сказал овчару: «я хочу от тебя одно блюдо золота и одно блюдо драгоценностей, а теперь иди!» Овчар пришел оттуда к себе домой. Девушка спросила овчара: «что тебе сказал царь?» Овчар сказал: «царь потребовал у меня одно блюдо золота и одно блюдо драгоценностей». Девушка сказала: «сходи опять туда, откуда ты принес то золото, и принеси оттуда еще!»

Овчар опять пошел в то место, где нашел золото в самом начале. Когда он пришел к источнику, он сразу увидел, что там какой-то див схватил одну девушку. Один раз он тащит ее в одну сторону, оставляет ее, читает заклинание, и голова этой девушки отделяется; другой раз он ее приносит, складывает вместе, вторично читает заклинание и девушку вновь делает человеком. Все, что тот див читал, все его заклинания овчар запомнил. Как только солнце было близко к заходу, див взял девушку, отнес, поставил перед собой и прочел заклинание. Голова девушки упала в одну сторону, ноги — в дру-

āngūr káptant u wat išt u šut. amé ki ša sāi koá áškā šut ki paná bŭtī, yak wār amé šwānág gíptī, amé ĵinikóāi sarág u pādágānā, āurt, yak jā kŭrtī, ištī, lagít bi al-u-úlā, al ĵātī, yak wār amé ĵinikóāi sarág u pādág yak jā bŭtant. ĵinikó drŭā bŭtī. amé ki drŭā bŭtī, yak wār sālī kŭrtī, dístī tā amé mnī pānādā mardúme oštātagí. yak wār ša amé šwānágā pursít ki ta ša guĵāngūr ātag-āi? amé šwānág ešī rā ĵawáb dātī: man ša plānā jā ātag-un u man trā dístun ki e kāperén deb e ḍaḥlā kant, trā yak wār a-kušít wa yak wār zindág a-kánt. mnī dil pa ta sótī. anŭn agár ta go man a-rawāi, biyā tā brawán. amé ĵinikó gúštī: nápa bāz ĵuwán int-a, man go ta raín, ta tānāxten amédinā mnind, man anŭn a-rāín, watī bālānā kārín, gúḍā mašmā rawán. amé šwānág gúštī: nápa bāz ĵuwán int-a, bra, biyār watī bālānā. amé ĵinikó šut, watī bālānā āurtī. amé šwānágā gúštī: nápa brawán. š-amódinā šŭtant.

amé ki yak ṭukŭre rá šŭtant, yak wār amé šwānág gúštī: mnā pādšā dem dātagí pa tilā ki man p-āi tilā barín. amé ĵinikó gúštī: čínka tilā ta p-āi^v a-barāi? amé šwānág gušt: yak maĵmāe tilā u yak maĵmāe ĵuwāir. amé ĵinikó gúštī: ta ič ħusā ma war, brawán, man pa ta tayār a-kanín. karār šŭtant amé šwānágāi gisā. yak wār amé ĵinikó amé šwānágā gúštī: ta amā maĵmānā bdāi mnā. karār amé šwānág amā maĵmānā dātī. amé ĵinikó gipt amé maĵmānā, bi watī demā ištī. yak wār amé šwānágā

гую; он оставил ее, а сам ушел. Как только он ушел за три горы и скрылся там, овчар тотчас взял и принес голову и ноги девушки; сложил их вместе, оставил и принялся за отчитывания и заклинания, — немедленно голова и ноги девушки воссоединились, и девушка стала невредима. Когда она ожила, она посмотрела и увидела: возле меня стоит человек! Она тотчас спросила овчара: «откуда ты пришел?» Овчар ответил ей: «я пришел из такого-то места и увидел, что этот поганый див так поступает с тобой, то убивает тебя, то оживляет. Мое сердце вспыхнуло к тебе. Теперь, если ты со мной пойдешь, давай, пойдём!» Девушка сказала: «очень хорошо, я пойду с тобой, но пока посиди здесь! я сейчас пойду, только принесу свои крылья, а потом мы пойдём!» Овчар сказал: «ну, хорошо, сходи, принеси свои крылья». Девушка пошла, принесла свои крылья и сказала овчару: «ну, пойдём!» Они оттуда пошли.

Когда они немножко прошли, овчар вдруг сказал: «меня ведь царь послал за золотом, чтобы я ему принес золота!» Девушка сказала: «сколько золота ты должен ему отнести?» Овчар сказал: «одно блюдо золота и одно блюдо драгоценностей». Девушка сказала: «ты не печалься, пойдём, я для тебя приготовлю». Они пошли в дом овчара. Девушка сказала овчару: «дай мне те блюда», Овчар дал блюда. Девушка взяла эти блюда, поставила перед собой и сказала

gúšti: anún ta yak abáre bguš ki mnā andág bgīt. amé šwānág yak abáre dāt, yak wār amé jinikó andít, yak majmáe pur büt ša tilá. pa duwārág gúšti: yak abáre digá bdäi ki mnā andág bgīt. yak abáre digá dātī, amé jinikó andítī, yak majmáe digá pur büt ša juwáirā. amé šwānág amé juwáirānā búrtī bi pādšāāi gisá, dātī. amé ki pādšā dístī, aīrān mānt wa gúšti: ešī gis bún gīt, e čunén baláe! man ešī rā gúštun: ta bra, pa man yak majmáe tilá biyár u yak majmáe juwáir biyár, e šut, áurtī!

karár pādšā ešī rā gúšti: ša ta loṭín, ša mnī apt puštāi murdagán awál biyárāi. amé šwānág gúšti: nápa bāz juwán int-a. pa duwārág amé šwānág átī bi amé pādšāāi mīrzāāyā, go amé mīrzā gúšti: ta biyá, brawán, mnā go mnī jinénā neké bdäi. amé pādšāāi mīrzā átī bi amé šwānágāi gisá. amé šwānág gúšti: e mnī jinén int-a, ta anún mnā neké bdäi. karár amé mīrzā sāilī kúrtī, dístī tā ešī gis bún gīt, e aīáben jinikóe anún áurtāgi. amé pādšāāi mīrzā amé zāgá u amé jinikóā neké dātī. amé šwānág pa duwārág watī dastá bi watī kitóā búrtī, yak tiláe kašit u dātī bi amé pādšāāi mīrzā. amé pādšāāi mīrzā amé zarānā zúrtī u búrtī bi pādšāāi gisá. amé šuwānágāi jinén ša šwānágā pursítī ki trā pādšā če gúšti? amé šuwānág gúšti: pādšā go man gúšti: man ša ta loṭín, bi amé du ročā ša mnī apt puštāi murdagán awále biyárāi. amé jinikó go šwānágā gúšti: man pa ta

овчару: «теперь скажи мне что-нибудь, чтобы меня забрал смех». Овчар сказал, девушка рассмеялась, и блюдо наполнилось золотом. Она вторично сказала: «скажи еще что-нибудь, чтобы меня забрал смех». Он еще сказал, девушка рассмеялась, и другое блюдо наполнилось драгоценностями. Овчар отнес эти драгоценности в царский дом и отдал. Как только царь увидел, он удивился и сказал: «пусть сгорит его дом! что он за пройдоха! я ему сказал: „сходи, принеси для меня блюдо золота и блюдо драгоценностей!“ он пошел и принес».

Короче говоря, царь сказал ему: «я требую от тебя, чтобы ты принес известия о семи поколениях моих умерших!» Овчар сказал: «ну, очень хорошо!» Овчар опять пришел к царскому писарю и сказал: «давай, пойдем! обвенчай меня с моей женой!» Овчар и царский писарь пришли в дом к овчару. Овчар сказал: «вот моя жена! теперь обвенчай меня». Писарь стал смотреть: что за удивительную девушку он теперь привез, пусть сгорит его дом! Царский писарь обвенчал юношу с этой девушкой. Овчар опять опустил руку в карман, вынул золотой и дал его царскому писарю. Царский писарь взял золото и отнес его в дом к царю. А жена овчара спросила: «что тебе сказал царь?» Овчар сказал: «царь мне сказал: „я требую от тебя, чтобы ты в двухдневный срок принес сведения о семи поколениях моих умерших“». Девушка

yak xáte nimisín, ta amé xatá bzūr u bar u š-amódinā ki ta mnā āurtāi, na ki rástam pa duwārág š-amódinā brawái ki maróči amá debái waxt int-a ki kái. amé jinikó gipt, yak xáte nimíst u dátī bi amé šwānágāi dastá. go amé šwānágā gúšti: amé ki šútāi ódinā bi goristānyā, amé đāul ki watí aspá suwār-āi, amé đāul bošt u tawār pkan, bguš ki āi Zar-bibí, ā wat jawáb a-dánt, ta gúđā bguš ki biyá, e xatá bzūr ki plāná kas pa ta dem dātagí.

karār amé šwānág šut, ša watí aspán yáke rá zēnī kurt u suwār būt u šútī. amé ki šútī bi goristānāi sará, uštát u tawār kúrtī ki āi Zar-bibí, āi Zar-bibí! yak wār amá Zar-bibí ša yak gorá tā ustát u jawáb dátī, gúšti: če? ta káy-āi? amé šwānág gúšti: biyá, e xatá bwān ki pa ta ātagí. amé Zar-bibí š-amódinā ātī, amé xatá zítī ša šwānágāi dastá u wántī. gúšti: anūn man pa ta e xatāi mānīyā nimisín, ta tānāxten amédinā bošt. Zar-bibí šut bi watí jágá, amé xatāi jawábā amé đāul nimístī: amá pādšāāi bún-pīrúk gujá paidá būtagí u ká int-a námī, ameshānā gírdānā bi yak damá nimíst u āurtī, bi šwānágāi dastá dāt. amé šwānág dístī tā eši gis bún gīt, e čunén mazānen xáte nimistagí. amé xatá šwānág zurt u āurt bi watí jinénāi. amé šwānágāi jinén wānt wa gúšti: rást int-a, amé xatá bāndā bzūr u bar bi pādšāāi. tārienā amá xatá ā zurt u burt bi pādšāāi gisá, bi pādšāāi dastá dāt. amé pādšā aīrān mānt ki e čunén balāe

сказала овчару: «я тебе напишу письмо, возьми это письмо и отвези туда, откуда ты меня привез, но только прямо поезжай туда, потому что сегодня время прихода дива». Девушка взяла, написала письмо, вручила овчару и сказала ему: «когда приедешь туда на кладбище, ты так и оставайся, как есть, верхом на лошади, и закричи: „о Зар-биби!“ Она сама отзовется; тогда ты скажи: „приди и возьми это письмо, которое такая-то тебе послала“».

Итак, овчар пошел, оседлал одну из своих лошадей, сел и поехал. Как только подъехал к кладбищу, он остановился и закричал: «о Зар-биби, о Зар-биби!» Вдруг эта Зар-биби встала из одной могилы, откликнулась и сказала: «что? ты кто?» Овчар сказал: «приди и прочти это письмо, которое пришло к тебе!» Зар-биби подошла оттуда, взяла письмо из рук овчара, прочитала и сказала: «я сейчас напишу тебе ответ на письмо, пока подожди здесь». Зар-биби пошла к себе и написала ответ на это письмо: где родился предок этого царя и каково его имя, — в один миг всех их написала, принесла и дала в руки овчару. Овчар увидел: какое большое письмо она написала, пусть сгорит ее дом! Овчар взял это письмо и принес своей жене. Жена овчара прочитала и сказала: «правильно! завтра это письмо возьми и отнеси царю». На утро он взял это письмо, отнес в царский дом и дал царю в руки. Царь изумился:

ki ša mnī apt puštāi murdagān awāl āurti. pādšā loṭit watí mullānā wa gúšti: anūn šmā amé xatā bwānit. amé šwānágā gúšti: anūn ša ta loṭin bi daryābā Nīlā tā yak gumúde tilāi wa yak gumúde juwāirāi joḍ pkānāi.

amé šwānág š-amódinā šut bi watí gisā. amé šwānágāi jinén ša šwānágā pursit ki pādšā če gúšti? amé šwānág jawāb dātī: pādšā anūn ša man a-loṭit bi āpā tā daryābā Nīlā tā yak gumúde tilāi wa yak gumúde juwāirāi joḍ pkānāi. amé šwānágāi jinén gúšti: tī e kārā amā joḍ kurtāga na kanān, amíngūr yak paríe ast, bi yak rodāi tā int. ta awālā bra, bi amā rodāi kirā mnind, gindāi: roč nīm roč a-bīt, yak paríe mazānen gindāi, kāit, ābāzi⁷ a-kant, ta amódinā čer pkap, gindāi, amā wat rā prent bi rodāi tā pa ābāziyā. amāi mūd, gindāi, ātant bi amé rodāi kirā. yak wār ta amāi mūdānā bgir. ā wāt a-gušit ki bil, ta māi. amé šwānág gúšti: nápa bāz juwān int-a, man anūn a-raīn.

ātī, bi amā rodāi kirā, níšti, dístī tā roč nīm roč būtī, dístī, š-amíngūr yak mazānen paríe ātī. amé šwānág amé ḍāul ki srapít-at, íči na gúšti. amé parí wat rā bi āpāi tā préntī ki ābāzi pkant. amé ki wat rā préntī bi āpāi tā, amé parīāi mūdānā amé āp šlap jat u āurtī bi amé rodāi kirā ki amé šwānág ništ-ātī. amé šwānág mūdānā ki dístī, yak wār watí dastā prent bi

что это за пройдоха, что он принес мне сведения о семи поколениях моих умерших! Царь позвал своих мулл и сказал: «прочтите теперь это письмо», а овчару сказал: «теперь я хочу, чтобы ты построил в реке Ниле одну башню из золота и одну башню из драгоценностей».

Овчар оттуда пошел домой. Жена овчара спросила: «что сказал царь?» Овчар ответил: «царь теперь от меня хочет, чтобы я в воде реки Нила построил одну башню из золота, а другую из драгоценностей». Жена овчара сказала: «это твое поручение мы не сможем выполнить, но здесь в одной реке есть пэри. Ты поди и сначала сядь на берегу той реки, и когда увидишь, что солнце подходит к полудню, ты увидишь, что подойдет большая пэри и станет купаться; а ты там спрячься, и как увидишь, что она бросится в реку купаться, и увидишь, что ее волосы достигают берега реки, тотчас хватай ее за волосы. Она скажет: „отпусти!“ но ты не отпускай!» Овчар сказал: «ну, очень хорошо! я теперь пойду».

Он пошел, сел на берегу той реки, увидел, что солнце подошло к полудню, и увидел, что пришла большая пэри. Овчар был спрятан и ничего не сказал. Пэри бросилась в воду, чтобы выкупаться. Как только она бросилась в воду, вода понесла волосы этой пэри и принесла к берегу, где сидел овчар. Как только овчар увидел волосы, он опустил свою руку на волосы и потянул

amé mūdān wa amé mūdānā peš kašitī. yak wār bi amé parīyā mālūm būti ki mnī mūdānā yāke peš kašitī. yak wār tawār kūrī, guštī: agār ta ādamīe wāi, agār ínse u jātūe wāi, mnī mūdānā bil ki trā íčiyā na kanín. amé šwānág nāišt. pa duwārág tawār kūrī ki bi azrāti Slemānī čāpāi aptekālā sogínd ki trā íčiyā na kanín, bil. amé šwānág nāištī. pa duwārág amé šwānág peš kašitī. yak wār amé parī guštī: bi azrāti Slemānī rāstāi aptekālā sogínd ki trā íčiyā na kanín, bil. amé šwānág íštī. amé ki íštī, amé parī āt pa amé šwānágāi jānā wa guštī: ta ša gujāngūr ātag-āi? amé šwānág jawāb dāt: man am yak musāpīre un ki ša watī rá kāín, améš int ki ātun, dístun tā bi amé āpāi kirā mūdāi čūnde mālūm a-bít, yak wār man am watī dastā préntun bi amé āpāi tā, dístun tā amé mūd čo grān int-a. peš kašitun, dístun, ta tawār kurtāi. amé parī go améš guštī ki ta anūn go man kāre u číze na dārāi? amé šwānág guštī: če rā? dārín. āncén pādšāe go man guštagī: ta mebāit bi daryābā Nīlā tā pa man yak gumūde bjānāi tilāā wa yak gumūde juwāirāi bjānāi. amé parī guštī: nápa mašmā brawán bi tī gisā.

amé parī u amé šwānág ātant bi šwānágāi gisā. amé ki ātant bi šwānágāi gisā, amé parī amé šwānágā guštī: ta bra, go pādšā bguš ki yak du roč sabr pkant ki man tānāxten watī kārā jođ a-kanín. amé šwānág š-amódinā šut bi pādšāai gisā. amé ki ātī bi pādšāai gisā, go amé pādšā guštī: āi pādšā,

их. Пэри поняла, что кто-то потянул волосы, она закричала: «человек ли ты или какой-нибудь дух, или ведьма, отпусти мои волосы, я ничего тебе не сделаю!» Овчар не отпускал. Она закричала вторично: «клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю, отпусти!» Овчар не отпускал, но опять потянул. Пэри сказала: «клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю, отпусти!» Овчар отпустил. Как только он отпустил, пэри приблизилась к овчару и сказала: «откуда ты пришел?» Овчар ответил: «я странник, и иду своей дорогой; вот я подошел и увидел, что на берегу воды виднеется конец волос; я опустил руку в воду, посмотрел: какие тяжелые волосы! потянул и услышал, что ты закричала». Пэри сказала ему: «у тебя теперь нет ко мне какого-нибудь дела или чего-нибудь?» Овчар сказал: «почему так? есть! такой-то царь сказал мне: „нужно, чтобы ты воздвиг для меня в реке Ниле одну башню из золота и одну из драгоценностей“». Пэри сказала: «ну, пойдем к тебе в дом».

Пэри и овчар пошли в дом овчара. Когда они пришли, пэри сказала овчару: «иди, скажи царю, пусть подождет день-два, я тем временем устрою свои дела». Овчар пошел оттуда в царский дом. Когда он пришел в царский дом, он сказал

γábli ālám, ta mnā yak du roč ruxsát bdäĭ, gúḍā man pa ta yak gumúde ĵoḍ a-kanín. amé pādšā gúštī: nápa bāz ĵuwán int-a. amé šwānág š-amódinā ātī bi watī gisā, go watī ĵinénā gúštī: pādšā mnā gúštī: nápa bāz ĵuwán int-a, man yak du roč pa ta sábr a-kanín. amé šuwānágāĭ ĵinén gúštī: man maróčī amé parīānā múčānā nāz a-kārín wa gušín: bāndā ar parīe yak xišt biyārant wa bi daryābā Nílā tā yak gumúde ĵoḍ pkánant. amé parī š-amódinā āt bi parīyāniyā wa go amé parīyān gúštī: ša šmā man loṭín: bāndā ki ar parīe yak xīšte bzūrit u biyārit bi daryābā Nílā tā, yak gumúde ĵoḍ pkánit. amé ki man sāĭ tawār kúrtun, bi awalíen tawār šmā wat rā āzír pkánit, bi dūmíen tawārā šmā ar kas bi watī xištāĭ pānādā bgírit, amé ki sāyumíen tawārā kúrtun, šmā ar yáke watī xištā bzūrit u dār pkánit. amé parī múčī gúštant: nápa baz ĵuwán int-a. amé parī amešānā gúštī: bāndā tā roč dar ma yāit, ša šmā loṭín ki tayār pkánit u bílit. amé parī gírdī gúštant: nápa bāz ĵuwán int-a. amé parīāĭ ĵind š-amódinā šut bi watī gisā.

tāriēnā ki tángāt roč dar náy āt-at, amé parī sāĭlī kurt, dístī tā gumúdānā ĵoḍ kurtág-ant u tayār kurtág-ant. amé parī go amé watī šwānāgen mardā gúštī ki gumúdānā ĵoḍ kurtág-ant, ta bra, pādšā bguš ki báĭt pa gumudānī sāĭlā. amé šwānág š-amódinā sar gipt u āt bi pādšāāĭ gisā, gúštī: āĭ pādšā γábli ālám, man gumúdānā ĵoḍ kurtág-un, ta watī mullānā bzūr u

царю: «о царь, средоточие вселенной, дай мне отсрочку на день-два, тогда я построю для тебя башню». Царь сказал: «ну, хорошо». Овчар оттуда пришел домой и сказал своей жене: «царь мне сказал: „ну, хорошо, я ради тебя день-два потерплю“. Жена овчара сказала: «сегодня я соберу всех пэри и скажу: „завтра пусть каждая пэри принесет по кирпичу, и пусть построят башню в реке Ниле“». Эта пэри пошла к другим пэри и сказала: «я хочу, чтобы завтра каждая пэри взяла по кирпичу и принесла в реку Нил, и вы построили бы башню. Но когда я прокричу три раза, по первому зову вы приготовьтесь, по второму зову возьмитесь каждая за свой кирпич, и как только я в третий раз позову, вы возьмите каждая свой кирпич и вытащите». Все пэри сказали: «очень хорошо!» Эта пэри сказала им: «на утро, пока еще солнце не взойдет, я хочу, чтобы вы все приготовили и оставили». Все пэри сказали: «очень хорошо!» Эта пэри пошла оттуда домой.

На утро, пока еще солнце не взошло, пэри посмотрела и увидела, что башни построили и приготовили. Эта пэри сказала своему мужу-овчару: «башни приготовили, иди, скажи царю, пусть идет посмотреть башни». Овчар пошел оттуда в царский дом и сказал: «о царь, средоточие вселенной, я построил башни

go watí salātán, tā brawán. amé pādšá amé šwānágā gúštī: ta anūn bra bi watí gisá, a^m má wát a-rawán. amé šwānág š-amódinā átī bi watí gisá, go watí jínénā gúštī: man go pādšá gúštun, pādšá mnā gúštī: anūn ta bra, amá wát a-rawán. amé šwānágāi jínén gúštī: nápa bāz juwán int-a. amé ki amāi šār u kalātāi mardúm gírdī šútant pa gumúdānī sāilā, amé ki putrítant, gúđinā man paríyānā tawár a-kanín tā ar paríe watí xištā bzūrít u bart bi jāgāiš, bí tā pādšá go watí maxlúkān mirít. amé šwānág gúštī: ā ɖaɭl ki bīt, nápa bāz juwán int-a.

yak katrāe digár ki būt, amé šwānág sāilī kurt, dístī tā pādšá go mul-lán int-a u dém a-rāut wa amé g'da maxlúk ša padāi gírdī bi maxšá oštātág ant u rawánt. amé šwānág sāilī kurt, dístī, gírdī putrítant bi gumúdānī tā. yak wār amé šwānág átī, go watí jínénā gúštī: pādšá go watí maxlúkā putrít bi gumúdānī tā. amé šwānágāi jínén átī, sāilī kúrtī, dístī: bābā, tángāt mardúm a-kāit, amé šwānágā gúštī: ta tānāxten amédinā bošt, sāil pkan, amé ki dístāi, amé pādšāai maxlúk gírdī putrítant, ta gúđinā mnā sí pkan. amé šwānág átī, bi yak gisá sará níštī u sāilī kúrtī, dístī, tángāt mardúm a-rāut bi gumúdānī tā. tā du sāāt níštī, gúđinā dístī tā mardúm alás bútant. amé šwānág š-amódinā átī, bi watí jínénāiyā gúštī: pādšāai mardúm gírdī šútant bi gumúdānī tā. amé šwānágāi jínén āt, sāilī kurt, dístī tā rást a-guštī.

возьми своих мул и воинов, и пойдём». Царь сказал овчару: «иди теперь домой, мы сами пойдём!» Овчар пришел к себе домой и сказал своей жене: «я сказал царю, царь мне сказал: „теперь иди домой, мы сами придем“». Жена овчара сказала: «ну, очень хорошо. Как только все жители его города и крепости пойдут смотреть башни и войдут внутрь, я позову пэри, чтобы каждая пэри взяла свой кирпич и унесла на место, пусть царь со своим народом умрет!» Овчар сказал: «если так случится, очень хорошо!»

Когда прошло немного времени, овчар посмотрел и увидел, что царь с муллами идет впереди, а сзади построилось в военном порядке и идет все остальное население. Овчар посмотрел и увидел, что все вошли в башни. Тотчас овчар пришел и сказал своей жене: «царь со своим народом вошел в башни». Жена овчара подошла, посмотрела, увидела, что люди еще идут, и сказала овчару: «побудь пока здесь и посмотри; как только увидишь, что народ этого царя целиком вошел внутрь, тогда ты меня извести». Овчар пошел, сел на крыше одного дома, стал смотреть и увидел, что еще люди идут в башни. Часа два он сидел, потом увидел, что люди прошли. Овчар пошел оттуда и сказал своей жене: «народ царя целиком прошел в башню». Жена овчара пришла, посмотрела и увидела, что он говорит правду: все прошли

gírdī šutág-ant. amé šwānágāi jínén šut, bi yak burzágā sará oštát, tawári kurt. bi awalíen tawárā parí wat rá zabr jođ kurtánt, bi dūmíen tawárā yak wār parí watí dastá bi xištán sađ kurtánt, bi sāyumíen tawárā ar yáke watí xištá zurt u burt bi watí jágá.

karār pādšā go watí maxlūkā bi daryābā Nílā tā murt. amé šwānág dístī tā pādšā murtī, gúđinā šut bi šār u kalātāi tā, sājī kúrtī, dístī tā ič kas bi šārāi tā náint-a. karār átī, watí gisá zurt u burt bi šarā. šārāi pādšā būtī. man š-amódinā jístun u bástun, pa wat yak imāne āúrtun, pa ta yak dištāre āúrtun.

IV

būt būt, čap ša xudá káse na būt. yak wáxte at, yak pādšāe at. e pādšā jánén u zāg dāšt. ešī jánén be watí lāpā zāg dāšt. yak wáxte būt, nu mā u nu roč purrá būt, zāg dist. ešī zāg jáník^{ey} at. ša sājī rócā guđ e jáník binā kurt bi mālānī lāpāi čāk dātínā. dil u jagarāniš wártī u gúđā kāt pádā watí jágá, binā kurt be gretínā. ešī mās kāt tā dístī: zāg páč int. gúđā zāgá bástī u šut pádā wáptī. tārī ki róc a-būt, maxlúk ājrán a-būt tā mālānī lāp čāk dātá. gúđān e pādšā yak zāge dāštī, ešī zāg čār čam dāšt, gúđā e zāg

Жена овчара пошла, стала на одной возвышенности и закричала. По первому зову пэри хорошенько приготовились, по второму зову пэри крепко взяли кирпичи в свои руки, по третьему зову каждая пэри взяла свой кирпич и отнесла на свое место.

Итак, царь со своим народом умер в реке Ниле. Овчар увидел, что царь умер, пошел в город и крепость, стал смотреть и увидел, что в городе никого нет. Он пришел, взял свою семью и отвез в город; сделался царем города. Я оттуда убежал, завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел невесту.

(IV. О четырехглазом брате и сестре ведьме)

Было-было, кроме бога никого не было. Было время, был один царь. У этого царя была жена и сын. Его жена была беременна. Настало время, прошло полных девять месяцев и девять дней, и она разрешилась от бремени. Ее ребенок была девочка. Через три дня эта девочка начала вспарывать животы у скота. Она поедала у них сердце и печень, а потом возвращалась обратно на свое место и принималась плакать. Ее мать подходила, видела, что дитя раскрыто, запеленывала ребенка, возвращалась и вновь засыпала. На утро, когда наступал день, люди удивлялись, что животы у скотины вспороты. А у этого царя был еще сын, и этот его сын был четырехглазый. Однажды

yak šape watí du čammá wāb prent, dúi gidá rā páč kurt, dístī tā mnī g'wār ša juntáǵi tā wat rā páč kurt, šut, yak du gokáǵi lāpá čak dātī u gúdan díl u jagárāniš wártī u āt pādā watí juntáǵi tā, biná kurt bi gretínā, eší mās āt tā dístī: zāg páč int, zāgá bástī u šut pādā wapt.

tārī ki roč büt, e pādšāǵi zāg gúštī watí māsá ki man yak abāre daín, agá tī dilá na gīt. eší mās gúštī: mnī dilá na gīt, bguš. e čoriká gúštī: šarr, agá tī dilá na gīt, amé watí jáníkā zián pkánit ke pa šmā yak róče baláe bīt. eší mās gúštī: xudá trá zián pkant, céwā loťáǵi ša mnī jáníkā? yak jáníke xudá dātá, eší rā ta gušáǵi, zián pkánit! če dušmanāie dāráǵi go mnī jáníkā? š-amédā wat rā zián pkan! e čoriká š-amédā zār büt, gúštī: šmā rā yak róče gindín! yak áspe suwār būti, š-amédā šut bi gidá yak šāre.

šut bi mā šāráǵi tā, pa wat yak māsúe wadí kurt. yak čunt sāl go mā watí māsúā níštī, p-ái kár a-kúrt. gúda yak čunt sāl gwástī, watí māsúā gúštī: man čunt sāl int ki ātá un, watí pisáǵi šār u kalátā na distá un, báre čon bütág ant. watí māsúā gúštī: pa man du sāǵi nān pač, man a-ráin. eší māsú p-eší sāǵi čār nān pakkítī, eší urjínáǵi tā kúrtī, aspáǵi pastárkā bast.

ночью этот сын двум своим глазам дал заснуть, а два других открыл и стал смотреть: вот моя сестра раскрылась, вышла из колыбели, вспорола животы у одной-двух коров, поела у них сердце и печень, вернулась в свою колыбель и заплакала. Ее мать подошла, увидела, что ребенок раскрыт, запеленала ребенка и вернулась спать.

На утро, когда наступил день, царский сын сказал своей матери: «я хочу сказать кое-что, если ты не обидишься». Его мать сказала: «я не обижусь, говори». Юноша сказал: «хорошо, если ты не обидишься, то уничтожьте эту свою дочку, потому что когда-нибудь она станет для вас несчастьем». Его мать сказала: «бог да уничтожит тебя! чего ты хочешь от моей дочери? одну дочку бог дал, и ты про нее говоришь: „уничтожьте!“ что за вражда у тебя к моей дочери? сгинь отсюда!» Юноша оскорбился и сказал: «когда-нибудь я вас еще увижу!» Он сел на лошадь и отправился отсюда в другой город.

Поехал он в тот город и сыскал себе приемную мать. Несколько лет он жил у этой приемной матери и работал для нее. Когда прошло несколько лет, он сказал своей приемной матери: «вот уже сколько лет, как я прибыл сюда и не видел города и крепости своего отца! что-то стало с ними?» Он сказал своей приемной матери: «испеки для меня два-три хлеба, и я поеду». Его приемная мать испекла для него три-четыре хлеба, положила к нему в переметную суму и привязала сзади седла. Были у него еще одна-две гончие собаки; своих гончих он

yak du tāzī am dāštī, watī tāzīānā am go wat zúrťī. watī māsūā gúšťī: pať tī rusxáttā! māsūī gúšťī: šútāĭ, xudā imāna baāĭ! šut.

šápe jáe, róče jáe, yak čunt roč rá šut, yak jáe āt, dístī tā sāĭ buz ant. e buzānī padā gíptī u šútī, yak jáe buz átant, čoriká dístī tā sāĭ jā-nén zág ant. ar sāyén kór atant. ar yak buz° bi yak jānén zāgāĭā āt u uštāt. ar ka watī buzā métī. e čoriká am ša yak pānādā laggít, métī. jā-nikó dastā prent, sāĭl kurt tā dístī, buzāĭ agidá godān šir na dārít. jānikó aĭrān bŭt ki gúšťī: e buzā báre káĭ met? gúđān watī gwārā gúšťī: mnī buzā ta métag āĭ? ā gúšťī: na, dādā, man tī buzā na mečín, watī buzāĭ šírānā wartāga na kanín. gúđān begāe duwārā buz átant watī wāúndānīyā, ar ka uštāt watī wāúndāĭ demā. agidá gwāre gušť: ar ka watī buzā āzír bít, báre e čée ki buzānā mečit! bálke bgíranī, agár amédā mečit! gúđān ar ka watī buzā met, tā yáke dístī ke mnī buzāĭ godānā yáke peš kašít. eš am dastāĭ čalápt, gúšťī: ta jínne wāĭ, jāťúe wāĭ, ěi balāe wāĭ, ki ammāĭ buzānā mečāĭ? e čoriká gúšťī: na jínne un, na jāťúe un, mardúme un. agár mnā pa brāsdārī kabŭl kanít, man šmāĭ brās a-baín. e jānikó gúšťant ki agár ādamī-zāte baāĭ, trā pa brāsdārī kabŭl a-kanán. e gúšťī: man ādamī-zāte un.

также взял с собой и сказал своей приемной матери: «ну, с твоего разрешения!» Его приемная мать сказала: «ну, раз едешь, будь под покровом божьим!» Он поехал.

Ночь в одном месте, день в другом, несколько дней он ехал по дороге, приехал в одно место и увидел: там три козы. Он последовал за козами, поехал и увидел трех женщин; все три были слепы. Козы по одной подошли к каждой женщине и остановились. Каждая стала сосать свою козу. Юноша также подобрался с одной стороны и стал сосать. Девушка стала шупать рукой и заметила, что у козы с другой стороны в вымени нет молока. Девушка удивилась и сказала: «разве эту козу кто-нибудь уже высосал?» Потом она сказала своей сестре: «это ты высосала мою козу?» Та сказала: «нет, сестра, я не сосу твоей козы, мне и от своей козы не слезть молока». Вечером козы опять пришли к своим хозяйкам, и каждая стала перед своей хозяйкой. Другая сестра сказала: «пусть каждая последит за своей козой, кто это высасывает коз! поймем его, если он здесь сосет!» Каждая стала сосать свою козу, пока одна не заметила, что кто-то потянул вымя козы. Она схватила его за руку и сказала: «джинн ты или ведьма? что ты за напасть, что высасываешь наших коз?» Юноша сказал: «я не джинн и не ведьма, я человек, и если вы меня примете в братья, я буду вашим братом». Девушки сказали: «если ты рожденный человеком, мы примем тебя в братья». Он сказал: «я рожден человеком».

gúdā yak róče bût, e čoriká šut pa šikārā, yak jáe āt, dístī tā buzlangíe waptá bi bāgáĭ tā. šut, š-ešī bāgá tā bāzén nīwáge wártī, bāzénī gidá čítī u watí urĵínā pur kurt. yak ga buzlangí āgá bût. āt pa čoríkāĭ jānā, gúštī: e bāg wāūnd dārīt yā nā? čoriká gušt: š-e wāūndān sad bīt, čéwā kant? e buzlangí gušt: man trā nišān a-daín. yak ħúrze dāšt, da pút a-kāt, ħurzá bāl āūrt pa čoríāĭ jānā, čorí am be-ħairatī na kurt, ešā yak zāme prent, ša miyānjínā du kap bût. gúđān āt, watí aspā s"war bût. āt watí gwārānīyā. amé nīwágān dātī ki wártan. yak ga yáke gúštī: wāxāĭ jān, mnī čam páč bútant. agidá gúštant: ammāĭ čām am páč bútant.

gúđān yak čunt waxt e čorí go me watí gwārúkān ništ, gā waxtā pa šikārā am šut. yak róče bût, e čorí gušt watí gwārānā ki man sapāre dārín, annūn man a-raín, šmā tā wáxte ki man a-kāín, amédā mníndit watí jāgá. gwārī gúštant: čunén sapāre dārāĭ? čorí gúštī: man yak wáxte šār u kalāte dāštā un wa siyād u brās dāštā un, na zānín ke báren čón bútág ant. gwārī gúštant ki rawāĭ, xudāĭ imāna baāĭ. amā int, čorí watí aspā suwār bût, watí gwārānā gušt ki mnī tāzīānā bandīt. ar waxt ki dístit ki tāzī kulúnz-kulúnz kúrtant wa kalāndiš zang ĵát-at, gúđā zānit ki mnī sarā sakkie ātā, tāzīānā yelá kanit. gúđā š-amódā rādlág bût.

Потом наступил день, когда этот юноша отправился на охоту, попал в одно место и увидел, что в саду спит бузланги. Он пошел и поел много плодов из его сада, а еще много других нарвал и наполнил ими свою переметную суму. Вдруг бузланги проснулся, устремился на юношу и сказал: «есть хозяин у этого сада или нет?». Юноша сказал: «пусть хоть сотня будет этих хозяев, что же из того?». Бузланги сказал: «я тебе покажу!» У бузланги была палица весом пудов в десять; он замахнулся палицей на юношу. Юноша также не проявил малодушия, ударил его раз мечом, и тот раскололся на двое. Потом он подошел к своей лошади, сел верхом, приехал к своим сестрам и дал им поесть этих плодов. Сразу одна сказала: «ах! мои глаза раскрылись!» Другие сказали: «наши глаза также раскрылись!»

Потом некоторое время юноша пожил у этих сестер; иногда ходил на охоту. Однажды юноша сказал своим сестрам: «мне предстоит путешествие, и я теперь поеду, а вы оставайтесь здесь на своем месте, пока я не приеду». Его сестры сказали: «что у тебя за путешествие?». Юноша сказал: «когда-то у меня был город и крепость, были родные и братья, и что случилось с ними, не знаю!» Сестры сказали: «если едешь, будь под покровом божьим!» Вот юноша сел на свою лошадь и сказал своим сестрам: «привяжите моих гончих, и если увидите, что они заскулили и их кормушка покрылась ржавчиной, тогда знайте, что надо мной стряслась беда, и пустите гончих». Затем он пустился в путь.

yak čunt waxt rá šut. āt be watí pisáĭ šār u kalátāĭ nazínkā tā dístī: gis ānčo kúl ant, mardúm paidā na bīt. amá int watí pisáĭ gisáĭ nazínkā áti tā dístī yak ʔuk-ʔúke. ā-kaštírā šut, yak ga ešĭ gwār ke mardúmānā mālānā wárt-at, ešā dístī, gúštī: wāx lālā ĵān, man pa tī ʔamán kór un, ta guĵā būtag āĭ? brāsĭ ša aspā er kapt, watí brāsáĭ demā čukkítī u gúštī: bdāĭ, tī aspā barín, āp dāin, lālā. e čorĭ gúštī: bar, āp bdāĭ. aspā búrtī, bi āpā sār na kúrtī u yak pādāĭ wártī u aspā pādā áurt go sāĭ dast u pādā, watí brāsā gúštī ki tī asp go sāĭ dast u pādā átā, lālā? ā gúštī: ān. katrāĭ gidā būt, gúštī: tī asp āp a-wárt? čorĭ guštī: ān. aspā búrtī u bi rāāĭ nemágā agidā pādāĭ wart. āúrtī pādā, gúštī: tī asp go du dast u pādā átā, lālā? ā čorĭ gúštī: ān, dādā, go du dast u pādā átā. e čorĭ ša trusā íčĭe na gúštī, ar če ki ā gúštī, e gúštī: ān. yak katrāĭ gidā būt, gúštī: asp āp a-wárt, lālā? gúštī: ān. aspā búrtī pa āpā. rāāĭ nemágā agidā lingāĭ wart. duwārág āt pādā, gúštī: tī asp go yak pādā átā. e gúštī: ān. yak katrāĭ gidā būt, gúštī ke tī asp āp wart, lālā? ā gúštī: ān. búrtī, agidā pādāĭ am wart. sarágāĭ go lāšāāĭ kaš kurt, āúrt, gúštī: tī asp go sĭnágā átā, lālā?

Некоторое время он был в дороге. Когда он приблизился к городу и крепости своего отца, он увидел, что дома точно вымерли, и человека нельзя найти. Вот поблизости дома своего отца он услышал постукивание. Он направился в ту сторону, как вдруг его сестра, которая поедала людей и скотину, его увидела. Она сказала: «ах, братец, я ослепла от тоски по тебе! где ты был?» Ее брат спустился с лошади, она поцеловала своего брата в лицо и сказала: «давай, братец, я отведу и напою твою лошадь». Юноша сказал: «отведи, напои». Она повела лошадь и еще не довела до воды, как отъехала у нее одну заднюю ногу. Она привела обратно лошадь на трех ногах и сказала своему брату: «братец, твоя лошадь пришла ведь на трех ногах?» Он сказал: «да». Прошло немного времени, она сказала: «твоя лошадь ведь попьет воды?» Юноша сказал: «да». Она повела лошадь и на полпути отъехала у нее еще ногу. Потом привела ее обратно и сказала: «братец, твоя лошадь пришла ведь на двух ногах?» Юноша сказал: «да, сестрица, она пришла на двух ногах». Юноша от страха сам ничего не говорил; что она ни говорила, он поддакивал. Прошло еще немного времени, она сказала: «твоя лошадь попьет воды?» Он сказал: «да». Она повела лошадь за водой и на полпути отъехала у нее еще ногу. Она опять вернулась и сказала: «твоя лошадь пришла ведь на одной ноге?» Он сказал: «да». Прошло еще немного времени, она сказала: «братец, твоя лошадь попьет воды?» Он сказал: «да». Она отвела ее и отъехала у нее еще ногу, а голову с туловищем притащила и сказала: «братец, твоя лошадь ведь на груди при-

e gúštī: ān. duwārág katrāḡ gidá bût, gúštī: tī asp āp a-wá, lālá? e gúštī: ān. búrtī, aspāḡ lāšá wártī, sarágāḡ káš kúrtī, āúrtī, gúštī: tī asp go sarágā ātá, lālá? ā gúštī: ān. e gaštī gúštī: tī asp āp a-wá, lālá? e gúštī: ān. búrtī, sarágā rāāḡ nemágā wártī u ātī pádā, aṡsārā káš kurt u āúrtī, gúštī: ta amé aṡsārā s^wár bûtág āḡ u ātág āḡ? e gúštī: ān. annūn ā watī abārā alās ku.

čorī gušt: man tunnág un, amé gečínā pa man āp pkan u biyār. gwārī gušt: šarr, man a-raín, āp a-kārín, ta tā wáxte amé tāsá ptlíngen. ā šútī, e tāsá amédā tlingéntī u níštī, yak ga ša kundāḡ tā múške dár kapt, gúštī ki ta bjí kan, ā bāḡt, trā wart. man tā wáxte go liṡṡikā tlingenín. čorī š-amédā arkát kurt, šut bi watī pisāḡ inkénā, sāḡ sorāḡ kutág zúrtī wa yak srummadāne go šepáge u rādág bût. ā čorīā bil ki brot, abār š-āí gwārā bdāḡ.

yak gašt, du gašt jānikó gečínā be āpá jat. dístī tā íč āp ná ^uušít. yak ga ḡārī ku, gečínā bál āwúrt u jat ḡigārā u rādág bût. gúštī: kusíe zāg, kāāḡ ki mnā brepenāḡ. yak ga man sar bāín, píṡṡe ^won bi ḡigārā ma rečít! jínikó āt, dístī tā yak múške go liṡṡikā tlin-tlíng a-kánt u brāsī édā

шла?» Он сказал: «да». Опять прошло немного времени, она сказала: «братец, твоя лошадь попьет воды?» Он сказал: «да». Она повела лошадь, съела ее туловище, голову притащила и сказала: «твоя лошадь ведь на голове пришла, братец?» Он сказал: «да». И на этот раз она сказала: «братец, твоя лошадь ведь попьет воды?» Он сказал: «да». Она понесла голову, съела ее на полпути, вернулась, притащила конский убор и сказала: «ты ведь сел верхом и приехал на этом конском уборе?» Он сказал: «да». Теперь она закончила свои речи.

Юноша сказал: «я хочу пить, налей в это решето для меня воды и принеси». Его сестра сказала: «хорошо, я пойду, принесу воды, а ты пока поколоти в эту чашу». Она пошла, а он остался колотить в чашу, как вдруг из норы выскочила мышь и сказала: «беги, а то она придет и съест тебя! я пока постучу хвостом». Юноша поднялся оттуда, пошел к месту бывшей стоянки своего отца, взял там три золотых подножки для очага и мешочек для сурьмы с кисточкой и пустился в путь. Оставь этого юношу, пусть он идет, и Расскажи про его сестру!

Раз или два девушка погрузила решето в воду. Она увидела, что вода в нем не держится, рассердилась, подняла решето, бросила его на землю и пустилась в путь. Она сказала: «порождение блуда, ты хочешь меня обмануть! я живо доберусь до тебя, даже капля твоей крови не прольется на землю!» Девушка пришла, увидела, что это мышь стучит хвостом, а ее брата там нет.

näjnt. ĵinikó zánti ki mnī brās ĵistá u kapt bi muškáĵ padá. mušk putrit bi kundáĵ tā. ĵinikó biná ku bi pač dātínā. mušká gípti, yak dapári kurt u kapt watí brāsáĵ padá. búrti, yak ĵāĵ ešá rasént. ā am yak kutáge soráĵ prénti, eš am amá kutágā zurt u pádā āt, e kutágā íšti u duwārág kapt bi aí padá. duwārág nazzínk kurt áe rā. ā gidá kutáge prent, eš am zúrti u pádā āt. duwārág kutágā íšti u kapt be ái padá. duwārā ešá nazzínk ku. e gidá kutáge prent, e kutágā am zurt u āwúrt pádā, íšti, duwārág kápti bi padáĵ.

tā wáxte āngát e sar na bût-at, yak ga čoriká šepágā bi đigārā ĵāti u saráĵ ništ u yak duáe kurt ki amé šepág yak dráxte bût ki sári bi āsmánā rasít. ĵänikó am āt, gúšti: kúnī zāg, bi draxtá bālā bûtág äĵ, ša mnī dastá alás a-baáĵ, wa biná kurt bi draxtáĵ arrá kurtínā go watí dantánān. brási gušt: boš, dādā, pa^t ta šāre bgušin. gwári gušt: bguš, šarr. čoriká gúšti: šéri man, bā-šéri man, zū-zūt biyā, kala-šéri man. e ĵinikó gúšti: watí māsáĵ mardánā tawār a-kanáĵ u biná ku be arrágāĵ kurtínā. yak katrāe arrá ku, čoriká gúšti: boš, dādā, pa^t ta šāre duwārág bgušin. ĵänikó gúšti: bguš. čoriká duwārā watí tāzī^v ānā tawār a-kúrt u yak šāre gušt: šéri man, bā-šéri man, zū-zūt biyā, kala-šéri man. ĵänikó gúšti: watí māsáĵ mardánā tawār a-kanáĵ,

Девушка поняла, что брат убежал, и бросилась за мышью. Мышь спряталась в норе, девушка стала ее раскапывать. Она поймала мышь, разом ее проглотила и погналась за братом. В одном месте она его настигла; он бросил одну золотую подпорку для очага. Она взяла эту подпорку, вернулась, оставила эту подпорку и вторично бросилась вслед за ним. Вторично она приблизилась к нему; он бросил другую подпорку. Она взяла ее, вернулась, положила подпорку, бросилась вслед за ним и вторично приблизилась к нему. Он бросил еще другую подпорку. Она ее взяла, принесла обратно и опять бросилась за ним.

Пока она его еще не настигла, юноша бросил на землю кисточку для сурьмы и сел на нее. Он сотворил молитву, и кисточка сделалась деревом, вершина которого доходила до неба. Девушка подошла и сказала: «порождение блуда, ты забрался на дерево, чтобы выскользнуть из моих рук!» и принялась подпиливать дерево своими зубами. Ее брат сказал: «подожди, сестрица, я спою тебе песенку». Его сестра сказала: «хорошо, спой!» Юноша сказал: «лев мой, о мой лев, скорей приходи, о мой лев!» Девушка сказала: «это ты зовешь мужей своей матери!» и принялась пилить. Когда она немножко попилила, юноша сказал: «подожди, сестрица, я еще раз спою тебе песенку». Девушка сказала: «спой!» Юноша вторично стал звать своих гончих и запел песенку: «лев мой, о мой лев, скорее приходи, о мой лев!» Девушка сказала: «это ты зовешь мужей

pa mnī balāāi janīā tawār kanāi. duwārāg binā kurt pa arrāgāi kurtinā. ešā bil ki amēdā arrāg kant, ša tāzī^ʿān goš pkaš.

tāzī zānānt ki ammāi wāūndāi sarā sakkīe ātā, binā kúrtant kulúnz-kulúnz kurtinā. eši gwār sāil kúrtant ki kalānd zang jatā, tāzī am kulúnz-kulúnz a-kanān^t. yak^t ga tāzī^ʿānā elā kúrtant. tāzīānā bil ki kam-kam biānt dēme čorīā.

čorī dīstī ki draxtā nazīnk kurtā ki arrāg pkant. duwārāg gúštī ki boš, dādā, pa^t ta šāre bgušin. e gúštī: bguš. duwārāg čorikā šāre gušt pa watī tāzīān: šēri man, bā-šēri man, zū-zūt biyā, kala-šēri man: yak gašt jānikó gúštī: watī māsāi mardānā tawār a-kanāi. duwārāg laggīt bi arrāgāi kurtinā. tāzī am rasītant. čorikā gúštī: bgirīt kūnī^ʿā! tāzī ešā giptant ki tál dayānt. yak ga jānikó gušt ki brāsāi čāmm a-gardānt u gwārā tāzī kāyānt ki tál dayānt. yak ga eši brās gušt: elā bdāitī! tāzī ešā elā dātant. eš am arkāt ku, bi draxtā laččīt u arrāg kurt. duwārā čorikā gúštī: bgiritī! e gaštī ar če gúštī, brāsī gušt: čuk-čūkī pkanit. gwārī gúštī ki mnā kuštīnā kušāi u yak abāre dārīn, yak ga watī tāzī^ʿānā bguš ke bóštant. čorikā tāzīāna gúštī: elā kānitī! jānikó gušt: mnī guṭṭāi rāā yak morāge ast, ar kadén ki mnā kúštant tāzī, gúḍān ta er kap u biyā, amē morāga ša mnī guṭṭāi rāā dūr

своей матери! и зовешь на мою погибель!» Она опять принялась пилить. Оставь ее, пусть здесь пилит, послушай про гончих!

А гончие понимают: «ведь с нашим хозяином случилась беда!» и за-скулили. Его сестры увидели, что кормушка покрылась ржавчиной, а гончие скулят, и тотчас пустили гончих. Оставь гончих, пусть они постепенно приближаются к юноше!

Юноша увидел, что она уже почти распилила дерево. Он опять сказал: «подожди, сестрица, я спою тебе песенку!» Она сказала: «спой». Опять юноша запел песенку для своих гончих: «лев мой, о мой лев, скорее приходи, о мой лев!» Девушка сразу сказала: «это ты зовешь мужей своей матери!» опять принялась пилить, но гончие уже подросли. Юноша сказал: «хватайте ее за зад». Гончие схватили ее, чтобы растерзать. Девушка сказала: «брат глазееет, а сестру собираются растерзать гончие!» Ее брат сказал: «отпустите ее!» Гончие ее выпустили. Она рванулась, схватилась за дерево и стала пилить. Юноша опять [сказал: «разорвите ее!» На этот раз, что́ она ни говорила ее брат сказал: «разорвите ее!» Его сестра сказала: «убивать меня убей, но я имею нечто сказать! скажи своим гончим, чтобы подождали!» Юноша сказал гончим: «отпустите!» Девушка сказала: «у меня в горле есть бусина; как только гончие меня убьют, ты спустишься, подойди и вынь из моего горла

kan u bar, psóci u urt kan u amá watí pisáji šār u kalātāi miānjīnā pāš bdāi, gúdā múčči māl u mardúm zindág a-bayánt. e jinikó ki watí abārā alās ku, čoriká taziānā gúšti: bgiriti. tazi am ešā tukkúr-tukkúr kúrtant u préntant.

čoriká ša draxtā ér kapt u āt, amé morágā š-eši guttā dūr kurt u šut bi watí pisāi šārā pādā. morágā šóti u urt-úrti kurt u āt bi šārāi miānjīnā, amé morágāi purrānā pāš dāt tā dīsti, múčči zindág bútant. gúštant: čon wápt-atan, ammā rā pād kúrtāi! čoriká āt watí pis u māsāyā, gúšti: wáxte ki man šmā rā gúštun ki watí jinikā ziyān pkanit, šmā pa mnī jānā γār kurtit. dīstit, šmā rā čon ziyān kurt! māsī gúšti: ammā čewā zántan ke ā é ɖaɖlā kant. annūn ar ka bi watí murādā rast, š-amódā jīstun u bāstun, pa wat imān āwúrtun, pa ta dištāre.

V

būt na būt, ša mašmāi xudā getír kāse na būt. yak pādišāe at. amé pādišā dāšt sāi zāg wa yak jinéne. amé pādišāi jinénā ič jinikā na būt. amé pādišā mudām xudā-xudā kurt ki āi xudā, ta mnā yak jinike bdāi, bil

эту бусину; отнеси, сожги, измельчи ее и посыпь в середине города и крепости твоего отца, тогда все оживут, и люди, и животные». Как только девушка окончила свои слова, юноша сказал гончим: «хватайте ее!» Гончие разорвали ее на куски и бросили.

Юноша спустился с дерева, подошел, вынул у нее из горла эту бусину и пошел к городу своего отца. Он сжег бусину, измельчил ее, пришел в середину города и рассыпал пепел от этой бусины; увидел, что все ожили. Они сказали: «как мы спали! ты разбудил нас!» Юноша подошел к своему отцу и матери и сказал: «когда я вам говорил, чтобы вы уничтожили свою дочь, вы на меня разгневались! теперь вы увидели, как она погубила вас!» Его мать сказала: «разве мы знали, что она так поступит?» Теперь каждый достиг своего желания. Я оттуда выбежал, завязал, для себя приобрел благополучие, для тебя невесту.

(V. О четырехглазом брате и сестре ведьме, вариант)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя было три сына и одна жена. Дочерей у жены этого царя вовсе не было. Царь все время призывал бога, говоря: «о боже, даруй мне дочку!

tā jātúe bīt yā jínē bīt, mul nāmī jínike bīt. yak čunt waxt gwast, xudá bi ešī jínike dāt. amé jíník jātúe at. ša amé pādišāāi sāiēn zāgān yáke nām Lālói čār-čam at. amé Lālói čār-čam čār čam dāšt, watí du čamá wāpéntī wa go dúi digārā sáil a-kúrt. amé Lālói čār-čam yak šápe at, amé watí pisāi gisāi dapā wapt. amédā ki wápt at, bi amé šapāi nemágā amé jínikó ustát u wat rā ša bandókā páči kurt u š-amédā šut. amé Lālói čār-čami pisāi gisāi ā pānāda uštúr jukít atant. amé jínikó šut, yak gađúke paǰdāi kurt u āurt, yak gogírde am šut, paǰdāi kurt u āurt. ātiše jātī, amé ušturānī jagār u dilānā kašít wa bi amé watí gađúkāi tái kurt u pakít u wart u š-amédā pādā bīr gašt u šut, watí pučānā zurt u bi watí gwarā kurt u pa duwārāg šutī, bi watí māsāi bagālā wapt. amé Lālói čār-čam íči na gušt.

šapí wáptant. tārīenā ustátant. amé Lālói čār-čam go watí pisā gúšti: āi bābā, man trā yak abāre dāin, ta čē a-gušāi? ta mnā na janāi? ameši pis gušt: man trā ič waxtā na janín. amé Lālói čār-čam gúšti: āi bābā, amé tī jíník āxírā pa ta balāe bīt. ameši pis gušt: pa če, bābā? amé Lālói čār-čam gušt: amé tī jíník jātúe, man doši bi tī gisāi dapā āt-atun, wápt-atun. yak wār distun tā amé tī jíník wat rā ša juntā prent u ustát, watí julānā ša watí jānā préntī, wat š-amédā ustát u šut, amé mašmāi gisāi āškāi ušturānī

пусть будет ведьма или джинн, лишь было бы название дочери!» Прошло некоторое время, и бог дал ему дочь. Эта дочь была ведьма. Из трех царских сыновей один был по имени Лалу четырехглазый. У этого Лалу четырехглазого было четыре глаза: двум глазам он давал спать, а двумя другими смотрел. Однажды ночью этот Лалу четырехглазый пришел ко входу в дом своего отца и лег спать. В полночь, когда он спал, девочка встала, раскрыла свои пеленки и вышла. А с той стороны дома отца Лалу четырехглазого спали верблюды. Девочка пошла, отыскала и принесла котел; пошла также за спичками, нашла и принесла их. Она развела огонь, вытащила из верблюдов сердце и печень, положила в котел, сварила и поела. Потом она вернулась, взяла свои одежды, завернулась в них и опять легла со своей матерью. Лалу четырехглазый ничего не сказал.

Ночь проспали, на утро встали. Лалу четырехглазый сказал своему отцу: «батюшка, я хочу тебе кое-что сказать! ты что скажешь? не побьешь меня?» Его отец сказал: «я тебя никогда не побью». Лалу четырехглазый сказал: «батюшка, эта твоя дочка в конце концов будет для тебя несчастьем» Его отец сказал: «почему, сынок?» Лалу четырехглазый сказал: «эта твоя дочь — ведьма: я ночью подошел к дверям твоего дома и лег спать, как вдруг увидел: твоя дочь выскочила из колыбели, встала и сбросила с себя свои пеленки; пошла оттуда, вытащила сердца из верблюдов с той стороны нашего

dilánā kašítī, āurtī u šut, yak gadúke paidái kurt u āurt u amé dilánā bi táj préntī u š-amédā šut, yak γábe gogírd paidái kurt u āurt, amé goštánā pakít u wártī, pa duwārág padói bir gáštī u átī, watí ĵulánā bi watí gwará kurt u š-amédinā šut, bi watí māsáj bagálā wáptī. amé pādišá go watí zāgá go Lālói čār-čam gúštī: man aláu-balā dārín yak ĵiníke, anún ta káyāj ki . amešī rā pa man májlāj! amé Lālói čār-čam gúštī: bābā, pa man e tī ĵiník, amā amé tī ĵiník āxírā pa ta yak balāe bīt. amé pādišá go Lālói čār-čam gúštī: e tī kār nájnt-a, ta ša mnī gisá ar ĵā ki rawāj, bra!

karār amé Lālói čār-čam š-amódinā šútī bi yak ĵāgāe, gušnág būti. amé watí kitóā sājli kúrtī, dístī tā bi amé mnī kitóā apt dānág urmág ast. amé urmágānā kašítī u wártī u amé gadágāniš bi yak ĵuwāj kirrá kúrmī kurt u wat š-amódinā šut bi yak ĵāgāe, dístī tā amédinā yak koná táme ast. yak wār amé Lālói čār-čam š-amédinā šut bi amé koná támājyā, dístī tā amédinā sāj ĵinén zāg ast. karār amé Lālói čār-čam íči na gúštī u amédinā srapítī, šapí amédinā níštī, dístī: ša āsmánā sāj nān kapt. amé Lālói čār-čam ša amé nānān yak-yak lunká pa wat próštī u íči na gúštī. dístī tā š-amé gisáj tā sāj kor átant, amé nānāna pa wat búrtant. amé Lālói čār-čam, yak sáte digár büt, dístī tā š-amíngūr sāj buz átant. yak wār amé Lālói čār-čam amé buzánā

дома и принесла их. Потом она пошла, отыскала и принесла котел, положила в него сердца; опять пошла за коробкой спичек, нашла и принесла их; это мясо она сварила и съела, а потом она вновь вернулась, завернулась в свои пеленки и легла спать к своей матери». Царь сказал своему сыну, этому Лалу четырехглазому: «все-то и есть у меня одна дочь, а теперь ты хочешь и ее у меня не оставить!» Лалу четырехглазый сказал: «батюшка, для меня она твоя дочь, но в конце концов эта твоя дочь станет для тебя несчастьем!» Царь сказал Лалу четырехглазому: «это не твое дело, уходи из моего дома, куда хочешь!»

Итак, Лалу четырехглазый пошел оттуда в другое место. Он проголодался, стал смотреть у себя в кармане и увидел, что в кармане есть семь штук фиников. Он вынул и съел эти финики, а косточки закопал на берегу одной канавы. Оттуда он пошел в другое место и увидел, что там есть старая постройка. Лалу четырехглазый пошел к этой старой постройке и увидел, что там три женщины. Лалу четырехглазый ничего не сказал, спрятался здесь, пробыл здесь ночь и увидел, что с неба упало три хлеба. Лалу четырехглазый отломал для себя по кусочку от этих хлебов и ничего не сказал. Потом он увидел, что из этого дома вышли три слепых (женщины) и унесли эти хлебы с собой. Прошло некоторое время; Лалу четырехглазый увидел, что с этой

gipt u š-ar buzāi māīgā yak-yak glum šir wārti u gūdinā amé buzānā elá kúrti. yak katrāe digār ki būti, dīsti: amé kor átant, amé buzānā búrtant, dúštant, dīstant tā buz šir zabr na dāránt. múči go wat gústant ki pa če buz maróči šir na dāránt? amé ki watí nānānā sāil kúrtant, dīstant tā ša nānānī čundā am dūr kurtagi. karār amé kor gústant: mašmā maróči amé watí gisāi tā bgardān, ar kas ki bīt, mašmā āi rā wāt a-gindān. amé kor girdi yak jā būtant u amé watí gisāi čār daurā giptant u yak wār amé Lālói čār-čāmā dīstant. amé ki dīstanti, yak wār amé Lālói čār-čam gúšti: šmā mnā íči má kanit, man am šmāi yak brāse un. amé sāyén kor gústant: ā dol ki bīt, amā iī xajrāt a-bayán! amé nāne ki pa amā kāit, amé nānānā go amā bor, amé buzānā bar pa čarentinā.

amé zāg amé buzānā búrti pa čarentinā. dīsti tā amé buz amíngūr a-rawánt. ā íči na gúšti u amé buzānā elá kúrti tā šútant. wat am amé buzānī padā šúti. šúti, šúti, bi yak jāgāe dīsti: amédinā yak bāge. amé Lālói čār-čam šúti, putrit bi amé bāgāi tā, dīsti tā amédinā yak gisidāi dráxte ast. amé Lalói čār-čam go wat gúšti: man maróči ša amé gisidān agār pa watí gwārān ma barín, íčča na bīt. amé Lālói čār-čam bi amé draxtāi sarā bālā būt. ta bzānāi bi amé draxtāi čērā yak buzlangie wāb int-a u bi amé

стороны пришли три козы. Лалу четырехглазый схватил этих коз; попил по-немногу молока из вымени каждой козы и отпустил этих коз. Когда прошло еще немного времени, он увидел, что слепые подошли, отвели коз, стали донть и заметили, что у коз нет, сколько следует, молока. Все они сказали друг другу: «что это сегодня у коз нет молока?» Когда они стали ощупывать свои хлебы, они заметили, что и у хлебов края отломаны. Наконец, слепые сказали: «поищемте у себя дома: кто бы он ни был, мы его найдем!» Слепые собрались вместе, окружили свой дом и нашли Лалу четырехглазого. Когда они нашли его, Лалу четырехглазый сказал: «ничего со мной не делайте, я тоже один из ваших братьев!» Эти трое слепых сказали: «если так, то мы для тебя готовы пожертвовать собой! ешь вместе с нами этот хлеб, который к нам попадает и води этих коз пастись».

Юноша повел коз пастись. Когда он повел их пастись, он увидел, что козы идут в сторону. Он ничего не сказал, позволил козам идти и сам пошел вслед за ними. Шел, шел и увидел, что в одном месте есть сад. Лалу четырехглазый пошел туда, вошел внутрь сада и увидел, что там есть дерево из кораллов. Лалу четырехглазый сказал про себя: «никак нельзя, чтобы я сегодня не унес этих кораллов для своих сестер». Лалу четырехглазый взобрался на верх этого дерева. А тебе нужно знать, что под этим деревом спит

buzlangíäi läpäi sará yak táse brinjien ast. amé ki Lálói čār-čām amé drax-tái gisídānā sistī, yak wār yak gisídäi dānāge sist u kapt bi amé tāsāi sará. amé tās tlang u tawār kúrti, yak wār amé buzlangí ustāti, sáili kúrti, dísti tā aní Lalói čār-čām bi amé draxtái sará int-a. yak wār amé kāperén buzlangí. amé Lálói čār-čāmī dastá gipt, ša amé burzágäi sará éri kurt u amé Lálói čār-čāmī dast u pādānā go čilúkā básti u yak ašt čábúk āurti u bi amé Lálói čār-čāmā jātī. amé Lálói čār-čām gúšti: bābā, pa e čábúkäi wašiyā!. yak wār amé biyáklen buzlangí bāwār kúrti wa go amé zāgā gúšti: man anūn trā páč a-kanín, ta gúdinā mnī pādānā band. amé Lálói čār-čām gúšti: nápa bāz juwán int-a. amé buzlangí amé Lálói čār-čāmī pādānā páči kúrti wa wat rā prénti bi đigārā, go Lálói čār-čām gúšti: anūn biyā, mnī dast u pādānā band. amé Lálói čār-čām amé čilúkānā āurti u amé buzlangíyāi dast u pādānā sak go čilúkā básti u amé čábúkānā zúrti, láti kúrti bi amé buzlangíyāi jānā. yak wār amé buzlangí gúšti: anūn bās int-a! amé zāg gúšti: bas nāint-a, man trā kušin. yak wār amé buzlangí gúšti: ta ki mnā kušāi, nápa juwán int-a, magār amé mnī guťai ráai dapā yak sāi sabzén morág ástant, ta amé morágānā dār pkan u bar, psá u amíngūr sāi jiník ant kóren, bi amā jinikānī čamān muš, gúdinā amā jinikānī čam drūā bayánt. amé Lálói čār-čām gúšti: nápa bāz juwán int-a.

бузланги, и на животе у этого бузланги медная чаша. Как только Лалу четырехглазый стал рвать кораллы с дерева, вдруг одна штука кораллов оторвалась и упала на эту чашу. Чаша зазвенела и зазвучала, бузланги встал, осмотрелся и увидел, что Лалу четырехглазый на верху дерева. Тотчас этот поганый бузланги схватил Лалу четырехглазого за руку, спустил его сверху и связал ему веревкой руки и ноги. Потом он принес штук восемь плетей и стал бить Лалу четырехглазого. Лалу четырехглазый сказал: «спасибо, батюшка, за сладость этой плети!» Глупый бузланги поверил и сказал юноше: «я теперь тебя развяжу, а ты свяжи мне ноги». Лалу четырехглазый сказал: «хорошо!» Бузланги развязал ноги Лалу четырехглазому, лег сам на землю и сказал Лалу четырехглазому: «ну, теперь иди и свяжи мне руки и ноги». Лалу четырехглазый принес веревки, крепко связал веревками руки и ноги бузланги, взял плети и стал бить бузланги по телу. Бузланги сразу сказал: «теперь довольно!» Юноша сказал: «нет, не довольно, я тебя убью!» Бузланги сказал: «раз уж ты меня убиваешь, хорошо! только у меня в горле есть три зеленых бусины, ты эти бусины вынь, отнеси и истолки, — а здесь есть три слепые девушки, — так ты помажь ими глаза этих девушек, и их глаза исцелятся». Лалу четырехглазый сказал: «очень хорошо».

yak wār amé buzlangíyā kúštī u amé sāén morágānā ša amé buzlangíyāi guṭāi rá dūri kúrtī u búrtī bi amā watí gwārānīyā. amé ki búrtī bi watí gwārānīyā, go amé watí gwārān gúštī: āi dādān, agār man šmāi čamānā drūā pkanín, šmā mnā čéwā dáit? amé kor gúštant: agār, lālā, ta amāi čamānā drūā kúrtāi, ša amā sāil pkan, gujām juwānéne, amāe rá bgir. amé Lālói čār-čam šut, yak sínge paidāi kurt u āurt, amé morágānā gipt u kuṭit, zabr úrtī kúrtī u sáptī u šut, yak káme āp āurtī, amé morágānā āp kašit u búrtī, amé sāén korānī čamānā piṭént. amé kor drūā bútant. amé Lālói čār-čam ša ameshānī tā yak jiníke rá giptī, agdār am pa eši kār a-kúrtant.

karār yak čunt waxt bŭtī, amé Lālói čār-čam pa wat du tāzī zítī u āurtī bi watí gisā, go amé watí jinénā gúštī: man anŭn a-raín bi watí pisāi šārā ki čón int-a āi awā. amé jinénī gúštī: juwān int-a, bra. Lālói čār-čam gúštī: ar waxt dístāi tā amé māšmāi tāzī klunz-klunz kúrtant, gúḍinā ta bzānāi ki bi mnī sarā sakíe ātagí, ta amé tāzīyānā elā pkan.

karār Lālói čār-čam š-amódinā šŭtī bi watí pisāi šārāiyā. amé ki ātī bi watí pisāi šārāi pānādā, uštāt, góši kašit, ičiyāi tawār náint-a, yak áššāi tawāre ast, digār ičiyāi tawār náint-a. karār ātī, dístī tā amídinā yak áspe go zenā bastagí. amé Lālói čār-čam amé aspā suwār bŭtī u āi kúrtī u šŭtī

Он убил бузланги, вынул из его горла эти три бусины и отнес их своим сестрам. Когда он отнес их своим сестрам, он сказал им: «сестрицы, что вы мне дадите, если я вылечу ваши глаза?» Слепые сказали: «братец, если ты вылечишь наши глаза, посмотри сам, и которая из нас хороша, ту и возьми». Лалу четырехглазый пошел, отыскал камень и принес его; взял эти бусины, раздробил, растолок и хорошо измелчил их; сходил и принес немного воды, полил воды на эти бусины и накапал в глаза трем слепым. Слепые исцелились. Лалу четырехглазый взял из них одну девушку в жены, а другие на нее работали.

Прошло некоторое время. Лалу четырехглазый приобрел себе двух гончих собак, привел к себе домой и сказал своей жене: «я теперь отправлюсь в город своего отца, как-то он поживает?» Его жена сказала: «хорошо, отправляйся!» Лалу четырехглазый сказал: «как только ты увидишь, что наши гончие за скулили, тогда знай, что со мной случилась беда, и отпусти этих гончих».

Итак, Лалу четырехглазый отправился в город своего отца. Как только он приблизился к городу своего отца, он остановился и стал прислушиваться: ничего не слышно, слышен только стук ручной мельницы, никаких других звуков нет. Он подошел и увидел, что здесь привязана оседланная лошадь. Лалу четырехглазый сел на эту лошадь, погнал ее и поехал в город. Вдруг он

bi šārāiyā, yak wār dístī tā mnī jātūen gwār átī. ā go watí brāsā gúštī: äj lālā, tī asp tunág-u nájnt-a? amé Lālói čār-čam gúštī: tunág int-a, dādā. amé aspā zurt u burt déme āpā. bi āpāj sarā na búrtī wa amé aspāj du dastā wártī. amé ki du dastāj wártī, gúđinā amé aspā zurt u āurtī bi pādā bi Lālói čār-čamiyā wa gúštī: äj lālā, ta watí aspā bi du pādāj sarā āurtág äj? amé Lālói čār-čam gúštī: ān, dādā. amé aspā bi pādā búrtī. yak wār amé Lālói čār-čam sājli kúrtī, dístī tā bi amé mnī pisāj šārāj tā ič kas na mān-tagí, múčānā e be-dín wartagí.

yak katrāe digār büt, amé jātū átī bi Lālói čār-čamiyā, gúštī: äj lālā, ta tunág-u ná wāj? yak wār amé Lālói čār-čam gúštī: man tunág un. amé jātū, amédā yak gečine átī, amé gečínā zurt u burt ki āp pkant u biyārīt. amé ki ā āngūrī šut, yak wār yak múške átī, amé Lālói čār-čamā gúštī: äj gisotág! ta bra, ša purān yak káme bzūr u bi yak pučāj tā band u biyār. amédinā lakatáb pkan u wat bjī, ša amé sorāj kutágān am bzūr u bjī. agār ā bājīt, gisotág trā kušīt. amé Lālói čār-čam šut, yak káme pur āurtī, bi amé pučāj tāj kurt u pučāj dapā bástī u āurtī, amédinā lakatābī kúrtī u wat šut, sāj sorāj kutág zurt u šut.

увидел: это ведь подошла моя сестра-ведьма! Она сказала: «братец, твоя лошадь не хочет пить?» Лалу четырехглазый сказал: «она хочет пить, сестрица». Она взяла лошадь и повела к воде. Как только она стала вести ее к воде, еще до воды ее не довела, как съела у этой лошади обе передние ноги. Когда она съела ее передние ноги, она взяла лошадь, привела ее обратно к Лалу четырехглазому и сказала: «братец, ты ведь свою лошадь привел только о двух задних ногах?» Лалу четырехглазый сказал: «да, сестрица». Она повела лошадь обратно. Когда она повела ее обратно, Лалу четырехглазый стал смотреть и увидел, что в городе отца никого не осталось: всех переела эта неверная!

Прошло немного времени, эта ведьма вернулась к Лалу четырехглазому и сказала: «братец, ты не хочешь пить?» Лалу четырехглазый тотчас сказал: «я хочу пить». Там было решето, эта ведьма взяла это решето и понесла, чтобы набрать и принести воды. Когда она туда пошла, вдруг подошла одна мышь и сказала Лалу четырехглазому: «о горемыка, иди, набери немного золы, набей ею что-нибудь из одежды и принеси и повесь ее здесь, а сам беги! захвати с собой сколько-нибудь из этих золотых подпорок для очага, и беги! ведь если она придет, она убьет тебя, горемыку!» Лалу четырехглазый пошел, взял немного золы и насыпал ее в одежду, завязал отверстия одежды, принес и повесил ее, а сам пошел, взял три золотых подпорки для очага и ушел.

dérā ki bût, amé jātú áti, sáili kúrti, dísti tā Lālói čār-čām ídinā nāint-a. yak wār amé jātú š-amódinā šut bi gisānī tā. amé ki amé purānā dísti, e gúšti: bálken amé Lālói čār-čām int-a! yak wār amé jātú arkāti kurt pa amé purānī jānā, dísti, tā amé pur bi mnī čamān rétant. tānāxten ki e wātí čamānā múšti, amé Lālói čār-čām panč parsāx rá šútī. gúdinā e ki bālā būti, amé gisāi sarā, dísti tā Lālói čār-čām gujām-ādinā int-a ki rāut. yak wār amé jātú bi amé Lālói čār-čāmī padā kápti u šútī, raséntī. amé ki raséntī, ā am yak sorāi kutáge rá gipt u prošt u préntī. amé jātú amé tilāāi kutágāi čundā áurti padā.

yak wār amé Lālói čār-čām š-amódinā jist u šut bi amā watí drax-tānīyā. amé ki áti bi amé draxtānīyā, yak wār bi amé draxtāi sarā suwār būti, sáili kúrti, dísti tā jātú a-jít u káit. amé ki jātú áti, bi amé draxtāi sarā sáili kurt, dísti: ā Lālói čār-čām int-a ki bi draxtāi sarā suwār būtagi. yak wār amé jātú go watí dantānān amé draxtā arāgi kurt. yak wār Lālói čār-čām jisti u šútī, bi agdā draxtāi sarā bālā būti. yak wār amé jātú šútī bi amā draxtāiyā ki arág pkant go watí dantānān. yak wār amé Lālói čār-čām gúšti: man yak šāire gušin. amé jātú gúšti: bguš. amé Lālói čār-čām gúšti: šéri man, bā-šéri man, zū-zū biyā kal-šéri man. yak wār amé

Когда прошло много времени, эта ведьма пришла, стала смотреть увидела, что Лалу четырехглазого здесь нет, и пошла по домам. Когда она увидела эту золу (в подвешенной одежде), она сказала: «наверное, это Лалу четырехглазый!» Она двинулась к туловищу, набитому золой, и стала рассматривать, как вдруг эта зола посыпалась ей в глаза. Пока она протирала свои глаза, Лалу четырехглазый прошел уже пять фарсахов. Она поднялась на верх жилища, и тогда увидела, в какую сторону направился Лалу четырехглазый. Тотчас она устремилась вслед за ним и стала догонять его. Когда она уже догоняла его, он взял одну из золотых подставок для очага, разломал и бросил. Эта ведьма отнесла обратно золотые обломки.

А Лалу четырехглазый сразу побежал оттуда и направился к тем своим деревьям (выросшим из финиковых косточек). Как только он добрался до этих деревьев, он тотчас залез на верхушку дерева, стал смотреть и увидел, что ведьма уже подбегает. Когда ведьма приблизилась и посмотрела на верхушку дерева, она увидела: да ведь это Лалу четырехглазый уселся на верхушке дерева! Тотчас эта ведьма принялась распиливать дерево своими зубами. А Лалу четырехглазый соскочил, побежал и забрался на верхушку другого дерева. Тотчас эта ведьма направилась к этому дереву, чтобы и его распилить своими зубами, как вдруг Лалу четырехглазый сказал: «я спою песенку!» Ведьма сказала: «спой!» Лалу четырехглазый запел: «лев мой, о мой лев, скорее приходи,

Lālói čār-čāmī tāzī átant, yak wār amé Lālói čār-čam go amé watí tāzīyān gúšti: bgiritī, lāpāī tál bdājt u pkúšitī. amé jātú gúšti: ta yak wār mnā ma kuš, man go ta yak abáre dāín. Lālói čār-čam gúšti: nápa juwán int-a, bguš. amé jātú gúšti: ta ki mnā kušāī, amé mnī guťāī rāāī dapá yak moráge. ta amá morágā bzūr u psa u āp kaš u bar bi watí pisāī šār u kalátāī demā pitén. gúdinā tī pis u tī mās gírdī zindág a-bayánt. amé Lālói čār-čam go amé watí tāzīyān gúšti: anūn pkúšitī. amé ar duén tāzī gíptant amé jātúā kúštant.

amé ki kúštantī, yak wār amé Lālói čār-čam amá morágā ša jātúāī guťāī rá zúrtī u búrtī bi watí pisāī šārāiyā. ódinā amé morágā go yak sínge urt kúrtī u go yak badráe āpa am āúrtī. amé morágā búrtī, bi amé āpānī tā préntī u amé āpānā búrtī, bi watí pisāī šar u kalátāī išk u áškā réti. amešī pis zindág bŭtī wa múčī zindág bŭtant. karār amé Lālói čār-čam ša watí pisā pursitī ki āī bābā, jiník zábr int yā zāg? amé pādišā gúšti: sad jiníkā xairát pkanín pa yak zāgāī sarā, zāg zábr int-a! Lālói čār-čam šut, watí jinénā zúrtī u átī bi watí pisāiyā, go watí pisā mántī. man š-amódinā jístun, bástun, pa wat yak imáne āúrtun.

о мой лев!» Тотчас прибыли гончие Лалу четырехглазого, и он сказал им: «схватите ее, разорвите ей живот и убейте ее!» Ведьма сказала: «погоди немного убивать меня, я хочу тебе сказать кое-что!» Лалу четырехглазый сказал: «хорошо, говори!» Ведьма сказала: «раз уж ты убиваешь меня, — а у меня в горле есть одна бусина, — так ты эту бусину возьми, истолки, полей ее водой, отнеси и посыпь на поверхность города и крепости твоего отца, и тогда твой отец и мать, и все оживут!» Лалу четырехглазый сказал своим гончим: «теперь убейте ее!» Обе гончие схватили и убили ее.

Когда они ее убили, Лалу четырехглазый вынул бусину из горла ведьмы и отнес к городу своего отца. Там он камнем измельчил эту бусину, принес ведро воды и бросил бусину в воду, а воду отнес к городу и крепости своего отца и повсюду полил. Его отец ожил, и все ожили. Тогда Лалу четырехглазый спросил у своего отца: «ну, батюшка, кто лучше, дочь или сын?» Царь сказал: «я сто дочерей пожертвую за одного сына, сын лучше!» Лалу четырехглазый пошел, взял свою жену, вернулся к своему отцу и остался у отца. Я оттуда выскочил, завязал, для себя снискал благополучие.

VI

būt na būt, ša mašmāi xudā káse getír na būt. yak pādšá° at, kór at, do jánén dāšt, sāi zāg dāšt. do zāg ša yak jánéne° at, yak zāge ša yak jánéne° at, ā °am gárre at.

yak wáxte pādšá bāgā tā wapt-át. daraxtāi sará do totū āt o ništ. go wat abár a-dátan^t ki e pādšá čonén juwānén mardúme at, ke čammāi kór int. adgá totū gušt ki ša Noširwāni-ādílāi bāgā d°raxtāni balgān bīt, biārāi, b-eši čammān mūsāi, čammī š-awáleā getír a-bayánt. pādšá ša wābā āgā būt, watí zāgānā tawārī ku: āi parzindān, man annū yak wābe dīstun ke ša Noširwāni-ādílāi bāgāi d°raxtāni balgān būtin, mnī čam ročān a-būtant, š°mā āwurtāga kanit? zāg gūstant: šār, bābā, a°mā yā ut rā z°yān a-kanān, yā š-amā balgān a-kārān. ammā rā du° asp, do tūpāk wa zarr bdāi ke mā rawān. yak zāge digā ke ša digā jánénā at, āi gušt: man am raín, bābā, mnā am áspe, tūpāke, zarr bdāi, man am raín. brāsī gūstant: ta mā yā ke gandāgen rá°e, sakkén. eši gušt: °ar če sak bīt, man ša šmā getír ná un, go šmā raín. písiš gūsti: šār, bābā, e ki go šmā rāut, bāritī go wat. zāg gūstant: e ša gujā š-a°māi demā ziyān bīt be

(VI. О Ш а - н и я з - х а н е)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь, он был слеп. У него было две жены и три сына. Двое сыновей были от одной жены, один сын был от другой жены; он был плешив.

Однажды царь спал в саду. На дерево прилетели два попугая, сели и стали друг с другом разговаривать: какой, дескать, этот царь хороший человек, только слеп на оба глаза. Другой попугай сказал: «будь листья с деревьев из сада Нуширвана справедливого, принести бы их и приложить, и его глаза станут лучше прежнего!» Царь проснулся и призвал своих сыновей: «дети, я сейчас видел сон, что если бы были листья с деревьев из сада Нуширвана справедливого, мои глаза прозрели бы, — вы сможете их достать?» Сыновья сказали: «хорошо, батюшка, мы или себя погубим или достанем тех листьев. Дай нам две лошади, два ружья и денег, и мы отправимся!» А тот сын, который был от другой жены, сказал: «я тоже отправлюсь, батюшка, дай мне тоже лошадь ружье и денег, и я тоже отправлюсь!» Его братья сказали: «ты не ходи, потому что дорога плохая, трудная». Он сказал: «как бы ни было трудно, я не лучше вас и поеду с вами!» Их отец сказал: «хорошо, дети, раз он едет с вами, возьмите его с собой». Сыновья сказали: «он еще где-нибудь погибнет на наших

āp o ve nānāyā, be čolén rāhā! zāg gúštī: ^har če bīt, mán a-rāín go šmā.
ā gúštant: šarr.

e sar gíptant o šútant. čunt waxt rá šútant, yak wáxte be do-rā^ʔie sarā brābír bútant. dístant: amédā yak sínge. singā^ī sarā nimíst at ki ar kas dásti rāst bráut, pádā kā^īt, ar kas dásti čap bráut, pádā ná ā^īt. édā ar sā^īén brās musla^hát kúrtant^t g^o wat. watí čallāwānā nišānī singā^ī čérā íštant: ar kas demā āt, adgārā^ī čallāwā bzūrīt. amé du^ʔén ki ša yak māsā átant, be rāstén rāhā šútant. amé yáke ki ša yak māsā at, čappén rā^hā šut. ša āwān bill o š-ešī goš pkaš.

e yakkén šut be me rā^hā. šápe jā^ʔe, róče jāye, yak wáxte be yak čóle tā dístī, yak mardúme ša dūrā kā^īt. karā-karā āt o salām-alā^īke kúrtant o amé pīramārd sójī ku: ā^ī parzínd, ta gujā rawā^ī? zāg gúštī: ā^ī bābā, čé^{wā} kanā^ī, ša mán a-pursā^ī? gúštī: na, parzínd, ar jā rawā^ī, bguš go man. gúštī: šarr, gušín. mnī pisā^ī čam kór ant, man a-raín ki ša Nošīrwānī-ādílā^ī bāgā^ī d^ʔraxtānī tā yak d^ʔrāxte š-amā^ī balgān p^ʔ watí pisā^ī čamān kārín ke bálke rošán a-bīt. gúštī: ā^ī parzínd, sakkén ráye, dūr ^m ast, ma^r ra b-é rā^hā, sakkén ráye, gandágen. gúštī: ā^ī, omét be xudā, ráín.

глазах без воды и без пищи, в пустынной дороге!» Юноша сказал: «что бы там ни было, я поеду с вами!» Они сказали: «хорошо».

Они выступили и отправились. Некоторое время они ехали по дороге. Однажды они доехали до распутия и здесь увидели камень. На камне было написано, что каждый, кто поедет вправо, вернется, а кто поедет влево, тот не вернется. Здесь трое братьев стали советоваться друг с другом. Они положили под камень свои перстни: кто раньше придет, тот возьмет и перстни других. Те двое, которые были от одной матери, отправились по правой дороге, а тот, который был от другой матери, отправился по левой дороге. Оставь их и послушай про него.

Он одиноко поехал по этой дороге. Ночь в одном месте, день в другом, однажды в пустынном месте он увидел, что издали подходит какой-то человек. Он медленно подошел. Они поздоровались, и этот старик спросил: «дитяtko, куда ты едешь?» Юноша сказал: «батюшка, что тебе, что ты меня спрашиваешь?» Тот сказал: «нет, дитяtko, куда ни едешь, скажи мне!» Он сказал: «хорошо, скажу: мой отец слеп, и я еду, чтобы с какого-нибудь из деревьев сада Нуширвана справедливого привезти листьев для глаз своего отца, может быть, тогда он прозреет!» Тот сказал: «трудная дорога, дитяtko к тому же и далеко, не ездй по этой дороге, трудная дорога, плохая!» Он сказал: «надежда на бога! я все же поеду». Тот сказал: «хорошо, раз едешь, по-

gúštī: šarr, ki rawāi, bra, pa šárte ke man trā yak číze gušín ke amá čizānā paidā pkanāi: yak arráge o yak tešáge, amāwānā g° wat bzūrāi, gúdā š-āi ki šútāi, tī rā^bá sará yak šérāi pādā nále šutá, ta amá šérāi pādāi nalá búrrāi, gúdā ar če trā tawār kurt: biyá mní^vā, ta ma^r ra. ar wáxte aikálle rástā sogínd wárti, gúdā ta brá. gúštī: šarr.

e zāg šut, dístī: yak rócāi rāhā yak číze tawār int. e déme amá tawārā šutī, yak wáxte be mǎi^vā sar bût, dístī ke šére. pādāi nále šutá. e zāg gúdā arrágā o tešágā zúrtī, ameshi pādāi nalá burritī, alási kurt. gúdā šer tawārī kurt: āi kas, ta čonéne wāi ke mnā š-erangén jáye alás kúrtāi? āi, gušt, man ādāmi-záte un. šarr, gúštī, ar čonéne astāi, biyá mní^vā, ar če a-loťāi, man trā dāin. e zāg trusitī, na šut. duwārág šer sogínd wart: mnā be aptekáli rást sogínd, trā ^hicči na kanín. gúdā e zāg šut āi^vā. šer gúštī: tī nām kái int? gúštī: mnī nām Šā-niyáz-xān int. gúštī: šarr, āi Šā-niyáz-xān, ta ma trusāi, mnind amédā, man ar če šer ast, āwānī mazān-un, annúⁿ múcānā tawār a-kanín, ta ma trusāi. gúštī: šarr. e šer ar če ki šer at, játi nārāye. be me sāáttā múčči átant, jam bútant. gúštī: āi Šā-niyáz-xān, trā yak šére dāin. ar jā brawāi, go ta gōñ bīt. gúštī: šarr. šerānī ma-

сэжай, но только я тебе скажу одну вещь: раздобудь и возьми с собою пилу и топор; когда ты после этого поедешь, — а у одного льва на твоём пути в ногу попала заноза, — так ты эту занозу из ноги льва вырежь, но потом, сколько бы он ни кричал: „поди ко мне“, ты не подходи, а иди только тогда, когда он поклянется на своей правой ладанке». Он сказал: «хорошо».

Юноша поехал и увидел, что на расстоянии дневного пути кто-то кричит. Он поехал по направлению к тому крику, добрался туда и увидел, что это лев и что в его ногу попала заноза. Юноша тогда взял пилу и топор, вырезал занозу из его ноги и освободил его. Тогда лев закричал: «эй, кто ты, что высвободил меня из такой напасти?» — «Я», он сказал, «сын человека». — «Хорошо», сказал тот: «кто бы ты ни был, поди ко мне, и я тебе дам все, что ты захочешь». Юноша побоялся и не пошел. На второй раз лев поклялся: «клятва на правой ладанке, я тебе ничего не сделаю!» Тогда юноша подошел к нему. Лев сказал: «как твое имя?» Он сказал: «мое имя Ша-нияз-хан». Он сказал: «хорошо, Ша-нияз-хан, не бойся! я ведь, сколько ни есть львов, их наибольший, теперь я их всех созову, ты не бойся!» Он сказал: «хорошо». Этот лев издал рыканье, и сколько ни было львов, в тот же час все они пришли и собрались. Он сказал: «Ша-нияз-хан, я дам тебе одного льва, и куда ты ни пойдешь, он будет с тобой». Он сказал: «хорошо». Глава львов ударил по спине одного

zán dastá be yáke puštá jat, ke ar já Šā-niyāz-xān šut, ta eší amrá' ai, go-ší bra. šer gušt: šarr. xudā-āpizí kúrtant, šútant. čunt waxt gud rá a-šútant.

yak róče nīmróčā be yak d^hrāxte siā'gā wáptant. e daraxtāi sarā sāi sāl at ke yak sīmúrye amédā ā-múry a-kú wa čūčág a-kúrt. eší čūčágānā ke wáxte sīmúry geābānā pa šikārā ke šut, ša pādā yak aždiyāre kātī, eší čūčágānā wártī. maróči Šā-niyāz-xān amédā draxtāi čérā ātī, wáptī. yak wáxte dístī pušpúse mārāi. čo sālī ku, dístī, máre be daraxtā peč-peč a-bít o ráut be daraxtāi sarā. Šā-niyāz-xān ša "atī jāhā ustāt, zāmā zúrtī, jātī, e mārā kūštī, búrtī, yak singāi čérā íštī.

yak wáxte sīmúry ātī watí čūčágānīyā, dístī, ādami-zāte daraxtāi čérā waptā. sīmúry watí dilā gúštī ke ^har sāl mnī čūčágānā amé ādami-zāt kājī o wart, šut pādā, yak tuén sínge zúrtī, āúrtī ke ame Šā-niyāz-xānī sarā prénit. čūčágī čey-o-čáy kúrtant. sīmúry gúđā watí dilā pikr ku: e mnī čūčág pa če čey-o-páy a-kanánt. singā pādā búrtī, be mā jāe íštī. pādā āt, čūčágānā pursitī: šumā pa če čey-o-páy kúrtit? čūčág gúštant: ta čon sínge rā zúrtāi ke ādamīai sarā prénāi? e ādamí pa mā neki bāzi kurt. sīmúry gušt: pa šmā če neki kurt? čūčág gúštant: a^mmā rā yak

передней лапой: «куда бы, дескать, ни пошел Ша-нияз-хан, ты его спутник, и иди с ним». Лев сказал: «хорошо». Они простились и пошли. Потом они некоторое время шли по дороге.

Однажды в полдень они легли под тенистым деревом. А уже было три года, как на этом дереве одна симург-птица несла яйца и выводила птенцов, и как только она уходила в пустынные места на охоту, вслед за ней приходил дракон и поедал ее птенцов. Ша-нияз-хан пришел сюда под это дерево и заснул. Вдруг он услышал шипение змей. Он посмотрел и увидел, что одна змея извивается по дереву и ползет на вершину дерева. Ша-нияз-хан встал со своего места, схватил меч, ударил и убил эту змею; отнес и положил ее под камень.

Через некоторое время симург-птица подошла к своим птенцам и увидела, что под деревом спит какой-то человек. Симург-птица сказала про себя: «значит, это вот человеческое порождение каждый год приходит и поедает моих птенцов!» Она пошла обратно, взяла и принесла огромный камень, чтобы сбросить его на Ша-нияз-хана. Ее птенцы подняли шум. Симург-птица подумала про себя: «почему это мои птенцы шумят?» Она отнесла обратно камень и положила на место. Потом она вернулась и спросила птенцов: «почему вы подняли шум?» Птенцы сказали: «как это ты взяла камень, чтобы бросить на человека? ведь этот человек сделал нам много добра!» Симург-птица сказала: «какое он вам сделал добро?» Птенцы сказали: «одна змея при-

māre āti ke b^wārt, amé ādamí mārā kūštī, búrtī, amā singāi čérā kúrtī. gúḍā sīmúry zántī ke ar waxt mnī čučágānā amé mār wártī. gúḍā ša e Šā-niyāz-xānī sarā tawār kurt: āi ādamí, ta édā čéwā kanāi? Šā-niyāz-xān jawāb dāt: āi sīmúry, čéwā loṭāi, ša man a-pursāi? sīmúry gúštī: ar niyátte dārāi, bguš. Šā-niyāz-xān gúštī: man p^alanā šārā raín. sīmúry guštī: bāz zabr int, xāir bīt, man š-amé watí čučágān trā yáke daín, ^har jā brawāi, tī sarāi sā^yewān bīt. Šā-niyāz-xān gúštī: šarr. sīmúry š-amé čučágā yáke rā dāti. Šā-niyāz-xān sar gipt o šut.

čunt ayām guḍ be mā šārā matlabiēnā sar būt. ročā amāi nazzíkā wáptī. wābānī waxtā šúti be mā matlabiēn bāgā. gúḍā Šā-niyāz-xān bāgāi tā putrīt, gāštī, amā d^ráxtā matlabiēnā paidāi ku, š-amāi balgān čítī, urjīnā púrri ku, gúḍā watí dilā píkrī kurt: man amé argā ša wat ma ka-nín, na bīt. gúḍā šérā wa sīmúryā wa watí urjīnā amédā íštī, šut déme argā. dístī, yak kóreai dastā čil dānāg kelí astant, amédā ništā. Šā-niyāz-xān ke ešā dístī, zāmā kašitī, jat, ešā kūštī, kelíyānā ša dastāi zítī. arg čil darwāzāg dārīt. ^har darwāzāgāi dapā yak buzlangí wapt-át. Šā-niyāz-xān ^har čillēnānā kūštī, šut be argāi sarā.

ходила, чтобы пожрать нас, но этот человек убил змею, снес ее и положил под тот камень». Тогда симург-птица поняла: значит, это змея поедала каждый раз моих птенцов! Потом она закричала Ша-нияз-хану: «эй, человек, что ты тут делаешь?» Ша-нияз-хан ответил: «о симург, что тебе, что ты спрашиваешь меня?» Симург-птица сказала: «скажи всякое желание, какое ты имеешь?» Ша-нияз-хан сказал: «я направляюсь в такой-то город». Симург-птица сказала: «очень хорошо, да будет тебе благо! я дам тебе одного из своих птенцов, и куда ты ни пойдешь, пусть он будет тебе защитой от солнца!» Ша-нияз-хан сказал: «хорошо». Симург-птица дала ему одного из своих птенцов. Ша-нияз-хан собрался и пошел.

Через некоторое время он достиг вождеченного города. День он проспал поблизости от него, а ко времени сна пошел к вождеченному саду. Ша-нияз-хан проник в сад, стал искать, нашел нужное дерево, нарвал его листьев и наполнил свой мешок. Потом он стал думать про себя: «нельзя мне не овладеть этим замком!» Тогда он оставил здесь льва и птицу-симург и свой мешок, и пошел к замку. Он увидел, что в руках у одного слепца сорок ключей, а сам он здесь сидит. Как только Ша-нияз-хан его увидел, он выхватил меч, ударил и убил его, а ключи взял из его рук. Замок имел сорок ворот, и у каждого ворот спало по одному бузланги. Ша-нияз-хан всех их сорок убил и поднялся на вершину замка.

dísti, yak jánike mā-o-róčen waptá, yak čiráge tilláe sarúnāi ér at, yáke pādúnāi ér at, yak na^háre sarúnāi ér at, yáke pādúnāi ér at, čil šalwár pādāi at, čil jāmág gwarāi at, čil dasmāl sarāi bast-át. Šā-niyāz-xān sī o nú šalwārāi ānjágā páči ku, sī o nú jāmágāi zīyá páči ku, sī o nú dasmālā páči ku, sarúnāi na^hárā pādúnā išti, pādúnāi na^hárā sarúnā išti. yak lunkáe š-eši wárti, yáke š-ái. čúkke š-é deme gípti, čúkke š-á deme, xáte nimíšti: ai dilbár, ti duz mán un, Šā-niyāz-xān un, plāná pādšā^yai zāg un, pa digá káse ma gardāi, plāná šarā nindín. nimíst o dár büt, šut bāgāi tā, balgānā, šerā, simúr^yā zurt o ša bāgā dár büt, kaš kurt o pādā watí rāhā šut. šápe jāye, róče jāye, āt amā watí du-rāyā^š sarā, singāi čerā sālī ku, dísti ke mnī brāsāni čallā āngāt-a singāi čerā ant. watí^yā zúrti, āwāniyā išti. š-eši bill o š-āwān goš kaš.

ā du^{én} ke šútant, šápe jāye, róče jāye, gúdā be yak šáre sar bútant. šarāi darwāzágāi dapā yak jánike xumār-bāzen ešānā ke dísti, kāyánt, gúšti: čonén j^uwānén warnā ant! wáxte ke ā be darwāzágā sar bútant, jānīk tawārī ku: ai šā-zādagān, b^yāit ke man šapí šmā rā memānī^y a-kanín. šā-zādāg gúštant: šarr. šapí sáte nūā ešānā búrti be gisā. na^háre dāt, ša nahārā gúdā gúšti: ai šā-zādagān, b^yā ke mašmā šapí yak gwāziye pkā-

Он увидел, что там спит девушка, подобная луне и солнцу; в головах у нее один золотой светильник, а в ногах другой, один завтрак у изголовья, а другой у ног, на ногах у нее сорок шальвар, на теле сорок одежд, а на голове повязано сорок платков. Ша-нияз-хан распустил тридцать девять поясов у шальвар, растегнул у рубашек тридцать девять воротников, снял тридцать девять платков, переставил завтрак от изголовья в ноги, а завтрак от ног переставил в изголовье, отведал кусок от одного и кусок от другого, сорвал один поцелуй с одной стороны, второй — с другой, и написал письмо: «о пленяющая сердца, твой вор, это — я, Ша-нияз-хан, сын такого-то паря! не ищи никого другого! я живу в таком-то городе». Написал и вышел; пошел в сад, взял листья, льва и симург-птицу, вышел из сада и устремился прямо в обратный путь. Ночь в одном месте, день в другом, он пришел к тому распутию, посмотрел под камнем и увидел: перстни-то моих братьев до сих пор еще под камнем! Он взял свой, а их оставил. Оставь его и послушай про них.

А те двое, как отправились, так ночь в одном месте, день в другом, достигли, наконец, одного города. При входе в городские ворота одна разгульной жизни девушка, как только завидела, что они приближаются, так сказала: «какие пригожие молодцы!» Когда они достигли ворот, девушка закричала: «эй, царевичи, приходите! ночью я готовлю вам угощение!» Царевичи сказали: «хорошо». Ночью в девять часов она повела их в дом, дала им ужин, а после ужина ска-

nan. šā-zādā guštant: če gwāziye pkánan? jānīk jawāb dāt: man yak šárte dārín. šā-zādā guštant: če šárte dārái? jānīk gušti: man yak pišíke dārín, amāe rā kārín, amāi puštā čirágā killín. agár čirágā tā tárī čappí kurt, har če blótit, šmā rā dāín, agár čirágā čappí na kúrtī, gúdā šmāi aspānā wa tūpákkānā wa zarrānā múččānā ša šmā zinín. šā-zādā guštant: šarr. be me karārā yáke be adgārā xat dātant. jānīk šut, pešíkā āurtī, čirágā be puštái ístī, jānīk o šā-zādág tā tárī sāubátt a-kúrtant. šā-zādág dístant ke bābái! e pišík čirágā čappí na kurt, roč büt. jānīk ša šā-zādágān aspāniš wa tūpákāniš wa zarrāniš múččānā zítī, ešānā rādágī kurt. šā-zādág šútant šarā. watí póšānā báiš kurt. sāi čār roč xarjī kúrtant. gúdā xarjīiš alās büt. gúdā yáke šut, nānwāye muzūr büt, róče yak karān muzūr büt. yáke digár šut, āšpāze muzūr büt, ā ham róče yak karān. amédā muzūr bütant.

Šā-niyāz-xān ātī singái sarā, dístī: mnī brāsānī čalló 'ér ant, watí'ā zúrtī, āwānī'ā ístī, āt be ešānī padā. šāpe jāye, róče jāye, ātī be me šarā, sōjī kurt yak mardúme rā: du me-rangén mardúm na dístit? mardúmān jawāb dātant: du me-rangén kas āt, magár go plānā jānīkkā xumār jātant, jānīk āwānā búrtī. nūn yáke nānwāye muzūr int, yáke āšpāzái muzūr int.

зала: «царевичи, давайте-ка, поиграем сегодня ночью!» Царевичи сказали: «в какую игру поиграем?» Девушка ответила: «я буду держать заклад!» Царевичи сказали: «о чем будешь держать заклад?» Девушка сказала: «у меня есть кошка, я ее приведу и поставлю ей на спину светильник. Если она до утра перевернет светильник, я вам дам все, что вы захотите. Если же она не перевернет светильника, тогда я возьму от вас ваших лошадей, ружья и все деньги». Царевичи сказали: «хорошо». В этом уговоре они дали друг другу расписку. Девушка пошла, привела кошку и поставила ей на спину светильник. До утра девушка и царевичи беседовали. Царевичи увидели, что, увы! кошка не перевернула светильник, а день наступил. Девушка отобрала от царевичей их лошадей, ружья и все деньги, а самих выпроводила. Царевичи пошли в город, продали свою одежду и жили на эти средства три-четыре дня, потом их средства иссякли. Тогда один пошел и поступил в услужение к одному пекарю и стал получать один кран в день. Другой пошел и поступил на службу к одному повару, также за один кран в день. Оба поступили здесь в услужение.

Ша-нияз-хан подошел к камню, увидел, что вот они, перстни моих братьев свой взял, а их оставил и пошел по их следам. Ночь в одном месте, день в другом, он подошел к этому городу и спросил у одного человека: «не видели ли вы двух вот таких человек?» Люди отвечали: «два таких человека приходили, только они стали играть с такой-то девушкой, девушка их обыграла, и теперь один в услу-

gúšti: báz j^uwān int. Šā-niyāz-xān átī šārāī tā, gášti, āwānā dístī. híčči na gúšti, pádā šut, ša šārā dār büt. du mušk gíptī, watí bagálā kúrtī, zurt o āt be šārā, sóji kurt, amā jānīk ke xumār a-jānt gujā int. āe rā jawāb dātant ke ādā int.

Šā-niyāz-xān namāz-šāmā šut be jānīkkāiā. gúšti: ai jānīk, šapí memānā na lóťai? jānīk jawāb dāt: tī am-rāngāi memān báz ātā o "úrka pádā š^uta. Šā-niyāz-xān gušti: man š-āwān getír ná un. jānīk gúšti: šarr, biyā, mnind. Šā-niyāz-xān níštī, na^hār wártant. Šā-niyāz-xān gúšti: har sobátte dārāi, bguš. jānīk gúšti: man yak pešike dārín, yak čirāge. amā pišikā kārín be majlīsā, čirágā be puštāi killín, agár čirágā čappí kurt, har če blóťai, man trā dāin, agár čirágā čappí na kurt, tī aspā wa tūpákkā wa zarrānā ša ta zinín. Šā-niyāz-xān gúšti: báz zábr int. agár čirágā čappí kurt, amā duyén šā-zādágāi asp o tūpákkā wa zarrānā pádā bdāi be man. agár čappí na kúrtī, mnī asp o tūpákk o zarr — tī. gúšti: šarr. yak o adigārā xat dātant, jānīk šut, pešikā o čirágā aúrtī, pišikā gúšti: pišt. pišik jā be jā uštāt. čirágā be puštāi íštī. jīndiš pa sāubáttā bütant. šap ke nemā büt jānīkkā wábá gipt. Šā-niyāz-xān dastā be bagálā kurt. yak múške rā watī

жении у пекаря, а другой—у повара». Он сказал: «очень хорошо». Ша-нияз-хан вошел в город, стал искать и нашел их. Он ничего не сказал, вернулся и вышел из города; поймал двух мышей, положил к себе за пазуху, взял и пришел в город; спросил, где та девушка, которая ведет разгульную жизнь. Ему ответили: вон там!

Ша-нияз-хан во время вечерней молитвы пошел к девушке и сказал: «девушка, не хочешь ли гостя сегодня ночью?» Девушка ответила: «вроде тебя много гостей приходили и порожем уходили обратно!» Ша-нияз-хан сказал: «я не лучше их!» Девушка сказала: «хорошо, заходи, садись!» Ша-нияз-хан сел, они поужинали. Ша-нияз-хан сказал: «какой ни есть у тебя разговор, говори!» Девушка сказала: «у меня есть одна кошка и светильник. Я привожу эту кошку к гостям и ставлю ей на спину светильник. Если она уронит светильник, я дам тебе все, что пожелаешь. Если же не уронит, я возьму от тебя твою лошадь и ружье и деньги». Ша-нияз-хан сказал: «очень хорошо, если она уронит светильник, ты отдай мне лошадей, ружья и деньги тех двух царевичей; если же не уронит, тогда моя лошадь и ружье и деньги—твои». Она сказала: «хорошо». Они дали друг другу расписку. Девушка пошла, принесла кошку и светильник и сказала кошке: п-ш-т! Кошка неподвижно стала на месте. Она поставила ей на спину светильник, а сами они принялись беседовать. Когда половина ночи прошла, девушкой овладел сон. Ша-нияз-хан сунул руку за пазуху, взял

dastā kurt. muškā démāi pešíkā kurt. pešík ke muškā dīstī, gošānā kúrri kurt. Šā-niyāz-xān muškā yālā kurt. pešík āt ke arkāt pkant, jānīk gúštī: pešt, jā be jā! pišík watī jāhā wuštāt. Šā-niyāz-xān gúštī: yā xudā, amédā yak ābrú'e, bdāāi! duwārāg dastā be bagālā kurt. adigā muškā ša bagālā kašitī, dastā kurt, jānīk um gidđit. Šā-niyāz-xān muškā déme pišíkā táčk a-kánt. do sāi gašt pešíkā gwāzī dāt. gúdā muškā yālā kurt. pešík čirāgā čappī kurt, muškāi padā kapt. jānīk aīrān mānt: e čonén kāre büt!

gúdā Šā-niyāz-xān watī brāsānī asp o tūpāk o zarrānā pādā zītī. ša jānikāi sarā dār büt, šut be šarā. e asp o tūpākkān o zarrānā yak jāye īštī, wat be šarā āt. watī yak brāse rā dīstī ke āšpāzāi muzūr int. šut, tawāre ku, āi rā gúštī: āi siyād, édā čēwā kanāi? brāsī jāwāb dāt: man amédā muzzūr un. gúštī: róče čínka dārāi? gúštī: róče yak yarān dārín. Šā-niyāz-xān gúštī: man trā māye dā tumān dāin o yak āspe o tūpāke o j^wwānén puč trā dāin, agār mnī naukār bayāi. gúštī: šarr, ta čun^t naukār a-girāi? gúštī: man du naukār a-girín. gúštī: šarr, ā rang bīt, man digā brāse^y am dārín. Šā-niyāz-xān gúštī: šarr, āi rā biyār, gujā int? gúštī: nānwāye muzūr int. gúštī: bra, tawārī pkan ke bāit. ešī šut, watī brāsā tawārī kurt.

одну мышь в руки и подвинул мышь к кошке. Как только кошка увидела мышь, она насторожила уши. Ша-нияз-хан выпустил мышь. Кошка было шевельнулась, но девушка сказала: «п-ш-т! на место!» Кошка осталась на своем месте. Ша-нияз-хан сказал: «о боже! даруй честный исход!» Он опять сунул руку за пазуху, вытащил другую мышь из-за пазухи и стал держать ее в руках; девушка все еще дремлет. Ша-нияз-хан протянул мышь к кошке. Два-три раза он подразнил кошку, потом выпустил мышь. Кошка сбросила светильник и бросилась вслед за мышью. Девушка изумилась: как это так случилось?

Потом Ша-нияз-хан получил обратно лошадей, ружья и деньги своих братьев. Он вышел от девушки и пошел в город. Лошадей и деньги и ружья он оставил в одном месте, а сам пришел в город и нашел того своего брата, который был слугой у повара. Он пошел, позвал его и сказал: «что ты здесь делаешь, земляк?» Его брат ответил: «я здесь в услужении». Он сказал: «сколько ты получаешь в день?» Тот сказал: «в день я получаю один кран». Ша-нияз-хан сказал: «если ты будешь моим слугой, я дам тебе в месяц десять туманов, и, кроме того, дам тебе лошадь и ружье и хорошую одежду». Тот сказал: «хорошо, сколько слуг ты берешь?» Он сказал: «я беру двух слуг». Тот сказал: «если так, то у меня есть еще брат». Ша-нияз-хан сказал: «хорошо, приведи его, где он?» Тот сказал: «он в услужении у одного пекаря». Он сказал: «иди, позови его, пусть придет». Тот пошел, позвал своего брата и

gúštī: beyá édā, yak káse naukár a-gít, máye dā tumán o asp o tūpák o libás a-dánt. gúštī: guǵā int? brawán. gúštī: ádā ništá. átant Šā-niyāz-xāniyā. Šā-niyāz-xān guštī: raít go man? gúštant: ān. Šā-niyāz-xān ešānā zurt o šut watí jāhā.

jāhā ke šútant, Šā-niyāz-xān gúštī: aǵ siyādān, man yak šarte dārín. āwán gúštant: če šarte dārāǵ? Šā-niyāz-xān gušt: mnī šart améš int: har guǵāmī ripágā yak dāge kanín. agár šumā p-amešī rāzī it, man šmā rā naukaríyā kabúl dārín, agár rāzī ma baít, šmā rā naukára na kanín. e duʻén brās go wat muslahát kúrtant: aǵ, biyá ke bóštan, bill tā dāg pkant. pádā átant Šā-niyāz-xāniyā, gúštant: šarr, amhá ti šartá kabúl dārán. Šā-niyāz-xān gušt: šarr, watí morá sóri kurt, har guǵāmī ripágā yak dāge kurt. gúḡā ešānā jʷwānén libás zítī o dátī. asp o tūpákk um dátī. nūn, gúštī, brawán. ša šarā dár bútant, šútant.

šápe jāye, róče jāye, čunt šapá guḡ be mā do-rāʻiʻā sará sar bú-tant. amé duyén brās Šā-niyāz-xānā gúštant: ta amédā bošt, amhá amé singáyā rawán o kāyán. gúštī: šarr. e šútant, singáǵ čérā sāǵl kúrtant ke Šā-niyāz-xānī čallāu édā nāǵnt. pádā ke átant, Šā-niyāz-xān guštī: šmā pa če šútīt ódā? ša man čer ma kanít, gušít! gúštant: šarr, čize ke ša xudá

сказал ему: «иди сюда, один человек набирает слуг, дает в месяц десять туманов, лошадь, ружье и одежду». Он сказал: «где он? пойдём!» Тот сказал: «там сидит». Они подошли к Ша-нияз-хану. Ша-нияз-хан сказал: «идете со мной?» Они сказали: «да». Ша-нияз-хан взял их и пошел к себе.

Когда они шли к месту назначения, Ша-нияз-хан сказал: «у меня есть одно условие, земляки». Они сказали: «что за условие?» Ша-нияз-хан сказал: «мое условие таково: каждому из вас я поставлю клеймо. Если вы согласны на это, я принимаю вас в слуги, если же вы не согласны, я не беру вас на службу». Двое братьев посоветовались друг с другом: «эх, давай, останемся! пусть его ставит клеймо!» Они вернулись к Ша-нияз-хану и сказали: «хорошо, мы принимаем твоё условие». Ша-нияз-хан сказал: «хорошо», раскалил свою печать и поставил каждому по клейму. Потом он взял для них хорошую одежду и дал им, дал также по лошади и ружью. «Теперь», сказал он, «отправимся!» Они выступили из города и поехали.

Ночь в одном месте, день в другом, несколько ночей спустя, они добрались до того распутия. Те двое братьев сказали Ша-нияз-хану: «ты побудь здесь, а мы сходим к этому камню и вернемся». Он сказал: «хорошо». Они пошли, посмотрели под камнем и увидели, что Ша-нияз-ханова перстня там нет. Когда они вернулись, Ша-нияз-хан сказал: «зачем вы туда ходили? не скрывайте от

čer năınt, ša ta pa če čér kanán? amhá yak wáxte sâi brās átan, š-utí šārā ke dar bútan tā mé do-rāyíāi sarā yak jā átan, gúdā watí čalláwānā amé singāi čérā iştan, amá do brās be yak ráye šútan, yak bráse amhái be yak ráye šut. ar kas, gúştan, demá át, ái čalláwā bzúrit. annú amhái amá brāsāi čalláu édā năınt. Šā-niyāz-xān gušt: šmāi brās mán un. ^{ve}edenā wat rā yáke adigārā durúst kúrtant. gúšti: šarr, nūn brawán. šútant.

sâi čār šapá guđ be yak čóle šútant. ^{ve} du^{ve}én brās go wat maslahát kúrtant: Šā-niyāz-xān ā wáxte ke mašmá ša gisá sar gíptan, Šā-niyāz-xān gúšti: man go šmā káin, mašmá gúştan: ta ma yā go mā, gujá š-ammāi demá ziyán ba^{ve}āi, gúdā ā pa zor go mašmá át. nūn balgānā ái āúrt, yak šére am dārít, yak simúr^{ve}ye am dārít, mašmá rā am gulāmí^{ve}en dági kurt. mašmā pa če xajālatti-guší brawán. ta biyá, mašmá eší rā ziyán pkánan. adigá brāsī gušt: čon ziyānī pkánan? gúšti ke mašmá maróči āp ma dayán ešá, wat ša tunn merít.

šútant be čolén rāhá, nīmróči Šā-niyāz-xān tunnág búti, gúšti: biyá, lálá, ke āp b^{ve}áran. brāsī gúştant: āp năınt. Šā-niyāz-xānā āp na dātant. bāz tunnág búti, gúšti: āi brāsān, man pa šmā če badí kúrtun?

меня, скажите!» Они сказали: «хорошо! что́ не скрыто от бога, зачем будем скрывать от тебя? Когда-то нас было трое братьев, и когда мы вышли из своего города, то до этого распутия мы шли вместе. Потом мы положили свои перстни под этот камень, и мы, двое братьев, пошли по одной дороге, а один наш брат пошел по другой дороге. Мы сказали, что кто раньше придет, тот и возьмет перстень. Теперь здесь нет перстня нашего брата». Ша-нияз-хан сказал: «ваш брат, это — я!» Тут они узнали друг друга. Он сказал: «хорошо, теперь отправимся!» Они отправились.

Спустя три-четыре ночи они пошли по пустынному месту. Те двое братьев стали друг с другом совещаться: «когда мы выступали из дому, Ша-нияз-хан говорил: „я пойду с вами“, мы же говорили: „не ходи с нами, еще пропадешь где-нибудь с нами!“ он потом силой пошел с нами, а теперь он достал листья, и у него еще есть лев и симург-птица, а на нас он поставил клейма рабов! на какое поношение мы пойдем! давай-ка, мы его сгубим!» Другой брат сказал: «как же нам его сгубить?» Тот сказал: «мы ему сегодня не дадим воды, и он сам помрет от жажды».

Они пошли по пустынной дороге. В полдень Ша-нияз-хан захотел пить и сказал: «давайте, братцы, попьем воды!» Братья сказали: «воды нет!» и не дали воды Ша-нияз-хану. Он почувствовал сильную жажду и сказал: «братья,

mašmā brās an. nūn mnā āpa na dāit. brāsī gúštant: šarr, trā āp a-dā'án pa yak šárte ke ta bíllāi ke tī yak čámme rā pkášan, gúdā trā āp a-dāián. Šā-niyāz-xān gušt: šarr, lālā, b'yāit, mnī čammā pkāšit. átant, yak čammāi kašittant, préntant, gúdā ká^mme āp go wādā yak jā kúrtant, dátant Šā-niyāz-xānā. Šā-niyāz-xān wárti, gúšti: āi dar-pa-dārān, e cé-w-atant, mnā dātīt? gúšti: āp atant. gúšti: e āp ná-w-atant, wād atant! gúštant: šarr, ta biyā, tī adigā čammā am pkášan, gúdā trā āp a-dāián. gúšti: šarr, biāit, pkāšit! e digā čammāi átant, kašittant, préntant. duwārág kámme āp o wādā yak jā kúrtant,* dátanti. gúdā balgānā zúrtant, šútant watí šārā.

šútant déme watí šārā. šape jāe, róče jāe, watí šārā sár bútant. balgānā watí písāi čammān múštant. pādšāen čamm š^a awālā getír bútant. pādšā gúšti: Šā-niyāz-xān gúj int? gúštant ke ā be digā rāe šut, ammā be digā rāe šútan. duwārág sí na bútan š-āi. Šā-niyāz-xānī mās gúšti: gúj int šmāi brās? gúštant: na zānān, ā digā rāe šut, ^amā digā rāe. Šā-niyāz-xānī mās dād o bedād kúrti o grétī, šut watí gešā. š-āi bil, ša pādšāai jānikā goš pkaš.

какое зло я вам сделал? ведь мы братья, а вы теперь не даете мне воды!» Его братья сказали: «хорошо, мы тебе дадим воды, но с условием, что ты позволишь вырвать себе один глаз, тогда мы тебе дадим воды». Ша-нияз-хан сказал: «хорошо, братцы, идите, вырывайте глаз!» Они подошли, вырвали у него один глаз и бросили, а потом смешали немного воды с солью и дали Ша-нияз-хану. Ша-нияз-хан выпил и сказал: «эй, бродяги, что́ это было, что вы мне дали?» Они сказали ему: «вода была!» Он сказал: «это была не вода, это была соль!» Они сказали: «хорошо, давай, выррем у тебя еще один глаз, а потом дадим тебе воды». Он сказал: «хорошо, идите, вырывайте!» Они подошли и вырвали у него другой глаз и бросили. Опять они смешали немного воды и соли, и дали ему. Потом они забрали листья и отправились в свой город.

Они пошли к своему городу, ночь в одном месте, день в другом, добрались до своего города. Они приложили листья к глазам своего отца, и царские глаза стали лучше прежнего. Царь сказал: «где Ша-нияз-хан?» Они сказали: «он пошел по одной дороге, а мы пошли по другой дороге, и больше не имели о нем известий». Ша-нияз-ханова мать спросила: «где ваш брат?» Они сказали: «мы не знаем, он пошел по одной дороге, а мы по другой». Ша-нияз-ханова мать стала жаловаться и сетовать, заплакала и пошла к себе домой. Оставь ее, послушай о царской дочери.

pādšāāi jānīk tāri ša wābā ustāt, dīstī: sī o nu šalwārī ša pādāi kapt, sī o nu jāmagāi zī pāč ant, sī o nu dasmālī ša sarāi kapt, watī išk-w-āškā sāilī kurt, dīstī ke sarūnāi čirāg pādūnā-int, pādūnāi čirāg sarūnā-int. ādénkā zurtī, watī demā sāilī kurt, dīstī, yak ká^sse ša mnī demā čúkke giptá, gešāi tā watī išk-w-āškā sāilī kurt, dīstī: xáte nimistá, diwālāi demā lačcentá, šútī, xa^ttá wāntī ke xattá nimistá: āi bibí, tī duz mán-e Šā-niyāz-xān p^alaná pādšāāi zāg un, p^alaná šarā nindān, digá káse rā be-gunāe rā azziyāt ma kanāi. jānīk e xa^ttá wāntī, srenā watī^a bāstī, ša argá ér kapt, dīstī, čillén buzlangí^anā yak jā kuštāi šuta. gúdā jānīk trummā jātī, ^aar če ɣošún dáštī, jāmi kurt. šewāg būt démi Šā-niyāz-xānī pissāi šarā.

šape jāe, róče jāe, āt, Šā-niyāz-xānī pisāi šarā rast. xáte nemīštī, pa pādšā démi dāt, gúštī: man yak dúzze tī šarā dārín, amāe rā tā bāndā mnī dastá ma daāi, tī šarā čappī o rāstīy a-kanín. jānīk xaīmāānā jíkkiš kurt, watī jindāi xaīmāāi demā azār gāmāi kasá ša abréšumien ɣālínā gíptī. š-āi bill o ša Šā-niyāz-xān goš pkaš.

Царская дочь утром встала от сна и увидела, что тридцать девять шальвар спали с ног, на рубашках раскрыты тридцать девять воротников, тридцать девять платков упало с головы. Она огляделась кругом и увидела, что светильник от изголовья в ногах, а светильник от ног в головах; взяла зеркало, посмотрела на свое лицо и увидела: кто-то целовал меня в лицо! она стала смотреть вокруг себя в комнате и увидела, что какое-то письмо написано и прикреплено к стене. Она пошла и стала читать письмо, а в письме написано: «о госпожа, твой вор, это—я, Ша-нияз-хан, сын такого-то царя, мы находимся в таком-то городе, никого другого без вины не обижай». Девушка прочитала письмо, снарядилась, спустилась с замка и увидела, что все сорок бузланги убиты. Тогда девушка собрала все войско, какое имела, и отправилась к городу Ша-нияз-ханова отца.

Ночь в одном месте, день в другом, она подошла и достигла города Ша-нияз-ханова отца. Она написала письмо и отправила царю, сказала: «у меня есть в твоём городе один вор, и если ты завтра его мне не выдашь, я разорю твой город». Девушка разбила шатры и на тысячу шагов покрыла шелковым ковром пространство перед своим шатром. Оставь ее и послушай о Ша-нияз-хане.

wáxte ke Šā-niyāz-xānī brās ke čammānī kašítant, préntant, amā waxtá šer čammānī zurt, watí zuwānāi čérā kurt. Šā-niyāz-xān amédā kápt-at, šér a-šut, ša āpsārān watí dummā tárr a-kurt o kāúrt Šā-niyāz-xānī dilāi sarā wa sar o demāi pāš a-dāt. duwārág watí dummā tárrī ku, āwúrt Šā-niyāz-xānī sar o démā pāš a-dāt. Šā-niyāz-xān dummāi gipt, ustát. šer rādág büt démāi āpsārā. Šā-niyāz-xānā búrti, āpsārā sārī kurt. Šā-niyāz-xān āpī wart, gúšti: šukrⁿ alhámdul-illā. duwārág gúšti: akikáttā sezāi nekí badí int. Šā-niyāz-xān anū d^araxtāi čérā wapt, šer pānādāi wapt.

do sīmúrg āt o ame āpāi sarā nístant. yáke gúšti: ajáben warnāe, čammī kór ant. yáke digá gúšti: ša p^alānā pādšāe bāgāi d^araxtānī balgān bīt, čammānī sarāi pkášāi, zábr a-bīt. adigá gúšti: čammānī tiťúkī bayánt, gúđā rošān a-bīt. édā šer š^u-utí z^uwānāi čérā Šā-niyāz-xānī injāi tā kexī kurt. Šā-niyāz-xān watí čamānā zúrti ke gúšti: ai, armān, š-amé balgān um kámme bútin! yak gašt dastā be kitōā kurt, dísti ke balg kitōai tā ast, balgānā zúrti, čammānā íšti be jāaiš, balgānā múšti be sarāi, čammī š-awā-leā jgetír rošān büt. ustát, āp wárti, dastā be šerāi puštā jātī, rādág büt démi watí šārā.

Когда Ша-нияз-хановы братья вырвали и бросили его глаза, в то время лев подобрал его глаза и сунул себе под язык. Ша-нияз-хан здесь упал, а лев ходил, мочил в источнике свой хвост, приносил воды и брызгал Ша-нияз-хану на сердце, голову и лицо. Потом он опять мочил свой хвост, приносил воды и опять брызгал Ша-нияз-хану на голову и лицо. Ша-нияз-хан ухватился за его хвост и поднялся. Лев направился к источнику, повел Ша-нияз-хана и доставил его к источнику. Ша-нияз-хан попил воды и сказал: «благодарение и хвала богу!» и вновь сказал: «по истине награда за добро зло!» Ша-нияз-хан заснул теперь под деревом, а лев лег сбоку.

Приблизились две симург-птицы и сели возле воды. Одна сказала: «удивительный молодец, а слепой!» Другая сказала: «будь листья с садовых деревьев такого-то царя, приложить бы их к глазам, и он поправился бы!» Другая сказала: «если бы были зрачки, он был бы зрячим!» Тут лев сплюнул из-под своего языка в полу Ша-нияз-хана. Ша-нияз-хан взял свои глаза и сказал: «ах! если бы было хоть немножко тех листьев!» Он тотчас опустил руку в карман и увидел, что в кармане есть листья. Он набрал листьев, вставил глаза на место, приложил к ним листья, и его глаза стали видеть лучше прежнего. Он встал, попил воды, положил руку льву на спину и направился в свой город.

šápe jáe, róče jáe, āt, watí šārāi nazzíkā ništ. šap ke āxír büt, sar gipt, kará-kará āt, watí māsāi gešā sar büt. darā játi, māsī go: ta^k kái āi? gúšti: ar kas un, darā páč pkan. māsī Šā-niyāz-xānī tawārā durúst kurt. darā páči ku. Šā-niyāz-xān gešāi tā šut. māsī guttāi kapt. dād-bedād kúrti. Šā-niyāz-xān gúšti: māsī, mnā lóťai, "eč tawār ma kan. māsī be tawār büt. Šā-niyāz-xān gúšti: šarr, māsī, če awál ast édā? māsī gušt: yak jānīke go čil azār ʔošúnā ātā, šārāi ɖannā xaimánā watíʔanā amódā jikk kurtá. xáte pa^t ti pisá nimistá o dem dātá: man be^t ti šārā yak dúzze dārin, agár amé mnī duzzá paɖdā má kanāi, be man má daāi, ti šārā čappi o rāstiʔ a-kanín. gúšti: šarr, brās mnī ātág-ant yā na? māsī jawáb dāt: ātág-ant, balgānā am āʔurtág-ant, ti pisāi čam am rošán bütant. gúšti: zānāi, māsī, nūn čón int? yak sundúxe mazānen paɖdā pkan o biyār zúte. māsī šut, yak tūén sundúxe paɖdā ku, aúrt. Šā-niyāz-xān watí māsā gúšti: mnā amé sundúxai tā pkan. māsī gušt: šarr. sundúxai dapá páči ku, Šā-niyāz-xānā sundúxai tā kurt. šerā o sīmúrgā digá jáe čér ku.

tārī ke roč büt, ša jānīkkā digá xáte āt: āi pādšā, amā káse ke balgānā ša mnī šārā āʔurtāi, be me sāáttā ša^t ta loťini. pādšā loťit watí ar do zāgānā,

Ночь в одном месте, день в другом, он подошел и остановился вблизи своего города. Когда ночь приблизилась к концу, он поднялся, потихоньку подошел, достиг дома своей матери и постучался в дверь. Его мать сказала: «кто ты?» Он сказал: «кто бы я ни был, открой дверь». Его мать узнала голос Ша-нияз-хана и открыла дверь. Ша-нияз-хан вошел внутрь, мать бросилась ему на шею, стала жаловаться и сетовать. Ша-нияз-хан сказал: «матушка, если хочешь меня сохранить, не голоси!» Его мать замолчала. Ша-нияз-хан сказал: «ну, хорошо, матушка, каковы здесь обстоятельства?» Его мать сказала: «подступила некая девица с сорокатысячным войском, расставила свои шатры снаружи города и написала и послала твоему отцу письмо: „у меня-де в твоём городе имеется вор, и если ты этого моего вора не сыщешь и мне не выдашь, я твой город в конец разорю“». Он сказал: «хорошо, а мои братья пришли или нет?» Его мать сказала: «пришли, принесли листья, и глаза твоего отца прозрели». Он сказал: «знаешь, матушка, что теперь? сыщи-ка какой-нибудь большой ящик и принеси поскорей». Его мать пошла, сыскала и принесла огромный ящик. Ша-нияз-хан сказал своей матери: «спрячь меня в этом ящике». Его мать сказала: «хорошо». Она подняла крышку ящика и поместила Ша-нияз-хана в ящик, а льва и симерг-птицу спрятала в другом месте.

На утро, когда наступил день, пришло другое письмо от девушки: «о царь, я сейчас же требую от тебя того человека, который достал листьев из моего города». Царь призвал обоих своих сыновей и сказал: «сыновья, кто из вас

gúšti: äi zágán, balgánā ša šmā gujám yakkén š-amé jäníkkäi bágā āwúrti? mazánen zāgi go: man āúrtun, bābā. gúšti ke ta ā^wurtág äi, bra, jawáb bdäi. gúšti: šarr. zāg šut, áspī s^wār büt, šut jäníkkäi. š-amé ráe ke yálin prént-atant, š-esāni sará na šut, ša digárā šut. šut jäníkkäi, salāmī dāt, wuštāt. jäník gúšti: balgánā ša gujā āwúrtäi? eši go: ša ti bágā ā^wúrtun. če nišāni dārāi? čorí gúšti: nišāni amé nišāni int: šapā átun bágāi tā, balgánā čitun, zúrtun, átun. jäník gúšti ke š-amé ráe ke átág-äi, pádā bra, ma ^woš. čorí bír gašt.

jäník duwārág xáte nemísti pa pādšā^ha ke zúte, trā šin, mnī duzzā paidā pkan, mnī dastā bdäi. pādšā duwārág zágánā loṭit, gúšti: äi bābā rāst gušit, Šā-niyāz-xān gúj int? zāg jawáb dātant: ā jētāen ráe šut, amā jētāen ráe šútan, duwārág ša yáke adigárā sí na bütan, ke ā gujā šut, ā ša ammā sí na büt, ammā gujā šútan. gúšti: nápa, e balgánā käi ā^wúrti? amé gwandén zāge go: man ā^wúrtun. písi go: napá, pa če zī na šútäi, jäníkā jawáb na dátäi? zāg gúšti: balgánā man āwúrtun, magár watí mastíren brāsāi nāmā kúrtun. gúšti: napá, maróči bra, jäníkā jawáb bdäi. zāg s^wār büt o šut démi jäníkkā, ša šārā ke dār büt, xajmánā dísti ke če bāzén xajmā-e. š-amé dúrā šut jäníkkäi, salāmī dāt o uštāt. jäník gúšti ke tá wäi

достал листья из сада этой девушки?» Старший сын сказал: «я достал, батюшка». Он сказал ему: «коли ты достал, так иди и отвечай!» Тот сказал: «хорошо». Юноша пошел, сел верхом на лошадь и отправился к девушке. По той дороге, где были набросаны ковры, он не пошел, а пошел по земле. Он пошел к девушке, поклонился и остановился. Девушка сказала: «откуда ты достал листья?» Он сказал: «из твоего сада достал». — «Какое у тебя доказательство?» Парень сказал: «доказательство? вот какое доказательство: ночью я пришел в сад, нарвал листьев, взял и пришел». Девушка сказала: «какой дорогой пришел, по ней и уходи обратно, не оставайся!» Парень вернулся.

Девушка опять написала царю письмо: «я тебе говорю, скорее отыщи моего вора и выдай мне». Царь опять призвал сыновей и сказал: «дети, скажите правду, где Ша-нияз-хан?» Сыновья ответили: «он пошел по одной дороге отдельно от нас, а мы пошли отдельно от него по другой дороге, и больше мы друг о друге не имели известий: мы — куда он пошел, а он — куда мы пошли». Он сказал: «кто же достал эти листья?» Младший сын сказал: «я достал». Отец сказал: «почему же ты вчера не пошел и не отвечал перед девушкой?» Юноша сказал: «листья достал я, но от имени своего старшего брата». Он сказал: «ну, так сегодня иди и отвечай перед девушкой». Юноша сел верхом и отправился к девушке. Когда он выехал из города, он увидел: какое множество шатров! Он направился к девушке, и еще издали по-

mnī duz? čorí gúšti: ^hān, mán un. gúšti: balgānā čon ā^wúrtāi, nišānī bdāi. čorí gúšti: šapā ātun bāgāi tā, balgānā čitun, zúrtun, pādā ātun. jānīk gúšti: digá če dístāi? čorí gušt: digá íčči na dístun. jānīk go: š-amé rāe ke ātāg-āi, pādā bra.

jānīk duwārāg pa pādšā¹ xāte nemísti: āi pādšā, mnā masxará^h a-kanāi, ānčo āškār mālūm pkan be man, yā nāint, duzzā mnīā tā begāi paidā a-kanāi, yā nāint, jāwāb bdāi. pādšā watí zāgānā loīt, gúšti: āi parzendān, šmā bzānit o xudā, aslī duróg ma gušit, awāl éš int ke Šā-niyāz-xān gúj int? do^hum éš int ke amé balgānā kái ā^wurtā? rāst gušit, bezār int ša mnī rošanī^{yā}, man š-ešī, kor bútin un, getír āsūdāg atun. jānīk xāte duwārāg dem dātī: āi pādšā, ^wutí kārā tayār pkan ke man ustāt un, yā nāint, be me sā^hāttā duzzā dātāi, dātāi, na dātāi, jāwāb bdāi, man watí kārā bzānīn.

Šā-niyāz-xān watí māsā gúšti: māsī, če abār ast? ta bra, goš pkaš o bi^{yā}. māsī šut, pisāi gešā dísti: xāte wānānt ke amé sā^hāttā duzzā tá-i pādšā bdāi, mnī dastā bdāi, yā nāint, jāwāb bdāi. māsī āt, gúšti: amé rangén awāle ast. Šā-niyāz-xān gušt: če awāl ast? māsī gušt: jānīkka xāte dem dātā ke amé sā^hāttā ke tá-i pādšā, duzzā mnī dastā dātāi, dātāi, na

клонился и остановился. Девушка сказала: «это ты мой вор?» Парень сказал: «да, я». Она сказала: «как ты достал листья? представь доказательства!» Парень сказал: «ночью я пришел в сад, нарвал листьев, взял и вернулся». Девушка сказала: «что еще ты видел?» Парень сказал: «больше ничего не видел». Девушка сказала: «какой дорогой пришел, по ней и ступай обратно».

Опять девушка написала царю письмо: «о царь, ты надо мной смеешься! ты открыто извести меня: либо ты до вечера отыщешь моего вора, либо нет, дай ответ!» Царь призвал своих сыновей и сказал: «дети, известно вам и богу, не лгите! во-первых, где Ша-нияз-хан? во-вторых, кто достал эти листья? скажите правду! я раскаиваюсь в своем прозрении: если бы я был слеп, я был бы более спокоен! Девушка спять прислала письмо: „о царь, делай свое дело, потому что я уже собралась; если ты сейчас же выдашь вора, то выдавай, если не выдашь, дай ответ, и я буду знать, что делать“».

Ша-нияз-хан сказал своей матери: «матушка, каковы новости? сходн-ка, послушай и приходи!» Его мать пошла и заглянула в дом его отца, а там читают письмо: сейчас же, дескать, ты, царь, выдай моего вора и вручи мне, если же нет, дай ответ. Его мать пришла и сказала: «положение вот каково!» Ша-нияз-хан сказал: «каково положение?» Его мать сказала: «девушка послала письмо: „ты, царь, если выдаешь мне вора, то выдавай сейчас же, а

dātāi, jawáb bdāi. tī pis aīrān at, če jawáb bdant. Šā-niyāz-xān gúšti: māsī, be tawāre bra, mnī pisā bguš: biyā, brawán gešā, trā yak mardúme loṭít.

māsī šut, Šā-niyāz-xānī pisā gúšti: trā ódā yak mardúme loṭít. āt be gešā. māsī sundúxāi dapá páči ku. Šā-niyāz-xān ša sundúxā dār kapt, salām-alāike kúrtant. Šā-niyāz-xān gúšti: āi bābā, tī čam zabr bütág ant? písī go: āi bābā, bezār at mnā š-āncén rošanī'ā. gúšti: pa če, bābā? písī go: yak jānīkke go čil azār ʔošūnā atá édā, mnī sarā ʔazáb kurtá ke amā kāse ke balgānā ā^wurtā ša mnī šarā, amāe rā mnī dastā bdāi. Šā-niyāz-xān gúšti ke balgānā nápa kái ā^wúrt? písī gušt: tī brās ā^wúrtant. gúšti: psútín ant, jawáb bdátín ant! písī gušt: šútant, jawáb dātág na kúrtant, pádā átant. Šā-niyāz-xān gúšti: nūn zānāi, čon int, bābā? písī go: čon int, bābā? Šā-niyāz-xān gúšti: be me sā^hattā čil s^wār paidā pkan, man jawáb a-dāinī. gúšti: šarr.

zūti čel s^wār paidā kúrti, ^har čillén s^wārānī aspāi nālā ša zarrā gípti, mī'āi jāhā laṭtíén mī kúrti. gúđā š-āi, čil s^wārā čil čapóx o čil gogírd o tammák dāti. s^wārānā gúšti ke ^har kas čilīm-káš int wa ^har kas ke nāint, ^har mnúte yak gašt čapóxā pur pkánit, bréčit ʔālínānī sarā. suwār gúštant: bāz j^wān int. Šā-niyāz-xān demā büt, suwār be padāi bütant. ša šarā ke

если не выдаешь, так дай ответ!“ Твой отец в недоумении, что́ ему ответить». Ша-нияз-хан сказал: «матушка, потихоньку сходи и скажи моему отцу: „давай, сходим домой, тебя зовет один человек“».

Его мать пошла и сказала отцу Ша-нияз-хана: «тебя там зовет один человек». Он пришел домой; его мать открыла ящик; Ша-нияз-хан вышел из ящика, и они поздоровались. Ша-нияз-хан сказал: «что, батюшка, поправились твои глаза?» Его отец сказал: «ох, сынок, отрекаюсь я от такого прозрения!» Он сказал: «что́ так, батюшка?» Его отец сказал: «одна девица подступила сюда с сорокатысячным войском и разгневалась на меня: выдай, дескать, мне того, кто достал листья из моего города!» Ша-нияз-хан сказал: «кто же достал листья?» Его отец сказал: «твои братья достали». Он сказал: «пускай бы они пошли и ответили бы!» Его отец сказал: «ходили, но ответить не смогли, пришли обратно». Ша-нияз-хан сказал: «теперь знаешь что́, батюшка?» Его отец сказал: «что, сынок?» Ша-нияз-хан сказал: «собери сейчас же сорок всадников, я буду отвечать пред ней». Он сказал: «хорошо».

Он быстро набрал сорок всадников, и для лошади каждого из сорока всадников взял золотые подковы, а вместо гвоздей приделал деревянные шпильки. Потом он дал сорока всадникам сорок трубок, сорок коробок спичек и табаку, и сказал всадникам: «каждый, кто курит, и каждый, кто не курит, все вы ежеминутно набивайте трубки и бросайте на ковры!» Всадники сказали: «очень хорошо». Ша-нияз-хан поместился впереди, а всадники сзади него. Когда

dár bútant, Šā-niyāz-xān dístī, če γālīne be đigārā tanákk int! š-amé γālī-nānī sará rāstām aspá aī kúrtī, čilīm am ^har jā kašittant o rétant, čappí^y a-kúrtant. asp ke watí pādā zúrtant, náliš ša pādājš káptant.

jānīk dístī ke, če suwāre ke š-amé γālīnānī sará kāīt! jānīk watí dilā gúštī ke duzd améš int, kāīt. trus be jānīkkāī dilā kapt. Šā-niyāz-xān naz-zíke átī, salām préntant yak o adigārā. jānīk gúštī ke duzz tá wāī? Šā-niyāz-xān jāwāb dātī: bále, mán un. jānīk gúštī: bguš nišānīānā! Šā-niyāz-xān gúštī: ^hāzír. awalí^yen nišānī améš int-a ke korá kúštun, kilí^yānā ša dastāī zítun. domīen nišānī améš int ke har čillén buzlangí^yānā kúštun; sāīmīen nišānī améš int ke be argā bālā búttun. agār lóťāī ke adigārānā ^ham bgúšīn. jānīk xayāl ku watí dilā: akikáttā ke šā-zādág-e. gúštī: bás int, adigārānā ma guš. Šā-niyāz-xānī jindā gardéntī, čil suwārāī čil xal^hát dātī, ruksát kúrtī: š^umā brāīt, Šā-niyāz-xānā šapí ruksátta^h na kanín. Šā-niyāz-xān um watí suwārānā gúštī: brāīt, ruksát-it. jānīk watí γošúnā yak jā ruksátī kurt: brāīt pādā watí šārā.

jānīk mullāe loťīt: zūťe mnī aydā go Šā-niyāz-xān band. mullā ešānī aydā bāstī, gúđdā Šā-niyāz-xānī pis Šā-niyāz-xānīā āt pa mubārakīā. gúđdā

они очутились вне города, Ша-нияз-хан увидел, какие на земле тонкие ковры. Он погнал лошадь прямо по этим коврам, а они повсюду курили и рассыпали табак и разворачивали. А когда лошади поднимали ноги, подковы падали с их ног.

Девушка взглянула: что это за всадник приближается по этим коврам? Девушка сказала про себя, что это, наверное, приближается подлинный вор. Смятение запало в сердце девушки. Ша-нияз-хан подъехал близко, они бросили привет друг другу. Девушка сказала: «это ты вор?» Ша-нияз-хан ответил: «да, я». Девушка сказала: «говори доказательства!» Ша-нияз-хан сказал: «сейчас! первое доказательство, это то, что я убил слепого и взял из его рук ключи; второе доказательство то, что я убил всех сорок бузланги; третье доказательство то, что поднялся в замок, а если захочешь, скажу еще другие!» Девушка про себя подумала: «действительно, это царевич!» и сказала: «довольно, других не говори!» Самого Ша-нияз-хана она удержала, а сорока его всадникам пожаловала сорок одежд и отпустила: «вы идите, а Ша-нияз-хана на сегодняшнюю ночь я не отпущу!» Ша-нияз-хан также сказал своим всадникам: «идите, вы свободны!» Девушка вместе с тем отпустила свое войско: «идите обратно в свой город!»

Девушка призвала муллу: заключи, дескать, поскорее мой брак с Ша-нияз-ханом. Мулла заключил их брак. Потом пришел Ша-нияз-ханов отец с поздра-

watí saráĭ táĵa pādšā^ʔénā zúr^ttī, Šā-niyāz-xānī sarā íštī, gúštī: bābā, ša maróĉī ángū pādšā^ʔ "utí mulkáĭ astáĭ. Šā-niyāz-xān gúštī: ša mnī dastā na bīt pādšā^ʔí, bābā. písī gušt: agá bīt o na bīt, ša maróĉī ángū ixti^ʔár walā^ʔattāĭ be^t tá int, watí ixti^ʔárā dārāĭ āngūrī. Šā-niyāz-xān gušt: šarr, nápa, ā rang int, man be^t tī šarā do gulām dārín, ša^t ta xāhíšt a-kanín, amā mnī gulāmānā be^m man bdāāĭ. písī gušt: tī gulām ká-int? mnī gulām tī ar do zāg ant. gúštī: šarr, bābā, bāndā kārínīš.

bāndā ar do zāgānā watí^ʔānā ā^wúr^ttī be majlísā. Šā-niyāz-xān sad mardúmi digár be dīwānā loĵítī. mardúm ke átant, ĵám bútant, Šā-niyāz-xān gúštī: āĭ áli majlís, am^mā yak wáxte sāĭ brās atan; be yak rāe šútan. šápe ĵāe, róĉe ĵāe, yak wáxte du-rā^ʔíāĭ sarā šútan. mnī do brās be yak rāe šut, man be yak rāe šútun. watí ĉillāwānā — amédā sínge^ʔ at, amé singāĭ sarā nimist-át: ar kas rāstén rā brāut, pādā bāĭt, ar kas ĉappén rā^hā brāut, pādā ná^ʔ-āĭt, — ĉallāwānā be mā singāĭ ĉérā íštan nišānī. ar kas demā bāĭt, adigárāĭ ĉallāwā zūrít. máne Šā-niyāz-xān ĉappen rā^hā šútun o ĉínka-ĉínka sakkén kār mnī sarā āt. xudā mnā šapá dāt, ^híĉĉī na būt.

влением к Ша-нияз-хану. Он взял с своей головы царскую корону, возложил ее на голову Ша-нияз-хану и сказал: «отныне и впредь, сынок, ты царь своего государства!» Ша-нияз-хан сказал: «батюшка, несподручно мне царствование!» Его отец сказал: «сподручно или нет, отныне и впредь тебе принадлежит распоряжение страной! впредь твоя воля!» Ша-нияз-хан сказал: «ну, хорошо, и если так, то у меня в твоём городе есть два раба, и я хочу от тебя, чтобы ты выдал мне этих моих рабов!» Его отец сказал: «кто твои рабы?» — «Мои рабы — оба твои сына!» Он сказал: «хорошо, сынок, завтра я их приведу».

На другой день он привел обоих своих сыновей в собрание. Ша-нияз-хан призвал на совещание еще сто человек. Когда люди пришли и собрались, Ша-нияз-хан сказал: «члены совета! когда-то нас было три брата. Мы вместе пустились в путь. Ночь в одном месте, день в другом, однажды мы дошли до распутия. Мои два брата пошли по одной дороге, а я пошел по другой дороге. Тут был некий камень, и на том камне было написано: кто пойдёт по правой дороге, тот вернется, а кто пойдёт по левой дороге, тот не вернется. Под тот камень мы положили для приметы свои перстни: кто прежде придет, тот возьмет и другие перстни. Я, Ша-нияз-хан, пошел по левой дороге, и сколько тяжелых трудов пришлось на мою долю! Бог даровал мне избавление, и ничего не случилось!

pádā ke átun du^r-rā'íāi sará, dístun, mnī brāsānī čallāw amédā āngá ér ant. man watí^ʔā zúrtun, āwānī padá šútun, be yak šāre sóč kúrtun ša yak mardúme: do e rangén warná na dístit? gúštant: do ame rangén warná ke gušāi, amédā átant. amédā yak jānīkke xumār-bázen, go mā jānīkkā xumār jātant, jānīk āwānī māl o zarr o asp o tūpákkānā búrti. nūn yáke nānwāye muzzūr int, yake — āšpázāi. bāz juwān int. šútun be jānīkāi, šapénā xumār jātun, xudá mnā ābrú dāt, ešānī asp o tūpákkānā wa zarrānā pādā zítun, átun šārāi tā, yáke rā ša āšpázāi dukkānā, yáke rā ša nānwāyāi dukkānā dār kúrtun, búrtun dallákāi, sar o rīšāiš trāštun, búrtun xaiātāi dukkānā p-ešān juwānén lābās dā tumānien wa bist tumānien ešānī gwarā dātun. gúdā ešāna āúrtun watí mänzílā, ar gujāme yak asp o yak tūpák, yak zām dātuniš, go wat brābír kúrtuniš. š-é šārā dār būtan, átan. yak wáxte be jāe rast ke mnī ar do čammānā kašittant, mnā be yak čóle tā préntant o átant.

awál xudá, paiéni xudá yak šere dārín wa yak sīmúrge. amešān mnā duwārág pa xudāi amrá rošān kúrtant. agár bāwār na dārít, ar do'énānī ripágānā sāil pkānit ke dāg dārānt yā na dārānt. písiš ripágāniš sāil ku, dístī, ar gujāme ripágā yak gulāmien dāg ašt. āli majlīsā gúštī ke rāst ant

Когда я вернулся к распутию, я увидел, что перстни моих братьев еще лежат тут. Я взял свой и пошел вслед за ними. В одном городе спросил у одного человека: „не видели ли вы двух вот таких юношей?“ Мне сказали: „сюда пришли двое таких юношей, как ты говоришь; но здесь есть одна разгульная девушка, они стали играть с этой девушкой, и девушка выиграла у них имущество, деньги, лошадей и ружья, и теперь один в услужении у пекаря, а другой — у повара“. Очень хорошо, я отправился к девушке, ночью играл с ней, бог отличил меня, и я отобрал обратно их лошадей, ружья и деньги. Потом пришел в город, и одного извлек из съестной лавки, другого извлек из пекарни, сводил к цырюльнику и побрил им головы и бороды, сводил к портному и одел их в хорошую одежду по десять и двадцать туманов. Потом привел их на свою стоянку, дал каждому по лошади, по ружью и мечу, сравнял их с собою. Мы вышли из города и пошли. Однажды в одном месте довелось так, что они мне вырвали оба глаза, бросили меня в пустынном месте и ушли.

Прежде всего бог, а после бога у меня есть один лев и одна симург-птица. Они меня вновь, с помощью божьей, сделали зрячим. Если же мне не верите, то посмотрите у обоих, есть у них клейма или нет!» Их отец посмотрел и увидел, что на каждом есть клеймо раба. Он сказал членам совета:

yā duróg ant mnī abár? majlís guštant: rāst ant tī abár. Šā-niyāz-xān guštī: e zamānāgā sezāi nekī badī int. amé rang ke ā be murādā rastā, awál trā, gúdā mnā, gúdā āli jāmī bandagīāi murādā xudā bdant.

VII

būt na būt, ša mašmāi xudā getír kāse na būt. yak pādšāe at. e pādšā dāšt du zāg. amé zāgānī nām yāke Gull at, yāke Momín at. amé Gull u Momínī mās yak róče būt, murt. amé Gull u Momín šútant bi digá šāre pa wāntínā. yak čunt waxt amódā bi šārā wāntant. yak róče amešānī pis gis kúrtī, digá jinéne gíptī, go watí jinénā guštī: man dārín du zāg, yāke nām Gull int-a u yāke nām Momín int-a. amé pādšāi jinén go pādšā guštī: ta yak xāte binmís, dém bdāi pa watí zāgānī padā, bí tā biāyant ki man āwānā bgíndīn. amé pādšā yak xāte nimíst u dem dāti pa watí zāgānī padā.

amé xat ki ódinā rast bi zāgānī dastā, zāg ki wāntant, zāntant ki am-māi pis gis kurtagí, go wat abár dātant ki biyā ki anūn mašmā brawán ki mašmāi pis gis kurtagí. š-amódinā sar gíptant u átant, sar būtant bi watí pisāi gisā, dístant tā amāi pis ídā náint-a. yak wār amešānī mātó go pādšāā mazānen zāgā go Gullā guštī: bí tā tī gwandén brās amódinā mníndīt, ta

«правда или ложь мои слова?» Совет сказал: «твои слова правда!» Шанияз-хан сказал: «в эти времена воздаяние за добро зло!» Так же, как он достиг желаемого, пусть бог подаст исполнение смиренных желаний сначала тебе, затем мне, а потом всем вообще.

(VII. О Гуле и Момине)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя было два сына. Имена этих сыновей были: одного — Гуль (цветок), другого — Момин. Настал день, и мать Гуля и Момина умерла. Гуль и Момин отправились в другой город учиться. Там в городе они некоторое время учились. Между тем их отец женился, взял другую жену и сказал своей жене: «у меня есть два сына; один по имени Гуль, другой — по имени Момин». Эта парица сказала царю: «напиши письмо и пошли за своими сыновьями, пусть придут, и я повидаяю их». Царь написал письмо и послал за своими сыновьями.

Когда это письмо попало в руки сыновей, сыновья прочитали и узнали, что отец женился. Они стали говорить друг другу: «давай, поедem теперь, потому что наш отец женился». Они выступили оттуда, пошли и дошли до дома своего отца и увидели, что отца дома нет. Вдруг их мачеха сказала старшему царевичу, Гулю: «пусть твой младший брат посидит там, а ты подойди сюда».

ídinā biʿá. amé Gull guštī: ammé ič waxt ša wat jítá na bütág an, anún am jítá na bayán. ameshānī mātó guštī: amé yak daγīγá ta biʿá ki man go ta yak abáre dārín. amé Gull go Momín guštī: ta, lálá, amédinā mnind, man anún a-kāin. amé padšāāḡ mazānen zāg šútī bi watī mātóāiyā, guštī: ta ša man čé a-loṭāḡ? ameshī mātó go Gullá guštī ki man trā girín. yak wār amé Gull ḡawāb dāt ki na bīt, ta mnī māsāḡ ḡāḡá wāḡ, man trā ič waxtá na girín. ameshī mātó guštī: na bīt, mebāét, bgírāḡ. amé Gull dístī: mnā náḡlīt! guštī: ammé anún a-rawán bi watī maktábā, watī kalukalāna zūrán u kārán, ḡúḡinā man trā girín. amé mātóí rāzī büt, Gullá š-amóḡinā elá kúrtī. Gull áti, go Momín guštī: biá ki e ḡaḡlén abáre ā go man dātī. Momín guštī: brawán, lálá, ki mašmāḡ kār darbād a-bīt. Gull u Momín pádā átant bi watī maktab-xāná.

yak čunt waxt gwast. pādšā āt bi watī gisá, ša watī ḡinénā pursít ki ta mnī zāḡānā dístāḡ? ameshī ḡinén ḡawāb dāt ki ān, tī zag battíri tí ant: amé pādšā guštī: pa čé? amé ḡinénī ḡawāb dāt ki tī zāḡ amé ki átant, čo ḡušnāḡāḡ lagítant bi parzonāḡāḡ sará. amé pādšā xaḡallát büt, guštī: man anún pa āwán yak xáte binmisín u dem bdāin, ta bí tā biánt. amé pādšāāḡ ḡinén guštī: nápa bāz ḡuwán int-a, binmís. amé pādšā yak xáte

Гуль сказал: «мы никогда друг с другом не разлучались, и теперь не разъединимся». Их мачеха сказала: «ты подойди на минутку, потому что у меня есть тебе что-то сказать». Гуль сказал Момину: «братец, ты посиди здесь, а я сейчас приду». Старший царевич подошел к своей мачехе и сказал: «что ты от меня хочешь?» Его мачеха сказала Гулю: «я тебя беру (вместо мужа)!» Гуль сразу ответил: «нельзя, ты мне вместо матери, и я тебя никогда не возьму (как жену)!» Его мачеха сказала: «невозможно! необходимо, чтобы ты взял меня (вместо жены)!» Гуль увидел, что она не отстанет, и сказал: «мы теперь отправимся в свою школу, заберем и привезем свои пожитки, а потом я тебя возьму (как жену)». Его мачеха согласилась и отпустила отсюда Гуля. Гуль пришел и сказал Момину: «посмотри-ка, какого рода разговор она со мной имела!» Момин сказал: «братец, уйдем, потому что дела наши запутываются». Гуль и Момин вернулись в свою школу.

Прошло некоторое время. Царь вернулся к себе домой и спросил свою жену: «ты видела моих сыновей?» Его жена ответила: «да, твои сыновья хуже, чем ты!» Царь сказал: «почему?» Его жена ответила: «как только твои сыновья пришли, они точно голодные, бросились к скатерти (с угощением)». Царь был пристыжен и сказал: «я сейчас напишу и пошлю им письмо, а ты позволь им прийти!» Жена царя сказала: «очень хорошо, напиши!» Царь на-

nimíst u dem dātī pa watí zāgān. amé xat šut, rast bi pādšāāi mazānen zāgāi dastā bi Gullāiyā. amé ki Gull wāntī, gúštī go Momín: āi lālā, biyā ki ša mašmāi pisā yak xāte āt. ā u Momín wānt-atant, tā pis nimistagi ki mutlaxān biāit. amé Gull u Momín go wat abār dātant: brawān, lālā. ar duén brās rāzī būtant, š-amódinā ātant bi watí pisāi gisā.

amé ki ātant, distant tā bi pisāi gisā diwāne ništagī. amé ki bi gisāi tā putritant, yak wār pādšā go watí mardumān gúštī: bgiritiš, ar duénānā pkúšit. yak wār amé pādšāāi wazíl go pādšā gúštī: pa če ta ešānā kušāi? ma kuš, kaušés čapí pkan tā brawánt. go amé mardumān gúštī: šmā bgirit, amé Gullāi kaušā čapí pkānit u Momínī kaušā čapí má kanít. amé mardúm gíptant, Gullāi kaušānā čapí kúrtant u Momínī kaušānā čapí na kúrtant. yak wār amé Gull ša gisā dār káptī ki braut, Momín am ša gisā dār káptī ki braut. amé ki pādšā dístī ki Momín am dār káptī, yak wār go watí mardumān gúštī: brāit, Momínā biārit go zanjírā bandít. amé mardúm šútant, Momínā čār dātant u āúrtant, go zanjírā sak bāstant. yak katrāe digār ki būt, amé Momín gipt, amé zanjírāna sist u watí pisā gúštī: ta ki āi pis am ná-wāi, mnī am ná-wāi, š-amódinā jist u šut. tāngāt Gull ša šārā dār ná kápt-at ki Momín raséntī. Gull gúštī go Momín ki ta pa če ātāi? Momín gúštī: ā ki tī pis am nāint-a, mnī am nāint-a.

писал письмо и отправил своим сыновьям. Письмо пошло и попало в руки старшего сына, Гуля. Когда Гуль прочитал, он сказал Момину: «смотри-ка, братец, пришло письмо от нашего отца!» Он и Момин стали читать; отец: написал: «непременно приходите». Гуль и Момин поговорили между собой: «отправимся, братец!» Оба брата были довольны и пошли оттуда к дому своего отца.

Когда они подошли, они увидели, что в доме их отца заседает совет. Как только они вошли внутрь дома, тотчас царь сказал своим людям: «схватите их и обоих убейте!» Царский визирь немедленно сказал царю: «за что ты их убиваешь? не убивай, а вели перевернуть им туфли (в знак немилости), и пусть они уходят!» Он сказал своим людям: «возьмите и переверните туфли Гуля, а туфли Момина не переворачивайте». Эти люди взяли, перевернули туфли Гуля, а туфли Момина не перевернули. Гуль сразу вышел из дому, чтобы уйти. Момин также вышел из дому, чтобы уйти. Как только царь увидел, что Момин тоже вышел, тотчас он сказал своим людям: «идите, приведите Момина и закуйте в цепи!» Эти люди пошли, окружили Момина, привели и крепко заковали в цепи. Немного погодя, Момин взял, порвал цепи и сказал своему отцу: «раз ты ему не отец, ты и мне не отец!» Он выбежал оттуда и пошел. Гуль еще не вышел из города, как Момин его догнал. Гуль сказал Момину: «зачем ты пришел?» Момин сказал: «раз он тебе не отец, он не отец и мне!»

karār Momín u Gull šútant bi yak jāgāe, ešānā šap gipt. Gull u Momín amé šapénā go wat abár dátant, dérā wáptant. yak wār amé Gull ša wābā ustát u šut pa šikārā, šikārī kurt yak kargóške u amé kargóškā áurt bi watí brāsáiyā. yak wār šut, yak káme dār áurt, amé kargóškā zabr pakítī u tayār kúrtī u gúđinā watí brāsā pādī kúrtī. Momín ustátī, amé kargóškāi goštānā ā u Gull wártant, pa duwārág Momín gúšti: anūn wārī mnī int-a. amé Momín tūpá^kkā zurt u šut pa šikārā. amé Gull amédinā ki wápt-atī, bí tā amédinā wāb raūt, ta bzānāi ša gujāngūr yak aždiyāre brābír a-bít u kāit pa amé Gullāi jānā, Gullā bó a-kánt. yak wār amé Gull amédinā bát a-bít. yak wār am amé Momín ša šikār a-kāit, yak wār dístī: wā wājlán, gújint-a mnī brās! yak wār amé Momín jat bāzéne bi watí sarágā u gret. yak katrāe digá būt, amé Momín š-amódinā šut pa wat.

amé Momín a-rāūt bi yak daryābe pānādā. amé daryābāi pānādā, ta bzānāi, mardúm bütág ant. amé mardúm Momínā gindánt, yak wār a-kāyánt, Momínā baránt bi watí gisā. amé ki baránt, yak čunt waxt bīt, gúđinā amesānī pādšā mirít. amé mardúm a-giránt, Momínā watí pādšā a-kanánt. amé Momín ar če ki gull ast bi amé šārāi tā, Momín āwānā gīt u ziyān a-kant yā na, bi digá šārān dém a-dánt, náilit bi watí šārā. anūn ša Momín bil u ša Gullā goš pkaš.

Итак, Момин и Гуль пошли в другое место. Их застигла ночь. Гуль и Момин разговаривали друг с другом и заснули поздно. Вдруг Гуль встал и пошел на охоту. Он добыл зайца и принес этого зайца своему брату; пошел еще, принес немного дров, хорошенько изжарил этого зайца и приготовил и потом уже разбудил своего брата. Момин встал; он и Гуль поели заячьего мяса. На второй раз Момин сказал: «теперь моя очередь!» Момин взял ружье и пошел на охоту. Тут Гуль лег спать. Оставь его, пусть он засыпает, только знай, что откуда-то появляется дракон и подходит с умыслом на Гуля. Он обнюхивает Гуля, и тут же Гуль превращается в кашу. Тотчас же подходит с охоты и Момин: увы! где же мой брат? Много бил себя по голове и плакал Момин. Прошло еще несколько времени. Момин пошел оттуда своей дорогой.

Момин идет к берегу большой реки. А тебе надо знать, что на берегу этой реки были люди. Эти люди видят Момина, тотчас приближаются и забирают Момина к себе домой. Пока они его ведут, проходит некоторое время, и тем временем их царь умирает. Эти люди берут и делают Момина своим царем. Момин тогда, сколько ни есть цветов в его городе, все их берет и уничтожает или же отправляет в другие города, а в своем городе не оставляет. Теперь оставь Момина и послушай про Гуля.

yak róče yak maláŋge ša guǵǵāngūr ešī sár a-kapít, kāit bi amé Gullǵǵī sará, gindít tā aǵáben juwānén warnǵē ídinā murtagí, yak wār amé maláng yak hǵē kašít wa gušít: yā xudá, amé čoríyā zindág pkánǵī. yak wār xudá am amé malángǵī arzǵá zúrtī u amé Gullá zindág kurt. amé ki Gull ustát, sǵǵlī ku tā mnī brās ídinā nǵǵint-a, yak wār amé malángǵā pursítī, gǵštī: gǵǵint-a mnī brās? amé maláng gǵštī: man čé zānín ša tī brāsǵá, man ič áe rā na distág un. man ki ákun, ta ídinā murt-átǵī. amé Gull gǵštī: nápa bǵz juwān int-a, anǵn mán a-raín. amé maláng watí dastǵá jat bi amé Gullǵǵī puštǵá, gǵštī: bra, xudá go ta amrá bīt u ič kas trā āzār ma dant. maláng pa wat šut u Gull pa wat šut.

amé Gull šut, bi yak daryábe pānádā dístī tā amédinā yak ĵiníke. amé ĵiník ki Gullá dístī, átī bi Gullǵǵā, dast bi mardí u ĵinení dátant. yak wār ša amé rodǵǵī áškā mardúm kištíe u yak sundǵxe rā bi sǵǵ mardúmǵī dastǵá dém a-dayánt ki šmā bráit, awálā Gullá bgǵšit: suwār bǵǵ kištíyā ki trā bgwazénan ša rodǵá áškā, amé ki Gull bi kištíyā suwār bǵt, šmā áe rā biyárit bi rodǵǵī mānǵínā bi sundǵxǵī tā pkánit u bi āpǵǵī tā elá bdáit. amé sǵén mardúm amé kištíyā āúrtant, Gullá gǵštant: suwār bǵǵ kištíyā tā brawán bi áškā. Gull amé kištíyā ki suwār búti, yak wār amé sǵén

Однажды откуда-то появился дервиш; он подходит к Гулю и видит, что тут умер удивительно красивый юноша. Сразу этот дервиш взывает к богу и говорит: «о боже, оживи этого юношу!» Бог тотчас же внял молитве дервиша и оживил Гуля. Когда Гуль встал, осмотрелся и увидел, что брата здесь нет, он сразу спросил дервиша: «где мой брат?» Дервиш сказал: «что я знаю о твоём брате? я вовсе его не видал! когда я подошел, ты уже был здесь мертвым». Гуль сказал: «ну, очень хорошо, я теперь пойду!» Дервиш ударил Гуля рукой по спине и сказал: «иди, бог да будет с тобой, и никто тебя не обидит!» Дервиш пошел своей дорогой, и Гуль пошел своей дорогой.

Гуль пошел и на берегу одной большой реки увидел девушку. Когда эта девушка увидела Гуля, она подошла к Гулю, и они дали друг другу руки, как муж и жена. Между тем люди, которые были на той стороне реки, вручают трем человекам лодку и один ящик: вы, мол, отправляйтесь и сначала скажите Гулю: «садись в лодку, мы тебя переправим на ту сторону реки», а когда Гуль сядет в лодку, вы его привезите на середину реки, поместите в ящик и пустите в воду. Эти три человека пригнали лодку и сказали Гулю: «садись в лодку, и мы поедем на ту сторону». Как только Гуль сел в лодку,

mardúm amé kištíyā bi āpā dātant u ātant bi amé āpāi mājínā. yak wār amé mardúm gíptant, amé Gullā bi sundūxāi tā kúrtant u bi āpāi damā dātant tā amé āp a-bárt, ātant bi ĵiníkāiyā. amé ĵiník gúštī: tā mnī mard māit, man ī-jā na raín, amédenā nindín. karār amé mardúm šútant pa wat. amé ĵinikó amédinā pa wat yak γásre ĵat u amédinā ništ. anún ša ĵinikōā bil u ša Gullā goš pkaš.

karār amé Gullā āp a-bart, bi yak gudaré dapā, yak mardúme watí aspā kārít ki āp bdant. gindít tā asp rúmm a-kánt. amé mardúm bi amé watí aspāi gošā bāzén γamčúne ĵant ki daūsāi asp pa če rúm a-kánt. amé ki kāit bi gudārāi dapā, gindít, alá! čunén ĵwānén sundūxe bi rodāi tā kaptagí. yak wār ātī, ša watí aspā ér káptī u āt, amé sundūxā ša āpā kašítī u burt, bāl aúrtī u bi amé aspāi sarā kúrtī, aspā suwār bútī u šut bi watí gisā. ódinā amé sundūxāi dapā páčī kúrtī, dístī ajāben ĵwānén čoríe bi amé sundūxāi tā wāb int-a. yak wār amé Gullā pād kúrti ki bust. amé Gull ustát, amé mardúmā gúštī: ta pa man yak káme gull paidā pkan u biyār. amé mardúm gúštī: agár amāi pādšā búškind, amā rā ša sarā póst a-kánt, pa če ki āi brāsāi nām būtagí Gull. anún āi brās murtagí, pa améšā ídinā gullā náilit. amé Gull gúštī: ta bra, biyār, man

эти три человека сразу пустили лодку в воду и попали на середину реки. Вдруг эти три человека схватили Гуля, сунули его в ящик и пустили по течению, чтобы его унесла вода, а сами вернулись к девушке. Девушка сказала: «пока мой муж не придет, я никуда не пойду, а останусь здесь». Итак, эти люди отправились во свояси, а эта девушка построила для себя замок и осталась тут. Теперь оставь девушку и послушай про Гуля.

А Гуля вода уносит к месту переправы, и какой-то человек в это время приводит сюда свою лошадь на водопой. Он видит, что лошадь пугается. Этот человек нещадно бьет плетью по ушам свою лошадь: чего, дескать, пугается эта распутная лошадь! Когда он подъезжает к месту переправы, он видит: ах! какой красивый ящик упал в воду! Он тотчас приблизился, сошел с лошади, подошел и вытащил ящик из воды; отнес его, поднял и нагрузил на лошадь; сел верхом и поехал домой. Там он открыл крышку ящика и увидел, что в ящике спит удивительно красивый юноша. Он тотчас разбудил Гуля: вставай, мол. Гуль встал и сказал этому человеку: «принеси мне немножко цветов!» Этот человек сказал: «если наш царь услышит, он дерет нам кожу с головы, потому что имя его брата было Гуль (цветок), а теперь его брат умер, и потому он не терпит здесь цветов». Гуль сказал: «ты сходи, принеси, а я сам буду отвечать

wat āi ǰawāb a-daín. amé mardúm gúštī: man awál a-raín, ša pādšá pursín, gúđinā pa ta kārín. Gull gúštī: nápa, bāz ǰwán int-a.

amé mardúm átī bi pādšáiyā, go pādšá gúštī: āi pādšá, ǰábli ālám, āncén mardúme rā zī man bi āpāi tā dístun, bi sundūxāi tā at, āp a-kāúrt, man ka-šítun u āúrtun bi watí gisá, āncén ǰwánén čoríe, amá čorí ša man gull loťit, anún man átun bi tíā, ta amá rā murxás a-dāyāi yā na? amé pādšá guštī: ta bra, amāi rā bzūr u biyār. amé mardúm átī, amé Gullá gúštī: biyá ki bra-wán mašmá bi pādšáiyā. ā u Gull átant bi pādšáiyā. amé ki Momín u Gull wat rā dístant, grétant, tā du sāt dast bi gardín būtant u grétant, dérā go wat wašāmáde kurtant. ša yak u agdārā pursítant ki čón int-a tī awá. Gull gúštī: zabr int. Gull Momínā pursít: čón int-a tī awá? Momín gúštī: zabr int-a. karār Gull go Momín gúštī: āi lālā, man dārín yak ǰinéne, amá mnī ǰinén bi plāná ǰá int-a, mašmá brawán, āe rā biyāran. Momín ašt salát-a zurt u šútant. karār Gull mānt go watí brāsá. eši rā Momín zabr gísī dāt, tā apt šap u apt roč dol kúrtant. man am bi amá arosiā čap kúrtun, š-amódinā ǰístun u bástun, pa wat yak imáne āúrtun, pa ta yak ǰiníke áúrtun.

перед ним». Этот человек сказал: «я сначала пойду спросить у царя, а потом уже принесу тебе». Гуль сказал: «очень хорошо».

Этот человек пришел к царю и сказал царю: «о царь, средоточие мира, вот какого человека я вчера нашел в воде! он был в ящике, и вода его несла, а я вытащил и принес к себе домой, такой красивый юноша! этот юноша просит у меня цветов, вот я и пришел к тебе, дашь ты ему разрешение или нет?» Царь сказал: «иди, возьми его и приведи». Этот человек пришел и сказал Гулю: «давай, пойдем к царю!» Он и Гуль пошли к царю. Как только Момин и Гуль увидели друг друга, они расплакались, часа два обнимались и плакали и долго обменивались приветствиями и спрашивали один у другого: «как ты поживаешь?» Гуль сказал: «хорошо» и спросил Момина: «как ты поживаешь?» Момин сказал: «хорошо». Наконец, Гуль сказал Момину: «братец, у меня есть жена, эта моя жена в таком-то месте, поедem, привезем ее!» Момин взял восемь солдат; они отправились и привезли жену Гуля. Итак, Гуль остался со своим братом, Момин пышно справил его свадьбу, семь ночей и семь дней били в барабаны. И я на этой свадьбе плясал, оттуда выбежал, завязал, для себя приобрел благоденствие, для тебя доставил девушку.

VIII

būt na bāt, ša mašmāi xudā getir kase na bāt. yak pādšā^{ov} at. e pādšā dāštī yak zāge. e zāgi yak rōce bāt, šut pa šikārā, šut, dīstī amédā yak rōde, sāli ku tā čé parie ābāzī a-kanānt. e sāli ku tā mešanī tā čonén juwānén parie ābāzī a-kānt. e watī dilā pigrī ku, gūštī ki man go ešan bāndā kār dārīn. e š-amédā šut bi watī gisā. yak būnde rā kaḏā^kke ku, zabr jōdī kurt wa tārienā āurtī, bi gudārāi dapā išt. wat bi^t tāi bāt. parī ātant pa ābāziā, watī puččānā kašītant. agidā bi ḡigārā ištant, amé jwānén parī watī puččānā bi būndāi sarā išt, watī amrānā gūštī ki šmā am biyārit, watī puččānā bi būndāi sarā bīllit. ā gūštant ki na, ammā amédā kīllan. e gūštī: jwān int. e watī puččānā dārī kurtī, išt, wat šut pa ābāziā. amé čorī ša būndāi tā dār kapt, šūtī, amé parīā puččānā zurtī, ā^wurtī, bi būndāi tāi kurt, wat bi būndāi tā bāt. parī ša āpā dar kāptant, ātant, watī puččānā gwarā kurtant wa rādāg būtant. amé j^wānén parī ātī, sāli ku tā mnī puč édā nā ^want, watī amrānā sōji ku ki mnī puččānā kāi zurtāi? ā gūštant ki ammā na zānān.

(VIII. О пэри Шар-шару)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был царь, у этого царя был сын. Однажды этот сын отправился на охоту. Он шел и увидел реку; посмотрел: там купаются пэри. Посмотрел еще: ух! какая красивая пэри купается среди них! Он подумал и сказал сам себе: «ужо завтра я с ними сделаю что-нибудь!» Он отсюда пошел домой, выдолбил бревно, хорошенько обделал его и на утро принес и поместил его у переправы, а сам спрятался внутри. Пэри пришли купаться и сняли с себя одежду. Другие положили ее на землю, а эта красивая пэри положила свою одежду на бревно и сказала своим подругам: «вы тоже принесите и положите свою одежду на бревно». Они сказали: «нет, мы оставим здесь». Она сказала: «ну, хорошо!» Она разделась и положила свою одежду, а сама пошла купаться. Этот юноша вышел из бревна, взял одежду этой пэри, положил в бревно и спрятался сам в бревне. Пэри вышли из воды, подошли, оделись и собрались уходить. Подошла и эта красивая пэри, посмотрела: нет моей одежды! Она спросила своих подруг: «кто взял мою одежду?» Они сказали: «мы не знаем».

ā šútant, e mántī, íngo sáilī ku, ángo sáilī ku, íčči na dístī, átī bi me bundáā, gúštī ki ta ínse ʷāi, jínse ʷāi, agár ādamíe ʷāi, mnī puččānā zurtág-āi, bdāā! ā gúštī ki man na ínse un, na jínse un, ādamíe un, tī puč go mán ant. gúštī: mnī puččānā bdāi. ā gušt: na dāín tī puččānā. gúštī: bdāi pa brāsí o gwārí. ā gúštī ki na dāín. gúštī: bdāi pa nākó-zakí. gúštī: na dāín. gúštī: bdāi pa trū brā-zakí. gúštī: na dāín. gúštī: bdāi pa mardí o jānení. gúštī: jwān int, tī puččānā dāín, tī bālānā na dāín. puččānā dātī, eší rā bi bundāi tāi ku, bundāi dapá bast. wat bundá badđāi kurt, búrtī, bi watí pissāi gisāi dapá íštī. watí māsā gušt ki mnā dost dārít, plāná pajyummārā dost dārít, amé bundá na ki dast dāit. māsī gušt ki jwān int.

e š-amédā šut bi bázārā, šut, gáštī, gáštī padóī āt. watí māsā gúštī ki pa man ārt bāz drúššit, ki man gís a-kanín. eší mās gušt: ta kái rā girái? e gúštī: man amé bundá girín. eší mās go: ta padšāi yakén záge, ta čon búnđe rā girái? e gúštī: na, māsí, man amé bundá girín. gúštī: jwān int.

p-eší ārt-u-bār tayār kúrtant. eší rā gis dātant. búrtant bi killá. tāríenā roč büt, bi molíde dastá gul dém dātant, bi yákai dastá purr dém dātant.

Они ушли. Она осталась, посмотрела там и сям, ничего не нашла, подошла к бревну и сказала: «дух ли ты какой-нибудь или же человеческого рода, кто взял мою одежду, — отдай!» Он сказал: «я отнюдь не дух, я человеческого рода, и твоя одежда у меня». Она сказала: «отдай мою одежду!» Он сказал: «не дам твоей одежды!» Она сказала: «отдай ради побратимства и посестримства!». Он сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради отношений дяди к племяннице!» Он сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради отношений тетки к племяннику!» Он сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради супружества!» Он сказал: «хорошо, я отдам тебе одежду, но твоих крыльев не дам». Он отдал ей одежду, поместил ее в бревно, закрыл вход в бревно, потом взвалил бревно себе на спину, отнес, положил у входа в дом своего отца и сказал своей матери: «если вы любите меня и любите такого-то пророка, то не прикасайтесь руками к этому бревну!» Его мать сказала: «хорошо!»

Он пошел на базар, походил, походил, вернулся назад и сказал своей матери: «намелите мне побольше муки, потому что я женюсь». Его мать сказала: «кого ты берешь?» Он сказал: «я беру это бревно». Его мать сказала: «ты единственный сын у царя! как можешь ты брать какое-то бревно!» Он сказал: «нет, матушка, я возьму это бревно!» Она сказала: «хорошо!»

Для него приготовили муку и прочее, поженили его и отвели в помещение для новобрачных. На утро рассвело. С одной служанкой послали ему цветов, а с другой послали золы и сказали: «отнеси цветы и посыпь

gúšťant: gulánā bar bi čoríāi sarā breč, purránā bar, bundāi sarā breč. e š-amédā búrtant, sáil kurtant tā čoríāi pānādā čonén jwānén warnāe ništā. e ki dīstant, γiš kurtant. parí ātī, watī dasmālā námmī ku, bi ešānī demā pāšitī, eš sār kúrtant, padoi šútant. parí gulánā zúrtī, burtī, ā u čorī watī sarā bār kúrtant. e molíd šútant bi gisā, ódenā gúšťant go čoríāi māsā: bibí, bibí, bibí šmā nāit, bibí ā int ki mnī wājāi demā ništā. e gúšti: watī rangā γāib pkan š-amédā, ta ammā rā ša bünde kamtír a-kanāi! e gúšti: na, bibí, bibí šmā nāit, bibí ā int ki mnī wājāi demā ništā. e š-amédā šútant ódenā p-āi sāilā. ódā dīstant tā rāstī bibí ammā ná "an, bibí amēš int. pa duwārāg ešī rā ša sārāi nok gis dātant. tā apt šap o apt roč dol kúrtant.

e čorīā apt šap, apt roč būd būtī, gúšti go watī māsā ki āi māsī, man a-rāin pa kārwan-kašī'ā, mnī jānén bi^t tī dastā int. agār mnā dost dārāi, p^lānā pāiyummārā dost dārāi, na ki mnī jānénā bālānā bdāāi ki ā bāl a-kānt o rot. ešī mās gušt: na, māsī, man ič waxt āi bālānā na dāin. gúšti: jwān int, man digā rāin. jāni tā wa jāni mnī jānénā! ki ā bāl má, kant o má rot, ki ič ka āi sarā sar-zorī ma kant. gúšti: jwān int, māsī, man ič kasā nāilīn ki āi sarā sar-zorī kant. e čorī š-amédā šut.

голову юноше! отнеси золу и высыпь на бревно!» Они отнесли и стали всматриваться: что это за молодая красавица сидит рядом с юношей! Как только они рассмотрели ее, они лишились чувств. Пэри подошла, намочила свой платок и побрызгала им в лицо; они очнулись и пошли обратно. Пэри взяла цветы и унесла; она и юноша разделили их между собой. А служанки пошли домой и сказали матери юноши: «госпожа, госпожа, вы не госпожа! госпожа та, которая сидит против моего хозяина!» Она сказала: «сгинь отсюда! ты считаешь нас хуже какого-то бревна!» Та сказала: «нет, госпожа, вы не госпожа! госпожа та, которая сидит против моего хозяина!» Они пошли туда посмотреть на нее и там увидели: ведь правда! не мы госпожи, а она госпожа! Вторично и снова его поженили. Семь ночей и семь дней били в барабан.

Когда истекло семь ночей и семь дней, юноша сказал своей матери: «матушка, я отправляюсь с караваном, а моя жена остается у тебя на руках; если тылюбишь меня и любишь такого-то пророка, ты не отдавай крыльев моей жене, а то она взлетит и исчезнет!» Его мать сказала: «нет, сынок, я ни в каком случае не отдам ей крыльев». Он сказал: «хорошо, тогда я пойду, но ради твоей души и души моей жены! пусть она не летает и не уходит и пусть никто ее не притесняет!» Она сказала: «хорошо, я никому не позволю, чтобы ее притесняли». Юноша ушел.

tārienā bi digá alke arūsíe bût. amé alkāi jānīk wat rā jōḍ kurtánt. e wat rā jōḍi na kurt. ešī duskíč āt, gúštī: āi Šar-šarú, ta pa če wat rā jōḍa na kanāi ki mašmā b'rawán bi arūsíā. e gúštī: tā mnī bāl má bayánt, man ič jā šutága na kanín. e gúštī: jwān int, man tī bālānā kārín, ta tānāxte wat rā jōḍ pkan. e gúštī: jwān int. e š-amédā šútī watí māsāiā, gúštī: āi māsí, ešī bālānā bdāi! māsī gušt: na, māsí, agár man āi bālānā bdāin, ā bāl a-kánt o rot ki tī brās a-kāit, ša man awál a-gít ki gúj int mnī jānén? gúštī: man bālānā na dāin. gúštī: na, māsí, bālānī bdāi ki ammā rawán bi arūsíā wa zúti kāyán. gúštī: jwān int. ešī bālānā dātī, e š-amédā bālānā āurtī, watí nišārā dātī. ešī nišār pa gal o bal zúrtī watí bālānā, š-amédā rādág būtant ki šútant bi arūsíā, šútant bi arūsíā panádā. e gúštī ki šmā brāit, man annūn a-kāin. yak wār bālī ku, šut bi awá. e sāil kúrtant ki wā wāilán! ā bālī kurt o šut. e wassūi o duskíči wat rā jātant o grétant. ki ā šútī, bāndā na, pōši Šāi-kalandār a-kāit, ša ammā awál a-gít ki gúj int mnī jānén. ammā áe rā če jawāb dāyán. amé Šar-šarú bi awāā demā, abārī dāt ki man rāin, ša apt daryābā āškā bāin. amín-kasī gušt wa šut. ešī mās yak sorén búze rā kúštī, burt, góri kurt.

На утро в другом селении была свадьба. Девушки этого селения принарядились, а она не наряжалась. Ее золовка пришла и сказала: «Шар-шару, почему ты не наряжаешься? ведь мы идем на свадьбу!» Она сказала: «пока у меня не будет крыльев, я никуда не могу итти». Она сказала: «хорошо я принесу тебе крылья, а ты пока принарядись». Она сказала: «хорошо!» Та пошла к своей матери и сказала: «матушка, отдай ей крылья!» Ее мать сказала: «нет, дочка, если я отдам ей крылья, она полетит и исчезнет, а твой брат вернется и спросит про нее: где, мол, моя жена? Нет», — сказала она, — «я не отдам крыльев!» Та сказала: «нет, матушка, отдай ее крылья! мы сходим на свадьбу и скоро придем!» Она сказала: «хорошо!» Она дала ей крылья; та принесла крылья и отдала своей невестке. Ее невестка с радостью взяла свои крылья. Они собрались на свадьбу и пошли. Она сказала: «вы идите, я сейчас приду», а сама вдруг взлетела и очутилась в воздухе. Они взглянули, но увы! она взлетела и летит. Ее свекровь и золовка стали себя бить и плакать: «она ушла, а не завтра, так послезавтра вернется Ша-каландар и спросит у нас про нее: где, мол, моя жена? какой ответ мы ему дадим?» Шар-шару уже в воздухе сказала: «я ухожу и буду по ту сторону семи рек!» только это сказала и улетела. Его мать зарезала красную козу, отнесла и закопала.

tārienā büt, Šäi-kalandār āt, guštī: äi māsī, man čunt sāl int ki šutá un pa kārwan-kaší^vā. ešī mās gušt: zī na, parérī šútäi pa kārwan-kaší^vā. guštī: na, māsī, e du sāl int ki man šutá un pa kārwan-kaší^vā. guštī: šarr, māsī, watí nānānā bor. guštī: mnī jānén gújint-a? māsī gušt: ā u tī gwār šútant bi alkā wa annūn a-kāyánt, ta watí nānānā b^uār. guštī: jwān int, māsī. e ki watí nānānā wártī, māsī gušt: číze ki ša xudā čer nājint, ša^t ta um čera na bīt: tī jānén ša^t tī γamā murtī. guštī: gujāmadā gór kurtá it? mnā bārit, āi gorá nišān bdāit. ešī rā búrtant, gorā nišān dátant ki amédā tī jānén murtái. eš tā apt šap o apt roč amédenā káptī amešī gorāi sará.

yak róče büt, áti bi gisá, amédā sūgí níštī, yak jānén záge watí jānīkkā dušmán dátī ki annū trā čō Šare-šarújā bāl a-dāin. e uškítī, šútī, amā jānén zágá lojtī. guštī ki Šar-šarú bālī kurtá magá? ā jānén zág gušt: tā magá sí na dārāi? ā guštī: na, man sī na dārín. jānén zág gušt: palāná ročá yak arūsíe büt, ammā wat rā jód kurtan ki brawán bi arūsíā. Šar-šarú wat rā jódī na kurt, tī gwār āt, guštī ki äi nišār, ta pa če wat rā jóda na kanāi ki mašmā brawán bi arūsíā? ā guštī ki äi duskíč, tā mnī bāl ma bayánt, man ič jā šutága na kanín. ā guštī ki man tī bālānā kārín, ta tānāxte wat rā jód pkan, man annūn tī bālānā kārín. e wat rā jódī kurt. ā am šut, bālānī áurt

Настало утро. Ша-каландар вернулся и сказал: «о матушка, сколько лет прошло уже, как я ушел с караваном!» Его мать сказала: «не вчера, так позавчера ты ушел с караваном!» Он сказал: «нет, матушка, уже два года, как я ушел с караваном!» Она сказала: «ну, хорошо, сынок, кушай свой хлеб!» Он сказал: «где моя жена?» Его мать сказала: «они пошли с твоей сестрой по селению и сейчас придут, кушай свой хлеб!» Он сказал: «хорошо, матушка». Когда он поел, его мать сказала: «что́ от бога не скрыто, не должно быть скрыто также от тебя! твоя жена с горя по тебе умерла». Он сказал: «где вы ее похоронили? отведите меня и покажите ее могилу!» Его повели и показали ее могилу: вот здесь, дескать, твоя мертвая жена! Десять ночей и десять дней он лежал здесь, на ее могиле.

Однажды случилось, что он пришел домой и сидел здесь в горе, а одна женщина ругала свою дочку: «я теперь тебя, как Шар-шару, заставлю улететь!» Он услышал, пошел, позвал эту женщину и сказал: «разве Шар-шару улетела?» Та женщина сказала: «разве ты не знаешь?» Он сказал: «нет, не знаю». Женщина сказала: «в такой-то день была свадьба, и мы принарядились чтобы идти на свадьбу, а Шар-шару не наряжалась; твоя сестра подошла и сказала: „невестка, что же ты не наряжаешься? ведь мы идем на свадьбу!“ она сказала: „золовка, пока у меня не будет крыльев, я никуда не могу идти“; та сказала: „я принесу твои крылья! ты пока принарядись, а я сейчас

u dāt. e watí bālānā zurt, gúšti ki brawán. e š-amédā šútant bi arūsīā pānādā. āwānā gúšti ki šmā brāit, man annūn a-kāin. ā š-amédā šútant ki e yak wā bālī ku, šut bi awā wa bi mā awāā demā gúšti ki man raín, ša apt daryābā áškā bāin. e Šāi-kalandár gúšti ki man annūn a-raín pa āi padā.

Šāi-kalandár šútī, wat rā malangí póši kurt wa šútī, šútī bi yak čóle. dístī tā yak molíde āp a-kašit. gúšti: āi dādā, mnā yak kámme āp bdāi. e gúšti: bra, gum bāi, tī dil ušk bīt, Šar-šarūāi nimáz kazā bīt, man trā āpa bdāin! e gúšti ki bra ki tī āp ón bayánt. e š-amédā watí āpānā búrtī ódenā, tā mnī āp ón ant! pa duwārág watí maškāi āpānā rétī, pa duwārág átī bi čāā sarā. e čorí gušt: āi dādā, ta mnā yak kámme āp bdāi. a gúšti: bra, gum bāi, tī dil ušk bīt, Šar-šarūāi nimáz ódā kazā bīt, man trā āp bdāin! ā gúšti: bra ki tī āp rem bayánt. ā watí āpānā burt, ódenā sāil ku, tā mnī āp rem ant! watí maškāi āpānā gipt, rétī, átī padā bi čāāi sarā, watí maškā āpī ku. e čorí gúšti: āi dādā, ta mnā yak kámme āp bdāi. e gúšti b'ra, gum bā, tī dil ušk bīt, ki Šar-šarūāi nimáz ódā kazā bīt! e gúšti: brā ki tī āp čirk bayánt. e š-amédā watí āpānā burt bi ódenā.

принесу твои крылья“; она принарядилась; та пошла, принесла крылья и отдала; она взяла свои крылья и сказала: „пойдемте!“ они пошли на свадьбу, и она сказала им: „вы идите, а я сейчас приду“; они пошли, и вдруг она взлетела на воздух и уже в воздухе сказала: „я ухожу и буду по ту сторону семи рек!“» Ша-каландар сказал: «теперь я пойду за ней!»

Ша-каландар пошел, оделся в дервишеское платье и ушел. Пошел он в пустынное место, увидел, что одна служанка набирает воду, и сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Она сказала: «уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! пускай, значит, Шар-шару опоздает, и ей не зачтется молитва, а я буду давать тебе воду!» Он сказал: «иди, и пусть твоя вода обратится в кровь!» Она понесла отсюда свою воду: — «да ведь моя вода, это кровь!» Она вылила воду из меха и вторично пришла к колодцу. Юноша сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Она сказала: «уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! пускай, по твоему, Шар-шару опоздает, и ей не зачтется молитва, а я буду давать тебе воду!» Он сказал: «иди, и пусть твоя вода обратится в гной!» Она повесла туда свою воду и посмотрела: «да ведь моя вода, это гной!» Она взяла и вылила воду из своего меха, опять пришла к колодцу и набрала воды в мех. Юноша сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Она сказала: «уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! ведь Шар-шару может опоздать на молитву, и она ей не будет зачтена!» Он сказал: «иди, и пусть твоя вода станет грязью!» Она повесла отсюда свою воду.

Šar-šarū gušt: ta zūti pkan, pa man āptāwágāi tā āp pkan wa biār ki man dāsti-nimáz bgirín. e šut, watí āpānā sājli ku, tā mnī āp čirk ant! Šar-šarū gúšti ki zūti pkan, āp biār. pa duwārág gúšti: tī āp pa če ón ant u čirk ant u rem ant? ā jawāb dāt ki bi čāāi sará yak malánge ništá u jwānén sūratien mardúme, ša man ápe loṭit u man áe rā gúštun: b'ra, gum bāi, tī dil ušk bīt, Šar-šarūāi nimáz ódā kazā bīt wa man trā édā āp bdāin! ā gúšti: bra ki tī āp on u čirk bayán^t. Šar-šarū gušt: ta bra, áe rā āp bdāi, ziyātiānī ma réčāi, pa man biārāi.

e š-amédā šūtī bi čāāi sará tā čorī ništā-i. watí maškā āpī kurt. e čorī gušt ki āi dādā, mnā yak kámme āp bdāi! e molíd gúšti: āi lālā, ta yak wā bošt ki man watí maškāi dapā bandín, gúḏā trā āp a-dāin. watí maškāi dapā bast, ešī rā āp dāt, gúšti: watí ziyātiyānā ma réčāi ki Šar-šarū go man guštāi ki āi ziyātiyānā biārāi pa man. e ša xudā loṭit ki e molíd mnā e ḏolén abāre dāt. ešī dem ki āngūrī gašt, e watí čallāwā giptī, bi āpānī tā préntī, wa e molíd āpānā búrtī, bi Šāri-šarū dāt.

Šar-šarū wártī, sājli ku tā allā! e čalló mnī int-a! e čallāwā zúrtī, ātī bi čāāi sará, sājli ku tā e Šāi-kalandār int-a. gúšti: āi ādamí, múrg

Шар-шару сказала: «поскорее налей воды в кувшин для омовений и приноси, потому что я уже собираюсь встать на молитву!» Она пошла и посмотрела на свою воду: «да ведь моя вода, это грязь!» Шар-шару сказала: «скорее носи воду!» и сказала еще: «отчего это у тебя вместо воды то кровь, то гной, то грязь?» Она ответила: «у колодца сел один дервиш, человек молодой и красивый, он попросил у меня воды, а я ему сказала: „уходи, пропади, пусть иссохнет твое сердце! ведь Шар-шару может опоздать на молитву, и она ей не будет зачтена, пока я буду здесь тебе давать воду!“ он сказал: „иди, и пусть твоя вода будет кровью и грязью!“» Шар-шару сказала: «иди и дай ему воды, а остатки не выливай, а принеси мне».

Она пошла отсюда к колодцу; юноша еще сидит. Она наполнила свой мех водой. Юноша сказал: «сестрица, дай мне немножко воды!» Служанка сказала: «братец, подожди немножко, я завяжу свой мех и тогда дам тебе воды». Она завязала отверстие своего меха, дала ему воды и сказала: «остатки не выливай, потому что Шар-шару мне сказала: „что после него останется, принеси мне!“» Это он выпросил у бога, чтобы служанка произнесла такие слова. Как только она отвернулась, он взял свой перстень и опустил в воду. Служанка отнесла воду и дала ее Шар-шару.

Шар-шару стала пить, взглянула: «ах, да ведь это мой перстень!» Она взяла перстень, пошла к колодцу и стала смотреть, а там Ша-каландар. Она

be bāl, ta édenā čon átāi? e gušt: man amé ɖol átun. eší rā gíptī, sūčēnī kurt, bi watí zī^vái jat. š-amédā šútī bi watí jāgā. parí átant, gúštant ki āi Šar-šarū, boi, boi ādamí! e gúštī ki bráit, gum bāit, édā gúj int ādamíe? e gúštant ki na, Šar-šarū, boi, boi ādamí! Šar-šarū gúštī ki bráit, gum báit pa wat, édā ādamí náint-a wa múčči parí ant. e š-amédā šútant pa wat.

Šar-šarū š-amédenā šútī bi dūrā, eší rā gíptī, bi watí bālān jāti, bālī kúrtī, šútī bi watí jāgā. ódenā mās u písī gúštant ki ā^vúrtāi watí jānénā? ā gúštī: ān, š^vmā go man bāz gandāgen kār kúrtit ki man watí jānénā bi šmāi dastā dátun, šmā go man e ɖol kúrtit. š-amódenā man jístun u bástun, átun, bi watí jāgā, níštun.

IX

būt būt, ša mašmāi xudā getír ič kas na būt. yak pādšāe at, e šútant pa gardíštā. e pādšā oš ku: mnī tazbí édā nāint, gisā māntā, ša šmā yāke bráit, mnī tazbíā biyárit. wazíl gu: āi pādšā, man a-rāin, tī tazbíā kārín. pādšā gúštī: bra, tazbíā biār. e wazíl šut, der kúrtī. Šā-trasān gúštī ki

сказала: «о человек, птица без крыльев! как ты попал сюда?» Он сказал: «вот так и попал!» Она взяла его, обратила в иголку, воткнула себе в воротник и пошла отсюда к себе. Подошли пэри и стали говорить: «о Шар-шару, запах! человеческий запах!» Она сказала: «уходите, пропадите! откуда здесь человечье!» Они сказали: «нет, Шар-шару, запах! человеческий запах!» Шар-шару сказала: «уходите, убирайтесь к себе! здесь человеческого нет, все пэри!» Они ушли отсюда к себе. А Шар-шару пошла отсюда подальше, взяла его, поместила к себе на крылья, взлетела и отправилась к себе домой. Там его мать и отец сказали: «ты привел свою жену!» Он сказал: «да! вы со мною очень скверно поступили: я поручил вам свою жену, а вы так со мной поступили!» Оттуда я выскочил, завязал, пришел к себе, уселся.

(IX. О Ша-трасане)

Было-было, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. (Однажды царь и его приближенные) отправились на прогулку. Вдруг царь спохватился: «здесь нет моих четок, они остались дома; кто-нибудь из вас пусть съездит и привезет мои четки». Визирь сказал: «царь, я съезжу и привезу твои четки». Царь сказал: «поезжай и привези четки». Визирь поехал, но задержался. Тогда Ша-трасан сказал: «я съезжу и привезу четки». Царь сказал

man a-rāín, tazbíā kārín. pādšā gúštī: bra, zúti biāāi. Šā-trasān šúti, rástī ódenā bi pādšāāi gisā, dístī ki wazíl go padšāāi jānénā jant u wart. e zúti ku, tazbíā zúrtī u amé wazílāi linguṭā go tazbíā zúrtī u áspe rā suwār bût u šut. wazíl zúti kurt, šúti, ša bāzārā pa wat linguṭāe zítī, watí sarā bast, átī, ša kamándā áspe gíptī, suwār bût u āi ku, šut, ša Šā-trasān demā búti, šut bi pādšāāi. pādšā gúštī: mnī tazbí gúj int? wazíl gu: pádā go Šā-trasān int, ā kārítī. gúštī: šarr. yak sāáte bût, Šā-trasān āt.

š-amédā šútant, átant bi yak jāe, dístant ki ajāben jwānén ḡgāre. wazíl gu ki e ḡgār bābi tī šār u kalāt-a dārít, tī šār u kalāt edenā bīt! pādšā gušt: kār kí kār ant? wazíl gu: kār Šā-trasānī^v ant. pādšā gúštī ki āi Šā-trasān bābā, če a-gušāi? Šā-trasān gušt ki ilāje na dārín. pādšā gúštī ki kanāi yā na? gúštī ki kanín. e pādšā u wazíl šútant, Šā-trasān tanā mántī, šúti, dāste nimáz gíptī, átī, nimáz kúrtī. yak pīramārde átī, gúštī: āi bābā, édā ta čew a-kanāi? Šā-trasān gušt ki pādšā bi mnī sarā úkme kurtá ki ta édenā šār u kaláte jód kanāi. e pīramārd gušt: āi bābā, ta pa ešī sar-gardān āi? Šā-trasān gúštī ki ān, bābā, man p-amešī sar-gardān un. e pīramārd watí asā zúrtī, bi ḡgārā yak wār čóšī kašít, šār u kaláte jód bût.

ему: «поезжай, но возвращайся скорее». Ша-трасан отправился, прибыл в царский дворец и увидел, что визирь забавляется с царской женой. Он поспешил, взял четки и вместе с четками захватил чалму визиря; сел верхом и поехал. Визирь заторопился, вышел, купил на базаре для себя чалму, повязал голову, взял лошадь из конюшни, сел на нее, погнал, поехал, опередил Ша-трасана и подъехал к царю. Царь сказал ему: «где мои четки?» Визирь сказал: «сзади, у Ша-трасана, он привезет». Он сказал: «хорошо». Прошло некоторое время, Ша-трасан подъехал.

Они отправились оттуда; приехали в одно место и увидели, что местность удивительно хороша. Визирь сказал: «эта местность подходит для устройства поселения и города, пусть здесь будет основан твой город!» Царь сказал: «чья же это будет работа?» Визирь сказал: «это дело Ша-трасана». Царь сказал: «ну, сынок Ша-трасан, что скажешь?» Ша-трасан сказал: «у меня нет выхода!» Царь сказал: «что же, сделаешь или нет?» Он сказал: «сделаю». Царь и визирь уехали. Ша-трасан остался один, совершил омовение и стал на молитву. Подошел один старец и сказал: «что ты здесь делаешь, сынок?» Ша-трасан сказал: «царь приказал мне, чтобы я заложил здесь город». Старец сказал: «этим-то ты расстроен, сынок?» Ша-трасан сказал: «да, отец, я этим расстроен». Старец взял свой посох, провел один раз по земле, и образовался город.

bāndā pādšā átī pa sāilā, sāilī ku ki ajáb ĵwānén šār u kalāte-e. e wazíl dist, go pādšā gúštī: äĵ pādšā, e šār u kalāt bábi dráxte gul-xandún u gul-gurún dārít ki édenā dráxte gul-xandún bútin. pādšā gu ki kār kí kār-ant? wazíl gu ki kār Šā-trasānī kār ant. pādšā gu ki äĵ bābā Šā-trasān, če a-gušāĵ? Šā-trasān gušt: ilāĵe na dārín, mebāét pkanín. e šútant.

Šā-trasān mānt u šútī, dast-nimáz gíptī, nimázī ku, pīramárd átī Šā-trasānīyā, gúštī: äĵ bābā, pa če sar-gardān äĵ? Šā-trasān gušt ki ša man dráxte gul-xandún u gul-gurún a-loťánt. gúštī: p-ameší sar-gardān äĵ? gúštī: ān. gúštī: bra š-amédenā, bę palāná ĵā yak buzlangí-e, pādāĵ tūén nále sabz kurtá, amā nalāĵ čérā pa wat kúrme dé, wat bi mā kuramá¹ tā mnind, amé nalāĵ rišágā go watí dastā bgir, péš kaš, ā buzlangí wat paryád a-kánt. buzlangí, káyant, amédenā kót a-bayánt. šant ki bi azráti Sleĵmánī čáppāĵ aptekállā sogínd ki trā íččīa na kanán, ar kas-āĵ, dār kap, biá, trā íččīa na kanán. ta māĵil, pa duwārág péš pkaš. ā wat a-gušánt: bi azráti Sleĵmánī rástāĵ aptekállā sogínd, trā íččīa na kanán. gúĵinā ta bil. Šā-trasān gúštī: nápa bāz ĵwán int-a.

На следующее утро царь прибыл для осмотра и усмотрел, что поселение и город удивительно хороши. Визирь поглядел и сказал царю: «царь, этот город вполне достоин дерева с цветами смеха и плача (гуль-хандун и гуль-гурун)! если бы здесь было это дерево!» Царь сказал: «чья же это будет работа?» Визирь сказал: «это дело Ша-трасана». Царь сказал: «ну, сынок Ша-трасан, что ты скажешь?» Ша-трасан сказал: «у меня нет выхода, придется сделать». Они уехали.

Ша-трасан остался, совершил омовение, сотворил молитву. Явился старец и сказал: «ну, сынок, чем ты расстроен?» Ша-трасан сказал: «с меня требуют дерева с цветами смеха и плача». Он сказал: «так ты этим расстроен?» Он сказал: «да». Он сказал ему: «иди отсюда; в таком-то месте есть один бузланги, и в ноге у него вырос большой отросток; ты под тем отростком выкопай для себя яму, сядь в яму, захвати рукой корни отростка и потяни: тот (бузланги) закричит, и другие бузланги придут туда к нему на помощь и скажут: „клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, мы тебе ничего не сделаем! кто бы ты ни был, выйди наружу и подойди, мы тебе ничего не сделаем!“ ты не отпускай, а опять потяни; они снова скажут: „клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, мы ничего тебе не сделаем!“ тогда ты отпусти». Ша-трасан сказал: «очень хорошо!»

š-amódinā šūtī bi amā nalāīyā ki bi amé buzlangíāi pādā sabz kurt-át. šut, amāī čērā pa wat yak kúrme jātī u bi amā kurmāi tā wat čer káptī u amā nalāi rīšágānā gipt, péš kašit u yak wār amé buzlangí grétī u čičál kúrtī. yak wār buzlangí gírdī átant, tawār kúrtant ki ta ādamíe wāi yā ínse wāi yā jínse wāi, ar čée wāi, bil. bi azrāti Slejmānī čáppāi aptekállā sogínd, trā íččia na kanán, bil. e náīštī, pa duwārág peš kašítī, pa duwārág amé buzlangí čičál kurt. yak wār amé buzlangí gírdī gúštant: be azrāti Slejmānī rástāi aptekállā sogínd, trā íččia ná kanán. e dār kapt. gúštant ki āi ādamí, ta š-e badbáxtā če loťāi ki e badbáxtā e dol sizā dārāi? če dard dārāi b-ešī? e gušt ki man yak murāde dārín, ki šmā āsíl pkanít. buzlangí gúštant ki če murāde dārāi? e gušt ke man amé murādā dārín ki dráxti gul-xandún u gul-gurúnā ša man pādšā loťít. e gúštant: tī murád améš int? Šā-trasán gúšti ki ān. gāmjánā gúštant ki eší rā bzūr u bar, bi dráxti gul-xandún u gul-gurúnī sarā s^wār kan, dráxti gul-xandún u gul-gurún rā ša rīšágā pkaš u bar, bi pādšāāi šārā bil u wat biā. eš Šā-trasānā búrtī, bi draxťāi šarā s^wār kurt, búrtī, bi pādšāā šārā íštī, wat bi pādā átī.

šājpūr tawār ku, poť átant pa sāilā. sāil kúrtant, wazíl dist, go pādšā gušt: āi pādšā, e dráxtā gul-xandún u gul-gurún bāb dāšt ke p-eší yak

Оттуда он пошел к тому тростнику, который вырос на ноге у бузланги. Пошел, вырыл под ним для себя яму, спрятался в яме, схватил корни тростника и потянул; тотчас бузланги заплакал и застонал. Сразу подошли все бузланги и закричали: «человек ли ты, или дух, кто бы ты ни был, отпусти! клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, мы ничего тебе не сделаем, отпусти!» Он не отпускал, а потянул вторично. Вторично тот бузланги застонал. Тотчас все бузланги сказали: «клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, мы тебе ничего не сделаем!» Он вышел. Они сказали: «человек, что ты хочешь от этого бедняги, что ты этого беднягу подвергаешь такому наказанию? какую обиду он причинил тебе?» Он сказал: «у меня есть одно желание, которое вы могли бы исполнить». Бузланги сказали: «какое у тебя желание?» Он сказал: «у меня такое желание, что царь требует от меня дерево с цветами смеха и плача». Они сказали: «таково-то твое желание?» Он сказал: «да». Они сказали скороходу: «возьми его, отнеси и посади на дерево смеха и плача, вытащи с корнем дерево с цветами смеха и плача, снеси и поставь в царском городе, а сам приходи». Он понес Ша-трасана, посадил его на дерево, отнес и поставил в царском городе, а сам вернулся.

Протрубили в трубу, и стража пришла для осмотра; стали осматривать. Визирь посмотрел и сказал царю: «это дерево с цветами смеха и плача требует,

bálle bútin, dráxti čil-muḡám édenā bútin. pādšá gušt: kār kí kār ant? wazíl gušt: kār Šā-trasánī kār ant. pādšá gušt ki āḡ bābā Šā-trasán če a-gu-šāḡ? Šā-trasán gušt ki man ilāje na dārín, amé kārā kanín. guḡā e šútant.

Šā-trasán šut, daste-nimáz gipt, nimáz ku, spe-ríše átī, guštī: āḡ bābā, édā če^w a-kanāḡ? guštī ki pādšá go man guštāī ki dráxti čil-muḡámā ša^t ta loṭín. guštī ki p-amešī ḡussá warāḡ? Šā-trasán gušt ki ān. guštī ki bra, p^lānā jā yak buzlangiā jānéne nān a-pačít, amé ki pādāḡ girdágā mán bast, ta bgir, ša pādā godánānī čuš-čúšā binā pkan. āí nān a-sučánt, ā gušít ki ta ar kas-āḡ, bil, ki mnī nān sótant, ta māḡlāḡ, āí nān sučánt, ā wat a-gušít: bi azráti Slejmānī čāppāḡ aptekállā sogínd, trā íččia na kanín, ar kas-āḡ, bil, ta māḡl. amé ki nānī bāz sótant, ā wat gušít ki bi azráti Su-lejmānī rástāḡ aptekállā sogínd, trā íččia na kanín. guḡā ta am bā^l.

Šā-trasán átī bi jānákāḡ, dístī ki nān a-pačít, uštātī. pādāḡ girdágā ki mán bast, ša pādā godánānī čuš-čúšā binā kurt. eší nān sótant, guštī: ta ar kas-āḡ, bil, ki mnī nān sótant. e nāštī, buzlangiā jānéne nān sótant. guštī: ta ar kas-āḡ, bi azráti Slejmānī čāppāḡ aptekállā sogínd ki trā íččia na kanín, bíl, ki mnī nān sótant. e nāštī. nānī bāz sótant, guštī:

чтобы для него была пара! если бы здесь было дерево сорока песней!» Царь сказал: «чья же это работа?» Визирь сказал: «это работа Ша-трасана». Царь сказал: «что скажешь, сынок?» Ша-трасан сказал: «у меня исхода нет, сделаю и это». Они уехали.

Ша-трасан пошел, сделал омовение, сотворил молитву, подошел старец, сказал: «что здесь делаешь, сынок?» Он сказал: «царь сказал мне: „я хочу от тебя дерево сорока песен“». Тот сказал: «ты этим опечален?» Ша-трасан сказал: «да». Тот сказал: «иди! в таком-то месте жена бузланги печет хлеб; как только она прилепит последнюю лепешку, ты изловчись и примись сзади сосать ее грудь; ее хлеб будет сгорать, и она скажет: „кто бы ты ни был, отпусти! мой хлеб горит!“ ты не отпускай; ее хлеб будет сгорать, и она снова скажет: „клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю, кто бы ни был, отпусти!“ ты все же не отпускай; когда хлеб сильно подгорит, она снова скажет: „клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю!“ тогда ты отпусти».

Ша-трасан пошел к женщине, увидел, что она печет хлеб, встал, и как только она прилепила последнюю лепешку, принялся сзади сосать ее грудь. Ее хлеб стал подгорать, и она сказала: «кто бы ты ни был, отпусти! мой хлеб горит!» Он не отпускал, хлеб жены бузланги горел. Она сказала: «кто бы ты ни был, клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю, отпусти! мой хлеб горит!» Он не отпускал. Ее хлеб сильно подгорел, и она

bi azrátī Slejmānī rástāi aptekállā sogínd, trā íččīa na kanín, bil. eš am íštī. ešī rā sūčéne kúrtī, bi watí kulāi jat. watí nānānā pač sist, búrtī bi watí gisā, zágī átant, gúštant: māsī, māsī, boi, boi ādamī. māsī gušt: albát šmā ādamīe čiz wartág-it ki bi šmā gīnā ast. ā gúštant: na, māsī, boi, boi ādamī. māsīš gušt ki yak ādamīe ast, eš am čo š^umājā yak brāse.

ešī rā dārī kurt, āwúrtī, b-ešānī mānjīnā íštī. e gúštant: āi lālā, če murād dārāi? e gušt: man yak murāde dārín, agár š^umā āsíl pkanít. e gúštant ki če murāde. e gušt: mnī murād dráxti čil-muyām ast. e gúštant: ammā yak murāde dārán, agár ta āsíl kanāi. e gušt: če murāde? e gúštant: yak buzlangīe ast ki ammāi dištārā wāundí kurtá, bi amā na dant, agár ta brawāi, š-āi ammāi dištārā alās pkanāi, amā-m tī murādā āsíl a-kanán. e gušt: ša šmā yáke go man bājt, mnā nišānī b'dánt. e gúštant ki ammā trusán, na rawán. amé ammāi tūlá bi^t tī demā bit, trā bart rāstám be māi sarā. e gúštī: nápa juwán int. tūlá b-ešī demā būti, ešī rā búrtī, rāstám bi buzlangīai sarā.

ódā šut, sáil a-kú ki čāi tā buzlangí waptá, jānikkū sarāiā patīt, jānikkū ešī rā dist, gušt: man bi balāe kaptá un, ta wat rā bi balāe

сказала: «клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю, отпусти». Он ее отпустил. Она его превратила в иголку и воткнула в свою шапку, а свой хлеб вынула и отнесла домой. Ее дети подошли и сказали: «матушка, матушка, запах! человеческий дух!» Мать сказала: «должно быть, вы поели какой-нибудь человечины, что вам чудится запах!» Они сказали: «нет, матушка, запах! человеческий дух!» Их мать сказала: «здесь есть один человек, но он, подобно вам, один из братьев».

Она его вынула, подвела и поставила между ними. Они сказали: «какое у тебя желание, братец?» Он сказал: «у меня есть одно желание, только исполните ли вы его?» Они сказали: «какое желание?» Он сказал: «мое желание — дерево сорока песен!» Они сказали: «и у нас есть одно желание, исполнишь ли ты его?» Он сказал: «какое желание?» Они сказали: «есть один бузланги, который овладел нашей невестой и не дает ее нам; если ты пойдешь и освободишь от него нашу невесту, и мы твое желание исполним». Он сказал: «пусть один из вас пойдет со мной и покажет мне». Они сказали: «мы боимся и не пойдем, а вот наш щенок будет впереди тебя и отведет тебя прямо к нему». Он сказал: «ну, хорошо». Щенок шел впереди и повел его прямо к местообитанию бузланги.

Он пошел туда, стал смотреть и увидел в колодце спящего бузланги; девушка перебирает у него волосы на голове. Девушка его увидела и сказала: «я попала

ma pren. e gúštī: man ná^y-átun ki napás drūāén pādā barín, yā eší rā kušín, yā na ke e mnā kušít. watí zāmā bi buzlangíā pādā inđ dāt. buzlangí gúštī ki mnī pādā bóde wart. gúštī go jānikkūā ke amé bođá bgir. ā badtír pādāī tā inđ dāt. e gušt ki trā gušín: bođá bgir. ā gušt: e bóde nāint, watí burzágā sāil pkan. e ki sāilā kurt tā mardúme bi mnī sarāī čérā uštātá, ša čā arkát ku, dár kapt. e gúštī: ta dé mnā! ā gúštī: ta dé mnā. Šā-trasán gu ki wārí tí-int, ta mnā de! buzlangí Šā-trasánā jātī záme, e zām Šā-trasánā tap na kurt, e zām šut bi đigárā. Šā-trasán bi buzlangíā gušt ki tī zāmāī jātín améš büt? buzlangí gu: mnī zāmāī jātín améš int, ta wat rā b'šān. Šā-trasán wat rā šānt. buzlangí dist ki b-eší tap na kurtá. Šā-trasán gušt ke annún wārí mnī-int. buzlangí gušt ki ān. Šā-trasán eší rā jat yak záme. eš gúštī: tī zāmāī jātín améš büt? Šā-trasán gu: ān. Šā-trasán gúštī: wat rā pšān. buzlangí wat rā šāntī, néme éškā kapt, néme áškā kapt. adigá buzlangí distant ki dūt ziyán büt, ā am rástant, jānikkūā kašítant, búrtant, gām-jánā gúštant ki eší rā bar, be dráxti čil-muḡámā sará s^wár kan, dráxtā ša bunā pkaš, bar, bi pādšāāī ḡasrá dapá de. e Šā-trasánā gúštī ki brawán ódenā bi dráxti čil-muḡámāīā, eší rā búrtī, bi dráxti čil-muḡámāī

в беду, хоть ты себя в беду не взергай!» Он сказал: «я не затем пришел, чтобы уходить назад здоровым и невредимым: или я его убью, или же он меня убьет!» и своим мечем уколол бузланги в ногу. Бузланги сказал: «меня в ногу укусила вошь!» и велел девушке: «убери эту вошь!» Он еще хуже уколол его в ногу. Он сказал: «я тебе говорю, убери вошь!» Она сказала: «это не вошь, посмотри над собой!» Как только он рассмотрел, что над его головой стоит человек, он поднялся из колодца и вышел наружу. Этот сказал: «ударь меня!» и тот сказал: «ударь меня!» Ша-трасан сказал: «очередь твоя, ты меня ударь!» Бузланги нанес Ша-трасану удар мечом. Этот удар не поранил Ша-трасана, меч ушел в землю. Ша-трасан сказал бузланги: «так-то ты бьешься мечом!» Бузланги сказал: «я так бьюсь мечом, ты отряхнись!» Ша-трасан отряхнулся, бузланги увидел, что он его не поранил. Ша-трасан сказал: «теперь моя очередь!» Бузланги сказал: «да». Ша-трасан нанес ему удар мечом. Он сказал: «так-то ты бьешься мечом!» Ша-трасан сказал: «да». Потом Ша-трасан сказал: «отряхнись!» Бузланги отряхнулся, и одна половина упала на одну сторону, другая — на другую. Другие бузланги увидели, что поднялся большой дым. Они также приблизились, девушку взяли и увели с собою, а скороходу сказали: «отведи его, посади на дерево сорока песен, а дерево выдерни с корнем, снеси и посади у входа в царский замок». Он сказал Ша-трасану: «отправимся к дереву сорока песен!» повел его и посадил на дерево сорока песен;

sará s^wáwārī ku, dráxti cil-muyám rá ša buná kašítī, búrtī, bi padšáāi ʔasrái dapá íštī.

tārīenā šāipūr tawār ku, poʔ átant pa sāilā. wazíl dist, go pādšā gušt ki e dráxti čil-muyám u dráxti gul-xandún u gul-gurún u e tī šār bāb dāšt, duxtāri Šāri-sabz édā bútin. pādšā gu ki kār kí kār ant? wazíl ʔawāb dāt ki kār Šā-trasāni kār ant. pādšā gu ki āi bābā Šā-trasān, če a-gušāi? Šā-trasān gušt: ilāʔe na dārín, mebāyét pkanín. pādšā gušt: kanāi yā na? Šā-trasān gušt: kanín. gúštī ki nápa ʔwān int. ā šútant.

Šā-trasān šut, dast-nimāz gipt, nimāzī kurt, pīramārd ātī, gúštī: āi bābā, pa če sargardān āi? Šā-trasān gušt: pādšā ša man duxtāre Šāri-sābzā ša man loʔíta-ī. e gúštī: ta p-amešī ʔussā warāi? Šā-trasān gušt: ān. watī ar pančén čangúlānā bi puštāi ʔātī, gúštī: bra, pa xudāi ukmā ādamízāt wa zinda-ʔān tī puštā bi ʔigārā kurtā ma kant.

Šā-trasān š-amédā šútī, yak ʔāe buzlangīe déde yak náne prenít bi wārā, yāke kašít u wart. Šā-trasān gušt ki ta pa če e ʔol a-kanāi? ā gúštī ki man e ʔāul a-kanín, bálke zor paǔdā a-kanín ki go Šā-trasān kuštī bgirín. Šā-trasān gušt ki man Šā-trasān ná un, magār Šā-trasāni dastāi

вытащил с корнем дерево сорока песен, отнес и посадил у входа в царский замок.

Утром затрубили в трубу, и стража пришла для осмотра. Визирь посмотрел и сказал царю: «это дерево сорока песен, это дерево с цветами смеха и плача, этот твой город требуют, чтобы здесь была девушка из Зеленого города». Царь сказал: «чья же это работа?» Визирь ответил: «это работа Ша-трасана». Царь сказал: «ну, что скажешь, сынок Ша-трасан?» Ша-трасан сказал: «у меня нет исхода, я должен сделать!» Царь сказал: «сделаешь или нет?» Шатрасан сказал: «сделаю». Он сказал: «ну, хорошо». Они уехали.

Шатрасан пошел, совершил омовение, сотворил молитву, подошел старец, сказал: «чем ты расстроен сынок?» Ша-трасан сказал: «царь потребовал с меня девушку из Зеленого города». Тот сказал: «так ты этим опечален?» Шатрасан сказал: «да». Он ударил его всеми пятью пальцами по спине и сказал ему: «иди! по божьему повелению, никто, рожденный от человека и с живою душой, не сможет положить тебя спиной на землю!»

Ша-трасан пошел отсюда. В одном месте бузланги один хлеб бросает в золу, а другой хлеб вынимает и ест. Ша-трасан сказал: «зачем ты так делаешь?» Тот сказал: «я так делаю, чтобы приобрести силу, потому что я буду бороться с Ша-трасаном». Ша-трасан сказал: «я не Ша-трасан, но я много

nānā wārtag un, agár mnā wāpéntāi, Šā-trasán am wāpenāi. eš ar duén kuští gíptant. Šā-trasán eši rá wāpént, xanjárā kašit ki pkúšitī. e gu: mnā ma kuš ki man tī yakumíen brās un. Šā-trasán gušt: jwān int.

š-édenā e ar duén šútant, bi yak jāe distant^t tā yáke š-é watánā tāur a-jánt bi^y-ā watánā, š-ā watánā tāur a-jánt b-é watánā. eši rá pursítant ki ta pa če e đāul a-kánāi? e gušt ki man e đāul a-kanín ki Šā-trasán ša mnī demá ma jīt, ki man g^wa āi kuští^y a-girín. Šā-trasán gušt ki man Šā-trasán ná un, magár Šā-trasānī dastāi nānā wārtag un, agár mnā wāpéntāi, Šā-trasānā wāpenāi. e ar duén kuští gíptant. Šā-trasán eši rá wāpént, xanjárā kašit ki pkúšitī. buzlangí gu ki mnā ma kuš, man tī dūmíen brās un. guštī: napá jwān int.

š-amédā šútant, bi yak jāe distant tā yak buzlangíe š-é watánā goš a-kašit bi^y-ā watánā, š-ā watánā goš a-kašit b-é watánā, eši rá pursítant: ta pa če e đāul a-kanāi? e guštī ke man e đāul a-kanín, ki Šā-trasán ša mnī demá ma jīt ki man g^wa āi kuští^y a-girín. e gušt ki man Šā-trasán ná un, magár Šā-trasānī dastāi nānā wartā un, bi^yā ki man u ta kuští bgíran. ar duén kuští gíptant. Šā-trasán eši rá wāpént, xanjárā kašit ki pkúšitī. e gušt: mnā ma kuš ki man tī sāyumíen brās un. guštī ki jwān int.

кормился из рук Ша-трасана, и если ты меня свалишь, то повалишь и Ша-трасана». Они принялись бороться. Ша-трасан повалил его и выхватил кинжал, чтобы убить его. Тот сказал: «не убивай меня, я буду твоим первым братом». Ша-трасан сказал: «хорошо».

Отсюда они отправились вдвоем, и в одном месте увидели, что кто-то мечет пращей из этой страны в другую страну, а из той страны мечет пращей в эту страну. Они спросили его: «зачем ты так делаешь?» Он сказал: «я так делаю, чтобы Ша-трасан не убежал от меня, потому что я с ним буду бороться». Ша-трасан сказал: «я не Ша-трасан, но я много кормился из рук Ша-трасана, и если ты меня повалишь, то свалишь и Ша-трасана». Они принялись бороться. Ша-трасан повалил его и выхватил кинжал, чтобы убить его. Бузланги сказал: «не убивай меня, я буду твоим вторым братом». Он сказал: «ну, хорошо».

Они отправились отсюда и в одном месте увидели, что какой-то бузланги из этой страны слушает, что делается в другой стране, а из той страны слушает, что в этой стране. Они спросили его: «зачем ты так делаешь?» Тот сказал: «я так делаю, чтобы Ша-трасан от меня не убежал, потому что я с ним буду бороться». Он сказал: «я не Ша-трасан, но я кормился из рук Ша-трасана, давай, поборемся». Они стали бороться. Ша-трасан его повалил и выхватил кинжал, чтобы убить его. Тот сказал: «не убивай меня, я буду твоим третьим братом». Он сказал: «хорошо».

š-amédenā šútant ke yak jāe distant tā yak buzlangie š-é watánā gām a-jánt bi^y-ā watánā, š-ā watánā gām a-jánt b-é watánā. eší rā guštant: ta pa če e đāul a-kanāi? e gušti: man e đāul a-kanín ki Šā-trasán ša mnī demā ma jīt. e gušt ki man Šā-trasán ná un, magár Šā-trasānī dastāi nānā wartág un, bi^yā ki man u ta kušti bgirán. e ar duén kušti gíptant. Šā-trasán eší rā wāpént, xanjārā kašít ki pkúšitī, e gušt ki mnā ma kuš ki man tī čārumíen brās un. gušti: nápa jwān int.

šā-idenā šútant, bi yak jāe distant tā bāzén morínke ant. awálā amédā yak jūwáke bŭtá, āp na dāštá, amé morínk š-amédenā šútant u átant. maróci amé jūwák āp dāštá, amé morínk némiš bi éškā mántant, némiš bi áškā mántant. Šā-trasán watí asá gíptī, bi ámé jūwákā sará išt. morínk gírdi š-ameší lattāi sará gwástant, áškā šútant, ša pādā amešānī mazán āt, gušti: š-amé mnī puťán yak kámme bzŭr, ar jā dŭt pkánāi, man āzír a-bāín.

e š-amédā šútant, bi jānikkŭāi ʔasrái pānādā er kúrtant. Šā-trasán gušt: āi gām-jan, ša^t ta loťín ke mnā bi jānikkŭāiā barāi. Šā-trasán š-amédenā go gām-jánā šútant. gām-ján Šā-trasānā go dastá gípt, ša gisāi sarxolŭkā Šā-trasānā éri ku. Šā-trasán átī, sarŭnāi čirágā bi pādŭnā išt, pādŭ-

Они пошли отсюда, и в одном месте увидели, что какой-то бузланги как шагнет из этой страны, так прямо в другую страну, а из той страны, как шагнет, так прямо в эту. Они спросили его: «зачем ты так делаешь?» Тот сказал: «я так делаю, чтобы Ша-трасан от меня не убежал». Он сказал: «я не Ша-трасан, но я кормился из рук Ша-трасана, давай, поборемся». Они принялись бороться. Ша-трасан его повалил и вытащил кинжал, чтобы убить его. Тот сказал: «не убивай меня, я буду твоим четвертым братом». Он сказал: «ну, хорошо».

Они пошли отсюда и в одном месте увидели много муравьев. Раньше там была канава без воды, и муравьи с этой стороны уходили и приходили. В этот день в канаве была вода, и половина муравьев осталась с этой стороны, а половина с той. Ша-трасан взял свой посох и положил его через канаву. Все муравьи перешли по его посоху и пошли на ту сторону. Потом пришел их старейшина и сказал: «возьми немного из моих волосков, и как только ты заставишь их дымиться, я тотчас явлюсь».

Они отправились отсюда по направлению к замку девушки и остановились. Шатрасан сказал: «скороход, я требую от тебя, чтобы ты меня доставил к девушке». Ша-трасан отправился вместе со скороходом. Скороход взял Ша-трасана за руки, и спустил его через отверстие в крыше. Ша-трасан подошел и светильник от изголовья переставил в ноги, а светильник от ног переставил

nājā bi sarūnā išt, ša brinjānī yak du lunkā wart, gūdā ša jānikkūā demā yak du čuk gipt. gām-jān ešī rā bālā kašit, burti pādā.

tārienā jānikkū ustāt ša wābā, dīstī ki sarūnāi čirāg pādūnāi ér int, pādūnāi čirāg sarūnāi ér int. šapēnā ki wāpt-at, wāb dīst-at ki amé mar-dúmā nām Šā-trasān ast, p^lānā paiḡammārā ar pančén čangúl bi puštāi zilā jatā, bi mā wābā ki tārienā kustīt, watī dast u démā šodīt, ādénkā zūrīt, sāil a-kānt tā bi mnī demā tāpe ast. molídānā gūštī ki š^umā albāt mnī demā čukkítāg it. molíd gūštant ki na, bībī, amā ič waxt e dāulén kār na kanān. jānikkū gu: albāt gisāi dapā kulp na kurtāg it. molíd gūštant ki na, kilī b-emmāi dastā int, ša gisāi dapā ič kas nāi-ātā. jānikkū gušt: šarr, nápa brāit, ša kassābā pīg biārit. e šútant, pīg ā^urtant. édenā e pīgānā koṭītī, amé čāxūnā gipt, pa ḡast bi watī čangúlā mān dātī. čangúlāi čāxūn burt. e gípt, pīgānā bi molídānī dastā dāt. amé čangúlā ki čāxūn burt-at, gipt, wād rétī. amé wād e dastāi sótant, šapī na wapt.

Šā-trasānā duwārāg gām-jān āurti b-e jānikkūāi. e Šā-trasān sarūnāi čirāgā pādūnā ištī, pādūnāi čirāgā sarūnā ištī, ša brinjān yak du lunkā wārtī, e ātī ki jānikkūāi demā pčúkkīt. jānikkū dastāi bandāi gipt, gūštī: xabardā-

к изголовью, съел горсть или две рису и поцеловал раз-другой лицо девушки. Потом скороход вытащил его наверх и отвел обратно.

На утро девушка пробудилась от сна и увидела, что светильник от изголовья в ногах, а светильник от ног в головах. А когда она ночью спала, она видела во сне, что имя этого человека Ша-трасан и что такого-то пророка все пять пальцев оставили след на его спине. Как только она пробуждается от сна, она умывает лицо и руки, берет зеркало и видит, что на ее лице остался след. Она сказала служанкам: «вы, должно быть, целовали меня в лицо?» Служанки сказали: «нет, госпожа, мы никогда не совершим такого поступка!» Девушка сказала: «должно быть, вы не заперли дверь на замок?» Служанки сказали: «нет, ключ в наших руках, и через двери никто не приходил». Девушка сказала: «ну, хорошо, идите и принесите от мясника сала». Они пошли и принесли сала. Она стала резать его, взяла нож и нарочно приложила его к своему пальцу. Нож обрезал палец. Она взяла сало и отдала его служанкам, а на палец, который был порезан ножом, посыпала соли. Эта соль жгла ее руку, и ночью она не спала.

Скороход вторично привел Ша-трасана к девушке. Ша-трасан от изголовья светильник переставил в ноги, от ног светильник переставил к изголовью, съел одну-две горсти рису и собирался поцеловать лицо девушки. Девушка схватила его за кисть руки и сказала: «будь осторожен! здесь птица теряет

rāi ta bīt, ke murg édā parr a-rečít, mār édā post a-prenít, ta édā čon átāi? Šā-trasān gušt: ādamí mūrge be bāl int, man ki āšix un, átā un ki trā barín. jānikkū gu: ta magār ša mnī pisá sí na dārāi? Šā-trasān gušt ke na, man si na dārín. jānikkū gušt: mnī pis sāi šart dārít, agār amā šartānī búrtāi, mnā um barāi. Šā-trasān gušt: tī pis če šart dārít? jānikkū gušt: mnī pisāi sāi šart ant ki ānčén tī amrangén warnā bāz átā, e šartānā burtā na kurtā. Šā-trasān gušt: magār man am š-ā warnān getír ná un. jānikkū gušt: man watí pisāi šartānā go ta gušín. mnī pisāi sāi šart astánt ke ar šarte sákk int. e Šā-trasān gušt ki magār če dāulāi šart ant? jānikkū gušt ki yak man gallā go yak man arzúnā yak jā kant, tārī tā begāi ešānā mebāét jítā pkanāi. gúštī: ešānā man dārín. gūdā gúštī ki e gidā šartī cé int? e gušt: e gidā šartī: tī gāmjánā go watí gāmjánā dem a-dánt, ar kasā gāmján ša plānā jā demtírā angūr āurtī, šartā amā a-bárt. e gúštī: š-e šartāi uddā man dār a-kāin, e gidā šartī če int? jānikkū gušt: e gidā šartī: tā begāi kassābči pas a-kušánt, nānwā nān a-pačánt, āšpáz góšt a-pačánt, ešānā tārī tā begāi magā bórāeš. Šā-trasān gušt: š-ešānī uddā man dār a-kāin. jānikkū gušt: mnī pisāi šart améš ant. gāmján Šā-trasānā ša gisā zúrtī, bālā kašitī, búrtī bi watíjagā.

перья, змея сбрасывает кожу! ты как сюда попал?» Ша-трасан сказал: «человеческая птица без перьев, а я, влюбленный, пришел, чтобы взять тебя!» Девушка сказала: «разве ты ничего не знаешь о моем отце?» Ша-трасан сказал: «нет, не знаю». Девушка сказала: «мой отец ставит три условия, и если ты их исполнишь, то получишь меня». Ша-трасан сказал: «каковы условия твоего отца?» Девушка сказала: «три условия моего отца таковы, что приходило много юношей, подобных тебе, но удовлетворить условиям не смогли». Ша-трасан сказал: «я ведь не лучше тех юношей!» Девушка сказала: «я скажу тебе условия моего отца, все три условия таковы, что одно другого труднее». Ша-трасан сказал: «но какого же рода условия?» Девушка сказала: «смешивается один ман пшеницы и один ман проса, и нужно, чтобы ты разобрал их от утра и до вечера». Он сказал: «с этим я справлюсь». Потом он сказал: «каково другое условие?» Она сказала: «вот другое условие: он посылает твоего скорохода вместе со своим скороходом; чей скороход раньше с такого-то места принесет виноград, тот и выигрывает заклад». Он сказал: «с этим требованием я также справлюсь, каково еще условие?» Девушка сказала: «вот еще условие: с утра до вечера мясник режет баранов, пекарь печет хлеб, повар варит мясо, и ты должен это съесть от утра и до вечера». Ша-трасан сказал: «с этим я также справлюсь!» Девушка сказала: «условия моего отца таковы!» Скороход взял Ша-трасана из дома, вытащил наверх и отвел его на место.

tārienā roč dar ātī, eš šūtī bi pādšāāi. pādšā gušt: āi bābā, édā
če a-loṭāi? e guštī: man ātag un ke tī jānīkkā barīn. e gušt: man sāi
šart dārīn, agār ta mnī šartānā barāi, man watī jānīkkā bi^t ta dāin. eš
gušt ki watī šartānā bguš. pādšā gušt: mnī sāi šart ant: yak šarte améš int
ki yak man gallā go yak man arzúnā yak jā kanīn, ta tāri tā begāi agār
ešānā jītā kúrtāi, man trā watī jānīkkā dāin. yak šarte digār améš int ki
tāri tā begāi kassābči pas a-kušānt, nānwā nān a-pačānt, āšpāz gošt a-pačānt,
tāri tā begāi ešānā bórāi. eš gušt: ešānā man mardúme dārīn ki b^hart.
pādšā gušt: yak šarte digār dārīn. eš gušt: watī šartā bguš. pādšā gušt ki
mnī šart améš int ki tī gāmjánā go watī gāmjánā dem a-dāin, ar kasāi
gāmján demā angúr āurt, šartā amā bart. Šā-trasān guštī ki bāz jwān int.

tārienā būt, Šā-trasān āt go watī mardúmān. pādšā go kassābčiā, go
nānwā, go āšpāzān guštī ki š^mmā tāri tā begāi nānwā nān pačīt, kassābči
pas pkušīt, āšpāz gošt pačīt. e tāri tā begāi nān u gošt pakítant, tayār
kúrtant, go Šā-trasān guštant: biār watī mardúmā ke ešānā buárt. Šā-
trasān loṭīt wārīxórā. wārīxór laggīt b-ešānī sarā, tāri tā begāi ešānā alāsi
ku. maxlúk šābāš kašítant ki Šā-trasān pādšāāi jānīkkā burt.

На утро возшло солнце, и он отправился к царю. Царь сказал: «что хочешь, сынок?» Он сказал: «я пришел взять твою дочь!» Тот сказал: «у меня три условия, и если ты мои условия выполнишь, я выдам за тебя свою дочь». Он сказал: «скажи свои условия!» Царь сказал: «вот мои три условия: одно мое условие таково, что я смешаю один ман пшеницы с одним маном проса, и если ты от утра и до вечера их разберешь, я дам тебе свою дочь; другое условие таково, что с утра до вечера мясник будет резать баранов, пекарь будет печь хлеб, повар варить мясо, и ты от утра и до вечера должен это съесть». Он сказал: «у меня есть человек, который сможет съесть это». Царь сказал: «у меня есть еще условие». Он сказал: «скажи свое условие». Царь сказал: «мое условие таково, что я пошлю твоего скорохода со своим скороходом, и чей скороход раньше принесет виноград, тот и выигрывает заклад». Ша-трасан сказал: «очень хорошо».

Наступило утро. Ша-трасан пришел со своими людьми. Царь сказал мяснику, пекарю и поварам: «пусть с утра и до вечера пекарь печет хлеб, мясник режет баранов, повар варит мясо!» Они с утра до вечера пекли хлеб и варили мясо, изготовили и сказали Ша-трасану: «приведи своего человека, пусть съест это!» Ша-трасан позвал золоеда. Золоед подошел к этим кушаньям и от утра и до вечера прикончил их. Люди закричали ура: Ша-трасан, мол, выиграл царскую дочь!

e gidá šartá pādšá gallánā go arzúnān yak jāe ku, āurtī bi Šā-trasānīā. Šā-trasān dūt ku morínkāi puṭā, morínk átant. Šā-trasān gušt: ša šmā loṭín, tári tā begāi ešānā, ša yak digārā jítā pkanít, gallánā édenā kot pkanít, arzúnānā éškā kot pkanít. eš tári tā begāi gallánā u arzúnānā jítā kúrtant ša yak u agdārā, gallánā éškā kot kúrtant, arzúnānā áškā kot kúrtant. pādšá átī, go Šā-trasān gúšti ke alás kurtāi? Šā-trasān gúšti: ān. tranzūā ā"úrtī, ešānā kašítī tā arzún nem dānág kammí kúrtant. šābāš kúrtant ki pādšá šartá burt. Šā-trasān gušt: āi pādšá, mnā nem daγīγā mulhát bdāi. pādšá gúšti: šarr. morínkāi dapá amā nem arzún átī, āurtī, íšti. pa duwārág tranzūā āurtant, kašítant tā brābír āt. šābāš kašítant ki pādšāāi jānikkā Šā-trasān burt.

édā pādšá gušt: man yak šárte digār dārín. Šā-trasān gušt: watí šartá bguš. pādšá gušt: tī gāmjánā u watí gāmjánā yak jā dem a-dāín, ar kasā gāmján demtírā angúr āurtī, šartá amā bart. Šā-trasān watí gāmjánā u pādšāāi gāmjánā dem dāt pa angūrā. e š-amédā šútant bi angūrāi draxtāiā, sar bútant, pādšāāi gāmján angúr čit, Šā-trasānī gāmján bi draxtāi čérā wapt, pādšāāi gāmján čit u rādág būt. Šā-trasān dístī ki e dér kúrtant. bi goš-kašókā gúšti ki goš kaš. goš-kašók goš kašít, dístī ki pādšāāi

Для другого испытания царь смешал пшеницу с просом и доставил Ша-трасану. Ша-трасан заставил дымиться муравьиные волоски; муравьи пришли. Шатрасан сказал: «я хочу, чтобы вы от утра и до вечера отделили их друг от друга: пшеницу соберите здесь, а просо соберите с той стороны». Они от утра и до вечера отделили друг от друга пшеницу и просо: с этой стороны собрали пшеницу, а с той стороны просо. Царь пришел и сказал Ша-трасану: «кончил?» Ша-трасан сказал: «да». Принесли весы, взвесили; вышло, что проса на ползерна меньше. Закричали ура: царь выиграл, мол, заклад! Ша-трасан сказал: «царь, дай мне полмгновения отсрочки». Царь сказал: «хорошо». Та половина зерна была во рту у муравья, ее принесли и положили. Вторично принесли весы и взвесили, оказалось поровну. Закричали ура: Ша-трасан, мол, выиграл царскую дочь!

Тут царь сказал: «у меня есть еще условие». Ша-трасан сказал: «скажи свое условие». Царь сказал: «я одновременно пошлю твоего скорохода и своего скорохода; чей скороход раньше принесет виноград, тот и выигрывает заклад». Ша-трасан послал за виноградом своего скорохода и царского скорохода. Они отправились. Дошли до виноградного куста, и царский скороход сорвал виноград, а скороход Ша-трасана улегся под деревом. Царский скороход сорвал и пустился в путь. Ша-трасан увидел, что они запоздали. Он сказал слушальщику: «прислушайся». Слушальщик прислушался, понял, что еще немножко осталось,

gāmján nazík mántá ki brasít. tǎur-jánā guštī ki uštátag äi? tǎur-ján dónke bi tǎurái tā ku, jat, bi ái pādā laggít. ā yak sar arkát kurt. ša watí jā ustát, sǎilī ku tā ā ša^m man demá angúr burtá, amé angúrái draxtá ša buná kašít u búrtī š-ái demtírá. šábáš kašítant ki Šā-trasán šartá burt. édenā pādšā Šā-trasánā gis dāt, tā apt šap u apt roč dol kúrtant.

eš gúḍā watí jānénā zúrtī ki man a-ráin bi watí jāgā. š-édenā šútant, bi ráā čérā mántant, yak šápe wáptant, eš amé watí zāmā gipt, bi mānjínā išt. jānikkú gušt: ta pa če e ḍāulá kanái? Šā-trasán gušt: man trā pa wát-a na barín. jānikkú gušt: man agár bzántin-un ki ta mnā pa wat na barái, kǎuli ki ta sar drūaén ma^y-āwurtín-äi! Šā-trasán gušt: man trā barín pa pādšā, ta albátta z^wān dārái. pādšā ša ta pursít ki ta mnā a-girái yā Šā-trasánā girái? ta bguš ki xudá ič muzúre rā be ak ma kant u ič šwānāge rā be muz ma kant. albát ā am bi watí dilá zānt ki Šā-trasán zāmát bāz kašítāgī, albát trā gušít ki parzíndi man, ta bábe Šā-trasán dārái. eš am gušt ki bāz jwān int.

š-amédā šútant bi pādšāāiā. pādšā gušt: äi bābā, ta mnā girái yā Šā-trasánā? e gušt ki xudá ič muzúre rā be ak ma kant wa ič šwānāge rā be muz ma kant, man Šā-trasánā girín pa če ki ā zāmát bāz kašítāgī,

и царский скороход вернется. Он сказал працинику: «ты готов?» Прациник вложил в пращу комок земли, бросил и попал ему в ногу. Тот сразу встрепнулся, вскочил с места и посмотрел: да ведь он раньше меня унёс виноград! Он с корнем выдернул виноградный куст и отнес раньше его. Прокричали ура: Ша-трасан выиграл заклад! Потом царь справил Ша-трасанову свадьбу, семь ночей и семь дней били в барабан.

Потом он взял свою жену: пойду, дескать, к себе. Они отправились отсюда и на пути остановились и заночевали; он взял свой меч и положил посередине. Девушка сказала: «почему ты так делаешь?» Ша-трасан сказал: «я тебя беру не для себя». Девушка сказала: «если бы я знала, что ты берешь меня не для себя, даю слово, что ты не сносишь бы головы невредимой!» Ша-трасан сказал: «я тебя беру для царя, а у тебя ведь есть язык! царь спросит у тебя: ты, мол, меня предпочитаешь или Ша-трасана? ты скажи, что бог никакого слугу не лишает его прав и никакого пастуха не оставляет без вознаграждения; конечно, он сам поймет, что Ша-трасан понес много трудов, и, наверное, скажет тебе: „дитя мое, ты подходишь к Ша-трасану“». Она сказала: «очень хорошо».

Отсюда они отправились к царю. Царь сказал: «ну, дочка, ты меня предпочитаешь или Ша-трасана?» Она сказала: «бог не оставляет без награды никакого слуги и никакого пастуха не лишает вознаграждения! я предпочитаю Ша-трасана, потому что он понес много трудов, даже мог быть убит на этом

bálki bi me rá kuštá būtin, ā zāmát bāz kašitá. pādšá gušt ki ta bábi amāi dārāi. Šā-trasánā pa duwārág gis dāt, tā apt šap u apt roč dol ku.

gúdā ki būt, yak wáxte wazíl dístī, go pādšá gúštī ke e tī šār u kalát, e tī dráxti gul-xandún u gul-gurún wa dráxte čil-muḡám bāb dāšt ki áspe čil-kurrá édā būtin, go čillén kurrágān gáštīn. e gušt ki kār kí kār ant? wazíl gušt: kār Šā-trasānī kār ant. pādšá gušt: āi bābā Šā-trasān, če a-gu-šāi? Šā-trasān gušt ki iláje na dārín, ráin.

š-amédā šut, nimáze ku, amá spe-ríš áti, gúštī: āi bābā, édā če a-loṭái? gúštī ki pādšá ša man áspe čil-kurrá loṭitagí. gúštī ki ta p-amešī ḡussá warái? Šā-trasān gušt: ān. gúštī: bra, š-amédenā apt bār uštúrāi pašm bzūr, bar, p^alānā čammágāi dapá pren. ā wat maróči kāit, sārā jāl a-kant ki āp b^art, gindīt ki āp gandágen táme dāyánt, š-amédā gúdā padoi a-rót. tárī bāz b-e āpā kāit, gindīt ki tāngāt āp gandágeñ tām a-dāyánt, gušit ki bi azráti S^ulejmānī čáppāi aptekállā sogínd ki ar kas-ái, trā íččiā na kanín, āpāi dapá páč pkan. ta páč ma kan, maróči am rot, tárī ke š-amāngū paidā bīt, tawār a-kánt ki ar kas-ái, āpāi dapá páč pkan! bi azráti S^ulejmānī rástāi aptekállā sogínd, trā íččiā na kanín. ta gúdā āpāi dapá páč pkan!

пути! он много вытерпел!» Царь сказал: «ты подходишь к нему». Вторично сыграли свадьбу Ша-трасана, семь ночей и семь дней били в барабан.

После того как это случилось, однажды визирь посмотрел и сказал царю «это твоё поселение и город, это дерево с цветами смеха и плача, это дерево сорока песен требуют, чтобы здесь была и здесь бы бегала лошадь с сорока жеребятами!» Царь сказал: «чье же это дело?» Визирь сказал: «это дело Ша-трасана». Царь сказал: «ну, братец, Ша-трасан, что скажешь?» Ша-трасан сказал: «у меня нет выхода, отправлюсь».

Он пошел отсюда и сотворил молитву. Пришел тот же старец и сказал: «чего ты хочешь здесь, сынок?» Он сказал: «царь потребовал от меня лошадь с сорока жеребятами». Тот сказал: «этим-то ты озабочен?» Шатрасан сказал: «да». Тот сказал: «иди, возьми отсюда семь выюков верблюжьей шерсти, свези и брось в такой-то колодец; как раз в этот день эта лошадь сама придет, чтобы напиться воды, наклонит голову, увидит, что вода пздает гадкий запах, и уйдет обратно; на утро она опять придет к этой воде, увидит, что все еще вода пздает гадкий запах, и скажет: „клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, кто бы ты ни был, я ничего тебе не сделаю, открой воду!“ но ты не открывай, и в этот день она также уйдет; на утро она, как только оттуда покажется, закричит: „кто бы ты ни был, открой воду! клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я тебе ничего не сделаю!“ только тогда ты открои воду».

š-amédenā Šā-trasān šut, apt bār uštūrāi pašm zúrti, búrti, plāná čammā-gāi dapā básti, wat amódā srappíti, dísti ki áspe čil-kurrá go watí čillén kurrágān áti bi āpá, sará jālī ku, dísti ki āp gandágen táme dayánt, āp na wart, išt u šut. tārīenā bût, š-amāngūr áti, gúšti ki bi azráti S^ulejmāni čāppāi aptekállā sogínd, trā íččīā na kanín, ar kas-āi, āpāi dapā páč pkan. eš páč na kúrti, áti, sará jāl ku, dísti ki āp gandágen táme dāyánt, š-āmédenā padoi šut. tārīenā pa duwārág áti wa gúšti ki ta ar kas-āi, āpāi dapā páč pkan, bi azráti S^ulejmāni rástāi aptekállā sogínd ki trā íččīā na kanín. eš zúti kurt, āpāi dapā páč kurt, gandágen āp šut, j^wwānén āp āt, áspe čil-kurrá āp wart, go watí čillén kurrágān wat rā šād-āp kúrtant. áspe čil-kurrá watí kurrágānā gúšti ki e mardúm Šā-trasān int-a, eš šmā rā bart, awálā go watí jindāi ḡošúmā, go watí maxlūkā swār a-bít, šmā ánčo bráit ki múrge āzār ma gindít, ša pādā pādšā go watí maxlūkā s^wwār a-bít, pa āi^y-am amé dol bráit ki múrge āzār ma gindít, š-āi padā wazíl go watí maxlūkā s^wwār a-bít, du gām jéit, gúḡā bál kanít, bi awā bráit. bgúšit-iš: agár šmā rā bi āpá deyán yā bi kóā. agár gúštant: ammā rā bi āpá dit, šmā āwānā bi koā dit. gúštant: jwān int.

Ша-трасан пошел отсюда, взял семь вьюков верблюжьей шерсти, свез и заткнул отверстие у такого-то источника, а сам спрятался там же и увидел, что пришла лошадь со своими сорока жеребьями. Она нагнула голову к воде, увидела, что вода издает гадкий запах, не стала пить воды и ушла. Наступило утро; она пришла оттуда и сказала: «клятва на ладанке левой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю! кто бы ты ни был, открой воду!» Он не открыл; она подошла, нагнула голову, увидела, что вода издает гадкий запах и ушла обратно отсюда. На следующее утро она опять пришла и сказала: «кто бы ты ни был, открой воду! клятва на ладанке правой руки святого Сулеймана, я ничего тебе не сделаю!» Он поторопился и открыл воду; гадкая вода ушла, хорошая вода пришла. Лошадь с сорока жеребьями попила воды и со своими сорока жеребьями в волю насладилась водой. Потом лошадь с сорока жеребьями сказала своим жеребьям: «этот человек — Ша-трасан; он уведет вас и сядет верхом сначала со своей свитой и со своим людьми, и вы так бегите, чтобы даже курица не могла пострадать; потом на вас сядет царь со своими людьми, и для него вы тоже так скачите, чтобы и курица не пострадала; после него сядет визирь со своими людьми, — тут вы сделайте два шага, а потом взлетите, поскачите по воздуху и скажите им: „сбросить вас в воду или на горы?“ если они скажут: „сбросьте нас в воду!“ вы их бросьте на горы». Они сказали: «хорошо».

Sā-trasān āwānā āurti bi pādšāāiā. pādšā gušt: awālā ta go watí γošúmā s^uwār bāi. Šā-trasān go watí γošúmā s^uwār büt. amé dol šútant ki mürge š-ešān āzār na dist. ša pādā wazíl go watí γošúmā s^uwār büt. du gām šútant, sāyumíenā bāl kúrtant bi awā. ešānā búrtant bi awā, gúštant ki šmā rā bi āpā deyān yā bi kóā. e gúštant: ammā rā bi āpā dit. ešānā jātant bi koā. ešānī burrág kāsā goššā büt. š-amódenā Šā-trasān āsūdág mānt, wazílāi xatā kóri ku. man am āsūdág bütun.

X

yak pādšāe at, ič āi rā zágā na büt. pikir u xayál a-ku, šut, tandúrāi sarā ništ, maxlúk kāti, gúšti: ā pādšā, ta édenā purrānī sarā pa če ništág-āi? gúšti: šmā rā kāre nāint. büt yak wáxte, yak malángxē āt, gúšti: ā pādšā pa če ništág-āi purrānī sarā? gúšti: ā maláng sāib, trā kāre nāint. gúšti: āi pādšā, ta pa če édā ništág-āi, ta pādšāe astāi, watí pādšāiā birā, bar. pādšā gúšti: maláng jān, ša xudā am čer nāint, ša^t ta am čer nāint, awāl xudā pkant, pāyēni xudā tá wāi: mnā ič zāge na bīt. gúšti: āi pādšā, zāg bi^t tī pešānī^{yā} ič nāint. agār bīt, yak murdáge, zindagéne nāint. pādšā gušt:

Ша-трасан привел их к царю. Царь сказал: «сначала поезжай ты со своими людьми». Ша-трасан со своими людьми поехал. Они так бежали, что и курица не могла бы пострадать. Потом визирь со своей свитой сели верхом. Они прошли шага два, а на третьем взлетели на воздух и понесли их по воздуху. Понесли их по воздуху и спросили: «сбросить вас в воду или на горы?» Те сказали: «сбросьте нас в воду!» Они сбросили их на горы, и клочки их были не больше их ушей. После этого Ша-трасан освободился, даже след визиря исчез. Я также освободился.

(X. О Джантеге и Деде-гаргашанге)

Был один царь, и у него совсем не было детей. Он думал и размышлял; пошел и сел около очага. Люди подходили и говорили: «о царь, зачем ты сел здесь на пепле?» Он говорил: «вам нет дела». Однажды случилось, что подошел один дервиш и сказал: «о царь, зачем ты сел на пепле?» Он сказал ему: «почтенный дервиш, тебе нет дела до этого!» Тот сказал ему: «о царь, зачем ты сел здесь? ты ведь царь, иди, правь своим царством!» Царь сказал: «голубчик дервиш, что́ от бога не скрыто, от тебя также не скрыто! сначала творит бог, а после бога ты; у меня нет детей!» Тот сказал ему: «о царь, тебе вовсе не предназначено детей; а если бы и был ребенок, то мертвый, а не

šarr, murdáge bit. man bráin bi mā goristānā ki, pādšā gušt, man bi me goristānā yak zāge dārín. maláng gušt: šarr, pādšā, ta bāz na mānāi. yak sébe dātī, gúštī: bar, ešī rā ar janénā ki tī dost int, amāe rā bdāi, tā b^uart. janénī sebā wart.

yak sāl gwast. pādšāai janén zāg dist. awāl búrtant pa pādšā ki tī janén zāg distā. gúštī: šarr, bra, mnī zāgā biārit tā man bgíndīn, čonén čize. šútant ki biārantī, zāgā šústant, majmāi tā kúrtant. Azrāíl átī, zāgā burt āsmānai demā. awāl búrtant pa pādšā: tī zāgā Asrāíl búrtī. pādšā gušt: mnī kismāt zāna nai-atī ki bgíndīn. Azrāíl ešī rā burt, zindāgi kurt, ki zāg tū bútī.

čunt sāl gwast, Azrāíl átī, gúštī: ai Jāntey, ta watī pi^saiā na rawai? gúštī: man če a-zānín, ki pi^sse dārín yā na. Azrāíl gúštī: ta murdáge bútāg-ai ki man trā a^urtun. gúštī: šarr, mnā barai. gúštī: ān, trā barín tī pissai šarā. ešī rā búrtī, ai pi^sai šarai kinikkā ístī. gúštī: ā tī pissai šar int. Azlāir padā šútī, watī jindai gisā.

Jāntey šut, tā dístit yak uštúr-suwāre dāde engūrí a-kāit. Jāntey gúštī ki tī nām kái-int? gúštī: mnī nām Istārā-šnās int. gúštī: gujā rawai? gúštī:

живой!» Царь сказал: «хорошо, пусть будет мертвый! я могу пойти на то кладбище, думая, что у меня», — сказал царь, — «на этом кладбище есть ребенок». Дервиш сказал: «хорошо, о царь, ты не долго будешь оставаться (бездетным)!» Он дал ему яблоко и сказал: «отнеси его той жене, которая тебя любит, и дай ей, пусть она съест!» Его жена съела яблоко.

Прошел год, и жена царя родила ребенка. Царя известили: «твоя жена родила ребенка!» Он сказал: «хорошо, сходите за моим сыном, посмотрю, каков он!» Пошли, чтобы его принести, ребенка вымыли и положили на блюдо. Появился Азраил и унес ребенка на небо. Царя известили: «твоего сына унес Азраил!» Царь сказал: «значит, не судьба была мне его увидеть!» Азраил его отнес и оживил; ребенок вырос.

Прошло несколько лет. Азраил пришел и сказал: «Джантег, ты не хочешь сходить к своему отцу?» Он сказал: «разве я знаю, есть у меня отец, или нет?» Азраил сказал: «ты был мертвым, когда я принес тебя!» Он сказал: «хорошо, отведи меня!» Тот сказал: «да, я отведу тебя в город твоего отца!» Он повел его, оставил на краю отцовского города и сказал ему: «это город твоего отца!» Азраил вернулся к себе домой.

Джантег шел, пока не увидел, что кто-то приближается верхом на верблюде. Джантег сказал: «как твое имя?» Тот сказал: «мое имя Звездочет». Он сказал ему: «ты куда едешь?» Тот сказал: «я еду за девушкой Волосы-

rāin pa Čil-gaz-mūdāi padā. Jāntéy gúšti: man um rāin p-amāi padā. gúšti: šarr, ša yáke do getír ant. ar duén dast bi brāsí dátant. maróči tā begāi šútant, bándā dístant: yak asp-suwāre áncō "āi kurtá u kāit. šā eši pursítant: ta gujā a-rawāi? gúšti: man pa Čil-gaz-mūdāi padā rāin. Jāntéy gúšti ki ammā duén um rawán. āi nām Āu-šnās at, gúšti: šarr, do brās šmā it, sāyumien man un.

e du sāi roč šútant, šapénā wáptant amódā, šap néme Jāntéy ustát, gušt: āi lālā, man sardí a-warín. sāi kúrtant tā dūrā yak ātíše sučít amāngū. gúšti: āi lālā, brāit, pa man yak ātíšā š-amódā biārit. amā yak brāsí šúti tā dísti ki amé ātíšāi sarā buzlangíe ništā. buzlangíā salām dāt. buzlangí gušt: agár tī salām ma bűtin, trā yak lunkāe kúrtun. Istārā-šnās gušt ki mnā ātíše bdāi. gúšti: bzūr š-amódā! Istārā-šnās āt ki ātíšā bzūrīt, buzlangí āe rā gipt, watí mozágāi tā kurt.

Jāntéy dist ki mnī brās nāy āti, der kurt. Jāntéy Āu-šnāsā rāi kurt. Āu-šnās āti, buzlangíāi sār bűt. Āu-šnās buzlangíā salām dāt. buzlangí gúšti: agár tī salām ma bűtin, trā yak lunkāe kúrtun. Āu-šnās gušt: mnā ātíše bdāi. buzlangí gušt: š-amódā bzūr. amé ki āt ki ātíšā bzūrīt, eši rā am gipt u e digā mozágāi tā kurt.

в-сорок-аршин». Джантег сказал: «я тоже поеду за ней!» Тот сказал: «хорошо, двое лучше, чем один!» Они дали друг другу руки и побратались. В тот день они ехали до вечера; на другой день увидели, что кто-то приближается верхом на лошади, и гонит-гонит. Они спросили его: «ты куда едешь?» Он сказал: «я еду за девушкой Волосы-в-сорок-аршин». Джантег сказал: «и мы оба едем за ней же» Его имя было Водовед; он сказал: «хорошо, два брата вы, а третий — я!»

Ехали они два-три дня, на ночь остановились ночевать. В полночь Джантег встал и сказал: «братья, мне холодно!» Они стали смотреть и увидели что вдали горит огонь. Он сказал: «братья, сходите и принесите для меня оттуда огня!» Один из братьев пошел и увидел, что у огня сидит бузланги; он поздоровался с бузланги. Бузланги сказал: «если бы не было твоего приветствия, я бы разом тебя проглотил!» Звездочет сказал: «дай мне огня!» Тот сказал: «вон там возьми!» Звездочет потянулся за огнем, как вдруг бузланги схватил его и сунул в сапог.

Джантег увидел: не вернулся мой брат, задержался! Он послал Водоведа. Водовед дошел до бузланги, приблизился к нему. Водовед поздоровался с бузланги. Бузланги сказал: «если бы не было твоего приветствия, я бы разом тебя проглотил!» Водовед сказал: «дай мне огня!» Бузланги сказал: «вон там возьми!» Как только он собрался взять огня, он и его схватил и сунул в другой сапог.

Ĵāntéγ dist ki mnī brās dér kurtant. wat pa āwānī padā šut, āt, buzlangíäiā, sar büt. amé ki buzlangí Ĵāntéγā dístī, ustát, Ĵāntéγā salám dāt. Ĵāntéγ gušt: aláikūm salám, mnī brās gúj ant? buzlangí gústī: man sī na dārín. Ĵāntéγ gušt: ā mnī brāsānī asp u uštúr ant. buzlangí gústī: ta ki watí brāsānā bgíndäi, drúst a-kanāi? Ĵāntéγ gústī: ān. buzlangí brāsānī ša mozágäi tā kašit, Ĵāntéγäi dastá dātī, gušt: e tī brās ant. tárī roč büt. buzlangí gušt: säi brās šmā it, čārumíen man un. Ĵāntéγ gušt: čārumíen ta wäi, watí pasānā b"ár. buzlangí Ĵāntéγā gušt: šmā yak páse pa wat ná kušit? Ĵāntéγ gušt: kušan. gústī: yák juwānén páse biār ki pkúšan. buzlangí šut, yak ūke āwúrt. Ĵāntéγ gušt: äi murdār, eší rā gujá āwúrtäi? gústī: äi lālā, bra, ar gujām juwānéne biār, man na zānín. Ĵāntéγ šut, yak juwānén páse áurtī, kúštant eší rā, tānāden ki eší rā pakkítant, buzlangí watí pasānā múččānā wart, átī Ĵāntéγäiā, gušt: brawán, man watí pasānā wártun. Ĵāntéγ watí goštānā wártant, alás kúrtant, nūn pa wat šútant.

do säi šap ki šútant, dístant ki šāre. amé šārāi nazdikā ki átant, dístant: pādšāi janík go čil gulāmā, go čil majmā brinjā pa aždiārā baránt.

Джантег увидел, что запоздали, де, мои братья! отправился сам вслед за ними, дошел до бузланги и приблизился к нему. Как только бузланги увидел Джантега, он встал и приветствовал его. Джантег сказал: «и тебе привет! где мои братья?» Бузланги сказал: «понятия не имею!» Джантег сказал: «а вон лошадь и верблюд моих братьев!» Бузланги сказал: «если ты увидишь своих братьев, ты их узнаешь?» Джантег сказал: «да». Бузланги вытащил его братьев из сапог, вручил Джантегу и сказал: «вот твои братья!» На утро взошло солнце. Бузланги сказал: «вас трое братьев, я буду четвертым!» Джантег сказал: «если ты четвертый, съешь своих баранов!» Бузланги сказал Джантегу: «а для себя вы не убьете барана?» Джантег сказал: «убьем». Потом он сказал ему: «приведи-ка хорошего барана, и мы его зарежем». Бузланги пошел и привел кабана. Джантег сказал: «ах, ты, падаль! куда ты привел его?» Тот сказал: «братец, сходи ты и приведи, что ни есть наилучшего, я ведь не понимаю!» Джантег пошел и привел хорошего барана. Его зарезали, и пока его варили, бузланги съел всех своих баранов, подошел к Джантегу и сказал: «пойдем, я всех баранов съел!» Джантег (и его товарищи) стали есть свое мясо, покayчили и пошли своей дорогой.

Две-три ночи они шли, потом увидели город. Как только они приблизились к городу, они увидели, что ведут к дракону царскую дочь, вместе с сорока

Ĵāntéy pursít: gujá räwít? gúštī: maróči gazák pādsá int ki mnā pa aźdiārā rāi a-kánt ki kámme āp billít ki jūāi tā b'āit ki maxlūk tunnág ant. Ĵāntéy gušt: šmā bír gardít, ki man tanā rāin. mardúm padūi šútant. Ĵāntéy šut, tā dístī ā aźdiār int. yak tapúre watí jánā sakk patápt, zāmā watí dastā sātít, amāe šut aźdiārā kinikkā, aźdiār dístī, gúštī: maróči yak nā^hāre zi^hātī āt. Ĵāntéy gušt: agár wartág kanāi, zabr int. aźdiār damā kašít Ĵāntéyā ki b^hártī. zāmā watí pešanīā sātít at. aźdiār āt pa Ĵāntéyāi jánā. amé ki ātī, wártī, aźdiār du kap bítī. Ĵāntéy tā yak sāt γiš ku, gúđā ustát, silúme ša aźdiārāi jánā kašít. amā buzlangí, eši nām Bābā-γaryášáng at, ātī, aźdiārā wart. Ĵāntéy u Bābā-γaryášáng šútant, āp šut bi šārā, mardúm awāl búrtant pa pādsá ki jūāi āp múčči āt. pādsá gúštī: brāit, amā mardúmānā biārit. amé ki ā^wúrtant, pādsá gúštī: aźdiārā šmā kuštág-it? Ĵāntéy gúštī: ammā na kuštág-an. pādsá gúštī: man ša édā kārín ki šmā kuštág-it, ma trussít, man watí janikkā bi šmā a-dāin. Ĵāntéy gúštī: číze ki ša xudā am čer nāint, ša ta am čer nāint, ammā aźdiārā kuštág-an. pādsá gušt ki watí janikkā trā dāin. Ĵāntéy gušt: mán-a na girín, bi mnī brāsā bdāi. watí janikkā bi

рабами и вместе с сорока блюдами рису. Джантег спросил: «куда вы идете?» Она сказала: «сегодня очередь царя отправить меня к дракону с тем, чтобы он пустил немного воды в каналы, потому что народ томится от жажды». Джантег сказал: «возвращайтесь, я пойду один!» Люди вернулись. Джантег шел, пока не увидел дракона. Он плотно обернул свое тело войлоком, покрепче сжал руками меч и так пошел к дракону. Дракон увидел его и сказал: «сегодня мне попался обильный обед!» Джантег сказал: «если сможешь съесть, так хорошо!» Дракон вдохнул воздух со стороны Джантега, чтобы поглотить его, а тот держал меч перед своим лбом. Дракон подошел к Джантегу вплотную, но как только подошел и проглотил его, сам распался на две части. Джантег некоторое время был без чувств, затем встал и вырезал ремень из тела дракона. Тот бузланги, — а его имя было Дед-гаргашанг, — подошел к нему и съел дракона. Джантег и Дед-гаргашанг ушли. Вода потекла в город, народ сообщил царю, что вода пошла по всем каналам. Царь сказал: «идите и приведите этих людей!» Когда их привели, царь сказал: «это вы убили дракона?» Джантег сказал: «нет, мы не убивали!» Царь сказал: «я так заключаю, что вы убили; не бойтесь, я отдам вам свою дочь!» Джантег сказал: «что от бога не скрыто, от тебя также не скрыто! это мы убили дракона!» Царь сказал: «отдаю тебе свою дочь!» Джантег сказал: «я не возьму, отдай моему брату!»

Istārā-šnās dāt. apt šap o apt roč dol o sāz kúrtī. Istārā-šnāsā gis dāt. Jāntéy āwán šútant pa wat.

du šap o du roč ki šútant, dístant ki šár int, laškár átá, pādšāāi šārāi išk-w-áška giptá. pādšá am ša trusá dár-a na bŭtī. Jāntéy āwán átant, go me laškárā jang kúrtant, laškárā múččānā kúštant, yak pādšá jist. Bābā-γaryāšāng mardumānī lāšāgānā wártī. pādšá gušt: bráit, biárit amá mardúmānā. amé ki áúrtant, pādšá gušt ki šmā atit ki amé laškárā kúštit? Jāntéy gušt ki ān, amá atan ki laškárā kúštan. pādšá go watí wazílā o wakílā muslahát kúrtant ki mašmā e mardumānā čé'ā bdāyán? wazíl guštī: āi pādšá, watí janíkkā bdāi. pādšá guštī: čonén jwānén abāre dátāi, wazíl, bráit ā mardúmānā biárit, ki watí janíkkā bdāin. šútant, ā mardúmānā áúrtant. pādšá guštī: man watí janíkkā bi šmā a-dāin. Jāntéy gušt: mán-a na girín, bi Āušnās bdāi. janíkkā bi Āušnās dātant, dol u sāz kúrtant, gis dātī. Jāntéy o Bābā-γaryāšāng šútant.

yak čunt-šap rá šútant, bi Čil-gaz-mŭdī jā rástant. Čil-gaz-mŭdī jā bi daryābāi miānjīnā átī. Jāntéy Bābā-γaryāšāngā gušt ki anŭn mnā čón a-barāi bi Čil-gaz-mŭdī gisá. Bābā-γaryāšāng gušt: tī burtín āsán int. ešī

Он отдал свою дочь Звездочету. Семь ночей и семь дней били в барабан и пели, справляли свадьбу Звездочета. Джантег и его спутники пошли своей дорогой.

Когда они прошли две ночи и два дня, они увидели город, а к нему подступило войско и захватило окрестности царского города. Даже царь от страха не выходил наружу. Джантег и его спутники подошли и стали сражаться с этим войском. Они истребили все войско, только царь убежал. Дед-гаргашанг поел людские трупы. Царь сказал: «идите и приведите этих людей!» Когда их привели, царь сказал: «это вы те, кто перебил это войско?» Джантег сказал: «да, это мы те, кто перебил это войско!» Царь стал совещаться со своим визирем и наместником: что мы, дескать, дадим этим людям? Визирь сказал: «о царь, отдай свою дочь!» Царь сказал: «какое хорошее мнение ты высказал, визирь! идите и приведите этих людей, я отдам свою дочь!» Пошли и привели этих людей. Царь сказал: «я отдаю вам свою дочь!» Джантег сказал: «я не возьму, отдай Водоведу!» Девушку отдали Водоведу, били в барабан и пели, справили свадьбу. Джантег и Дед-гаргашанг ушли.

Несколько дней они шли по дороге, дошли до жилища девушки Волосы-в-сорок-аршин. Жилище девушки Волосы-в-сорок-аршин было на середине реки. Джантег сказал Деду-гаргашангу: «как же ты меня теперь доставишь к дому девушки Волосы-в-сорок-аршин?» Дед-гаргашанг сказал: «тебя доставит,

rā gipt, watí baḍḍā kurt, bi me daryābā xaṭ jat, yak pādā éškā išt, yak pādā áškā, Jāntéγā áškā er kurt. Jāntéγ šut bi Čil-gaz-mūdī gisāi tā, distī, yak táme ér int, dastānā šušṭ, š-amešān wártī, šut, Čil-gaz-mūdī bagālā wáptī. Čil-gaz-mūd āgā büt, ar duén jātant u wártant. e bill tā-médā bayánt.

Bābā-γaryāšáng ša daryābā ášk at, šagāle, úke gíptī, wártī. yak čunt waxt ki gwast, digár pādšāe pa Čil-gaz-mūdī padā laškár kurtá, átá. Bābā-γaryāšáng distī, čonén laškāre tuén átá, šut, yak tuén dráxte rā ša buná kašit, wat go laškārā jang ku, go d^{ra}xotá mardúmānā jat, kúštī. amé ki alás bütant, pādšāiš jist, pādā šut watí gisá, gúštī: ar kas Čil-gaz-mūdā biārīt, man āi tolā zarr u sor a-kašín. yak pīrazāle dār āt, gúštī: man a-kārín ki pa^m man yak sundúxe joḍ pkan, čappí tá^b bdāín, burzágā brot, rástī tá^b bdāín, jālágā biāit. pādšā gušt: āzír wastá gušín ki pa^t ta joḍ pkant. sandúγe amé ki joḍ kúrtant, pīrazál bi^t tái büt, dapāi γulp kurt, pečāi tāb dāt ki šut pa wat, amé ki āt, rodāi sará rástī. Bābā-γaryāšáng distī, gušt: ta gujā ra^aái? pīrazál gúštī: man yak miskíni ājī astun ki ša aj átun, mnī amrák šútant pa wat, man mántun. Jāntéγ distī: go Bābā-γaryāšáng yak

легко!» Он взял его, посадил к себе на спину, расставил над рекой ноги, одну ногу поставил с этой стороны, другую с той стороны, и спустил Джантега на ту сторону. Джантег вошел в дом девушки Волосы-в-сорок-аршин и увидел, что там приготовлено кушанье. Он помыл руки, поел и пошел и лег спать в объятиях девушки Волосы-в-сорок-аршин. Девушка Волосы-в-сорок-аршин проснулась, и они ласкались и забавлялись. Оставь их пребывать там.

Дед-гаргашанг перешел на ту сторону реки и стал ловить шакалов и кабанов и поедать их. Когда прошло некоторое время, другой царь снарядил войско за девушкой Волосы-в-сорок-аршин и подступил. Дед-гаргашанг увидел, как велико подошедшее войско, пошел, выдернул с корнем большое дерево, вступил в бой с войском, стал побивать людей этим деревом и перебил их. Когда они погибли, их царь обратился в бегство, отправился домой и сказал: «всякому, кто доставит девушку Волосы-в-сорок-аршин, я дам равное по величине количество денег и золота». Вышла одна старуха и сказала: «я доставлю, только изготóвь для меня ящик, чтобы он, если поверну влево, двигался вверх, а если поверну вправо, шел вниз». Царь сказал: «сейчас же прикажу мастеру, чтобы он для тебя изготóвил». Когда сделали ящик, старуха поместилась в него, заперла на замок вход, повернула винт, и он стал двигаться сам собою; он дошел и достиг берега реки. Дед-гаргашанг увидел ее и сказал: «куда ты идешь?» Старуха сказала ему: «я бедная паломница, возвращаюсь с паломничества, мои спутники ушли своей дорогой, а я отстала». Джантег увидел, что

pīrazāle ništá, amá int Jāntéy tawár kurt Bābā-γarγašángā, gúštī ki ā čonénen go ta ništá? Bābā-γarγašáng gušt: miskínen ājég int. Jāntéy gušt: áe rā bgwazén ki tā báit éškā. Bābā-γarγašáng eší rā gwazént áškā.

čunt roč gwast, ša Čil-gaz-mūd pursít ki ša watí mardá purs ki tī napás čé^wāi dastá int, tī mard γār a-kánt, ta ič gw-āí abár ma dāi, dérā go ta gušít ki mnī napás yak čízāi tā int. Jāntéy ki āt watí gisá, yak sāátte ništ, janénī gušt ki tī napás čéwāi dastá int? Jāntéy γār kurt pa watí janénāi jāná, pīrazāl am goš a-kašít. der ki büt, Jāntéy gušt watí janénā: āi napás jān, ta pä če š-erangén abáre pursái? janén gušt ki man um sí bāin ša^t tī napásā ki bi čéwāi dastá int. Jāntéy gušt: āi napás jān, mnī napás íččiā dastá nāint, mnī napás amé zām int, ki ša pošāi yak mardúme pkašít, man gúdā mirín. pīrazāl ki uškítī, gúštī: man tī pikrá dārín.

amé ki Jāntéy wápt-atī, janénāi pīrazāl gušt: brawán māšmā rodāi sará. Čil-gaz-mūd gúštī: brawán. amé ki šútant, sar bútant rodāi sará, pīrazāl gušt: allá, čonén jwānén sundúxe ér int. dapāi páč ku pīrazāl, Čil-gaz-mūdā gušt: ta biá, mnind bi^t tái, māšmā sāil pkanán, ki māšmā rā gīt,

с Дедом-гаргашангом сидит какая-то старуха; поэтому Джантег позвал Деда-гаргашанга и сказал ему: «кто это сидит с тобой?» Дед-гаргашанг сказал: «это бедная паломница». Джантег сказал: «переправь ее, пусть идет сюда!» Дед-гаргашанг переправил ее на ту сторону.

Несколько дней прошло, и она спросила девушку Волосы-в-сорок-аршин: «спроси у своего мужа: „в чьих руках твоя душа?“ он рассердится, и ты с ним больше не разговаривай, а попозже он скажет тебе: „моя душа в такой-то вещи!“» Когда Джантег вернулся домой и немножко посидел, его жена спросила: «в чьих руках твоя душа?» Джантег рассердился на свою жену, а старуха стала прислушиваться. Прошло много времени, и Джантег сказал своей жене: «душечка, почему ты спрашиваешь о таких вещах?» Жена сказала: «пусть и я буду осведомлена о твоей душе, в чьих она руках!» Джантег сказал: «душечка, моя душа не находится ни в чьих руках, моя душа — вот этот меч. Если кто-нибудь вытащит его из ножен, тогда я умру!» Как только старуха услышала это, она сказала: «я уж о тебе подумаю!»

Как только Джантег заснул, старуха сказала его жене: «пойдем с тобой на берег реки!» Девушка Волосы-в-сорок-аршин сказала: «пойдем!» Когда они пошли и дошли до берега реки, старуха сказала: «боже, какой тут красивый ящик!» Старуха открыла вход в него и сказала девушке Волосы-в-сорок-аршин: «поди сюда и сядь внутри, посмотрим, вместит он нас с тобой или нет!»

agár na. Čil-gaz-múđ bi^t táj ništ, pīrazál dapáj ġulp ku, šútī, Ĵāntéγī nīpádā sājl ku tā dist, zāmī amédā ér int, zāmáj zurt, ša pošáj kašít, zāmáj ĵindā rodáj tā prent, pošáj tandūrā purānī čérā kurt. amá int ki šut sundūxājā, dapáj páč kurt, eš am bi^t táj ništ, dapáj ġulp ku, pečáj tāb dāt ki šut pa wat, šut, watí gisá sar büt. awál búrtant pa pādšá: pīrazál āt. pādšá ātī, gušt ki āúrtáj ĵanikkā. pīrazál gúštī: aúrtun. pādšá gušt: brawán bi gisá ki tī tolá zarr u sór a-kašín. pīrazál am šut go pādšá, toláj zarr u sor kašít, pīrazál zurt u burtít-iš. ĵanikkā pādšá loťít, gúštī: trā man a-girín. ĵaník gušt: sabr kan tā čil šab. eší abár alás büt tā čil šab.

Istārā-šnās sājl ku pa ^{wa}tī brāsáj istārā, dist tā mnī brāsáj istār nājnt. ya digá šapénā duwārdág sājl ku, tā dist ki mnī brāsáj istār nājnt. tārīenā roč büt, watí aspā zen kurt, suwār büt u šut bi Āu-šnāsājā. Āu-šnāsā gušt: ā lālā, māšmáj brāsáj istār nājnt. šapénā sājl kúrtant pa ^{wa}tī brāsáj istārā, tā dístant ki wadía na bít. tārīenā ki roč büt, ar du brās rādág bútant u šútant, bi Ĵāntéγājā rástant, tā dístant Bábā-γarγášáng amédā waptá. Bábā-γarγášángā pād kúrtant, gúštant: gúĵ int Ĵāntéγ? Bábā-γarγášáng gušt:

Девушка Волосы-в-сорок-аршин села внутрь. Старуха заперла вход на замок, а сама пошла посмотреть постель Джантега и увидела, что его меч там лежит; она взяла меч и вытащила из ножен: самый меч бросила в реку, а ножны спрятала в золу очага. Потом она пошла к ящичку, открыла дверцу и сама села внутри; заперла вход на замок и повернула винт, чтобы ящик пришел в движение; он двинулся сам собою и достиг своего дома. Царю принесли весть: «старуха вернулась!» Царь пришел и сказал: «привезла девушку?» Старуха сказала: «привезла!» Царь сказал: «пойдем домой, и я отвечу тебе по твоей величине денег и золота!» Старуха пошла с царем, и ей отвесили по ее величине денег и золота; старуха их взяла и унесла. Царь позвал девушку и сказал: «я тебя возьму (в жены)!» Девушка сказала: «потерпи сорок ночей!» Рассказ о ней кончился на сорок ночей.

Звездочет стал искать звезду своего брата, смотрит: «нет звезды моего брата!» На другую ночь он вторично стал искать, опять смотрит: «нет звезды моего брата!» На утро взошло солнце; он оседлал свою лошадь, сел верхом и поехал к Водоведу. Водоведу он сказал: «братец, нет звезды нашего брата!» Ночью они стали высматривать звезду своего брата, пока не убедились, что ее нет. Когда на утро взошло солнце, оба собрались в путь, отправились и добрались до жилища Джантега; увидели, что Дед-гаргашанг спит. Они разбудили Деда-гаргашанга и сказали: «где Джантег?» Дед-гаргашанг сказал: «вон Джантег,

Ĵāntéγ á int, gisái tā go ĵaníkkā tamāšá a-kánt. Istārā-šnás guštī: amhá rā bgwázen, bar Ĵāntéγāiā. ešánā gwazéntī ša rodá áškā.

e šútant gisá tā, Istārā-šnás sāi kurt tā dístī: mnī brās amédā waptá. lepáĵi bāl áurt tā dístī ki mnī brās amédā kirm ĵatá, murtá. Āu-šnásā gušt: annūn māšmā čón kanán? guštī: čoní améš int ki zāmā wadí pkánan. biná kúrtant bi gaštínā. ākānī čérā, purránīā gáštant, zāmāĵi pošā tandūrāĵi purránī čérā dístant. Āu-šnás sāi ku bi āpáĵi tā, tā dist, bi nihíngā dapá band giptá. guštī ki nūn do xaltá pog wadí pkánant, b'árant ki man zāmā pkašín. Bābā-γaryášāngā rái kúrtant bi pogá, šut, do xaltá pog áurtī, daságā bástant bi xaltá. Āu-šnásī ĵind xaltānī sará suwár büt, guštī: amé ki xaltá ér šut, šmā daságā peš kašít. amé ki Istārā-šnás dist ki xaltá ĵāl bütant, Āu-šnás um ša nihíngāĵi dapá zāmā gipt, Istārā-šnás daságā káš kurt, zāmā kašítant tā dístī ki zām zang ĵatá. zāmā gíptant, šúštant, zangānī pāk kurtá pošáĵi tā kúrtant. amé ki pošáĵi tā kúrtant, Ĵāntéγ ustát, sábre ĵat, gušt: čon wáb atun! Āu-šnás gušt: trā wābíā čé-ā loťít! kirmánā sāi pkan ki murt-átāĵi! guštī: gúĵ int tī ĵanén? Ĵāntéγ gušt: man čew a-zānín. Istārā-šnás guštī: māšmā tanák bayán, šārānā bgárdan, tā ki ĵaníkkā wadí pkanán.

с девушкой дома развлекается!» Звездочет сказал: «переправь нас и доставь к Джантегу». Он их переправил на ту сторону реки.

Они вошли в дом; Звездочет стал смотреть и увидел: вот здесь спит мой брат! Он приподнял одеяло и увидел: моего брата изъели черви, и он умер! Он сказал Водоведу: «что же мы теперь будем делать?» Тот сказал: «способ один, надо отыскать меч!» Они принялись разыскивать; стали искать под землей, в золе, и в золе от очага увидели ножны. Водовед стал смотреть в воду и увидел, что он застрял в пасти у чудовищной рыбы. Он сказал: «пусть теперь найдут и принесут два мешка соломы, и я вытащу меч!» Деда-гаргашанга послали за соломой; он пошел и принес два мешка соломы; к мешкам привязали веревку. Водовед уселся сверху на мешки и сказал: «как только мешок дойдет до низу, вы тащите за веревку». Как только Звездочет увидел, что мешки спустились вниз и что Водовед взял меч из пасти чудовищной рыбы, Звездочет потянул за веревку. Меч вытащили, и увидели, что меч поеден ржавчиной. Взяли меч, вымыли, очистили от ржавчины и вложили в ножны. Как только его вложили в ножны, Джантег встал, чихнул и сказал: «как я заспался!» Водовед сказал: «какая тут сонливость! посмотри-ка на червей, ведь ты был мертвым!» Потом он сказал: «где твоя жена?» Джантег сказал: «откуда я знаю?» Звездочет сказал: «мы разделимся и будем ходить по-одиночке по городам, пока не найдем девушку». Они пошли. Звездочет и Водо-

šútant. Istārā-šnās, Āu-šnās gáštant, na dístant. Bābā-γarγašáng gušt ki man bi éngūrāi šārā dístun. Jāntéγ gúšti: bra, ma wušt, janíkkā biár. Bābā-γarγašáng šut pa janíkkāi padā ki biārīn.

Bābā-γarγašáng šut tā dist janíkkāi čil šap bût bûtá, nūn dol u sáz kurtág ant ki pādšā gís a-kant. Bābā-γarγašáng wat rā pīramárde kurt, šut janíkkāi. janík Bābā-γarγašángā drust kurt, gušt ki pādšā loťit, mnā bgīt, káre pkan ki mnā bzūr u bra. Bābā-γarγašáng gust: γussá ma war ki trā šapí a-barín. Bābā-γarγašáng šut, bi arūsīā pādšāiā ništ. pa Bābā-γarγašáng nān u gošt āúrtant. ešānā wárti, gúšti: man ser na kúrtun. e čonén pādšāe gušnág int ki mnā nān dātága na kant. pādšā gušt: ar če nān u gošt int, bdāit amesi rā, tā b^uwart ki mnā bad-nām a-kánt. tā begāi ar če ki nān dātant, ar če ki pas kúštant, e ser na kurt. tā ki šap bût, šut pīrazālā wadí kurt, āúrti, gúšti: biā, brawán ādenā, trā pādšā gušt: biā. amé ki pīrazāl yak ŭukkúre šut, eší rā gipt u wárti. šut, janíkkā zurt, watí puštā suwār kurt u šut, Jāntéγāi jā sár bût. Jāntéγ gušt: bārikállā, bārikállā Bābā-γarγašángā. šapí mántant.

tāriēnā Jāntéγ š-édā laddít ki brāut watí pissāi šār u kalātā. ša rodā ki gwástant, yak do šap gwast, šútant, bi Āu-šnāsī jā sar bûtant, šapí

вед ходили-ходили, не нашли. Дед-гаргашанг сказал: «я видел в городе по близости». Джантег сказал: «не сиди, а иди и приведи девушку». Дед-гаргашанг пошел, чтобы привести девушку.

Дед-гаргашанг пошел и увидел, что сорок ночей девушки окончились, а теперь забили в барабан и заиграли, так как царь женится. Дед-гаргашанг обратил себя в старика и пошел к девушке. Девушка узнала Деда-гаргашанга, и сказала: «царь хочет меня взять (в жены), придумай что-нибудь, чтобы забрать меня и уйти». Дед-гаргашанг сказал: «не печалься, сегодня ночью я увезу тебя!» Дед-гаргашанг пошел и уселся на свадебном пиру у царя. Деду-гаргашангу принесли хлеба и мяса. Он съел и сказал: «я не наелся! что это за царь-голодранец, что меня не может накормить!» Царь сказал: «сколько ни есть хлеба и мяса, дайте ему, пусть ест, потому что он меня срамит!» До вечера, сколько ни давали хлеба, сколько ни убивали баранов, он не наедался. Когда наступила ночь, он пошел, отыскал старуху, привел ее и сказал: «давай, пойдём туда, царь велит тебе прийти!» Как только старуха прошла немножко, он схватил ее и съел, а сам пошел, забрал девушку, посадил ее к себе на спину, пошел и добрался до Джантега. Джантег сказал: «да благословит бог! да благословит бог Деда-гаргашанга!» Эту ночь они оставались там.

На утро Джантег снарядился, чтобы отправиться в город и крепость своего отца. Когда они переправились через реку и прошла одна ночь или две, они

mántant, tárī Āu-šnās am go āwán laddít. wasírkī gušt ki äi zāmās, ar če gulám a-loťái, ar če asp u daulát a-loťái, go wat bar. Āu-šnās gúštít: én ka mnā pa kār nāint. gúšti: šarr, yak o do gulám go yak o do aspā bzūr. amé aspānā ša dauláttā laddít. ameshānā Āu-šnās zurt u šut pa wat. šútant ki e digār ročēnā Istārā-šnāsāi jā rāstant. šapí mántant Istārā-šnāsāiā. tārīenā Istārā-šnās am rādág büt, eší wasírk am gušt: daulát ar če pa kār dārít, bzūr. eší aspānā laddít ša dauláttā, gulámā rāi kurt. tārīenā zurt u šútant. tā yak mā ki rá šútant Bābā-γaryāšangī jā rāstant. Bābā-γaryāšang gušt: nūn go šmā man na raín, man amédā nindín. e amédā níšti. Jāntéγ āwán šútant ki bi Āu-šnāsī rāiā sār bütant, Āu-šnās gušt: man annūn na raín go šmā. Jāntéγ gušt: šarr, ki na raái, pa tī ruxsáttā. mántant annūn Jāntéγ u Istārā-šnās. ar duén šútant bi Jāntéγī pissái šārāi nazzíkā. Istārā-šnās gušt: man am na raín go ta, mnī rá amēš int. Jāntéγ gušt: pa^t tī ruxsáttā ki rawái.

Jāntéγ yak tukúrre šútít tā dístī, amédā ramáge čārít. Jāntéγ šuwānágā pursít, gušt ki e ramág kí-int? šuwānág gušt ki e pādšāen ramág. gušt: bra, awál bar pa pādšā ki tī zāg áti. e šuwānág šut, go pādšā gušt: tī zāg

пошли дальше и дошли до жилища (жены) Водоведа. Ночь переночевали, а на утро и Водовед снарядился. Его тесть сказал: «зять, возьми с собой слуг, лошадей и имущества, сколько захочешь!» Водовед сказал: «мне столько не надо!» Тесть сказал ему: «ну, хорошо, возьми одного или двух слуг с лошадьёю или двумя». Он нагрузил имуществом этих лошадей; Водовед их взял и отправился к себе. Они пошли дальше. В один из следующих дней они дошли до жилища (жены) Звездочета. Ночь они провели там, а на утро Звездочет собрался в путь, его тесть также сказал: «возьми себе имущества, сколько нужно!» Он нагрузил ценностями его лошадей и прислал слуг. На утро они отправились. Целый месяц они были в дороге, пока дошли до жилища Деда-гаргашанга. Дед-гаргашанг сказал: «я теперь с вами не пойду, а останусь здесь». Он остался. Джантег со спутниками пошли и дошли до дороги Водоведа. Водовед сказал: «я теперь с вами не пойду!» Джантег сказал: «хорошо, если не пойдешь, прощай!» Остались теперь Джантег и Звездочет. Вдвоем они приблизились к городу отца Джантега. Звездочет сказал: «я тоже не пойду с тобой, это — моя дорога!» Джантег сказал: «прощай, если не идешь!»

Джантег немного прошел и увидел, что пасется стадо овец. Джантег спросил пастуха и сказал: «это чье стадо?» Пастух сказал: «это царское стадо». Он сказал: «иди и снеси весть царю: „твой сын пришел!“» Пастух пошел и сказал

āt. gúštī ki man zāge na dārín. šuwānág pa dūrīā āt. Jāntéy dístī ki bágge čārít, sarwānā gušt: bra, awál bar pa pādšá, bguš ki tī zāg āt. sarwān šut, go pādšá gušt ki tī zāg ātī. pādšá gušt: man zāge na dārín. sarwān padūi bīr gašt, āt. Jāntéy demtírā šut, tā dist ki gokčaréne, gušt: awál bar pa pādšá ki tī zāg āt. gokčarén ki šut pādšáāiā, gušt: tī zāg ātī. pādšá gušt: man zāge na dāštun. gúštī, én ka mardúm a-kājt, gušt ki pādšá, tī zāg āt, bráit, yak do suwār rāi pkanít. e s^uwār šútant tā dístant ki mardúm a-kājánt. go eni mardúmān wašāmád kúrtant, ša e pursítant: ta čonéne wāi? Jāntéy gušt: man pādšáāi zāg un. e šútant, bi pādšáāi gisá sar bútant. pādšá pursít: tā čonéne wāi? Jāntéy jawáb dāt ki man tī zāg un. gúštī: ta čon mnī zāg āi? gúštī: man amá tī zāg un murtágen ki mnā Azraíl burt, mazán kurt, nūn ātun. pādšá kapt bi guṭṭāi, bāzénī gret. tári ki roč būt, duwārdág pādšá dol u sáz kurt, Jāntéyā gis dāt. jístun u bástun, pa wat imāne āúrtun, pa^t ta dištāre āúrtun.

царю: «твой сын пришел!» Тот сказал: «у меня нет сына!» Пастух ушел в даль. Джантег увидел, что пасется стадо верблюдов, и сказал погонщику: «иди, снеси весть царю, скажи: „твой сын пришел!“» Погонщик верблюдов пошел и сказал царю: «твой сын пришел!» Царь сказал: «у меня нет сына!» Погонщик верблюдов пошел и вернулся назад. Джантег пошел вперед и увидел коровьего пастуха; он сказал ему: «снеси весть царю: „твой сын пришел!“» Коровий пастух пошел и сказал царю: «твой сын пришел!» Царь сказал: «у меня не было сына!» потом он сказал: «столько людей приходит и говорят: „царь, пришел твой сын!“ идите и пошлите одного-двоих верховых!» Эти верховые отправились и увидели, что приближаются люди. Они поздоровались с этими людьми и спросили: «кто ты таков?» Джантег сказал: «я царский сын!» Они отправились и пришли к царскому дому. Царь спросил: «кто ты таков?» Джантег ответил: «я твой сын!» Тот сказал: «как это ты мой сын?» Он сказал: «я тот твой мертвый сын, которого Азраил унес и вырастил, а теперь я пришел!» Царь бросился ему на шею и долго рыдал. На утро, когда взошло солнце, опять били в барабан и играли, опять праздновали свадьбу Джантега. Я убежал и завязал, себе снискал благополучие, тебе привел невесту.

XI

būt, bāt, ša xudā kase getir na bāt. yak pādšāe 'at, čil u yak zāg dāšt. yak wāxte bāt ki pādšāāi zāg gúštan^t: āi bābā, am mā rā gis bdāi. e pādšā watī zāgānā gušt ki man šmā rā yak-yak gis na dāin, man bi pādšāe dāin ki čil u yak jinik dāštā bīt. biyā ki māšmā nūn kāsīd kanān bi yak pādšāe ki čil u yak jinik dāštā bīt. amēdā xat nemištā kúrtan^t p-ā pādšā. nūn ša e pādšā bill u ša digār pādšā goš kaš.

e pādšā dāšt čil u yak jinik. yak wāxte at ki jinikān gúštan^t: āi bābā, am mā rā pa če gis na dāāi? pādšā gušt ki man šmā rā yak-yak gis na dāin, šmā rā bi pādšāe dāin ki čil u yak zāg dāštā bīt. biyā māšmā kāsīd kanān pa pādšāe ki čil u yak zāg dāštā bīt. nūn yak xāte nemištā kurt, kāsīdāi dastā dāt ki^t ta ešī rā bar, bi pādšāe bdāi ke čil u yak zāg dāštā bīt. e kāsīd š-amēdā rādāg bāt, šut. ša e kāsīdā bill u ša digār kāsīd goš kaš.

e kāsīd ar dokén ātan^t, yak jā ništan^t. yāke gušt ki ta ša gujā kāāi? gušt ki man ša pādšāe kāsīd astun ki mnā dém dātā bi pādšāe ki čil u yak jānik dāštā bīt. e kāsīd gušt: ša wat bil, ša man goš kaš, man am yak pādšāe kāsīd astun, ki mnā dém dātā bi pādšāe ki čil u yak zāg dāštā bīt.

(XI. Об А мат-ша и Сорокавьючнике)

Было-было, никого лучше бога не было. Был один царь, у него был сорок один сын. Однажды царские сыновья сказали: «батюшка, жени нас!» Царь сказал своим сыновьям: «я не буду женить вас порознь, а отдам (вас в зятья) такому царю, у которого будет сорок одна дочь; давайте, снарядим теперь вестника к такому царю, у которого будет сорок одна дочь». Тут же составили письмо к царю. Теперь оставь этого царя и послушай о другом царе.

У этого царя была сорок одна дочь. Однажды девушки сказали: «батюшка, почему ты не выдаешь нас замуж?» Царь сказал: «я вас порознь не буду выдавать замуж, а отдам вас такому царю, у которого будет сорок один сын; давайте, теперь отправим вестника к царю, у которого будет сорок один сын». Он тотчас составил письмо и дал его вестнику: снеси, мол, и отдай такому царю, у которого будет сорок один сын! Этот вестник снарядился в путь и отправился. Оставь теперь этого вестника и послушай о другом вестнике.

Оба эти вестника сошлись и остановились в одном месте. Один сказал: «откуда ты идешь?» Другой сказал: «я вестник одного царя, который меня послал к царю, у которого была бы сорок одна дочь». Первый гонец сказал: «оставь себя, послушай обо мне! я тоже царский гонец, посланный к такому царю,

e kāsíd gušt ki e rang bût, ta b'iyā, mnī xatā bzūr, man am tī xatā zūrín, ta b'ra watí jindāi šārā, man am watí jindāi šārā rāin. ešān watí xatānā zúrta, ar kas pādā šut.

e kāsíd šut bi pādšāi demā, gušt ki b'iyā ki wadí kurtā un, b'iyā ki nūn brawān, watí zāgānī jānēnā b'iyār. e pādšā watí zāgānā loṭit ki b'iyāit, ša šmā yak gujām bi mnī pādšāi sarā búštīt, ki man brāin šmāi jānēnānā b'iyārín. e zāgān yak gujām rāzī na bútan^t, gústan^t: ammā múčči rawān. pādšā dāšt yak gwandén zāgā, gúšti: āi bābā, man tī pādšāi sarā nindín. mnī jānēnā bi mnī amé zāmā nikā pkanāi. pādšā bi amé abār rāzī bût, š-amédā watí ḡošúnā zurt u rādāg bût, šut bi amā šāre ki jinikān ast, šārāi išk-u-āškā xāimāg jat.

tārī mullā ustāt ki azān bdant, dist ki šārāi išk-u-āškā xāimāg jatāg-an^t. š-amédā jist be pādšāi demā, uštāt, gušt: e pādšā, b'iyā ki šārāi išk-u-āškā xāimāg bāz jatāg-an^t, bra, sāi kan ki yā dōst an^t yā dušmán an^t. pādšā š-amédā kāsíd dem dāt ki šmā dost it yā dušmán it. agār dost it, biyāit bi šārāi tā, agār dušmán it, ammāi jawābā bdāit. ā pādšā gušt ki ammā tī dušmán nāyan, tī dōst an. darwāzāgāi dapā pāč kan ki ammā b'iyāyan bi šārā tā. e pādšā darwāzāgāi dapā pāč kurt ki pādšā watí urdū

у которого будет сорок один сын». Тот гонец сказал: «раз так, давай, ты возьми мое письмо, а я возьму твое, и ты иди в свою страну, а я пойду в свою!» Они взяли письма, и каждый отправился обратно.

Первый гонец отправился к царю и сказал: «ну, я нашел! давай, теперь поедem, и ты привезешь жен своим сыновьям». Царь позвал своих сыновей: приходите, мол, пусть кто-нибудь из вас останется во главе моего царства, а я поеду и привезу вам жен! Никто из сыновей не согласился; они сказали: «мы все поедem!» А у царя был младший сын, он сказал: «батюшка, я останусь во главе твоего царства, а ты повенчай мне жену на этом моем мече!» Царь остался доволен этими словами; он тотчас снарядил свою свиту и войско, собрался, выступил к тому городу, где находились девушки, и разбил свои палатки вокруг города.

Рано утром мулла встал, чтобы прочесть призыв к молитве, и увидел, что вокруг города разбиты палатки. Он побежал к царю, остановился и сказал: «царь, посмотри, вокруг твоего города разбито много палаток, пойдй, посмотри, друзья это или враги!» Царь тотчас отправил гонца: вы, де, друзья или враги? если друзья, войдите в город; если враги, сообщите ваши требования. Тот царь сказал: «мы не враги тебе, а друзья, открой ворота, и мы войдем в город». Царь открыл ворота, и другой царь ввел свою свиту и войско

wa γušānā āwúrt bi šarā tā. édā šap büt. pādšā watí urdú u γušānā nān dāt, murxās ku, wa watí zāgānā loṭít, wa digá pādšā watí janí^kkānā loṭít wa kattár nādént, bi pādšāāi zāgānī sarā bār ku. e pādšā gušt ki āi pādšā, tī yak zāg nāint? e pādšā jawáb dāt ki mnī zāg bi mnī pādšāāi sarā ništág int wa āi jānénā bi amé zāmāi niká kanít. nūn alās büt š-édā.

e pādšā yak dā roč bi amédā zindagānī kurt, gúḍā gušt ki biyā ki brawán. e pādšā watí urdú u γušānā sí ku ki bāndā māšmā rawán. tárī pādšā ša e šār laddít, šut yak manzíl rā, er ku bi yak kalātāi, watí aspānā kā u jau dāt wa jīndī čā wa nān wārtan^t. amédā tā tárī wāptan^t. tárī kⁱ ustátan^t, dístan^t ki yak buzlangíe ešānī išk u āškā giptá. pādšā yak kāsíde dem dāt, gušt: ta dóst āi yā dušmán āi? buzlangí gušt ki na, man dušmán ná un, man dost un, man ša šmā Amat-šāā janénā loṭín. pādšā gušt ki agár digáre rā loṭāi, man trā dāín, Amat-šāā janénā na dāín. buzlangí gušt ki agár ma dāāi, man šmā rā múččānā warín. pādšā nā-čār büt, gušt ki biyā ki Amat-šāā janénā bi me buzlangí dāyán. édā watí zāgānā loṭít, gušt ki bābā, šmā čéwā gušít? pādšāāi zāg ruzá bútan^t. e Amat-šāā janénā ístan^t wa jīndī rādág bútan u šútan pa wat. e buzlangí Amat-šāā janénā gušt ki

в город. Наступила ночь. Царь роздал продовольствие своей свите и войску, отпустил их и позвал своих сыновей, а другой царь позвал своих дочерей, рассадил их и разделил их между царскими сыновьями. Этот царь сказал: «царь, одного твоего сына нет!» Царь ответил: «мой сын остался во главе моего царства, обвенчайте его жену на этом мече!» На том и покончили.

Затем этот царь дней десять прожил там, а потом сказал: «ну, поедем!» Этот царь известил свою свиту и войско, что завтра, дескать, мы с вами выступаем. На утро царь снарядился, выступил из города на один перегон, и остановился в одной своей крепости; своим лошадям дали сена и ячменя, а сами стали пить чай и есть хлеб и проспали здесь до утра. Когда на утро встали, они увидели, что какой-то бузланги окружил их со всех сторон. Царь послал гонца и спросил: «ты друг или враг?» Бузланги сказал: «нет, я не враг, я друг, только я хочу от вас жену Аамат-ша (младшего сына царя)». Царь сказал: «если ты захочешь кого-нибудь другого, я тебе выдам, но жену Аамат-ша не дам». Бузланги сказал: «если ты не дашь, я вас всех пожру!» Царь не имел выхода и сказал: «пожалуй, отдадим этому бузланги жену Аамат-ша!» Он созвал своих сыновей и сказал: «дети, что вы скажете?» Царские сыновья согласились. Жену Аамат-ша оставили, а сами собрались в путь и пошли к себе. Бузланги сказал жене Аамат-ша: «ты не горюй, что я тебя

ta γussá ma wár ki man trā gardentá un, bálke Amat-šá rá ša watí čammá bgindín. ša e bill u ša pādšá goš kaš.

e pādšá watí urdú wa γušánā gušt ki agár Amat-šá ša šmā soč pkant, bgúšit ki tī janén murtá. gušt: wā bi jāni yáke ki bgúšit ki tī janénā spetén deb gardentá! ša pādšá bill u ša Amat-šá goš kaš.

Amat-šá bi γasrái sará ništ-át, go dūrbín sāilā kurt, kadén mnī pisāi kušan kāit. dist ki yak dūlāxte ustát. ádā Amat-šá watí gulāmā gušt ki mnī asp u eráyā bi'ár. gulām asp u zen u eráyā ā'úrt. Amat-šá watí aspá suwár būt, dem watí pi'sāiā rādág būt, šut watí pissāiā, dist ki písī siyā-póš int. gušt ki āi bābá, pa če ta si'ā-póš āi? písī gušt ki bi'á, bābá, ki tī baxt kamí kurtá ki tī janén murtá. e Amat-šá bāz gret, át watí jindāi gisá.

édā šap būt. Amat-šá púčči durbeši gwará ku, šut pa durbeši'yā, dist ki čār warná arák wartág-an^t, mast būtág-an^t. yáke gušt ki armán, sad armán ki Amat-šáa janénā spetén deb gardént. yak warnáe gušt ki armán, ki Amat-šá amédā bútin ki šut, watí janénā kāwúrt. yak gašt Amat-šá wat rá gisá tā prent. gušt: āi warná, ta watí amé abáre ki annūn gúštāi, bguš. e warná bi Amat-šá gušt ki agár man watí abára go ta bgúšin, pādšá mnā goš u póz a-kánt. Amat-šá bi warná gušt ki ta ša

вернул: я хочу только увидеть своими глазами Абат-ша». Оставь его и послушай о царе.

Царь сказал своей свите и войску: «если Абат-ша у вас спросит, скажите: „твоя жена умерла!“» и прибавил: «и горе тому, кто скажет, что твою жену отнял белый див!» Оставь теперь царя и послушай об Абат-ша.

Абат-ша сидел на замке и смотрел в подзорную трубу: когда, мол, придет войско моего отца? увидел, что поднялась пыль. Тут Абат-ша сказал своему слуге: «приведи мне оседланную лошадь». Слуга привел лошадь с седлом и со всем убором. Абат-ша сел верхом на свою лошадь и отправился к своему отцу. Он увидел, что его отец одет в черное, и сказал ему: «батюшка, почему ты в черном?» Отец сказал ему: «вот, сынок, твое счастье потерпело ущерб: твоя жена умерла!» Абат-ша горько заплакал и пошел к себе домой.

Наступила ночь. Абат-ша надел дервишеское платье и отправился странствовать дервишем. Он увидел, что четверо юношей напились водки и опьянели. Один сказал: «досадно, сто раз досадно, что жену Абат-ша отнял белый див!» Другой сказал: «досада! ведь если бы Абат-ша был здесь, он отправился бы и привел свою жену!» Абат-ша стремительно бросился внутрь дома и сказал: «юноша, повтори то, что ты сейчас сказал!» Юноша сказал Абат-ша: «если я скажу тебе свои слова, царь отрежет мне уши и нос». Абат-ша сказал:

dādšā ma trus ki man Amat-šā un. e warnā gušt ki tī janénā spetén deb gardentá. b'ra, watí janénā padā deĭ.

Amat-šā š-amédā rādág büt, watí asp u zen u eráġā múččānā zurt u watí aspá s^uwār büt u šut. be yak jāe rasít, dist ki du buzlangíyā bastág an^t u yak buzlangí ša pādā langár a-kánt, go šípáng ĵant. gušt: salám aláĭk, äĭ buzlangí. buzlangí gušt ki agár tī salám ma būtin, trā man árt a-kúrtun, bi gwātāĭ dapá dātun. Amat-šā bi buzlangí gušt ki xudā trā ĉe zóre dātá ki du buzlangíā bastág-äĭ, langár a-kanāĭ, go šípánk am ĵanáĭ. e buzlangí gušt ki xudā zorá bi man na dātá, bi Amat-šā dātá. Amat-šā bi buzlangí gušt ki äĭ buzlangí, agár ta Amat-šāā bgíndäĭ, durústī am kanāi? buzlangí gušt ki yak wáxte man äe rá distá un, agár nūn bgíndīn, durústī am kanín. Amat-šā gušt ki Amat-šā mán un. e buzlangí gušt ki man átun ki trā dar asmán bgirín, nūn bi đigárā be mnī gírā kaptág-äĭ, trā nāĭlīn ki ša mnī demá beĭiāĭ. Amat-šā gipt buzlangíäĭ srená, watí xudā yāt ku, buzlangíā bāl āwúrt, ĵat bi đigárā, watí zāmá kašít ki eší sará burrít. e buzlangí gušt ki ta mnī sará ma bur, ki man tī yak guláme baín. Amat-šā gušt: šarr, ša yákke do getír int. rādág bútan u šútan.

bi yak jāe rasítan^t, dīstan: yak buzlangíe e singá zūrít, bi ā singá ĵant, árt a-kant o wart. salám dāt ki äĭ buzlangí, xudā ĉe zóre trā dātá ki

«ты царя не бойся: я Ама́т-ша!» Юноша сказал: «твою жену отнял белый див! иди вслед за своей женой!»

Ама́т-ша пошел оттуда, взял свою лошадь с седлом и убором, сел верхом и поехал. Приехал он в одно место и увидел, что запряжены два бузланги, а один бузланг сзади, он пашет на них и бьет их бичем. Он сказал: «привет тебе, бузланги!» Бузланг сказал: «если бы не было твоего приветствия, я бы превратил тебя в муку и развеял по ветру!» Ама́т-ша сказал бузланги: «что́ за силу бог дал тебе, что ты запряг двоих бузланг, пашешь на них и бьешь бичом!» Бузланг сказал: «бог дал силу не мне, а Ама́т-ша!» Ама́т-ша сказал бузланги: «бузланги, если бы ты увидел Ама́т-ша, ты его узнал бы?» Бузланг сказал: «я раз его видел, и если теперь увижу, узнаю!» Ама́т-ша сказал: «Ама́т-ша, это — я!» Бузланг сказал: «я старался достать тебя с неба, а теперь ты и на земле попался мне в руки; не допущу, чтобы ты от меня убежал!» Ама́т-ша схватил бузланг за пояс, помянул своего бога, приподнял бузланг и бросил на землю. Он выхватил свой меч, чтобы отрезать ему голову, но бузланг сказал: «не отрезай мне головы, я буду твоим рабом!» Ама́т-ша сказал: «хорошо, двое лучше, чем один!» Они собрались и пошли.

Они пришли в одно место и увидели, что один бузланг берет камень, ударяет его о другой, готовится муку и ест. Он поздоровался и ска-

e singá be ā singá janāi, árt a-kanāi u warāi? e buzlangí jawāb dāt ki xudā zorā be man na dātá, bi Amat-šā dātá. Amat-šā gušt ki agār ta Amat-šāā bgíndāi, durústī am kanāi? e buzlangí gušt ki yak zamāne man go Amat-šā bāz dawā kurtá un, agār bgíndīn, drústī-m kanīn. e gušt ki Amat-šā mán un. buzlangí gušt ki man átun ki trā dar asmānā bgírīn, ta nūn bi đigārā bi mnī gírā kaptág-āi, trā nāilīn ki ša mnī demā bjāi. e Amat-šā gušt ki šarr, ta pa če ruzā wāi: pa kuští ruzā "āi yā pa gurz? buzlangí gušt ki man pa kuští ruzā un. Amat-šā gušt: man am ruzā un. Amat-šā gipt buzlangíāi srenā, bāl ā"úrt, jat be đigārā, zāmā kašit ki buzlangíāi sarā burrit. buzlangí gušt ki ta mnā ma kuš ke man ti yak gulām a-bāin Amat-šā gušt: šarr, ša du sāi getir int. biyā ki māšmā brawán.

šútan^t bi yak jāe. yak āūe šikār kúrtan^t. gogírd na dāštant, dístant^t ša yak koé tā yak dúte ustát. yak buzlangí rā Amat-šā gušt ki ta b'ra, š-amódā yak ātíše bi'ár. e buzlangí rādág büt, šut be mā jāe ki amā dūt büt. dístī ki yak Čil-xarwārie čil xarwār ártā be ātíšāi čerā kurtá. e Čil-xarwāri be buzlangí gušt ki pa če ātág āi? e buzlangí gušt ki man pa ātíše ātág un. e Čil-xarwāri gušt: biyā, bar! e buzlangí watí dastā tácke ku ki

зал: «бузланги, что́ за силу бог тебе дал, что ты ударяешь один камень о другой, изготавлиешь муку и ешь?» Бузланги ответил: «бог дал силу не мне а Аамат-ша!» Аамат-ша сказал: «если ты увидишь Аамат-ша, ты его узнаешь?» Бузланги сказал: «я раз порядком потягался с Аамат-ша, и если увижу, узнаю его». Он сказал: «Аамат-ша, это — я!» Бузланги сказал: «я старался на небе тебя достать, а ты теперь на земле попался мне в руки! не допущу, чтобы ты от меня убежал!» Аамат-ша сказал: «хорошо! ты что выбираешь: борьбу или паллицы?» Бузланги сказал: «я согласен бороться». Аамат-ша сказал: «и я согласен». Аамат-ша схватил бузланги за пояс, поднял кверху и бросил на землю. Он вытащил меч, чтобы отрезать бузланги голову, но бузланги сказал: «не убивай меня, я буду твоим рабом!» Аамат-ша сказал: «хорошо, трое лучше, чем двое, давай, пойдем!»

Они дошли до одного места, поохотились и застрелили газель, но у них не было спичек (чтобы развести огонь). Они увидели, что с одной горы поднялся дым. Аамат-ша сказал одному бузланги: «сходи, принеси оттуда огня». Бузланги отправился, дошел до того места, где был дым, и увидел, что некто Сорокавыючник положил под огонь сорок ослиных выюков муки (и печет хлеб). Сорокавыючник сказал бузланги: «зачем ты пришел?» Бузланги сказал: «я пришел за огнем». Сорокавыючник сказал: «ву, возьми!» Бузланги протянул руку,

ātiše bzūrīt. Čil-xarwārí gipt eší gardínā, watí zānāī čérā ku. ša Čil-xarwārí bíll u ša Amat-šā goš kaš.

Amat-šā dist ki e buzlangí na āt. e digá buzlangiā gušt ki ta b'ra, ātišā bi'ār. e buzlangí rādāg būt, amā jāe ki dūt ustāt-at, šut, dist ki āī amrākāī sarā bi Čil-xarwārīāī zānāī čérā kurtā. ša Čil-xarwārí pursít ki pa če eší rā amé rang kurtāg āī? Čil-xarwārí gušt ki e be-adabí kurt-āt, ta bi'ā, ātiše bzūr u bra. e buzlangí watí dastā táčke ku pa ātišā. ya gašt Čil-xarwārí gipt ša eší gardínā, watí čappén zānāī čérā kurt. ša Čil-xarwārí yak kámme bill u ša Amat-šā goš kaš ki bi rá int u kāīt.

āt Čil-xarwārīāī nazdíkā, dist ki du buzlangiāī sarā watí zānāī čérā kurtā. Amat-šā š-amāngū rast, ša Čil-xarwārīāī nān sist u wart. Čil-xarwārí bi Amat-šā gušt ki e če be-adabí at ki ta kurtāī? Amat-šā gušt bi Čil-xarwārí ke āīni adáb ameš int. Amat-šā bāz duwārāg gušt ki āī Čil-xarwārí, e če zór int ki ta dārāī ki mnī du brāsāī sarāgā watí zānāī čérā kurtāg āī? Čil-xarwārí gušt ki xudā bē man zorā na dātā, bi Amat-šā dātā. e gušt ki agār Amat-šāā bgíndāī, drustí am kanāī? Čil-xarwārí gušt ki man āe rā yak wáxte distāg un. gušt ki Amat-šā mnī jínd un. Čil-xarwārí

чтобы взять огня, но Сорокавыючник схватил его за шею и сунул к себе под колено. Оставь теперь Сорокавыючника и послушай про Абат-ша.

Абат-ша увидел, что бузланги не пришел. Он сказал другому бузланги: «сходи ты и принеси огня!» Бузланги собрался и пошел к тому месту, откуда поднимался дым. Там он увидел, что голова его товарища засунута под колено Сорокавыючника, и спросил у него: «за что ты так поступил с ним?» Сорокавыючник сказал: «он невежливо себя вел! пойдя ты, возьми огня и уходи». Бузланги протянул свою руку за огнем, как вдруг Сорокавыючник схватил его за шею и подсунул к себе под левое колено. Оставь не на долго Сорокавыючника и послушай про Абат-ша, который уже на дороге и подходит!

Он приблизился к Сорокавыючнику и увидел, что головы его бузланги подсунуты к нему под колени. Абат-ша подошел, выхватил хлеб у Сорокавыючника и съел. Сорокавыючник сказал Абат-ша: «что́ это за невежливость ты сделал?» Абат-ша сказал: «это-то и есть настоящая вежливость!» Потом Абат-ша вторично сказал: «что́ это за сила, которою ты обладаешь, что ты сунул себе под колени головы двоих моих братьев!» Сорокавыючник сказал: «бог дал силу не мне, а Абат-ша!» Он спросил: «если ты увидишь Абат-ша, ты его узнаешь?» Сорокавыючник сказал: «однажды я его видел!» Он сказал: «Абат-

gušt ki man átag un ki trā dar asmān bgirín, nūn ki bi ḡigārā bi mnī gīrā kaptág-äi, trā náilīn, ša mnī demā bjīäi. Amat-šā gušt ki ta pa če rāzī äi: pa kuštī ruzā äi? pa gurz ruzā äi? pa če rāzī äi? Čil-xarwārī gušt ki man pa kuštī rāzī un. Amat-šā gipt ešī srenā. tā do šap u do roč watī yak ḡigārā na jātan. Amat-šā watī xudā yāt ku, ešī rā bāl āʾúrt, jat bi me ḡigāra, zāmā kašit k-ešī sarā burrit. Čil-xarwārī gušt ki mnī sarā ma bur ki man ar jā tī dardā warín. édā Amat-šā gušt ki ša sāi čār getír int.

Amat-šā gušt ki mnī janénā spetén deb gardéntī, man ráin spetén débäiä. Čil-xarwārī gušt ki äi lālā Amat-šā, man trā yak farsáxā sarā barín, āngūrī burtága na kanín, mnī par u bāzūl sučít. Amat-šā gušt: šarr, mnā šmā tā yak farsáxā sarā barit, āngūrī mnī jind tānā raín. ešān čār mardúm bi Čil-xarwārīäi sarā sʾwār būtan. yak farsáxā sarā ʾér kaptan. Čil-xarwārī bi Amat-šā gušt ki äi lālā Amat-šā, amé watī aspā bdäi ammā rā ki ammā warán. Amat-šā gušt ki e mnī asp bórit. Amat-šā jindī tānā rādág büt, šut bi spetén débäiä. amé ki bi ʾasráiä nazdik but, dist ki ʾasrái išk u wāškā múči buzlangí anʿ, waptág anʿ. Amat-šā š-ešān na trusit, rāst šut bi ʾasrá.

ша, это я сам!» Сорокавьучник сказал: «я стремился и на небе захватить тебя, а теперь, когда ты на земле попался мне в руки, я не допущу, чтобы ты от меня убежал!» Ама́т-ша спросил: «ты что выбираешь: борьбу или палицы? что выбираешь?» Сорокавьучник сказал: «я выбираю борьбу». Ама́т-ша схватил его за пояс. Две ночи и два дня они не могли бросить друг друга на землю. Ама́т-ша помянул своего бога, потом поднял его кверху и бросил на самую землю. Он вытащил меч, чтобы отрубить ему голову, но Сорокавьучник сказал: «не отрубай мне головы, потому что я, где бы ни случилось, помогу тебе в беде!» Ама́т-ша тогда сказал: «четверо лучше, чем трое!»

Потом Ама́т-ша сказал: «мою жену отнял белый див, и я иду к белому диву». Сорокавьучник сказал: «братец Ама́т-ша, я тебя донесу до одного фарсаха пути, а дальше нести не смогу, потому что у меня сожгутся перья и крылья». Ама́т-ша сказал: «хорошо, отнеси меня до одного фарсаха пути, а оттуда я уже и сам доберусь». Они вчетвером уселись на Сорокавьучника. На границе последнего фарсаха спустились. Сорокавьучник сказал Ама́т-ша: «братец Ама́т-ша, дай нам съесть твою лошадь». Ама́т-ша сказал: «можете есть мою лошадь». Сам Ама́т-ша один собрался в путь и пошел к белому диву. Когда он приблизился к его замку, он увидел, что вокруг замка всё бузланги, и они спят. Ама́т-ша не испугался их, а пошел прямо к замку.

amé ki bi ʧasrá šut, dist ki spetén deb waptá, áí jánén amódā ništá int. spetén debáí sar bi áí zānái sará int. Amat-šá gušt ki agár eší rá be wābái jā pkúšín, nā-mardí a-bít. getír int ki eší rá sī pkanín u pkúšín. Amat-šá watí zāmá kašít bi pādái dilái šíg dāt. spetén deb ša watí wābá yak sar ustát, Amat-šāā jánénā yak čapód jat, gušt: aī gísi buridá, ta pa če magísānā (|| masiskānā) killái ki mnā waránt? duwārág Amat-šá watí zāmá bi čappén pādái šíg dāt, e spetén deb duwārág ustát, Amat-šāái jánénā jat, Amat-šāái jánénā sot, bāz gret, gušt ki tī māsái mard bi^t tī sarái čérā ustatá! spetén deb ustát ša wābá, gušt ki ajáb lunkái čárme bi mnī gírā kaptá. Amat-šá gušt ki bále, agár mnā er burtág pkánái! Amat-šá spetén debá gušt ki ta pa če rāzí-ā? spetén deb bi Amat-šá gušt ki man pa gurz rāzí un. Amat-šá am rāzí büt. spetén deb gurzá bāl ā^urt, jat be Amat-šāái sarái mānjínā. Amat-šá watí jāgá šor na wart, ša spetén deb pursít ki tī zor améš at? gúđā burzá ša spetén debái dastá zít, watí xudāā yāt ku, jat be spetén debái sarái mānjínā. spetén debá ša mānjínā du kap kurt. kápe éškā kapt, kápe áškā kapt. gúđā watí jánénā zurt u rādág büt, ša ʧasrá ér kapt. buzlangiān ustátan ša wābá, dístan ki spetén debá jánénā búrti. néme

Когда он подошел к замку, он увидел, что белый див спит, а его жена сидит возле, и голова белого дива у нее на коленях. Ама́т-ша сказал: «если я убью его во сне, это будет не достойно мужчины; лучше дам ему знать, а потом убью!» Ама́т-ша выхватил свой меч и уколол его в подошву. Белый див сразу очнулся от своего сна, дал пощечину жене Ама́т-ша и сказал: «ах, ты, бесстыжая! почему ты позволяешь мухам есть меня?» Ама́т-ша еще раз уколол своим мечом его левую ногу. Белый див опять вскочил и ударил жену Ама́т-ша. Она вспыхнула, разрыдалась и сказала: «муж твоей матери встал у тебя в головах!» Белый див совсем проснулся, встал и сказал: «какой жирный кусок попался мне в руки!» Ама́т-ша сказал: «да, если только ты сможешь меня проглотить!» Потом Ама́т-ша сказал белому диву: «ты что выбираешь?» Белый див сказал Ама́т-ша: «я выбираю палицы!» Ама́т-ша согласился. Белый див поднял палицу и ударил Ама́т-ша как раз по середине головы. Ама́т-ша не сдвинулся со своего места и спросил белого дива: «это-то твоя сила?» Потом он выхватил палицу у белого дива, помянул своего бога и ударил белого дива как раз по середине головы. Он расколол белого дива по середине на две части; часть упала на одну сторону, часть на другую. Потом он взял свою жену и отправился в путь. Он спустился с замка. Бузланги проснулись и увидели, что он увел жену белого дива. Половина их приготовилась

ustátan pa ĵangá, néme digár šútant ki spetén débā sī kanánt. šútant, dístan^t ki spetén deb ša mǎnjīnā du ka^p int. buzlangiān múčči ĵīstan^t.

Amat-šā watí ĵanénā zurt u watí brāsānīyā šut. dístī ki ar sāi amédā ništág ant. Čil-xarwārī gušt ki āi bābā Amat-šā, watí ĵanénā āwúrtāi, bi^ʔā ki brawán. ešān čār mardúm be Čil-xarwārīāi sarā s^uwār bútant, šútan^t tā wáxte ki bi yak šāre rástant. Amat-šā dist ki šārāi išk-w-āškā muč mardúmī sarág ĵatág ant. ša yak mardúme pursít ki e mardumānī sarágān pa če buritág ant? ā mardúm bi Amat-šā gušt ki bi e šār pādšāe ast, yak šárte dārít: ar ka amā šartā burt, watí ĵaníkā bi amāi a-dánt. Amat-šā gušt ki man bándā rāin bi amé padšāi darbārā, man šárt a-kanín. bándā Amat-šā šut bi pādšāi. pādšā pursít ki āi warnā, ta čé^ʔ a-loṭāi? Amat-šā gušt ki amé mardúm gúštant ki e pādšā e-rangén šárte dārít, man ātā un pa^t ti amā šartā, ta čé^ʔ a-gušāi? pādšā gušt ki āi warnā, ta ša watí onā na trusāi, ki šárt a-kanāi go man? Amat-šā gušt ki mnī on ša ěn-kas mardúm getír nāint. pādšā gušt: man am rāzī un. Amat-šā šut Čil-xarwārīyā, gušt: āi lālā Čil-xarwārī, e pādšā e-rangén šárte dārít, ta čé^ʔ a-gušāi? Čil-xarwārī gušt ki man um rāzī un.

к битве, а половина пошла известить белого дива. Они пошли, увидели, что белый див с середины рассечен на две части, и разбежались.

Амат-ша взял свою жену и отправился к своим братьям. Он увидел, что все трое еще сидят там. Сорокавьючник сказал: «братец Амат-ша, ты привел свою жену, давай, поедem!» Они вчетвером уселись на Сорокавьючника и двигались так, пока не достигли до одного города. Амат-ша увидел, что вокруг города всюду разбросаны человеческие головы. Он спросил у одного человека: «за что этим людям отрезали головы?» Тот человек сказал Амат-ша: «в этом городе есть царь; им поставлено одно условие, и всякому, кто это условие выполнит, царь отдаст свою дочь». Амат-ша сказал: «завтра я пойду на прием к этому царю! я выполняю это условие!» На утро Амат-ша отправился к царю. Царь спросил: «что ты хочешь, юноша?» Амат-ша сказал: «люди говорят, что здешний царь делает такой-то вызов; я пришел на твой вызов, ты что скажешь?» Царь сказал: «юноша, ты разве не боишься за свою кровь, что хочешь тягаться со мной?» Амат-ша сказал: «моя кровь ведь не лучше крови стольких людей!» Царь сказал: «ну, я согласен!» Амат-ша пошел к Сорокавьючнику и сказал: «братец Сорокавьючник, этот царь делает такой-то вызов; ты что скажешь?» Сорокавьючник сказал: «я тоже согласен».

bāndā ki bût, Amat-šā watí jindāi puččānā dāt bi Čil-xarwāriāi gwarā, āwurt āe rā bi pādšāai šartāi sarā. pādšā gušt: e singā bzūr, mnī šārāi išk u āškā čār bdāi, agār burtāi, man watí janíkkā trā dāin. Čil-xarwāri zurt amé singā, pādšāai šārāi išk-w-āškā čār dāt, āwurt, bi mā awwāli jāe išt, gúštant ki biyā, šartā burt. pādšāai janíkā nikā kúrtant, bi mā buzlangí dātant ki đigārānā langār a-kúrt. buzlangí gušt bi Amat-šā: ai lālā Amat-šā, man čon tī dardā bórīn. Amat-šā bi buzlangí gušt ki ta amé kāságā mās kan, bil watí demā, ar wāxte ki amé kāság on gašt, ta bi mnī dardā bōrāi.

ešān sāi mardúm Čil-xarwāriāi sarā suwār búan^t, šútant bi yak šāre. dístan, šārāi išk-w-āškā muč mardúmī sarág ant. ša yak mardúme pursít ki e mardumānī sarágā pa če burritág an^t? ā mardúm bi Amat-šā gušt ki e pādšā e-rangén šarte dārít: čil xarwār ārt kúrtan, čil am gok a-kušān, čil am pas a-kušān, ar kas amešānā wartág pkant, pādšā watí janíkā amāe rā dant. agār wartág na kurt, āi sarā burrān^t, lakatāb a-kanān^t. Amat-šā š-amédā rādág bût dem pādšāyā, šut bi pādšāai darbārā. pādšā gušt ki ai warnā, ta pa če ātag ai? Amat-šā gušt ki man pa^t tī šartā ātag un. pādšā gušt ki āipe tī warnāi nājnt? Amat-šā gušt ki magār tī šartā man barín.

Когда наступило утро, Ама́т-ша надел свою одежду на Сорокавыючника и привел его на состязание с царем. Царь сказал: «возьми этот камень и обнеси его вокруг моего города, и если сможешь, я выдам за тебя свою дочь». Сорокавыючник взял камень, обнес его вокруг царского города, принес и положил на первоначальное место. Все сказали: «смотри-ка, он выполнил условие!». Царскую дочь обвенчали; ее отдали тому бузланги, который пахал землю. Бузланги сказал Ама́т-ша: «братец Ама́т-ша, как я смогу помочь тебе в беде?». Ама́т-ша сказал бузланги: «налей в эту чашку кислого молока и поставь перед собой; как только чашка станет кровавой, спеши мне помочь!»

Они втроем уселись на Сорокавыючника, направились к одному городу и увидели, что вокруг города всюду человеческие головы. Они спросили у одного человека: «за что этим людям отрезали головы?» Тот человек сказал Ама́т-ша: «здешний царь устраивает такое состязание: мелют сорок ослиных выюков муки, убивают сорок быков, убивают сорок баранов, и всякому, кто сможет все это съесть, царь отдаст свою дочь; если же не съест, ему режут голову и вешают». Ама́т-ша отсюда направился к царю и пошел к царю на прием. Царь сказал: «зачем ты пришел, юноша?» Ама́т-ша сказал: «я пришел на твой вызов!» Царь сказал: «разве у тебя нет жалости, к своей молодости!» Ама́т-ша сказал: «но, может быть, я выиграю заклад!»

e pādšā gušt ki annūn bra, tārī byā. Amat-šā š-amédā šut Čil-xarwārīāi, gušt: āi lālā Čil-xarwārī, bi'ā ki e pādšā e-rangén šárte dārít, ta čé' a-gušāi? Čil-xarwārī gušt ki zālāre na dārít, man rāzī un.

tārī ki büt, Amat-šā watí puččānā bi Čil-xarwārīāi gwarā dāt, rādāg bütan^t u šútan bi pādšāāi šartāi sarā. Čil xarwār ārtā Čil-xarwārī wart, Čil gok am wart wa Čil pas am wart. Čil-xarwārī gušt ki amé Čil gokā postā wa Čil pasāi postā yak dóle bdočít. ešānā yak dóle dótan^t, dātan bi Čil-xarwārīāi dastā. e Čil-xarwārī dolā zurt, šut daryāā sarā. watí yak pādā išt bi daryāā sarā, watí rāstén pādā išt bi bāgāi sarā. e bāgā pur ku ša āpā. mardúm gúštan ki b'yā ki Čil-xarwārī pādšāāi šartā burt. pādšā dāt watí janíkā bi me buzlangíe ki e singā bi ā singā jat, ārt a-kúrt u wart, e janíkkā dātān^t bi amāi. e buzlangí gušt ki āi lālā Amat-šā, man čon tī dardā bórīn? e Amat-šā gušt ki kāsāgā mās pkan, ar wáxte ki amé kāsāg ón gašt, ta bi mnī dardā bórāi.

Amat-šā g-otí janénā s^uwār büt bi Čil-xarwārīāi sarā. šútan^t, bi yak γásre ér kurtan^t. Čil-xarwārī gušt ki āi lālā Amat-šā, man nūn waspín. Amat-šā gušt ki ta ki nūn waspāi, pa man dār bāz b'yār. Čil-xarwārī šut

Царь сказал: «ну, теперь иди! приходи утром!» Ама́т-ша отсюда пошел к Сорокавьючнику и сказал: «братец Сорокавьючник, посмотри-ка, какое состязание устраивает здешний царь! что ты скажешь?» Сорокавьючник сказал: «ничего, я согласен!»

Когда наступило утро, Ама́т-ша надел свою одежду на Сорокавьючника. Они отправились и пришли на состязание с царем. Сорокавьючник съел сорок ослиных व्यюков муки, съел сорок быков, съел также сорок баранов. Потом Сорокавьючник сказал: «из кож этих сорока быков и сорока баранов сшейте мех». Из них сшили мех и дали Сорокавьючнику. Сорокавьючник взял мех и пошел к реке; одну ногу он поставил у реки, а правую ногу поставил у сада, и наполнил сад водой. Люди сказали: «смотри-ка, Сорокавьючник выполнил условие!» Царь выдал свою дочь за того бузланги, который ударял один камень о другой, готовил муку и ел; ему отдали девушку. Этот бузланги сказал: «братец Ама́т-ша, как я смогу помочь тебе в беде?» Ама́т-ша сказал: «налей в чашку кислого молока, и как только она станет кровавой, поспеши ко мне на помощь!»

Ама́т-ша со своей женой уселись на Сорокавьючника и отправились в дорогу. В одном замке они остановились. Сорокавьючник сказал: «братец Ама́т-ша, я теперь посплю!» Ама́т-ша сказал: «раз ты заснешь, принеси мне пока побольше дров». Сорокавьючник пошел в лес, и сколько ни увидел дров,

pa ĵangálā. ar ĉe ki dār dist, názd āwúrt, bi daságāi tā bast, watí baḍḍā kurt, āúrt, bi ʔasrái dapá prent, ĵindī wapt.

yak róĉe Amat-šāāi ĵanén šut bi daryāāi sará ki watí sará pšódīt. yak múde ša sarāi sist, eší ra nazd āwúrt, gurenáge ku^t, prent bi daryāāi dapá. e mūd šut u bi māiāi dapá tā kapt. e māí eší rá wart. amé māie ki amé mūdā wart, eší rá sayádāi zāg gipt. sayádā zāg gušt ki bi^ʔá ki man eší rá pa pādšāāi zāg barín. e sayádāi zāg amé māiā zurt u rādág büt bi pādšāāi zāgāi demá, amé māiā dāt bi pādšāāi zāgāi dastá. e pādšāāi zāg sāil kurt, dist ki e māí murtá, zindág näint. watí gulāmā gušt: ta amé māiāi lāpá páĉ kan, ki man bgíndīn bárāⁱ ĉe int. gulāmī māiāi lāpá páĉ ku, dist ki yak múde ast. pādšāāi zāg gušt ki ar kas amé mūdāi wāúndā biārīt, āí du brebírā zārr a-dāin. yak pīrazále āt ki iĉ dandán bi sarāi na at, gušt ki pa^m man yak sundūxe ĵoḍ pkan ki ĉappí tā^b bdāin, bi ḍigārā mníndīt, rāstí tā^b bdāin, bi asmánā brot. e pādšāāi zāg zúti ĵoḍ kurt u dāt bi pīrazālāi dastá. pīrazāl bi sundūxāi tā ništ. rāstí tāb dāt, šut bi asmánā, šut bi yak ĵāe, bi daryāāi kirrá, ér ku, šut bi ʔasrá.

Amat-šā šutá bi šikārā. améš at ki āt, dístī āí ráā sará yak pīrazále ništá, gušt: āi māsí, tá ĵdā ĉe^y a-kanāi? ā pīrazāl gušt ki man ša zawár

собрал их; обвязал веревкой, взвалил на спину и принес; бросил при входе в замок, а сам заснул.

Однажды жена Алат-ша пошла на берег реки, чтобы помыть голову, и у нее выдернулся волос из головы. Она его подняла, завязала узелком и бросила в реку. Волос понесло, и он попал в пасть рыбе; рыба его проглотила. Сын охотника поймал эту рыбу, которая проглотила волос. Охотников сын сказал: «давай-ка, я снесу эту рыбу царевичу!» Охотников сын взял эту рыбу, направился к царевичу и вручил ему эту рыбу. Царский сын стал смотреть и увидел, что эта рыба уже мертва, а не жива. Он сказал своему рабу: «вскрой брюхо этой рыбе, я посмотрю, что у нее внутри». Раб вскрыл брюхо рыбе и увидел, что там волос. Царский сын сказал: «каждому, кто сыщет обладателя этого волоса, я дам двойное количество золота!» Пришла одна старуха, у которой зубов совсем не было и сказала: «изготовь для меня такой ящик, чтобы он, если я его закручу влево, останавливался на земле, а если вправо закручу, поднимался на небо». Царский сын быстро его изготовил и вручил старухе. Старуха села в ящик; она закрутила вправо и полетела к небу. Потом она опустилась в одном месте на берегу реки и направилась в замок.

Алат-ша отлучился на охоту. Вышло так, что он пришел и увидел, что на его дороге уселась какая-то старуха. Он сказал: «что ты, матушка, здесь

māntá un. Amat-šá gušt ki biyā, go man brawán ki man yak jánéne dārín, ā am tanā int. Amat-šá e pīrazālā zurt, burt watí jindāi gisā. amé ki jánénī dist ki Amat-šá ša^r rá yak pīrazāle āwúrt, e jánén γār kurt, gušt ki ta pa če watí māsāi mardā āwurtág āi? Amat-šá gušt ki āi jánén, eš am bil tā bīt go ta, ki ta tanā-ā.

yak róče būt ki amé pīrazāl bi Amat-šāi jánén gušt: ta bi Amat-šá bguš ki amé tī šišági umr cé int? Amat-šā āt, gisā ništ. āi jánén gušt ki āi nākó-zág, amé tī šišági umr cé int? Amat-šá watí jinénāi dapāi tā jat. yak sā^báte níštan^t. amé Amat-šá dasmālā zurt, watí jinénāi onānā pákī ku, gušt: āi mnī nipás, mnī šišági umr mnī amé zām int. šap būt. e pīrazāl Amat-šā zāmā kašít ša srenāi, burt, bi čāā tā prent.

tārī būt, e pīrazāl Amat-šā jánénā gušt: tā watí mardā ša wabā pād ma kan, māšmā biyā ki b'rawán, watí sarānā pšódan. e pīrazāl Amat-šā jinénā zurt u šut bi daryāi kirrá, burt amā sundūxāi kiníkkā, gušt: biyā, māsī jān, māšmā amé sundūxāi tā mníndan, bgíndan, māšmā rā ar dokénā jāh a-bít. Amat-šāi jinén go pīrazāl bi sundūxāi tā ništ. yak gašt pīrazāl bi sundūxāi tā ništ. yak gašt pīrazāl sundūxāi pečā rāstí tāb dāt. sundūx ustát, šut bi asmānā, šut, bi pādšāi zāgāi gisāi dapā, er būt. pādšāi zāg

делаешь?» Старуха сказала: «я отстала от паломников». Абат-ша сказал: «давай, пойдем со мной: у меня есть жена, и она тоже совсем одна». Абат-ша взял старуху и отвел к себе домой. Как только его жена увидела, что Абат-ша привел с дороги какую-то старуху, она рассердилась и сказала: «зачем это ты привел мужа своей матери?» Абат-ша сказал: «жена, оставь ее, пусть она побудет с тобой, ты ведь одна!»

Однажды случилось так, что эта старуха сказала жене Абат-ша: «спроси у Абат-ша: „в чем заключается сосуд твоей жизни?“» Абат-ша вернулся и сидел дома. Его жена сказала: «о сын моего дяди, в чем заключается сосуд твоей жизни?» Абат-ша ударил жену по рту. Некоторое время они посидели, потом Абат-ша взял платок, вытер кровь своей жены и сказал: «душа моя, сосуд моей жизни — вот этот меч!» Наступила ночь. Старуха стащила с пояса Абат-ша его меч, отнесла и бросила в колодец.

Наступило утро. Старуха сказала жене Абат-ша: «ты не буди своего мужа, а давай, мы пойдем и помоем головы!» Старуха взяла жену Абат-ша, пошла к берегу реки, повела к ящику и сказала: «давай, дитятко, посидим в этом ящике, посмотрим, хватит ли места нам обоим!» Жена Абат-ша уселась вместе с старухой в ящике. Тотчас старуха уселась в ящике и повернула винт ящика вправо. Ящик поднялся, направился к небу, понесся и спустился у входа

ša pīrazāl pursít ki āwúrtāi yā na? pīrazāl gušt ki āúrtun. Amat-šāāi jīnén gušt ki āi pādšāāi zāg, tā ċil roč ta mnī šórā ma dā ki man mārde dārín. ša e pādšāāi zāg bill u ša Amat-šā am bill u ša buzlangiān kámme goš kaš.

amā buzlangí ki ġigārānā langár a-kurt, watí kāságā mās kurt, watí demā išt, dist ki ón gaštá, wat rā kapóte kurt, rādág büt, āt déme amé buzlangí ki e singá bi ā singá jat, árt a-kurt u wart, āt, gušt ki āi lālā buzlangí, man kāságā mās kurtá un, watí demā ištág un, ón gaštá. biyá ki brawán bi Amat-šāāiā. ā buzlangí gušt ki biyá ki brawán. ar dokén wat rā kapóte kúrtan, šútan bi Amat-šāāiā, dístan ki Amat-šāā išk-u-áškā múči kirm jatá. dístan ki Čil-xarwārí am waptág int. e Čil-xarwāríā ar če ki tawār kúrtan^t, e ša watí wābā na ustát. amé dārāne ki Čil-xarwārí pa Amat-šā āwúrt-at, múččānā bi sarāi xarmán kúrtan^t, gogírde ša čérāi játan. e Čil-xarwārí sot, ustát ša watí wābā, gušt: čé^y a-loťít ša^m man? e du buzlangí gúštan^t ki biyá ki Amat-šā murtá, āi jānénā burtág ant. Čil-xarwārí gušt ki šmā bráit, Amat-šāā jānénā paidá kanít u biyáit. e duén šútan. ša e duén bill u ša Čil-xarwārí kámme goš kaš.

во дворец царевича. Царский сын спросил старуху: «привезла или нет?» Старуха сказала: «привезла!» Жена Аमत-ша сказала: «царевич, сорок дней не трогай меня, потому что я замужняя!» Оставь теперь царского сына, оставь также Аमत-ша, а послушай немного о бузланги.

Тот бузланги, который нахал землю, налил кислого молока в чашку, поставил перед собою и увидел, что получилась кровь. Он обернулся в голубя и пустился в путь. Он приблизился к тому бузланги, который ударял один камень о другой, получал муку и ел, приблизился и сказал: «брат бузланги, я налил в чашку кислого молока и поставил перед собой, получилась кровь; давай, пойдем к Аमत-ша!» Тот бузланги сказал: «давай, пойдем!» Они оба обернулись в голубей и отправились к Аमत-ша. Там они увидели, что вокруг Аमत-ша повсюду завелись черви, увидели также, что Сорокавыючник спит. Сколько они ни кричали Сорокавыючнику, он не вставал. Тогда они сложили в кучу около головы Сорокавыючника все те дрова, которые он принес для Аमत-ша, и зажгли под ними спичку. Сорокавыючник обгорел, проснулся и сказал: «что вам от меня нужно?» Эти двое бузланги сказали: «смотри-ка, Аमत-ша мертв, а его жену похитили!» Сорокавыючник сказал: «идите, найдите жену Аमत-ша и приходите!» Они оба пошли. Оставь их обоих и послушай немножко про Сорокавыючника.

e Čil-xarwāri ustát, šut, bi čāā tā ér kapt, zāmā kašit, āwúrt, bi Amat-šāāi srená jat. Amat-šā ustát ša watí wābā, gušt: aǰáb wābe átun. ki mnā sí kurtít. Čil-xarwāri gušt ki gúj int tī janén? guǰá bŭtá? Amat-šā gušt ki agár burtá, amā pīrazāl burtá. ša Čil-xarwāri bil, ša ā du buzlangí goš kaš.

ā du buzlangí wat rā kapóte kúrt-atan, bi šārāi tā čār a-kúrtan, Amat-šāāi janénā wadí kúrtan^t. e du buzlangí šútan^t bi Čil-xarwāriāiā, go Čil-xarwāri gúštan ki ā lālā Čil-xarwāri, biyā ki Amat-šāāi janénā distág an, ta bra, biʹārī. Čil-xarwāri š-amédā rādág bŭt, šut bi Amat-šāā janénīʹā. dist ki amā janén bi gisāi tā ništág int. e Čil-xarwāri go mā gis u mis, go mā pīrazālā watí baǰǰā kurt, āwúrt bi Amat-šāāiā, gušt: āi lālā Amat-šā, man ki tī janénā āʹúrtun, mnī gīrā yak pīrazāle kapt.

e Amat-šā ā du buzlangíyā ruxsát ku, ki šútan^t. Amat-šā bi Čil-xarwāri gušt ki āi lālā Čil-xarwāri, man a-rāin watí jindāi šārā. Čil-xarwāri gušt ki zālāre na dārít. šut, du asp āwúrt, gušt: āi lālā Amat-šā, ta ki rawāi, biyā, bra. yak áspe rā Amat-šāā janén suwār bŭt, yak áspe rā Amat-šāā jind suwār bŭt u šútant bi watí pisāi šārā. gúštant ki biyā ki Amat-šā āt.

Сорокавѣучник встал, пошел к колодцу, спустился, вытащил меч, принес и надел его Ама-ша на пояс. Ама-ша пробудился от своего сна и сказал «странно! значит, я спал, раз вы меня разбудили?» Сорокавѣучник сказал: «где твоя жена? куда она делась?» Ама-ша сказал: «если она похищена, так это та старуха похитила!» Оставь Сорокавѣучника и послушай о тех двух бузланги.

Те двое бузланги обернулись в голубей, стали кружиться над городом и нашли жену Ама-ша. Оба бузланги отправились к Сорокавѣучнику и сказали ему: «братец Сорокавѣучник, смотри-ка, мы нашли жену Ама-ша, сходи за ней!» Сорокавѣучник выступил оттуда и отправился за женой Ама-ша. Он увидел, что она сидит дома. Сорокавѣучник взвалил ее вместе со всем домом и утварью и с той старухой к себе на спину, принес к Ама-ша и сказал: «братец Ама-ша, вот я принес твою жену! ко мне в руки попалась еще одна старуха!»

Ама-ша отпустил тех двух бузланги, и они ушли. Ама-ша сказал Сорокавѣучнику: «братец Сорокавѣучник, я хочу ехать в свой город!» Сорокавѣучник сказал: «вреда не будет!» Он пошел, привел две лошади и сказал: «братец Ама-ша, раз едешь, пора ехать!» На одну лошадь села жена Ама-ша, а на другую сам Ама-ша. Они отправились в город своего отца. Там заговорили: «смотри-ка, прибыл Ама-ша!» Царь взял свою свиту и войско и высту-

pādšā watí urdū γušānā zurt u šut bi Amat-šāā demā. ān čo ki bi Amat-šā rast, pādšā āt ki demā wat rā prenīt, Amat-šā ša watí pisā wat rā demtírā prent. šútan^t bi šārāⁱ tā, apt šap u apt roč dol u sāz kúrtant, Amat-šā rā duwārág gis dátant. man āwānā amódā íštun, mnī jind jístun u átun, pa^t ta dištāre āwúrtun, pa e warnā am dištāre āwúrtun, pa wat imāne āwúrtun. e padšāā urdū⁷ā múččānā bāstun, préntun, mnī jind jístun u átun.

XII

būt na būt, ša mašmāi xudā getír káse na būt. yak pādišāe at. amé pādišā dāšt yak zāge. amé pādišāāi zāg ša du-sālagíyā bi maktab-xānā wānt bi yak tārínken gisāi tā. yak wáxte būt, amé zāgā būt nozdā sāl. amé zāg watí dilā pígrī kurt wa gúšti: biyā ki man marócī ša amé gisā dar pkapín bi đaná. amé ki dār kapt bi đaná, sālī kurt, dístī tā amé gisāi dapā yak ādénke. amé zāg šut, bi amé ādénkāyā oštāt, sālī kurt, wat rā dístī tā man čunén speténe-un. watí dilā gúšti: bil tā mnī pis bāit, gúđinā man go āiyā gušín ki ā pa man yak juwānén jínike pāidā pkant. š-amídinā šut. bi watí jāgā.

пил на встречу Ама́т-ша. Как только царь подъехал к Ама́т-ша, он хотел первым броситься с лошади, но Ама́т-ша соскочил раньше отца. Они отправились в город; семь ночей и семь дней были в барабан и пели, вторично справляли свадьбу Ама́т-ша. Я их там оставил, а сам убежал; пришел и привел тебе невесту, и этому юноше тоже привел невесту, а себе приобрел благополучие. Войско этого царя я все перевязал и бросил, а сам прибежал.

(XII. О Га́рам-бога́тыре)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя был сын. Этот царевич с двухлетнего возраста обучался в школе, в темном помещении. Настала пора, и юноше исполнилось девятнадцать лет. Юноша подумал про себя и сказал: «дай-ка, я выйду сегодня из этого дома наружу!» Когда он вышел наружу, он посмотрел и увидел, что при входе в дом есть зеркало. Юноша пошел, остановился перед зеркалом, посмотрел и увидел: какой я белый! Он сказал про себя: «пусть придет мой отец, и тогда я скажу ему, чтобы он сыскал для меня пригожую девушку!» Он пошел отсюда к себе.

tārienā bŭt, amé zāgāi pis āti bi watí zāgāyā. amé zāg gúšti go watí pisá ki āi bābā, man ša ta loťin yak ĵiníke ki mnī am-rānge bīt. amé zāgāi pis gúšti: man āncén ĵiníke paďdā kurtága na kanín. amé zāg go watí pisá gúšti: agár ta amé ďaulén mnī am-rāngen ĵiníke pa man paďdā na kanāi, man š-amídā raín pa wat. amé pādišá gúšti: ta, bābā, yak wār ma ra, man a-raín, gardín bi mašmāi alkā tā, agár dístun tī am-rāngen ĵiníke, gúďa man amá ĵiníkā pa ta alás a-kanín.

amé ki amé zāgāi pis rādág bŭt démi watí gisá, amé ki ŭkúre šut, amé zāg rādág bŭt u šut bi ďaná. dístī tā amé gisái demá yak ĵinén zāge ništagí. amé ĵinén zāg š-amódinā ustát u āt bi amé zāgāyā, go amé zāgā gúšti: āi ĵuwanén čorí, tī am-rāngen ĵiník bi amé šārái tā náint-a wa ič kas na dārít, bi yak ĵāgāe ast. amá ĵinikóai ešk u áška mudám ĵarāul a-gardánt. agár ta amá ĵinikóā pa wat āurtái, amá ĵiník tī am-rāngen ĵiníke. amé ĵinén zāg š-amódinā šut bi watí gisá, amé zāg am šut bi watí gisá.

tārienā ki bŭt, amé zāgāi pis āt bi watí zāgāyā. amé zāg pursít ša watí pisá ki āi bābā, ta pa man yak ĵiníke paďdā kúrtái? amé zāgāi pis gúšti: āi bābā ĵān, man šútun, gášun, bi amé maxlúkānī gisá, gášun, gášun, ič ĵiník na dístun. amé zāg gúšti: agár, bābā, ta paďdā kurtága ná kanai,

Наступило утро. Отец этого юноши пришел к своему сыну. Юноша сказал своему отцу: «я хочу от тебя девушку, которая была бы мне под стать». Отец юноши сказал: «я не могу сыскать такой девушки». Юноша сказал своему отцу: «если ты не отыщешь девушки мне под стать, я уйду отсюда». Царь сказал: «ты, сынок, сразу не уходи, я пойду и поищу в нашей округе, и если найду тебе девушку под стать, тогда я ее тебе высватаю».

Когда отец юноши отправился к себе домой и прошел немного, юноша собрался и вышел наружу. Он увидел, что перед домом сидит женщина. Эта женщина встала, подошла к юноше и сказала ему: «о пригожий юноша, в этом городе нет тебе девушки под стать, ни у кого нет, а она есть в другом месте, только вокруг этой девушки всегда ходит стража! но если ты приведешь для себя эту девушку, то эта девушка будет под стать тебе!» Эта женщина отсюда пошла к себе домой, юноша также пошел к себе домой.

Когда наступило утро, отец этого юноши пришел к своему сыну. Юноша спросил у отца: «батюшка, ты сыскал для меня девушку?» Отец юноши сказал: «голубчик сынок, я ходил здесь и искал по домам у жителей, искал, искал, никакой девушки не нашел!» Юноша сказал: «если, батюшка, ты не можешь оты-

man š-amé tī šārā raín. amé pādišā gúštī: āi bābā, ta ki rawāi, bra, ā ta u ā tī rā. amé zāg digār iči na gúštī, š-amódinā ustāt u šut bi yak jāgāe.

yak sāi rōči digār būt. amé pādišā go amé watí salātān gúštī: šmā brāit pa mnī zāgāi padā ki agār amé mnī zāg braut bi amé kápéren Garám-bātúrāiyā, amé Garám-bātúr mnī zāgā bgíndit, gúḍinā amé Garám-bātúr mnī zāgā kušit. šmā rā man mardúme yak asp a-daín, šmā demtírā brāit bi Garám-bātúrāiyā, amódinā mníndit. agār mnī zāgā dístit u biyārit, agār na dístit, gúḍinā šmāi jind padoi biyāit. amé salāt gúštant: nápa bāz juwán int. watí aspānā lagām kúrtant, zen u sanj kúrtant u watí zāmānā wa watí tūpākānā zúrtant, bi watí baḍā kúrtant. š-amódinā šútant, bi amé Garám-bātúrāiyā šútant, dístant tā Garám-bātúr ídinā bi watí jāgā náint-a. amé salāt amódinā ér kurtant, watí aspānā gíptant, amódinā bástant, yak jāgāe nístant, pa wat čā još dátant wa amédinā nístant, dédi amédinā čā wártant.

yak wār amé Garám-bātúr, ta bzānāi, amé salāt čilím am kašánt, amé Garám-bātúr amešāni čilímāi boā kuškínt, wat š-amódinā rāstám a-kāit bi amé salātāniyā. amé ki āti, amé watí ħurzā gípt, amāngūr prent u wat āti, go wat gúštī: agār man amé watí ħurzā go wat barín, amā salāt amé mnī ħurzāi boā kuškinánt. gúḍinā amé watí ħurzā gít, amāngūr a-prenít

скать, я уйду из твоего города!» Царь сказал: «раз ты уходишь, сынок, иди! вот тебе дорога!» Юноша больше ничего не сказал, встал и пошел отсюда в другое место.

Прошло дня три. Этот царь сказал своим воинам: «отправляйтесь вслед за моим сыном, потому что, если мой сын пойдет к этому нечестивому Гарам-богатырю и Гарам-богатырь увидит моего сына, тогда он убьет моего сына. Я дам вам каждому по лошади, и вы поезжайте вперед к Гарам-богатырю и там оставайтесь. Если найдете моего сына, приведите, если не найдете, тогда возвращайтесь сами». Воины сказали: «очень хорошо», взнуздали своих лошадей, оседлали и снарядили их, взяли свои мечи и закинули ружья себе за спину. Они отправились отсюда, направились к Гарам-богатырю и увидели, что Гарам-богатыря у себя нет. Воины здесь спешились, взяли и привязали своих лошадей, а сами расположились в одном месте, вскипятили себе чай и сидели здесь, попивая чай.

Вдруг Гарам-богатырь, — а нужно знать, что воины курили табак, — слышит запах их кальяна, и прямо направляется к этим воинам. Когда он подходил, он взял свою палицу и бросил ее в сторону, а сам подошел; он сказал себе: «если я понесу с собой палицу, воины услышат запах моей палицы». Поэтому он берет

u wát a-kāit pádā bi amé salātānīyā. amé ki átī amé salātānī nazikā, amé salāt trusítant. yak wār amé Farām-bātúr tawārī kurt ki ma trusít, man šmā rā íčiyā na kanín. amé salāt na jístant. amé Farām-bātúr š-amāngūr ki átī, lagít, bi amé čilīmānī sarā kapt. amé ki amé Farām-bātúri sar démi amé čilīmānīyā büt, amé salāt watí zāmāna zúrtant, arkát kúrtant pa amé Farām-bātúri jānā. Farām-bātúri sar bi čilīmā jāl at. yak wār amé salāt gírdi amé watí zāmānā šiwág kúrtant bi amé Farām-bātúri sarā. amé Farām-bātúrá čist go zāmā tukúr-tukúri kúrtant, amé gardínāi tāngāt na murt at.

yak wār, ta bzānāi, ša gujāngūr amé pādišāi zāg kāit. amé ki átī, tāngāt amé Farām-bātúr, ta bzānāi, na murtagí, tāngāt zindág int-a. amé pādišāi zāg go amé watí pisāi salātān gúšti: šmā amé Farām-bātúrá bá ná kanit ki man ša šmā zinín, pa ar čínka ki šmā bdáit, man ša šmā zinín. amé salāt go wat gúštant: agár amā amé Farām-bātúrá go wat barán, amé pādišā mašmā rā albatán yak bārikalāe dant, digár íčiya na gušít. biyā ki mašmā amé Farām-bātúrá bi amé zāgā bdāyan. amé salāt go amé zāgā gúštant: ta amā rā mardúme sad řarān zar bidāi, gúđinā amā amé Farām-bātúrá bi ta dayán. amé zāg watí dastā burt bi watí kitóā, zarānā dārī kurt, amé salātānā mardúme sad řarān zar dātī. amé salāt amé

свою палицу и бросает ее в сторону, а сам подходит опять к воинам. Когда он приблизился к воинам, они испугались. Тотчас Гарам-богатырь закричал: «не бойтесь, я вам ничего не сделаю». Воины не убежали. Когда Гарам-богатырь подошел, он сразу припал к кальяну. Как только голова Гарам-богатыря склонилась к кальяну, воины схватили свои мечи и двинулись на Гарам-богатыря. Голова Гарам-богатыря была опущена к кальяну. Сразу все воины замахнулись своими мечами на Гарам-богатыря. Прямо на части изрубили мечами Гарам-богатыря, только еще шея его не была мертва!

Вдруг, нужно знать, откуда-то подходит тот царевич. Когда он подошел, Гарам-богатырь, нужно знать, еще не умер, еще был жив. Этот царевич сказал воинам своего отца: «вы не продадите этого Гарам-богатыря, чтобы я его мог у вас купить? за сколько вы его ни отдадите, я его у вас выкуплю!» Воины сказали друг другу: «если мы повезем с собой этого Гарам-богатыря, конечно, царь скажет нам только спасибо! и больше ничего; давай-ка, отдадим этому парню Гарам-богатыря!» Воины сказали юноше: «дай нам каждому по сто кранов денег, и тогда мы отдадим тебе Гарам-богатыря!» Юноша опустил свою руку в карман, вынул деньги и дал каждому из воинов по сто кранов. Воины

zarānā zúrtant, amé watí aspānā suwār bŭtant u šútant bi pādišāāi gisā. ódinā ki šútant, pādišā ša ešān pursít ki šmā mnī zāgā na dístit? amé salāt ĵawāb dātant ki amā tī zāgā na dístan. š-āwān bil u ša Garām - bātúr u ša amé zāgā goš pkaš.

amé zāg amé Garām - bātúrā burt bi duxtŭrājā, amé Garām - bātúrā zabr drŭā kant. amé ki Garām - bātúr ša awālā getír drŭā bŭt, go amé zāgā gúštī: biyā ki man u ta dast bi pisí u zāgí bdāyan. amé Garām - bātúr u amé zāg dast bi pisí u zāgí dātant, amé Garām - bātúr amé zāgāi pis bŭtī, amé zāg Garām - bātŭrī zāg bŭtī.

š-amódinā átant bi yak ĵāgāe. yak wār Garām - bātúr go amé zāgā gúštī: āi bābā, mnī ħurz bi plānā watānā ast, man tānāxten rāin, amé watí ħŭrzā kārīn, ta tānāxten amídinā bošt, man anŭn a-kāin. šŭtī pa watí ħurzāi padā. du dayīyā na gwast, zāg dist tā mnī pis átī.

š-amódinā šútant bi yak ĵāgāe. amé zāg go amé watí pisā gúštī: āi bābā Garām - bātúr, mán dāštun yak píse. amé mnī pis mnā ša du-sālagíyā bi maktāb-xānā nādéntī, bi yak tārínken gisā tā ki mardŭm wat rā pa šariyā na dist. yak čunt waxt gwast, yak róče man šútun bi đanā, dístun tā amé gisāi dapā yak ādénke ér int-a. man šútun bi amā ādénkāyā, wat rā sāil kŭrtun, dístun: pŭk! xānāi xarāb bīt! man čunén speténe un.

взяли деньги, сели на своих лошадей и поехали в царский дом. Когда они туда прибыли, царь спросил их: «вы не нашли моего сына?» Воины ответили: «мы твоего сына не нашли». Оставь их и послунай о Гарам-богатыре и об этом юноше.

Юноша повел Гарам-богатыря к врачу; он хорошо вылечивает Гарам-богатыря. Когда Гарам-богатырь стал здоровее прежнего, он сказал юноше: «давай, подадим друг другу руки и будем отцом и сыном!» Гарам-богатырь и юноша дали друг другу руки, чтобы стать отцом и сыном. Гарам-богатырь сделался отцом юноши, а юноша сыном Гарам-богатыря.

Отсюда они пошли в одно место. Вдруг Гарам-богатырь сказал юноше: «моя палица в такой-то стране! я пока схожу и принесу свою палицу, а ты пока побудь здесь, я сейчас приду!» Он пошел за своей палицей, и двух минут еще не прошло, как юноша увидел: вот пришел мой отец!

Они пошли отсюда в одно место. Юноша сказал этому своему отцу: «батюшка Гарам-богатырь, у меня ведь был отец! Этот мой отец поместил меня с двухлетнего возраста в школу, в такое темное помещение, что человек себя хорошо не мог видеть. Прошло несколько времени; однажды я вышел наружу и увидел, что у входа в дом лежит зеркало. Я пошел к тому зеркалу, посмотрел на себя, увидел: „тфу, пропасть! какой я белый!“

amédinā ništ-atun, dístun tā š-amíngūr yak ĵinén zāge mnā tawār a-kánt ki ta bošt, man go ta yak abāre dārín. man oštátun. amé ĵinén zāg go man gúštī: tī am-rāngen ĵiník ídinā náĵint-a, bi e tī pisāĵi šār u kalātā, bi yak ĵāgāe ast, ámmā bi amāī ĵiníkāĵi ešk-u-áškā mudām pajrá a-gardánt. amā ĵinikó am bi yak sundúxā tā int. ta bra, go watī pisā bguš ki amā ĵiníkā pa ta agár alāsī kurt, kurt, digá tī am-rāngen ĵiník náĵint-a. man go amé ĵinén zāgá gúštun: anūn ta bra, ki anūn mnī pis a-kāĵit. yak sáte digár būti, dístun tā eš int, mnī pis átī. man go watī pisā gúštun: āĵi bābā, ta yak kāre pkan ki maróĉi bra bi watī gisā, pa man yak ĵwānén mnī am-rāngen ĵiníke paidā pkan. mnī pis š-amódinā šut bi watī gisā, du róĉi digár būt, amé mnī pis átī bi mnīyā, go man gúštī: man šútun, bi gisān gáštun, tī am-rāngen ĵiníke na dístun. man go watī pisā gúštun ki man a-raín pa wat. amé mnī pis gúštī: nápa bāz ĵuwān int-a, bābā, ta ki rawāĵi, bra. man íĉi na gúštun, šútun, améš int-a, bi tíyā átun. anūn agár ta amā ĵiníkā pa man paidā pkānāĵi u biyārāĵi! amé Garám-bātúr gúštī: āĵi bābā, ā ĵiník bi mnī dastā int-a, ta pa améš ĵusā wartág-āĵi? brawán!

amé Garám-bātúr u amé zāg šútant, bi yak ĵāgāe dístant tā amídinā sāĵi gwandáken gidanúk ant buzlangiāĵi. amé zāg u amé Garám-bātúr átant

Я посидел здесь и увидел, что отсюда меня зовет какая-то женщина: подожди, мол, я хочу тебе словечко сказать! Я остался, и женщина мне сказала: „здесь, в этом городе твоего отца, нет девушки тебе под пару, а есть в другом месте; только вокруг этой девушки всегда ходит стража, и сама та девушка находится в ящике; иди и скажи своему отцу, что если удастся ему просватать для тебя эту девушку, так хорошо, а иначе нет девушки тебе под пару!“ Я сказал этой женщине: „ты теперь уходи, потому что придет мой отец!“ Прошло немного времени, и я увидел, что мой отец пришел. Я сказал своему отцу: „батюшка, ты уж как-нибудь постарайся! сходи сегодня домой и подыщи мне под пару хорошую девушку“. Мой отец пошел домой; прошло еще два дня, и мой отец пришел ко мне и сказал мне: „я ходил-ходил по домам, но не нашел девушки тебе под пару“. Я сказал своему отцу, что я уйду. Мой отец сказал: „очень хорошо, сынок! раз уходишь, иди!“ Я ничего не сказал, пошел, и вот, пришел к тебе! О если бы ты теперь сыскал и привел мне ту девушку!“ Гарам-богатырь сказал: «та девушка, сынок, в моих руках! значит, ты по ней тоскуешь! пойдём!»

Гарам-богатырь и юноша пошли и увидели в одном месте, что там три маленьких шатра бузланги. Юноша и Гарам-богатырь подошли поближе

bi amé gisānī nazíkā. yak wār ki amé gisānī puštā ātant, dīstant tā amídinā yak pīra-zāle ništāgī. amé Garám-bātúr amé ki bi amé pīra-zālāi pānādā ātī, gúšti: salām alāik. amé pīra-zāl gúšti: alāik-u salām. amé ki Garám-bātúr u amé zāg āngūrī šutant, yak wār amé pīra-zāl go wat gušt: agār amešī salām ma būtin, man ešī rā yak lunkāe kúrtun! yak wār amé Garám-bātúr uškíti wa bir gāšti u ātī padā, go amé pīra-zālā gúšti: man Garám-bātúr baín, ta mnā āncén abāre bdāyāi! amé watī ȳurzā zurt, jat bi amé pīra-zālāi sarāgā. amé pīra-zāl murtī wa wat š-amídinā sūtant bi amé gisānīyā, pa wat nān zítant u wártant u š-amódinā šútant bi yak jāgāe, amā juwānén jiníkāi pisāi šārāi pānādā, bi dūrā šútant, dīstant tā roč níšti. amé Garám-bātúr go amé zāgā gúšti: anūn ta amídinā mnind, ša amé tāgazān bzūr u bún bdāi, amé watī ātīšā na ki pkúšāi, mudām dār bāz bír bdāyāi. agār ta watī ātīšā pkúšāi, amé buzlangī kāyánt, trā kušánt. amé zāg gúšti: nápa bāz juwān int-a.

amé Garám-bātúr š-amódinā šúti amé jiníkāi pisāi šārāi pānādā, dīsti tā ič kas ídinā nājint-a. amé Garám-bātúr šut bi amé jinikóāi gisā, dīsti tā ā int-a jinikó, ódinā bi yak sundūxāi tā ništāgī. amé Garám-bātúr šut, amé jinikóā go amé sundūxā zurt, bi watī bađā kúrti u š-amódinā ki rādāg būt, šúti, amé ki ša gisā dar kapt u bi đaná šut, yak wār amé

к этим домам. Когда они подошли сзади к этим домам, они увидели, что там сидит старуха. Когда они подошли к этой старухе, Гарам-богатырь сказал: «мир тебе!» Старуха сказала: «и тебе мир!» Когда Гарам-богатырь и юноша прошли мимо, вдруг старуха сказала сама себе: «если бы не было его приветствия, я бы его разом проглотила!» Гарам-богатырь услышал, тотчас повернулся, подошел обратно и сказал старухе: «я Гарам-богатырь, а ты мне говоришь такие слова!» Он схватил свою палицу и ударил старуху по голове; старуха умерла. Они пошли в те дома, взяли себе хлеба, поели и оттуда пошли в другое место. Они подошли к дальним окраинам города отца той пригожей девушки и увидели, что солнце село. Гарам-богатырь сказал юноше: «посиди теперь здесь, только набери хворосту, зажги и не давай потухнуть твоему огню, а все время подкладывай побольше дров: если ты улетишь свой огонь, придут бузланги и тебя убьют». Юноша сказал: «очень хорошо».

Гарам-богатырь пошел отсюда к городу той девушки и увидел, что там никого нет. Гарам-богатырь пошел к дому этой девушки и увидел, что вот она, девушка! сидит там в ящичке! Гарам-богатырь пошел, взял девушку с ее ящичком, взвалил себе на спину и пошел. Когда он пошел оттуда, вышел уже из

jinikóäi pairá amé Garám-bātúrā distant. yak wār tawār kúrtant ki äi bošt! amé Garám-bātúr iči na gúšti u šúti. amé pairá am ša amé Garám-bātúr trusítant, ič kas bi amé Garám-bātúráiā átág na kúrtant.

amé Garám-bātúr amé jinikóā āurti bi zágäiyā. amé zäg amé sundúxi dapá páči kurt, yak wār amé jinikó yak çapóde jat bi amé zágái demái gwará, amé zäg gréti. amé Garám-bātúr amé watí yurzá zúrti ki amé zágá dit. yak wār bi watí ošá kapt wa gúšti: agár ti am-awáläi neki ma bútin ki ta pa man kúrt-atäi, anún man trā go yak yurzá kúšton, pa če ki ta ša yak jinikóā çapóda grewái. amé Garám-bātúr amé watí yurzá zúrti, jat bi amé sundúxā; yak wār amé sundúx palk-palk büt. amé jinikó š-amódinā ustát u oštát. amé zäg šut, amé jinikóäi dastá gipt u āurt, bi watí pānādā nādénti.

amé šapénā amidā wáptant, tārīenā ki roč bütī, amé Garám-bātúr u amé zäg u amé jinikó š-amódinā átant bi yak jägáe, distant tā amédinā yak šäre. améš šútant bi amé šāräiyā, distant tā bi amé šarái tā ič kas nájnt-a. amé Garám-bātúr amešánā zurt u burt bi amé šarái tā, ódinā amešánā bi yak gisé tā kúrti wa amé gisái dapá ýlpi kúrti wa wat š-amódinā šúti pa šikārā, šikāri kúrti u āurti, bi amešán dāti. yak čunt waxt büt, pa duwārág amé Garám-bātúr šut pa šikārā. amé ki Garám-

дому и пошел наружу, вдруг стража этой девушки увидела Гарам-богатыря. Они тотчас закричали: «стой!» Гарам-богатырь ничего не говорил и шел. Стража испугалась Гарам-богатыря, и никто не мог подойти к Гарам-богатырю.

Гарам-богатырь принес эту девушку к юноше. Юноша открыл ящик, как вдруг девушка дала ему пощечину. Юноша заплакал. Гарам-богатырь схватился за свою палицу, чтобы ударить юношу, но тотчас опомнился и сказал: «если бы не было твоего первоначального добра, которое ты для меня сделал, я бы теперь убил тебя одним ударом палицы, потому что ты плачешь от одной пощечины девушки!» Гарам-богатырь взял свою палицу и ударил по ящику; ящик сразу разбился вдребезги. Девушка поднялась оттуда и стала. Юноша пошел, взял девушку за руки, привел и посадил рядом с собой.

Эту ночь они здесь переночевали, а на утро, когда наступил день, Гарам-богатырь, юноша и девушка пришли оттуда в одно место и увидели там город. Они пошли к этому городу и увидели, что в городе никого нет. Гарам-богатырь взял их и отвел в этот город; поместил их в один дом и запер на замок дверь этого дома. Сам он пошел на охоту; поохотился, принес добычу и отдал им. Прошло несколько времени, и Гарам-богатырь вторично отпра-

bātúr rādág büt u šut, yak wār amé zāg u amé ĵinikó go wat gúštant ki amé Ğarām-bātúr mašmā rā pa če nāĭlit ki mašmā brawán bi đaná, biyá ki mašmā maróči dár pkapan bi đaná. amé ki bi đaná šútant, dístant tā amédā bi yak gisā dapá ĵik ast u amā ĵikānī sarā du leđá bastagí u dédi go wat ĵáng a-kanánt. amé zāg u amé ĵinikó átant pa amé dukén leđānī sāĭlā. amé ki bi amé dukén leđānīyā sar bütant, yak wār amé dukén leđá ĵukítant, yak wār amé zāg u amé ĵinikó pursítant ki áxti šmā ĵáng a-kúrtit, anūn pa če oštátit u ĵukítit? amé dukén leđá gúštant: ša šmā yáke bāĭt, bi mnī sarā suwār bīt, yáke braut bi āi sarā suwār bīt, gúđinā ammā zabr ĵáng a-kanán. amé ĵiník u amé zāg go wat abár dátant, gúštant: biyá ki suwār bayán. amé leđānā suwār bütant. yak wār amé leđá bāl kúrtant, amé zāgā bāl āúrtant, ĵátant bi amé ĵikānī sarā u amé ĵinikóā go wat búrtant.

yak du sáte digár büt, yak wār Ğarām-bātúr āt, dísti tā alá! ā zāgā sāĭl pkan ki bi ā ĵikānī tā kaptagí. áti, amé zāgā ša amé ĵikānī tā dár kúrti, búrti, bi đaná íšti. amé zāgāĭ ĵānāĭ ĵikānā kašiti, amé zāgā pursiti ki ta pa če bi e ĵikānī tā kaptág-āi? amé zāg gúšti: biyá ki amā e đol ša gisā dár káptan u átan bi đaná, dístan tā amídinā yak du leđá ĵáng

вился на охоту. Когда Гарам-богатырь собрался и пошел, юноша и девушка тотчас сказали друг другу: «почему это Гарам-богатырь не позволяет нам выйти наружу? давай, выйдем сегодня наружу!» Когда они вышли наружу, они увидели при входе в один дом кусты колючки, и около них на привязи два верблюда дерутся друг с другом. Юноша и девушка подошли посмотреть на этих двух верблюдов. Как только они дошли до этих верблюдов, те вдруг улеглись. Юноша и девушка тотчас спросили: «вы давеча дрались, почему же теперь остановились и улеглись?» Оба верблюда сказали: «пусть один из вас подойдет и сядет на меня, а другой пусть пойдет и сядет на него, и тогда мы хорошенько подеремся!» Девушка и юноша поговорили друг с другом, сказали: «давай, сядем верхом!» и сели на верблюдов. Эти верблюды сразу взлетели, подняли юношу и сбросили на колючку, а девушку унесли с собой.

Прошел еще час-другой. Гарам-богатырь пришел и увидел: ах! посмотрел на этого юношу! как он лежит в колючке! Он подошел, вынул юношу из колючки, отнес его и положил снаружи. Потом он вытащил колючки из тела юноши и спросил его: «почему ты упал в эту колючку?» Юноша сказал: «вот мы так-то вышли из дому и пошли наружу, увидели, что здесь дерутся два

a-kanánt. yak wār amā átan. amé dukén leđá jukít-atant. amā go amé dukén leđán gúštan ki šmā áxtī dédi jáng a-kúrtit, amé ki amā átan, šmā oštátit u jukítit. amé dukén leđá gúštant ki amā pa ešā jukítan ki šmā biyáit bi ammāi sarā suwār bāit, gúđinā amā zabr jáng a-kanán. amā suwār būtan. yak wār amé dukén leđá bál kúrtant, mnā ša awā játant bi đigārā u ĵinikóā búrtant. amé Farā-bātúr bi amé zāgāi jānā dārū múštī u wat š-amídinā šut bi amé dukén leđānī padā.

šut bi yak jāgāe, dístī: āmení amídinā yak gíse ast. amé gisāi dapā yak mazanen láxe ast. amé Farām-bātúr amé laxā zúrtī, áškā íštī, dístī tā amé nī ĵinikó bi amé gisāi tā ništagí. amé Farām-bātúr ícī na gúštī, amé đaul amé ĵinikóā gúštī: ar waxt ki tī mard átant, ta yak wār bguš ki šmāi napās bi čéwāi dastā int? ā awālā pa tī jānā ĵār a-kanánt, gúđinā ta bgre, gúđinā ā wát a-gušánt ki jāni man, imāni man, amāi napās bi čéwāi dastā int, gúđā ā wát a-gušánt. man amídinā srapín, ta bguš go watí mardán, na ki ptrúsāi. man amédinā nindín bi šmāi gisāi pallā. amé ĵinikó gúštī: nápa bāz ĵuwán int-a. amé Farām-bātúr šútī, bi amé gisāi pānādā čer káptī. yak katrāe digár būt, amé ĵinikóāi mard átant bi gisā. yak sáte digár būt, amé ĵinikó go amé watí mardán gúštī: šmāi napās bi čéwāi dastā int?

верблюда, и тотчас подошли, а эти два верблюда улеглись; мы сказали этим двум верблюдам: „давеча вы дрались, а когда мы подошли, вы остановились и легли!“ оба верблюда сказали: „мы для того легли, чтобы вы подошли и сели на нас, и тогда мы хорошенько подеремся!“ мы сели верхом, и вдруг оба верблюда взлетели, сбросили меня с воздуха на землю, а девушку унесли». Гарам-богатырь помазал тело юноши лекарством, а сам отправился отсюда вслед за верблюдами.

Он пошел в одно место и увидел, что вот здесь есть дом, и при входе в дом лежит большая каменная глыба. Гарам-богатырь взял эту глыбу, отложил в сторону и увидел, что вот она, моя девушка! сидит себе в этом доме! Гарам-богатырь ничего больше не сказал, только так сказал этой девушке: «как только придут твои мужья, ты вдруг скажи: „в чьих руках находится ваша душа?“ они сначала на тебя рассердятся, тогда ты заплачь, и тогда они сами скажут: „душа моя, упование мое, наша душа вот в чьих руках!“ они сами скажут! я спрячусь здесь, и ты говори со своими мужьями, не бойся! я буду сидеть здесь около вашего дома». Девушка сказала: «очень хорошо». Гарам-богатырь пошел и спрятался около этого дома. Немного погодя, мужья девушки: пришли домой. Прошел час-другой, и девушка сказала своим мужьям: «в чьих

yak wār amé dukén buzlangí γár kurtant pa amé ĵinikóāi jānā. yak sáte digár bût, amé buzlangí gúšťant: āi ĵāni man, imāni man, amāi napās du čučág ant u amā čučág bi du šišágāni tā ant u amā sīšág bi yak sundūxāi tā ant-a u amā šundūx bi apt daryābāi mānjīnā int-a.

amé Garám-bātúr š-amódinā ustát u šut, bi amé apt daryābāi mānjīnā wat rā prent u sundūxā kašitī u bi đanā íštī u šut, watī pučānā. watī gwarā kúrtī u amé sundūxāi dapā páči kúrtī u amé dukén šišágāni dapā páči kúrtī u amé dukén čučágāna ša amé šišágāni tā dár kúrtī u ā pānādā búrtī, amé ar duén čučágāni guťá gipt ki pkúšit. amé ki guťaiš gipt, dístī tā áw-ant buzlangí dédiy a-kāyánt. amé ki átant, yak wār bi amé Garám-bātúri dast u pādán wat rā préntant, gúšťant: amā tī gulám a-bayán, amé amāi napāsā ma gir. Garám-bātúr gúšti: nápa bāz juwán int-a, man šmā rā na kušin. amešānā zurt u burt bi amešāni gisā. ódinā ki burt, amé ĵinikā gúšti: anūn biyá ki mašmā brawán. amé ĵinikó pa gāl-u-bal watī jwānén pučānā bi watī gwarāi kurt u gúšti: brawán. amé Garám-bātúr amé ĵinikóā u amé buzlangíyānā zurt u āurtī bi amé zágāiyā. ídinā āurtī, sáili kúrtī, dístī tā amé zág ša awálā getír jođ būtagí. amé Garám-bātúr gúšti: āi bābā, anūn ā ta u ā tī ĵinén u ā am tī gulám ki man pa ta āurtun. ĵinikó šut go watī awálāi mardā. amé Garám-bātúr

руках находится ваша душа?» Сразу оба бузланги рассердились на девушку. Прошел час-другой, и бузланги сказали: «душа моя, упование мое, наша душа, это — два птенчика, и эти птенчики находятся в двух склянках, а эти склянки — в сундуке, а тот сундук — меж семи рек».

Гарам-богатырь встал, пошел оттуда, перебросил себя в середину этих семи рек, вытащил сундук и поставил его снаружи. Потом он пошел, надел свою одежду, открыл сундук, открыл обе склянки, вынул из этих склянок обоих птенчиков, отнес их в сторону и схватил за шею обоих птенчиков, чтобы убить их. Как только схватил их за шею, он увидел, что вот они, бузланги! подходят! Как только они подошли, они сразу бросились к рукам и ногам Гарам-богатыря и сказали: «мы будем твоими рабами, не бери только нашу душу!» Гарам-богатырь сказал: «ну, хорошо, я вас не убью». Он взял их и повел в их собственный дом. Когда он отвел их туда, он сказал девушке: «теперь, давай, пойдем!» Девушка с радостью и весельем надела на себя свою хорошую одежду и сказала: «пойдем!» Гарам-богатырь взял девушку и бузланги и повел к юноше. Он привел их туда, посмотрел и увидел, что юноша поздоровел лучше прежнего. Гарам-богатырь сказал: «ну, сынок, вот тебе твоя жена, и вот тебе твои рабы, которых я привел к тебе!» Девушка пошла

go amé zāgá gúšti: āi bābā, biyá ki mašmá blađán u brawán bi tī pisáŋ šārāiyā.

š-amédinā lađítant u šútant bi watí pisáŋ šārāi pānādā. yak wār ameshānā šap gipt. amé amídinā ér kurtant, amé šapénā amédinā wáptant. tārīenā ki roč būti, ameshānā yak mardúme gindít, amé pādišāāi zāgá drúst a-kánt, amé ĵinikōā am drúst a-kánt, zānt ki amé amā ĵwānén ĵiník int. amé mardúm a-rāut bi pādišāāi gisá, go pādišā gušít, ki tī zág ātagí, bi plānā ĵāgá ātag-ant u waptág-ant. amé pādišā aĵrān mánti u go amé watí gulāmā gúšti ki ta amé aspāi zenāi sará bgir u dārú muš bi amé aspāi zenāi sará, bar u wat suwār ma bāi. ódinā ki búrtāi, amā mnī zāgá bguš ki trā tī pis guštagí: amé aspā suwār bāi u biyá. amé gulām amé aspā zurt u burt bi zāgāiyā, gúšti: e aspā tī pis pa tī padā dem dātagí, ta biyá ki mašmá brawán. amé Garám-bātúr go amé gulāmā gúšti: ta awálā amé aspā suwār bāi, gúdinā ā suwār a-bít. amé gulām gúšti: man agár amé aspā suwār baín, pādišā gúdinā mnā kušít, pa če ki e aspā ā pa watí zāgāi padā dem dātagí u man ič-waxt suwār būtāga na kanín. yak wār amé Garám-bātúr ĵārī kúrti u gúšti: man trā gušín, ta suwār bāi, ta suwār bāi, tī pādišā drógī guštagí. amé gulām iči na gúšti u amé aspā suwār būti. amé ki amé aspā suwār būti, yak wār bun gípti. Garám-bātúr iči na gúšti.

со своим прежним мужем. Гарам-богатырь сказал юноше: «давай, снарядимся и отправимся в город твоего отца!»

Они снарядились и отправились отсюда к городу своего отца. Однажды их застигла ночь. Они остановились и эту ночь переночевали здесь. На утро, когда наступил день, их видит один человек. Он узнает царевича, узнает также эту девушку и понимает, что это — та красивая девушка. Этот человек идет к царю в дом и говорит царю: «прибыл твой сын! они прибыли в такое-то место и заночевали». Царь изумился и сказал своему рабу: «возьми седло этой лошади и поверхность этого седла помажь снадобьем, и отвези его, но сам верхом не садись! а когда туда отвезешь, скажи моему сыну, что, тебе, мол, твой отец сказал: „садись на эту лошадь и приезжай!“» Раб взял эту лошадь, отвел к юноше и сказал ему: «твой отец прислал за тобой эту лошадь, давай, поедем!» Гарам-богатырь сказал этому рабу: «сначала ты садись на эту лошадь, а потом сядет и он!» Раб сказал: «если я сяду на эту лошадь, царь меня убьет, потому что эту лошадь он послал за своим сыном, и я никак не могу сесть на нее». Гарам-богатырь сразу разгневался и сказал: «раз я говорю тебе: „садись верхом“, значит, садись верхом! твой царь сказал неправду!» Раб ничего не сказал и сел на эту лошадь. Лишь только он сел на эту лошадь, он сразу сгорел. Гарам-богатырь ничего не сказал.

tārienā bût, amé pādišā bi watī digā gulāmā gúšti: ta maróči nān jod pkan u bar ódinā bi mnī gisā u š-amā dārūān ki mardúm a-kušánt, š-amāwān bgir, bi nānānī tā pren. amé nānānā |bzūr u bar ódinā bi mnī zāgāiyā, bguš ki e nānānā tī pis pa ta dem dātagī, ta amé nānānā bor. amé gulām nān jōdī kurt u burt bi pādišāā gisā, š-amā dārūān ki mardúm a-kušánt, š-amāwān yak ašt čānkāi kasā zurt u ret bi amé nānānī tā u amé nānānā zurt u burt bi zāgāiyā, gúšti: e nānānā tī pis u tī mātó pa ta dem dātág ant, šmā amé nānānā bórit. yak wār amé Garām-bātúr go amé gulāmā gúšti: ta awālā amé nānānā bor, gúdinā amā waran. amé gulām gúšti: man agár e nānānā borīn, gúdinā pādišā mnā kušīt. amé Garām-bātúr pa amé gulāmāi jānā γārī kúrtī, gúšti: man trā gušīn: awālā ta bor, agár ta na warāi, trā man yak γúrze bār a-kanīn. amé gulām amé nānānā wártī. amé ki awalīen lunkā bi dapāi kúrtī, yak wār múrtī.

karār amé zāgāi pis dístī tā e dāula na bīt, magár go ešī jāng pkanīn, digár dāul ič na bīt. amé pādišā amé watī jārčīnā gúšti: ta maróči bra, bi amā burzāgāi sarā bošt u amé maxlúkānā jār bjan ki bāndā mūči wat rā jod pkānit ki jāng a-bīt. tārienā bût, amé maxlúk gírdī yak jā bútant u átant. šútant pa amé zāgāi u Garām-bātúri jāngā. amé ki Garām-bātúr ešānā

Наступило утро. Царь сказал своему другому рабу: «приготовь сегодня хлеб и снеси ко мне домой! возьми тех снадобий, которые убивают человека, и положи в хлеб! а эти хлебы возьми и отнеси туда моему сыну и скажи, что эти хлебы, дескать, тебе послал твой отец, и ты их откушай!» Этот раб приготовил хлеб, отнес его к царю домой и взял горстей восемь тех снадобий, которые убивают человека, и насыпал в хлеб. Он взял этот хлеб, отнес юноше и сказал: «этот хлеб послали тебе твой отец и твоя мачеха, отдайте этого хлеба!» Тотчас Гарам-богатырь сказал этому рабу: «сначала ты поешь этого хлеба, а потом и мы будем есть». Раб сказал: «если я поем этого хлеба, потом меня царь убьет!» Гарам-богатырь разгневался на этого раба и сказал: «я говорю тебе, сначала ешь ты! если ты не будешь есть, я тебя сделаю добычей одного удара палицы!» Раб стал есть этот хлеб, и как только он положил первый кусок в рот, он сразу умер.

Итак, отец этого юноши увидел, что эти способы не удаются; остается только воевать с ним, иначе ничего не выходит. Царь сказал своему глашатая: «сегодня иди, стань на этом возвышении и объяви народу: „завтра все приготовьтесь, потому что будет война!“» Наступило утро. Весь народ собрался и пришел, и они пошли на войну с этим юношей и Гарам-богатырем. Когда Гарам-богатырь их увидел, он тотчас сказал обоим своим бузланги:

đístī, yak wār go amé dukén buzlangíyān gúštī: anūn šmāi wār int-a, šmā agār amešānā bi yak dayīyā íštīt, gúđinā man šmā rā kušín. amé buzlangí gúštānt: amā wat gušnāg an, maróči amā ešānā kilán? amé ki amé pādišāāi maxlúk ātānt pa jāngā, yak wār amé dukén buzlangí gāl kúrtānt ki pa mā nān ātāg ant. yak wār amé buzlangí šútānt, bi amešānī demā lagítānt, amé pādišāāi maxlúkānā gírdānā wártānt, gírdānā alās kúrtānt u amé pādišāāi jindā gíptānt u āúrtānt bi Garām-bātúrāiyā. amé ki Garām-bātúr amé pādišā dístī, go amé buzlangíyān gúštī: ma yāritī, amāngūr pkúšitī. amé buzlangí amé pādišā búrtānt u kúštānt. Garām-bātúr u amé zāg šútānt, bi šārāi tā čār kúrtānt, dístānt tā ič kas bi šārāi tā náint-a. š-amódinā pādā ātānt, amé jinikōā zúrtānt u búrtānt, buzlangíyānā ruxsāt kúrtānt ki šútānt. ātānt bi šārā. karār pādišā Garām-bātúr bût u wazíl zāg bût.

XIII

bût na bût, ša mašmāi xudā getír kāse na bût. yak pādišāe at. ē pādišā dāšt šaš zāg. yak róče bût, amé pādišā watí čār zāgā gísī dāt wa dúi digārā gísī na dāt. amé duén zāgī go wat gúštānt ki mašmāi pis mašmā rā gísa na dānt, biyā ki mašmā brawān bi yak jāgāe ki amé mašmāi pis mašmā rā

«теперь ваш черед! если вы оставите их на одну минуту, я вас тогда убью!» Бузланги сказали: «сами мы голодны! как можем мы их сегодня оставить?» Когда подданные царя подступили, чтобы сразиться, тотчас оба бузланги обрадовались: для нас, мол, хлеб пришел! Бузланги тотчас подошли к ним и поели всех царских подданных, всех прикончили, а самого царя схватили и привели к Гарам-богатырю. Как только Гарам-богатырь увидел царя, он сказал этим бузланги: «не приводите его, а там же убейте!» Бузланги отвели царя и убили. Гарам-богатырь и этот юноша пошли, обошли город и увидели, что в городе никого нет. Они вернулись оттуда, девушку взяли и отвели, бузланги позволили уйти, а сами пришли в город. Итак, Гарам-богатырь сделался царем, а юноша — визирем.

(XIII. О богаче)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь, у этого царя было шесть сыновей. Случилось так, что этот царь четверых своих сыновей женил, а двоих других не женил. Эти два сына сказали друг другу: «наш отец нас не женит! давай, отправимся в другое

gísa na dant. amé gda brásī gušt: biyá ki brawán. amé zāg šútant bi watí pisáǵā, gúštant: äǵ bābá, ta pa če amá rā gísa na dāyáǵ? amešānī pis gúštī ki šmā tángāt zāg it, man ič waxt šmā rā gis dātága na kanín. amé zāg go watí pisá gúštant: äǵ bābá, ta ki amá rā gísa na daǵǵ, amá rā mardúme yak asp bdäǵ. amešānī pis gúštī: bráit, bābá, ā šmā, ā asp. amé š-amídā šútant, pa wat mardúme yak asp gíptant wa š-amídā šútant bi yak jāgāe.

dístant tā amídā yak áuze. e š-amídā šútant, be me auzǵǵ sará wáptant. amídā ki wápt-atant, amídā wāb šútant. bi amé šapǵǵ nemágā amešānī asp páč a-bayánt, š-amídā rawánt bi yak jāe. amódenā ki amešānī ásp a-rawánt, yak pādišāe murtá būtagí. amé maxlúk amé aspánā watíyāna āurtá būtag ant, amešānī asp rāst bi amé aspānīyā rawánt. amé maxlúk gúštant ki du asp átant. amé maxlúk átant, amé duén zāgānī aspánā gíptant wa bástant.

yak wār amé mazānen brásī āgá büt, sāǵlī kurt tā amé asp édā. ná-want. áti ki watí brāsá pād pkant. sāǵlī kurt tā mnī brās čo wāb int. eší rā dil na büt ki watí brāsá pād pkant. wat š-amídā šut, šut, dístī tā. amídā če mardúme ast. amé zāg sāǵlī kurt tā ānī amǵǵ asp ant, ódinā bastág-ant. amé zāg š-amídā šut amé mardumānīyā, pursít ki amé aspánā kǵǵ édina bastagí? amé mardúm gúštant ki amá amídā pādišā dédi gór

место, так как наш отец нас не женит!» Другой брат сказал: «давай, отправимся!» Сыновья пошли к отцу и сказали: «батюшка, что ты нас не женишь?» Их отец сказал им: «вы еще дети, я никак не могу вас женить!» Сыновья сказали своему отцу: «батюшка, раз ты нас не женишь, дай нам каждому по лошади!» Их отец сказал: «идите, дети, вот вам лошади!» Они вышли, взяли каждый себе по лошади и отправились в одно место.

Они увидели, что там есть озеро. Они туда отправились, расположились у озера на ночлег, улеглись и заснули. К ночи их лошади распутываются и идут оттуда в другое место. А там, куда идут их лошади, умер царь, и его подданные привели туда своих лошадей. Их лошади направляются прямо к тем лошадям. Эти люди сказали, что пришли две лошади. Эти люди подошли, поймали этих двух лошадей и привязали.

Вдруг старший брат проснулся, взглянул: нет лошадей! Он хотел разбудить своего брата, посмотрел: как сладко спит мой брат! У него не хватило духу разбудить своего брата, и он сам пошел оттуда. Он пошел и стал смотреть: что это там за люди? Юноша стал всматриваться: да ведь это наши лошади там привязаны! Юноша пошел оттуда к этим людям и спросил: «кто здесь привязал этих лошадей?» Эти люди сказали: «мы собирались здесь хоро-

a-kúrtaŋ, dístaŋ tā š-amí²go du ásp a-ĵiyánt u kāyánt. amá amé maxlūk gúštaŋ: biyáit ki amé aspánā bgíraŋ u bándan, amé ki wāūndiš āt, bdáyaŋ. karár amá amé tī aspánā gíptaŋ, bástaŋ. amáĭ pādišā murtagí, biyá ki mašmá brawán ódinā bi ammáĭ gísāŋ, ódinā sīmúrġe bál a-dayán. bi ar kasé sará ki ništ, amáe rā pādišā girán. amé mardák ki go eší e dol gušt, amé zāg watí gwandén brāsá be-óši kurt, š-amídā go amé mardumán šútī, ódinā sīmúrġe bál dátant. amé sīmúrġe āt, bi amé zāgáĭ sará ništ. amé zāgá pādišā kúrtant. amé zāg watí gwandén brāsá čist be-óši kúrtī.

amé gwandén brāsī tāriēnā āgá büt wa ustátī, sáĭlī kurt, amáĭ asp édāná-want, mnī brās am édā nāint. amé gwandáken zāg š-amé watí ĵagá ustát wa ĵist. šut, amé watí aspánī padánā dist, amé watí brāsáĭ padánā am dist tā amé mnī brās ammáĭ nī aspánī padánā burtagí. amé zāg amé aspánī padánā búrtī, dístī tā amé nī asp ātág ant, amídā digár asp bütág ant, amé amáĭ asp ātág ant, amídā oštátág ant. amé, amáĭ aspánā am gíptag ant wa bastág ant, amení mnī brāsáĭ pād ant ki ātagí amé mardumániyā, pursitagí ki amáĭ aspánā kāĭ édinā bastagí? amé mardúm š-amídā šutág ant, mnī brāsá am go wat burtág ant. amé gwandén zāg š-amídā ĵist, amé aspánī padánā zurt u burt, š-amídā šut u šut.

нить царя и увидели, что с этой стороны подбегают две лошади; мы сказали вон тем людям: „подойдите, поймаем и привяжем этих лошадей, а когда придет их хозяин, отдадим!“ поэтому мы поймали и привязали твоих лошадей. Наш царь умер! давай, пойдем туда к нам, там мы выпустим летать симург-птицу, и на кого она сядет, того мы возьмем в цари!» Когда этот человек так с ним говорил, юноша совсем забыл своего младшего брата и пошел с этими людьми. Там пустили летать симург-птицу, и симург-птица приблизилась и села на юношу. Юношу сделали царем. Юноша совсем забыл своего младшего брата.

Его младший брат на утро проснулся и встал, взглянул: наших лошадей здесь нет! моего брата тоже нет! Этот младший юноша поднялся со своего места и поспешно пошел. Он пошел и увидел следы своих лошадей, а потом увидел также следы своего брата: вот здесь мой брат напал на следы наших лошадей! Юноша пошел по следам лошадей и стал всматриваться: вот здесь лошади прошли, а здесь были другие лошади, наши лошади подошли, и здесь остановились; а вот здесь наших лошадей взяли и привязали! вот это следы моего брата, который подошел к этим людям спросить, кто привязал здесь наших лошадей! вот отсюда эти люди ушли и увели с собой моего брата! Младший юноша поспешно вскочил и пошел по следам лошадей; он пошел и шел.

bi amé watí brāsāi šārāi pānādā ki rast, eší ra salát dístant, amé zāgā čār dātant wa gúštant ki ta ša guǵā "kāǵi? amé zāg gúští: amá du brās átan, ša p^lānā jāgā átan, bi yak jāgāe, dístan amídā yaǵ áuze, amá átan bi amé ayzāi sarā wáptan, amé watí aspānā amódinā bāstan u wat wáptan, amídā ta bzānāi, wāb šutág an. amé amāi asp páč bütág ant wa šutág ant. amé mnī mazānen brās der āgā bīt, sāil a-kánt tā asp édinā ná-want. amé mnī brās wat a-kustít wa mnā páda na kant.

amé salát dédi go eší abár a-dātant, amešānī áškā yak róde, ta bzānāi, bütagi, yak tajāre watí daulátā āurtá ki bgwazenít ša amé rodá áškā. amé watí daulátā bi kištíai tā "kant ki bgwazenít áškā. amé kiští bi rá na ráut. amé tajār a-pursít ša amé kištíwānā ki tī kiští pa če rá na ráut? amé kištíwān gúští: e kištíy a-loťít mardúmāi on, ta bra, bgard, yak kóre yā yak šále paidā pkan, biyār, pkuš u onānī bi amé kištíyā muš. guǵā amé kiští bi rá ráut.

amé tajār š-amódā áti bi amé salátānīyā. amé salátānā pursítí ki šmāāyā ič kor u šále yā atímen zāge iči ināint? amé salát gúštant ki amāyā yak zāge ast, magár ā zāg ā ǵoléne nāint ki ta "gušāi. e zāg yak íale, eší rá amá rá díla na bīt ki amā āi rá bi ta bdāyān. amé tajār gúští:

Когда он дошел до окраины города своего брата, его увидели солдаты; они окружили этого юношу и сказали: «откуда ты идешь?» Юноша сказал: «нас было два брата, мы из такого-то места пришли в другое место, увидели там озеро и подошли переночевать у этого озера; привязали своих лошадей и расположились на ночлег; здесь, нужно знать, мы заснули, а наши лошади развязались и ушли; было уже поздно, когда мой старший брат просыпается и смотрит: лошадей здесь нет! мой брат сам встает, а меня не будит».

Солдаты так с ним разговаривали, а по ту сторону от них, нужно знать, была река, и один купец привез свое имущество, чтобы переправить его на ту сторону реки. Он грузит на судно свое имущество, чтобы его переправить, но судно не двигается в путь. Купец спрашивает у корабельщика: «почему твое судно не отправляется?» Корабельщик сказал: «судно требует человеческой крови, иди, поищи какого-нибудь слепого или калеку; отыщи, приведи и убей и помажь его кровью судно, тогда судно пойдет».

Купец пришел оттуда к этим солдатам и спросил солдат: «нет ли у вас какого-нибудь слепого или калеки или сироты?» Солдаты сказали: «у нас есть один юноша, только этот юноша не таков, как ты говоришь; этот юноша подобен рубину, и у нас не хватит духу отдать его тебе». Купец

magár ā šmāi pis u māsāi zāg-u nāint, yáke-m digár: man āi rā ānčoš ša šmā na zinín, šmā rā ín-kar zār a-dāín. šmā āi rā bi man bdāit. amé salát gúštant: amā rā sad azār ɣarān zar bdāi, amā gúḏā āi rā bi ta dayán. amé tajār gúšti: nápa bāz jwān int, man bi šmā dāín. amé salātānā sad azār ɣarān zar dátī wa amé zāgā zurt u burt bi kištiyāiyā.

ódinā ki burt, amé tajār gúšti ki anūn ta bwasp ki man trā kušín. amé zāg pursít ki ta pa če mnā kušāi? amé tajār gúšti ki man trā kušín ki amé kištiyāi demā ón a-kanín ki amé kišti bi rá brot. amé zāg gúšti: ta mnā ič ma kuš, man anūn amé kištiyā pa ta bi rá prenín. amé tajār gušt: nápa bāz jwān int, ta mul amé kištiyā bi rá prenāi, man trā digár ičiya na kanín. amé zāg gipt, watí čangúlā šāxī kurt. ša čangúlāi on āt. amé onānā gipt, bi amé kištiāi demā mušt. yak wār amé kišti bi rá büt. amé kāperén tajār amé zāgā go wat búrtī. amé zāgā pa wat sarwāne kurt.

čunt waxt büt, amé tajār š-amídā šut bi pādišāyā. amé ki rástī bi pādišāyā, amé pādišā watí wazíl u wakílānā múcānā loṭit wa watí mullānā am loṭit. gúšti ki man doší āncén wābe distág un. amé wazíl u wakíl gúštant ki čunén wābe? amé pādišā gúšti ki man doší wápt-atun, wāb dístun tā amé mnī demā čil kāság ér int. amídā man níšt-atun, dístan tā

сказал: «но ведь он не сын ваших родителей! к тому же еще одно: я ведь не так хочу его взять, а дам вам много денег, отдайте его мне!» Солдаты сказали: «дай нам сто тысяч кранов, и мы тогда отдадим его тебе». Купец сказал: «очень хорошо, я дам!» Он дал солдатам сто тысяч кранов, взял юношу и отвел его на судно.

Когда купец отвел его туда, он сказал ему: «теперь ложись, я тебя убью!» Юноша спросил: «за что ты хочешь меня убить?» Купец сказал: «я тебя убью, чтобы твоей кровью смазать поверхность судна, и тогда оно двинется в путь». Юноша сказал: «не убивай меня, я тебе сдвину это судно». Купец сказал: «очень хорошо, ты мне только заставь двигаться это судно, и я тебе больше ничего не сделаю!» Юноша взял и порезал себе палец. Из пальца пошла кровь. Он взял эту кровь, помазал ею поверхность судна, и судно тотчас двинулось в путь. Этот нечестивый купец взял с собой юношу и сделал его своим приказчиком.

Прошло некоторое время. Этот купец отправился к царю. Когда он пришел к царю, царь призвал всех своих правителей и наместников, призвал также своих мулл и сказал: «вот какой сон я видел прошлую ночь!» Правители и наместники сказали: «что за сон?» Царь сказал: «прошлую ночь я спал и видел во сне, что передо мной сорок чаш; я сидел тут же и увидел, что пришло

čil siyāen tūlá átant, amé kāságānā čatítant. amé wābāĭ mānīyā šmā pa man bgúšit. amé wazíl u wakíl gúštant: amá e wābāĭ mānīyā na zānán. amé tajār gúštī ki man yak zāge dārín, amá mnī zāg a-zānt. amé pādišā gúštī ki nápa ta bāndā watí zāgā biyār. amé tajār šut bi watí gisá.

tārienā amé watí zāgā zurt u āúrt bi pādišāyā. amé pādišā go amé zāgā gúštī ki āĭ bābā man doší wābe distág un. amé zāg gušt: ĵuwānén wābe! ame pādišā gúštī: man wāb dístun tā man amídā ništág un, amé mnī demá čil kāság ast. amé kāságānā čil tūlá átant, ar tūlāe yak kāságāĭ demá čatítant. amé zāg gúštī: agár man bgúšin, ta yā mnā pkúšāĭ yā tīr-bārān a-kanāĭ. amé pādišā gúštī ki man ič waxt trā na kušin wa trā tīr-bārān am na kanín, amé watí ĵiníkā bi ta dāín. amé zāg gúštī: āĭ pādišā ġábli ālám, ta dārāĭ čil ĵinén wa čil gulám, amé tī ar ĵinén go yak gulám ant. amé pādišā gúštī: man bāndā watí muzūrānā gušin ki amé mnī ĵinénānī pānādā bgírant, agár rāst büt ki mnī ĵinén go amé gulāmān átant, gúḡā man watí ĵiníkā bi ta dāín. agár rāst na büt, gúḡā man trā kušin. amé zāg š-amídenā šut bi watí gisá.

yak cunt waxt gwast. amé pādišā go watí muzūrān gúštī: šmā maróčī amé mnī ĵinénānī padā bgirít ki go ešān āncén kāre ast. amé muzūr šútant, amé pādišāĭ ĵinénānī pānādā gíptant. amé ki roč pešin büt, amé pādišāĭ

сорок черных щенят и они стали лизать эти чаши; скажите мне значение этого сна!» Правители и наместники сказали: «мы не знаем значения этого сна!» Купец сказал: «у меня есть один юноша, этот юноша знает!» Царь сказал: «ну, так приведи завтра своего юношу!» Купец пошел домой.

На утро он взял своего юношу и привел к царю. Царь сказал юноше: «сын, я прошлую ночь видел сон!» Юноша сказал: «хороший сон!» Царь сказал ему: «я видел во сне, что я здесь сидел, а передо мной сорок чаш: пришло сорок щенят, и каждый щенок облизал одну чашу». Юноша сказал, «если я скажу, ты меня или убьешь или расстреляешь!» Царь сказал: «я не только не убью тебя и не расстреляю, но даже выдам за тебя свою дочь». Юноша сказал: «о царь, средоточие мира, у тебя есть сорок жен и сорок невольников, и каждая из твоих жен в общении с одним невольником!» Царь сказал: «я завтра скажу своим наемникам, чтобы они последили за моими женами, и если окажется справедливым, что мои жены были с моими невольниками, я выдам за тебя свою дочь; если же окажется неправда, тогда я тебя убью». Юноша пошел отсюда домой.

Прошло некоторое время, и царь сказал своим наемникам: «сегодня последите за моими женами, потому что с ними вышло такое дело!» Наемники пошли и стали следить за царскими женами. Когда уже прошел полдень,

jinén átant, gírdi yak jā būtant, amé gulám am gírdi átant, yak jā būtant. ar guláme yak jinénäi dastá gíptant u šútant pa mailá. amé pādišāāi muzúr ki distant, átant, go pādišā gúštant ki amé abár ki amá zāg gúštī, rāst int: tī jinén ar yáke go yak gulám ant. amé pādišā gušt go watí muzúrān ki šmā bráit, amá zāgā biyárit. amé muzúr átant pa amé zāgāi padá, átant bi gisāiš, go amé zāgā gúštant ki trā pādišā guštagí: biyá. amé zāg u amé tajár u amé muzúr gírdi átant. ān-čo ki átant, sar būtant bi pādišāāi gisá, salám u aláik kúrtant. wašamád ki kúrtant, amé pādišā go amé zāgā gúštī ki amá abáre ki ta dátāi, amá abár rāst int-a u man am watí ɣaulá na prošín, amá dol kigo ta gúštun, amá dol am kanín, watí jiníkā bi ta am daín.

amé pādišā loṭit amé watí maxlúkānā. maxlúk gírdi átant, jān būtant. pādišā gúštī: man watí jiníkā bi amé zāgā daín. watí dolčínānā gúštī: šmā dol bjánit, kasābānā gúštī: šmā pas pkúšit, āšpāzānā gúštī: šmā gošt pačít, nānwānā gúštī: šmā nān pačít, dārkāšānā gúštī: šmā dār biyárit. bi amé yak damá nān jód kurtant. maxlúk nān wártant wa oštátant bi čápá, čáp kúrtant. maróči amé zāgā gis dátant, sāyumíen roč ki purá büt, amé tajár du asp zurt u áurt, pa watí zāgāi padá áti, go pādišā gúštī ki man maróči watí zāgā barín. amé pādišā gúštī: nápa bāz juwān int, brawán ki man

царские жены пришли и собрались все в одном месте, а эти невольники также все пришли и собрались, и каждый из невольников взял руку одной из жен, и они пошли развлекаться. Когда наемники это увидели, они пришли к царю и сказали: «то, что сказал тот юноша, правда: каждая из твоих жен в общении с невольником!» Царь сказал своим наемникам: «пойдите и приведите того юношу!» Наемники пошли за юношей, пришли к нему и сказали: «царь сказал, чтобы ты пришел». Юноша с купцом и наемники, все пришли. Когда они подошли и дошли до царского дома, они обменялись приветствиями. После приветствий царь сказал юноше: «то, что ты сказал, правда! я тоже не нарушу своего слова, и как я тебе сказал, так и сделаю: я выдам за тебя свою дочь!»

Царь созвал своих подданных. Весь народ пришел и собрался. Царь сказал: «я выдаю свою дочь за этого юношу!» Барабанщикам он сказал: «бейте в барабаны!» мясникам сказал: «режьте скотину!» поварам сказал: «варите мясо!» пекарям сказал: «пеките хлеб!» дровосекам сказал: «таскайте дрова!» В один миг приготовили угощение. Народ поел и пустился в пляс. В этот день юношу оженили, а когда исполнился третий день, тот купец взял и привел двух лошадей и пришел за своим юношей. Он сказал царю: «сегодня я возьму своего сына!» Царь сказал: «очень хорошо, пойдем, я тоже попрощаюсь со своей

am go watí jíníkā ruxsatí pkanín. amé tajár u pādišā átant pa amé zāgāi padā. amé ki átant bi amé zāgāi gisā, wašāmāde kúrtant. amé pādišā pursít ki mubārāk bīt šmāi arūsí! amé zāg jawáb dāt ki salāmāt bīt šmāi sar! yak katrāe nístant, amé tajár gúšti ki āi bābā, man átag un ki tī gisā barín, amé tī wasírk ātagí ki watí jíníkā rādāg pkant. šmā zūte pkánit, watí gisā bđalénit tānāxten. amé zāg watí gisā đaléntant, watí júlānā gíptant, bi amé aspānī sarā kúrtant. amé pādišā burt, watí jíníkā, rādāgi kurt u amé watí jíníkāi demā čukít wa íšti tā šut.

amé ki š-amídā šútant, bi ráāi nemāgā dístant tā amídā yak róde. amé zāg u amé jínikó u amé tajár gírdī tunág bút-atant, gāštant pa táse. amé jínikó gúšti ki táse ast, bi amā mazānen sundūxāi tā int. amé tajár gúšti: āi bābā, ta bra amé sundūxāi tā, amé tāsā biyár. amé zāg ki putrít bi sundūxāi tā, yak wār amé tajár gipt, amé sundūxāi dapā bast u amé sundūxāi bandānā gipt u burt bi amé rodāi tā prent. amé jíníkā zurt u āúrt bi watí gisā. yak čunt waxt būti. amé tajár watí gisā ša amé rodā áškā burt. amé zāgā amé rod burt.

pa amé zāgāi brāsāi bāgān yak jūe āp a-bárt, amé sundūx a-rāut bi amé zāgāi brāsāi bāgān, amé zāgāi brāsāi bāgwān a-gindít tā ap čo ušk būt. amé watí pīrazālen jínénā gúšti ki āp čo ušk būt, mán a-rāin démi amé āpā, ta am biyā. amé pīramārd u amé pīrazāl š-amídā átant. amé jūwāi

дочерью!» Купец и царь пошли за юношей. Когда они пришли к нему в дом и поздоровались, царь сказал: «да благословится ваша свадьба!» Юноша ответил: «да будет благополучие над вами!» Они немного посидели, и купец сказал: «ну, сынок, я пришел перевезти твою семью, а твой тесть пришел проводить свою дочь, поторопитесь и соберите пока свое хозяйство!» Юноша (с женой) собрали свое хозяйство, взяли свои пожитки и нагрозили на лошадей. Царь вывел свою дочь, проводил ее, поцеловал ее в лицо и пустил ехать.

Когда они отсюда отправились, на пути они увидели реку. Юноша и девушка и купец, все они хотели пить и стали искать чашку. Девушка сказала: «есть чашка! она в большом сундуке!» Купец сказал: «сынок, сходи-ка в тот сундук, достань чашку!» Когда юноша проник в сундук, купец вдруг взял и закрыл крышку сундука. Он взял сундук за ремни, отнес его и бросил в реку, а девушку взял и привез к себе домой. Прошло некоторое время. Купец переселился на ту сторону реки. Юношу унесло рекой.

В сады брата юноши выводит воду один канал, и этот сундук плывет в сады брата юноши. Садовник брата юноши видит, что вдруг вода высохла. Он сказал своей старой жене: «что это вода высохла! я пойду к воде, и ты тоже

kirrá āúrtant, dístant amānī sundūxe bi amé jūwákāi dapá band giptagí. amé pīrazál u amé pīramárd gál kurtant, zúte kúrtant, átant, amé sundūxā ša amé jūwákāi tā kašítant wa búrtant bi watí gisá. ódinā ki búrtant, amé sundūxāi dapá páč kurtant, dístant tā amé sundūxāi tā yak zāge ništagí. pīramárd amé zāgá pursítī ki trā kāi amé sundūxāi tā kurtagí u prentagí bi apái tā? amé zāg guštī: mnā āncén mardúme prentagí, šmā awálā pa man, agár nān dārit, yak káme biyárit. amé pīrazál šut, zúti kurt pa amé zāgá nān jódī kurt wa āúrt, amé zāgá dāt. amé zāg gúštī ki šmā mnā ša amé sundūxāi tā dār pkánit. amé pīramárd u amé pīrazál amé zāgái dastá gíptant, ša amé sundūxāi tā dār kurtant wa búrtant bi watí gisá. ódinā ki búrtant, amé nānānā āúrtant bi amé zāgái demā dátant. amé zāg amé nānānā wártī. yak katrāe digár büt, amé zāgá pa duwārág amé pīramárd pursítī ki ta go amá bguš, trā kāi bi amé sundūxāi tā kurtagí wa čon bi āpái tā prentagí? ame zāg jawáb dātī... anūn man šmā rā gušín ki ar waxt amé pādišāi jārčín tawár kurt ki ič kas pa kārā ma rāut ki bāndā amé tajārāi arūsíy a-bīt, gúdinā šmā mnā bārit, bi amé pādišāi pānādā, bílit. amé pīramárd gúštī: nápa bāz juwán int.

karár tārīenā büt, amé zāgái brāsāi jārčín jār jat ki bāndā ič kas pa kārā ma rāut ki tajārāi arūsíy a-bīt. tārīenā büt, amé pīramárd amé

иди!» Старик и старуха пошли, обошли кругом канала и увидели, что какой-то сундук застрял при входе в канал. Старик и старуха обрадовались заторопились, вытащили сундук из канала и отнесли домой. Когда они его отнесли и открыли крышку сундука, они увидели, что в сундуке сидит юноша. Старик спросил юношу: «кто тебя поместил в сундук и бросил в воду?» Юноша сказал: «меня бросил такой-то человек, но сначала, если у вас есть хлеб, дайте мне немного!» Старуха пошла, заторопилась, приготовила юноше хлеба и принесла. Юноша сказал: «высвободите меня из сундука!» Старик и старуха взяли юношу за руки, высвободили его из сундука и отвели к себе домой. Когда они его туда отвели, они принесли хлеба и поставили перед юношей. Юноша поел. Прошло немного времени, и вторично старик спросил юношу: «скажи нам, кто тебя поместил в сундук и как бросил в воду?» Юноша отвечал:... (следует изложение всех приключений юноши) «...теперь же я говорю вам, что как только царский глашатай провозгласит, чтобы никто не шел на работу, потому что на утро будет свадьба того купца, тогда вы меня отведите к царю и оставьте там!» Старик сказал: «очень хорошо».

Итак, наступило утро. Глашатай брата юноши провозгласил, чтобы на следующий день никто не шел на работу, потому что будет свадьба купца.

zāgāi dastā gipt u burt, bi amé pādišāai pānādā nādént. ān čoš ki wašā-māde kúrtant, amé zāg go pādišā gúšti: āi pādišā, γābli ālām, man pa ta yak asmanāke gušin. amé pādišā gúšti: bguš. amé zāg gúšti: bût na bût, ša mašmāi xudā getír kāse na bût. yak pādišāe at. amé pādišā dāšt šaš zāg. čārā gísī dāt, dúi digārā gísī na dāt. amé pādišā bi watí ošā kapt wa íči na gúšti. amé kāpéren tajār gúšti: ta mnā zūte pkan, gis bdāi. amé pādišā gúšti: ta yak wār sabr pkan...

karār amé zāg amé naklá am gúšti, amé dāul am gúšti ki man go ta gúštun. gúḡā gúšti: amā tī brās am mán un, améš am amā tajār int, anún ta ar čiyā kanāi, amé tajārā wa amé watí pairānā, pkan. karār amé pādišā wat rā prent bi amé zāgāi guṡā wa gréti. yak wār go amé watí muzūrān gúšti: šmā brāit, amā salātānā pkúšit. amé pādišāai muzūr š-amédinā šútant, amā salātānā kúštant wa wat padoi ātant. ān čoš ki padoi ātant bi pādišāai gisā, yak wār amé pādišā amé watí muzūrānā gúšti: šmā anún amé kāpéren tajārā bgirit, pkúšit wa go naptā bun dāiti, amé daulātāi bgirit, bārit bi amé mnī bāgwānā bdāit. karār amé muzūr šútant, amé tajārā giptant, kúštant wa go naptā bun dātant, amé daulātāi búrtant bi amé bāgwānā dātant. amé zāgā pa duwārāg gis dātant. man š-amódinā jístun, ātun pa wat imāne āúrtun, pa ta dištāre āúrtun.

На утро старик взял юношу за руку, повел и посадил около царя. Когда они обменялись приветствиями, юноша сказал царю: «о царь, средоточие мира, я расскажу тебе сказку!» Царь сказал: «говори!» Юноша сказал: «было ли, не было ли, никого не было лучше нашего с вами бога. Был один царь, у этого царя было шесть сыновей, четверых он женил, а двоих других не женил». Царь задумался и ничего не говорил, но этот нечестивый купец сказал ему: «поспеши с моей свадьбой!» Царь сказал: «подожди немножко!» (*следует вторичный рассказ о всех приключениях юноши*).

Итак, юноша рассказал свои приключения точно так же, как я тебе рассказал. Потом он сказал: «этот твой брат—я, а он—тот купец! теперь делай с купцом и с той своей стражей все, что ни сделаешь!» Царь бросился на шею юноше, заплакал и сказал своим наемникам: «идите и убейте тех солдат!» Царские наемники пошли отсюда, убили тех солдат и пришли обратно. Как только они вернулись в царский дворец, царь сказал им: «теперь схватите этого нечестивого купца, убейте его и сожгите на нефти, а его имущество возьмите, отнесите и отдайте тому моему садовнику!» Наемники пошли, схватили купца, убили его и сожгли на нефти, а его имущество отнесли и отдали садовнику. Юноше вторично справили свадьбу. Я оттуда выскочил, пришел, себе снискал благополучие, тебе привел невесту.

XIV

būt na bāt, ša mašmāi xudā getír káse na bāt. yak pādšāe at. e pādšā dāšt sāi zāg. du zāgī mās dāštant, yak zāge mās na dāšt. yak róče bāt, amé sāi zāgī mazán bātant wa go watí pisā gūštant ki āi bābā, amā rā sāre yak asp bdāi ki amā suwār bayán. pādšā gūštī ki man kadé ša šmāi demā gíptun? ā šumā, ā asp! brāit, pa wat asp bgírit. e šútant, pa wat sāre yak asp gíptant. amā duén zāg ki mās dāštant, pa wat juwānén asp gíptant. amé be-māsen zāgī pa wat yak pīrakīen āspe gipt. amā māsīen zāgānī asp baiṛayīen ātant. mudām bi ar jā pa baiṛāyā burtant. ešī asp mudām elā at.

yak róče bāt, ešī asp bi zānkā bāt. e watí aspā padā gipt. ešī asp š-amédā šut u šut bi yak jāe, bi yak daryābā pānādā šut. e asp watí kūnā bi āpā jat ki bzāit. ānčo ki zāt ki kurāgāi pād dār ātant, e kurāgā yak dastā amé zāg gipt, yāke digā ša āpāi tā kurrāgāi pādā gipt. e pa wat kāši kurt, ā pa wat kāši kurt. e gušt ki bil, ā pa wat gūštī: bil. e gūštī ki ta bil. ā ki āpāi čērā at, gušt ki ta sātītāga na kanāi! e gūštī ki man pādišāā zāg baīn, man sātītāga na kanīn! amā ki āpā čērā at, gušt: juwān

(XIV. О кознях мачехи и приключениях царевича)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один царь. У этого царя было три сына. У двоих из его сыновей была мать, а у одного матери (в живых) не было. Настал день, когда трое его сыновей выросли и сказали отцу: «батюшка, дай нам каждому по лошади, и мы будем ездить верхом!» Царь сказал: «когда я отказывал вам? вот вам лошади! идите и выбирайте!» Они пошли и взяли себе каждый по лошади. Двое сыновей, у которых была мать, взяли себе хороших лошадей, а сын, у которого не было матери, взял себе старую лошадь. Лошади тех сыновей, у которых была мать, были скакунами, всегда всюду скакали и получали призы, а его лошадь всегда паслась на воле.

Однажды его лошадь стала жеребой, и он стал следить за своей лошастью. Его лошадь пошла и пошла, пришла в одно место на берегу реки и пригнула к воде свой зад, чтобы ожеребиться. Как только она ожеребилась, и ноги жеребенка очутились снаружи, юноша взял жеребенка за переднюю ногу, но кто-то изнутри воды схватил жеребенка за заднюю ногу. Он стал тащить к себе, а тот тащил к себе. Он сказал: «пусти!» и тот сказал: «пусти!» Он сказал: «тыпусти!» Тот, кто был под водой, сказал: «ты не сможешь его уберечь!» Он сказал: «я царский сын, и не смогу его уберечь!» Тот, кто был под водой, сказал:

int, nápa bar! magár tā sī roč ešī rā siyāen pasāi šir bdāi. e gušt: nápa juwán int, mán a-barín, dāin. e š-amédā burt bi watí gešá. ódenā tā sī roč siyāen pasāi širī dātī. amé kurág bi yak sāáttā apt rangá gašt. e duén zāgānī mās ki e kurágā dístī, watí dilá gúštī: man go ešī kár dārín.

e zāg mudām bi maktábā wántī. ar waxt ki alās a-būt, demtirá bi kurágäiyā kāt.

yak róče amé duén zāgānī mās gúštī ki man pa ešī nān jód a-kanín wa nānānī tā zār a-rečín ki áncō buwárt, mirít ki kurág mánít pa mnī zāgān. amé atímen zāg maróči ša maktábā áti bi watí gešá, awálā áti bi kurágäyā. amé kurág gúštī ki tī mātó pa ta nān tayári kurtái, ta bra, íči ma guš, ā wat tī dastānā šodít, nānānā kārít, ta awálā ma war, du dayīyá sabr pkan, yak pišíke kāit, awálā ta amá pišíkā yak lunkáen nāne bdā, dístā ki na murt, gúḏā bor. e gušt: juwán int. amé zāg š-amédā šut bi watí gisá, ódenā ešī mātó pa ešī nān áurt. ešī dastānā šúštī wa gúštī: anūn watí nānā bor. e sālī kurt ki pišík bāt, yak sá^ate digá būt, pišík āt. e yak lunkáen nāne írrī dāt bi pišíkā demā. e pišík ki wártī, murt. e zāg nānānā gipt, írrī dāt bi watí mātóā demā. ešī mātó íči na gušt, watí nānānā zurt

«хорошо, бери! только тридцать дней давай ему молока от черной овцы!» Он сказал: «хорошо, я возьму и буду давать!» Он повел его отсюда к себе домой и там тридцать дней давал ему молока от черной овцы; жеребенок в один час сменил семь цветов. А мать тех двух сыновей, как только увидела этого жеребенка, так про себя сказала: «я уж с ним разделаюсь!»

Этот юноша постоянно учился в школе, и каждый раз, когда освобождался, сначала шел к жеребенку.

Однажды мать тех двух сыновей сказала: «я приготовлю для него хлеб и положу в него яду: он поест и умрет, и жеребенок достанется моим сыновьям». В этот день этот осиротелый юноша вернулся домой и сначала пошел к жеребенку. Жеребенок сказал: «твоя' мачеха приготовила для тебя хлеб; ты иди и ничего не говори! она сама помое тебе руки и принесет хлеб, но ты сначала не ешь, а потерпи минуты две; потом подойдет кошка, и ты сначала дай кусок кошке, и если увидишь, что она не умерла, тогда ешь сам!» Он сказал: «хорошо!» Юноша отсюда пошел домой. Там мачеха принесла ему хлеб, помыла ему руки и сказала: «теперь ешь свой хлеб!» Он подождал, чтобы подошла кошка. Прошло немного времени, и кошка подошла. Он бросил кусок хлеба кошке. Как только кошка поела, так тотчас умерла. Он взял хлеб и швырнул его своей мачехе. Его мачеха ничего не сказала, взяла свой хлеб,

u burt, írri dāt bi giyābānā. e zāg šut, ša bāzārā pa wat nān zītī u wártī. pa duwārāg šútī bi watí maktábā, watí sabāxā buwānīt.

bāz. tārienā ešī mātó watí delá pígrī kurt. gúšti: man maróči bi watí gešā dapā yak čāe janín ki ša man dūr bīt, be me čāā tā pkapít. eš yak čāe bi watí gešāi dapā jat wa yak káme xašpāl bi sarāi ret wa γālínā bi sarāi prent wa íšti. yak sāt digār būt, amé zāg ša watí maktábā āt. awālā bi kurāgāyā āt, dísti tā amé kurāg a-grét. e gúšti: jāni man, imāni man, pa če grewāi? kurāg gušt: āi ādami, tī mātó pa ta maróči ódenā bi šmā gisā dapā yak čāe jant, bi čāā sarā ya káme ák a-rečít u ya káme xašpāl a-rečít u γālínā bi sarāyā prent. ta ki ānčo šútāi, š-amé gešā dapā kúp kan, ša čā āškā pren. ā wāt a-guší ki ta pa če e dól a-kanāi? ta bguš ki maktabien zāg múči amé dól a-kanánt. zāg gúšti: nápa juwān int. e š-amédā šut bi watí gešā. ānčo ki š-amé gešā dapā ki rast, kúpī kurt, āškā prent. ešī mātó ešī rā gúšti: āi māsī, ta pa če e dól a-kanāi? e gúšti ki man ša maktabien zāgān a-zūrín. e š-amédā šut, watí nānānā wart, pa duwārāg padoi āt wa šut bi watí maktábā.

ešī mātó watí delá pígrī kurt. amé mullānā múcānā loṭítī wa go ešān gúšti ki man šmā rā mardúme saṭ tumān zār a-dāin, amé ki pādišā āt, šmā

отнесла его в степь и бросила. Юноша пошел на базар, купил себе хлеба, поел, и опять пошел в школу заниматься своими уроками.

На утро его мачеха стала размышлять и сказала про себя: «сегодня я вырою колодец при входе в дом, чтобы он свалился в этот колодец, когда будет еще вдали от меня». Она вырыла колодец при входе в дом, а сверху насыпала соломы, набросила ковер и так оставила. Прошло некоторое время. Юноша вернулся из школы, пошел сначала к жеребенку, увидел, что жеребенок плачет, и сказал ему: «душа моя, мое благополучие, что ты плачешь?» Жеребенок сказал: «о человеческое существо! сегодня твоя мачеха при входе в дом выроет для тебя колодец, насыпет на него сверху немного песку и соломы и набросит сверху ковер; когда ты пойдешь, ты сделай прыжок через вход в дом и перепрыгни через колодец; она скажет: „зачем ты так делаешь?“ ты скажи: „все школьники так делают!“ Юноша сказал: «ну, хорошо!» Он пошел отсюда домой, и когда дошел до входа в дом, сделал прыжок и перепрыгнул на ту сторону. Его мачеха сказала ему: «что ты, сынок? зачем так делаешь?» Он сказал: «я обучаюсь от школьников!» Он прошел, поел свой хлеб, вернулся и опять пошел в свою школу.

Его мачеха стала размышлять. Она созвала всех мулл и сказала им: «я дам вам каждому по сто туманов, а когда вернется царь, вы скажите:

bgúšit ki tī jínén nā-jóḍ int. ā wát a-gušíť ki pa eší čé zabr int? e go-
mullán gúšti ki man bi watí pālúnkān lawáš a-bandín ušk-uškén ki pādišā
āt, šmā bgúšit ki pa eší ábi-daryābien aspāi kurágāi post zábr int. e mullā
gúšťant ki zabr int. amé ki pādišā átī, dístī tā mnī jénén nā-jóḍ int.
e pādišā gúšti ki trā če bŭtāi ki ta nā-jóḍ bŭtág āi? ā gúšti ki man pālúnk-
próš bŭtág un. e pādišā mulānā loťit ki mnī jínén pa če nā-jóḍ bŭtagí.
e gúšťant ki tī jínén pālúnk-próš bŭtagí. pādišā gúšti ki pa mnī jínénā če
zabr int? e mullā gúšťant ki pa tī jínénā ábi-daryābien aspāi kurág zabr int.
e gúšti ki édā kai ábi-daryābien kuráge dārít? e mullā gúšťant ki tī
zāg dārít. e gušt ki nápa bāz juwán int. man āe rā gušín ki watí kurágā
bdant. gúšťant ki ta bra, go watí zāgā bguš ki ā watí kurágā dant yā na.
agár dātī, ta pkúši, postāi bar, bi watí jínénā gwarā bdāi, ā ki watí
gwarā pkant, gúḍā zábr a-bít. agár na dātī, gúḍā drŭā na bit. ta yak káre
pkan ki amé ábi-daryābien aspāi kurágāi post bāz zábr int. e pādišā gúšti:
mán a-raín, āe rā gušín, agā ā watí kurágā bdant. e š-amédā šut bi watí
zāgāyā ki āi kurágā bzint.

āi zāg demtírā át-atī bi watí kurágāyā. amé kurág gúšti ki tī mātó
watí pālúnkānā lawáš bastagí ki man nā-jóḍ un ki mnā ša tī dastā bgít.

„твоя жена больна!“ тогда он спросит: „что может ей помочь?“ Она еще
сказала муллам: «я привяжу к своим ребрам сухарей, сухих-пресухих, и когда
царь придет, вы скажите, что ей поможет кожа жеребенка от водяной
лошади». Муллы сказали: «хорошо!» Когда царь пришел, он увидел, что его
жена больна. Он сказал: «что с тобой случилось, что ты заболела?» Она ска-
зала: «у меня разлом ребер». Царь потребовал мулл: почему, мол, моя жена
заболела? Они сказали: «у твоей жены разлом ребер». Царь сказал: «что
может помочь моей жене?» Муллы сказали: «ей может помочь жеребенок от
водяной лошади». Он сказал: «у кого здесь есть жеребенок от водяной
лошади?» Муллы сказали: «у твоего сына». Он сказал: «ну, хорошо, я ему
скажу, чтобы он дал своего жеребенка». Они сказали: «ты сходи и спроси
у своего сына, даст он своего жеребенка или нет, и если даст, ты его убей,
а его кожу отнеси и приложи к груди своей жены, и когда она приложит ее
к своей груди, она поправится. Если же он ее не даст, она не поправится. Ты
уж как-нибудь постарайся, потому что эта кожа жеребенка водяной лошади
очень полезна!» Царь сказал: «я пойду и спрошу у него, даст ли он своего
жеребенка!» Он пошел к своему сыну, чтобы взять его жеребенка.

А его сын уже раньше пришел к своему жеребенку. Жеребенок сказал:
«твоя мачеха навязала себе сухарей на ребра: я, мол, больна! чтобы меня

wa pkušít. agár mnā kúšťant, tī xat korā int, tī pis maróči kăit bi¹ tíyā ki äi bābā, watí kurágā bdäi ki tī mās bāz nā-jōd int. ta bguš ki kurág pa tī sarā xairāt bīt, ā tá. ā kurág. ā ki bi mníyā átī, man ašt sidág a-žanín. bi awalien šidágā ta bzānāi ki ā démi mán a-kăit, bi dūmien šidágā ta bzānāi ki ā bi mníyā átī, bi sâimien šidágā ta bzānāi ki ā mnā ša mīyā páč a-kánt, bi čarumien šidágā ta bzānāi ki ā mnā rādág a-kánt démi āpā, bi pačumien šidágā ta bzānāi ki ā mnā burt pa kuštínā, bi šašumien šidágā ta bzānāi ki ā mnī dast u pādānā bandít, bi aptumien šidágā ta bzānāi ki ā pātiyā kanánt, bi aštumien šidágā ta bzānāi ki ā mnā kušánt, agár ta wat rā bi aštumien šidágā raséntäi, mnā baräi, agár na raséntäi, man ša tī demā rāin u mnā kušánt, trā am kušánt. e čorí gúšti ki bāz jwān int-a, mán a-raín bi watí maktábā. e gušt: nápa bra wa tī goš amíngūr bīt. ā gušt: nápa bāz juwān int. eš š-amídā šut bi watí maktábā.

amé ki rādág büt, yak wār amé písī bi demāi dār átī wa gúšti ki äi bābā, watí kurágā bdäi ki tī mās bāz nā-jōd int. e gúšti ki bra, bābā, ā tá wa ā kurág, pa tī sarā xairāt bīt, bra, bārī. e pādišā š-amídā šut bi kurágāyā. yak wār amé kurág yak šidáge jat. amé zāg bi watí maktábā wántī. gúšti go watí mullā ki äi mullā, adáb! mullā gušt ki malhún

взять от тебя и убить, а если меня убьют, то погубят и тебя. Сегодня придет к тебе твой отец: отдай, мол, сынок, своего жеребенка, потому что твоя мать очень больна! и ты скажи: „пусть жеребенок будет жертвою ради тебя! вот тебе жеребенок!“ Когда он подойдет ко мне, я восемь раз испущу ржание. При первом ржании знай, что он подходит ко мне; при втором ржании знай, что он уже подошел ко мне; при третьем ржании знай, что он меня отвязывает от коновязи; при четвертом ржании знай, что он меня ведет к воде; при пятом ржании знай, что он меня повел убивать; при шестом ржании знай, что он мне связывает ноги; при седьмом ржании знай, что читают молитву; при восьмом ржании знай, что меня убивают. Если ты при восьмом ржании подоспеешь, ты меня уведешь; если же не подоспеешь, я от тебя уйду, и меня убьют! и тебя также убьют!» Юноша сказал: «очень хорошо, я пойду в свою школу!» Жеребенок сказал: «ну, иди, но твои уши пусть будут здесь!» Он сказал: «очень хорошо!» и пошел отсюда в свою школу.

Как только он туда направился, его отец вышел к нему и сказал: «сынок, отдай своего жеребенка, потому что твоя мать очень больна!» Он сказал: «иди, батюшка, жеребенок твой! пусть он будет жертвою ради тебя! иди и возьми его!» Царь пошел отсюда к жеребенку, и тотчас жеребенок заржал; а юноша уже занимался в школе. Он сказал своему учителю: «учитель,

bitáb! pa duwārág amé kurág yak digá šidáge jat. e gúšti: mullá, adáb! mullá gúšti: malhun bitáb! e gda gaštá ki yak šidáge jat, e gúšti ki äi malhúnen mullá, trā gušin: adáb! édā ki búrtanti bi āpāi sará, e yak digá šidáge jat. e zāg gúšti: äi mullá, man trā gušin ki adáb! e mullá gúšti ki malhún bitáb! amé ki čārumíen šidágā jat, e gušt: äi kápār-dílen mullá, tī dil kap bīt, man trā gušin ki adáb! e mullá gúšti ki bi sabáxäi waxtá abár dātága na bīt. e gúšti: nápa man go ta kār dārín. e gúšti ki šāgírd go mullá ič waxt abár dātága na kant. bi pančumíen šidágā amé čoríká gúšti: äi mullá, adáb! e gúšti: malhún bitáb! eš amá int íči na gúšti. bi aštumíen šidágā gušt ki äi mullá, adáb! e gúšti ki malhún bitáb! amé zāg e mullá gúšti: äi mullá, ta mnā agār náiläi, man go ta kār dārín. amídā amé zāgāi pānādā yak āptāwāge ér at. amé āptāwāgā zúrti, jat bi mullāäi sará u š-amídā jísti wa šúti.

am amé sarabún^a átant ki e kurágā pkúšant. tawārī kurt ki xabardāri šmā bīt, yak wār bóštit ki man sar bāin. eš oštátant. ā ki áti wa gúšti: äi bābā, man pa e aspā zāmát bāz kašitág un, yak wār ta bi man bdäi ki man suwār a-baini. e pādišā gúšti ki bra, bābā, suwār bāi watí kurágā ki tī

благодаристойность!» Учитель сказал: «*ошибочно выражено!*» Вторично жеребенок испустил ржание. Он сказал: «учитель, *благодаристойность!*» Учитель сказал: «*ошибочно выражено!*» Когда еще раз раздалось ржание, он сказал: «эй, *ошибочный* учитель, говорю тебе: *благодаристойность!*» Когда жеребенка повели к воде, он еще раз заржал. Юноша сказал: «учитель, я тебе говорю: *благодаристойность!*» Учитель сказал: «*ошибочно выражено!*» Когда четвертый раз раздалось ржание, он сказал: «жестокосердый учитель, пусть расколется твое сердце! говорю тебе: *благодаристойность!*» Учитель сказал: «нельзя разговаривать во время урока!» Он сказал: «ну, так я с тобой разделаюсь!» Тот сказал: «ученик с учителем никогда не разговаривает!» При пятом ржании юноша сказал: «учитель, *благодаристойность!*» Тот сказал: «*ошибочно выражено!*» Больше он ничего не говорил. При восьмом ржании он сказал: «учитель, *благодаристойность!*» Тот сказал: «*ошибочно выражено!*» Юноша сказал учителю: «учитель, если ты не отпускаешь меня, я с тобой разделаюсь!» Около юноши стоял кувшин для воды. Он схватил этот кувшин и бросил его в учителя, а сам выскочил и побежал.

Уже подходили, чтобы убить жеребенка. Он закричал: «внимание! подождите, пока я подойду!» Они остановились. Как только он подошел, он сказал: «батюшка, ради этой лошади я понес много трудов! позволь мне разок посидеть на ней!» Царь сказал: «иди, сынок, и садись на своего жеребенка,

dilāj sarā yak armāne ma mānīt. e š-amídā šut bi watí gešá, watí kurágāi
julānā zurt u burt, bi watí kurágāi sarā dāt wa yak wār suwār büt u āiyi
kurt. eší kurág šut bi āsmānā, bālī kurt, bi mā āsmānāi demā oštāt. amé
zāg yak xáte nimísti, bi jālāgā prénti. e maxlūk gúštant ki xáte kapt ša
āsmānā. e xatā gíptant, wāntant, dístant ki bi xatāi tā nimistagi ki āi bābā,
man ša tī dastā šútun. bi tī jinénāi rāstén pālúnkān uškén lawáš bastā, bi
demāi dārū zard muštā. čínka róči digár pa mnī padā gāšti ki mnā pkúšit,
e mnā kuštāg na kúrti. digá pa tī ruxsātā, man šútun. e pādišā š-amídā šúti
pa wat.

e čorí š-amídā šut u šut, bi āsmānāi sarā ki rast, ódinā er kapt u šut
bi yak jāe, dísti tā amídā yak débe nāl-nāl a-kánt. e uškíti, š-amídā šut bi
mā debāyā, gúšti ki tī če dārd a-kánt? ā gušt ki āi ādāmi yarīb, ta ša man
pa če pursāi? mnī pādā yak jike šutagi. ta agā mnī pādāi jikā kašitāg
pkānāi, man ša ta bāz rāziy a-bāin. e gušti ki nápa bāz juwān int. man
yak sāate digár kāin, tī pādāi jikā kašin. e zāg āti, watí kurágā gúšti ki
man ša ta amé anún loṭin yak anbúrre. eší asp gúšti ki bāz juwān int-a.
eší asp š-amídā bālī kurt wa šut bi awā. be me yakén sāá^ttā šut, anbúre
āúrti, dāti. e zāg anbúrā āúrti bi debāyā. e deb gúšti ki man ástun yak

чтобы не оставалось у тебя на сердце неудовлетворенного желания!» Он пошел домой, взял и принес убор и покрывала для жеребенка, положил на него, сел верхом и сразу погнал его. Его жеребенок направился к небу, взлетел и остановился у самого неба. Юноша написал письмо и бросил вниз. Люди сказали, что с неба упало письмо. Они взяли письмо, стали читать и увидели, что в письме написано: «батюшка, я ушел от тебя. У твоей жены справа к ребрам привязаны сухари, а лицо вымазано желтым снадобьем. Сколько дней она старалась всячески меня известить, но не смогла! А затем прощай, я ушел!» Царь отсюда отправился к себе.

Юноша ехал и ехал, и когда добрался до самого неба, спустился там с лошади и пошел в одно место. Он увидел, что здесь ревет один див. Он услышал, подошел к этому диву и сказал: «что у тебя болит?» Тот сказал: «странник, зачем ты меня спрашиваешь? мне в ногу попала заноза, и если ты сможешь вытащить из моей ноги эту занозу, я буду очень тобою доволен!» Он сказал: «ну, очень хорошо, немного погодя, я приду и вытащу занозу из твоей ноги». Юноша пришел и сказал своему жеребенку: «что я теперь хочу от тебя, это — щипцы!» Его лошадь сказала: «очень хорошо!» Его лошадь взлетела и двинулась по воздуху. В какой-нибудь час она обернулась, и принесла и дала щипцы. Юноша понес щипцы к диву. Див сказал: «я ведь зверь! ты сходи,

jinawāre. ta bra, byār bāzen xīštē be me mīnī pānādā ničēn bdāi ki man watī dapā prenīn bi^t tī jānā, trā gandāg a-kanīn. e gušt ki man raīn, xīšt a-kārīn. e š-amīdā šūtī pa xīštā. š-amīdā šut, xīšt āurtī b-ešī ešk-u-āškā ničēn dāti u anbūrā mān dātī. e deb yīši kurtī, ešī pādāi jikā ša pādāi kašīti, dārī kurt, prēntī. e amēdā kāptī. yak sāte digār būt, ešī čučāg ātant bi watī māsāyā, distant ki tā amīdā mardūme ništagi. e gūstant ki mašmāi māsā ki p-azāb dārīt, albatā amēš int. eš ātant ki ešī rā pkūšant. yak wār ešānī mās gūštī ki ešī rā šor ma dāt ki e mnā ša yak balāe alāsī kurtagī. e š-amōdā wat rā prēntant bi ešī dast u pādāi čērā. yak katrāe digār būt, ešānī mās dⁿrūā būt wa ešī rā gušt: š-amē ammāi puṭān yak kāme bzūr, bar. ar jā tī sarā sakīe būt, ta amē puṭānā dūt pkān, a^mmā āzīr a-bayān. e gūštī ki nāpa bāz juwān int. e š-amešānī puṭān ya kāme pa wat zurt u burtī.

š-amīdā šut, bi yak jāe āti, distī tā amīdā yak drāxte. e š-amīdā šūtī, bi me draxtāi čērā wapt. bi me wābā tā āti, yak wār distī tā čayupīye. e ša wābā arkātī kurt wa sālī kurt tā yak aždīyāre bālā būtagī wa kāit ki amē čučāgānā buwārt. eš watī zāmā zurt u arkātī kurt ki amē aždīyārā pkūšit. š-amē jālāgā alyāci kurt, bi me mārāi sarā lagīti. e mār š-amā burzāgā kāptī bi jālāgā, karār e mārā jat, zabr kūštīe, zabr ešī rā ṭukūr ṭukūrī

принеси побольше кирпичу и наложи его около меня, а то я могу броситься на тебя своей пастью и причинить тебе зло!» Он сказал: «я схожу и принесу кирпичу». Он пошел за кирпичем; сходил, принес кирпичу, наложил вокруг него и приложил щипцы. Див лишился чувств. Он потянул занозу из его ноги, вытащил и бросил. Тот тут же свалился. Немного погодя, пришли дивьи детеныши к своей матери (див был самка) и увидели, что здесь сидит человек. Они подумали: «наверное, это тот, кто мучает нашу мать!» и уже хотели его убить, как вдруг их мать сказала: «не трогайте его, потому что он вызволил меня из беды!» Они бросились к его рукам и ногам. Немного погодя, их мать оправилась и сказала ему: «возьми с собой немного из наших волосков! где бы ни случилась с тобой беда, заставь дымиться эти волоски, и мы явимся!» Он сказал: «очень хорошо», взял с собой немножко из их волосков и унес.

Он пошел отсюда, пришел в одно место и увидел дерево. Он пошел и лег под деревом. Он уже спал, когда вдруг услышал шум. Он проснулся и стал смотреть: один дракон поднялся наверх и хочет пожрать птенцов. Он схватился за меч и двинулся, чтобы убить дракона; нацелился снизу и попал в змея. Змей повалился сверху вниз. Тогда он ударил змея, окончательно его убил, раскромсал на куски и отнес и положил у входа в гнездо этих птенцов,

kurt wa búrti, bi čučágānī kudógāi dapā íštī wa wat pádā átī, bi watí jágá wápti. yak wār amé čučágānī mās átī. e gúštī: bálken mnī čučágānā améš wartai. amé simúry š-amídāšut, yak sínge rā bi watí suntā gipt wa áurt ki be me čoriāi sarā prénit. amé čučág yak wār bi čayupíyā átant, gúštant ki āi māsī, na ki e singā prénāi b-é zágāi sarā ki amā aždiyār ki ar sāl a-kāt, tī čučágānā wart, maróči át ki amā rā buwárt, amé zāg át at, be me draxtāi čerā wápt at, yak wār amé mār wat rā pleč dātī wa yak wār amā bi čayupíyā átan, amé čorí š-amé daraxtāi čerā āgā büt, sālī kurt, dístī ki tā be me draxtāi sarā e čayupíy ast. e zabr sālī kurt, dístī tā ā int aždiyār wat rā pleč dātagí. e watí zāmā zurt u burt bi me draxtāi čerā, zabr e zāmā tézī kurt, zabr sālī kurt, dístī tā zabr be me zāmāi čamā int, amé watí zāmā alyāči kurt, be me mārāi sarāgā lagítī. amé mārā zurt u áurt bi jālāgā, ešī rā gipt, čo páse pósti kurt. š-amé mārāi postā yak silúme kašítī. e gúštant ki na ki māsī e zágā pkúšāi, ki e amā rā āzādī kurt. ešānī mās amé singā pádā burt wa préntī wa jīndī pádā átī bi watí jágá, bi watí čučágānīyā. amídā tángā wáb int. amé simúry átī, watí yak bále rā bi čerāi kurt, yáke rā p-āi gwātī jat tā wáxte ki āgā bütī. amé ki āgā bütī, amé simúry gušt ki ta š-a^mmāi parān yak káme psind. ar jā ki tī sarā sakíe

а сам вернулся и лег на свое место. Вдруг вернулась мать этих птенцов. Она сказала: «наверное, этот самый поедал моих птенцов!» Эта птица-симург пошла, схватила в клюв камень и принесла, чтобы бросить его в этого юношу. Тотчас птенцы подняли шум и сказали: «матушка, не бросай камень в этого юношу, потому что тот дракон, который каждый год приходил и поедал твоих птенцов, приходил и сегодня, чтобы нас съесть, а этот юноша еще прежде того пришел и спал под деревом. Вдруг змей пополз, и мы подняли шум. Юноша под деревом проснулся, посмотрел и понял, что этот шум идет с вершины дерева. Он хорошенько присмотрелся и увидел: вот оно что! это дракон пополз! Он схватил свой меч, понес под дерево, хорошенько наточил его, хорошенько взгляделся, увидел, что он приходится как раз под самый меч, размахнулся мечом и попал змеею в голову. Он взял этого змея, стащил вниз и содрал с него кожу, как с барана, а из зменой кожи вытянул ремень». Они сказали: «нет, матушка, не убивай этого юношу, потому что он освободил нас!» Их мать отнесла назад камень и бросила его, а сама вернулась на свое место к своим птенцам. А он еще спит здесь! Птица-симург подошла, подложила одно крыло под него, а другим стала на него навевать ветер, пока он не проснулся. Когда он проснулся, птица-симург сказала: «вырви немножко из наших перьев, и где только ни

būt, ta amé puṭānā dūt pkan. amā āzír a-bayán. amé zāg gúštī: nápa juwán int. ša ešānī bāzúl u parán yak káme zurt u burt.

š-amídā šūtī bi yak jāgāe, dístī tā yak šuwānāge dédi yak páse rā kušít wa dédi post a-kántī. amé zāg gúštī ki amé watí pasāḡ uškumágā mnā bdāit. e gúštant ki nápa bāz juwán int. amā watí pasāḡ uškumágā bi ta dayán. e gúštī ki nápa bdāit. e gíptant, watí pasāḡ uškumágā dātant bi zāgāḡ dastā.

e zāg š-amídā šut, dístī tā amídā yak bāgwāne dédi watí bāgānā āp a-dánt. amé zāg šut, wat rā prent bi amāḡ jūwákāḡ dapā. e bāgwán dístī tā amé mnī jūwákāḡ dap bastág būt. ā int-a ki āpa na kāḡt, watí belā zurt u bi watí kopágā prent u átī, sālī kurt tā bi mnī jūwákānī tā mardúme kaptagí. yak wār amé bāgwán watí belā kašít pa jānāḡ. amé zāg gušt: na ki mnā pkúšāḡ? man tī muzūr a-bāin. e gúštī: nápa juwán int, ta byā ki brawán, ya káme gul go man ta bčín ki man a-barín pa pādišāāḡ jiníkān. e gúštī: nápa juwán int, brawán. e š-amídā šútant wa gul čítant. amé bāgwán eší rā gúštī ki ta amídā mnind ki mán a-raín bi pādišāāḡ gisá. amé zāg bi amé bāgāḡ sará níštī. e bāgwán bi ódenā e gulánā ki burt, pādišāāḡ jiník átant pa gulānī sāḡlā. gulánā sāl kurtant, distant tā amé gulānī tā yak dastáge gul jwānén bastá wa ér int. amé pādišāāḡ jiník

случится с тобой беда, заставь дымиться эти волоски, и мы явимся!» Юноша сказал: «хорошо!» взял немного перьев из их крыльев и понес с собой.

Он пошел отсюда в другое место и увидел, что один из пастухов режет овцу и сдирает с нее шкуру. Юноша сказал: «отдайте мне желудок своей овцы!» Они сказали: «хорошо, отдадим!» Он сказал: «ну, так давайте!» Они взяли и вручили юноше овечий желудок.

Юноша пошел отсюда и увидел, что один садовник поливает свои сады. Юноша пошел, лег в канаву и завалил собою вход в нее. Садовник увидел: да ведь завален вход в канаву, вот потому вода и не идет! Он взял лопату, положил на плечо, подошел, стал смотреть и увидел: какой-то человек лежит в моей канаве! Садовник тотчас схватил свою лопату и двинулся на него. Юноша сказал: «не убивай меня, я тебе буду слугой!» Тот сказал: «ну, хорошо, давай, пойдем! ты набери со мной немного цветов, и я их снесу царским дочерям!» Он сказал: «ну, хорошо, пойдем!» Они пошли отсюда и набрали цветов. Садовник сказал ему: «ты посиди здесь, а я пойду в царский дом!» Юноша сел у входа в сад. Когда садовник отнес туда эти цветы, царские дочери пришли посмотреть на них. Они стали рассматривать цветы и увидели, что из этих цветов один букет красиво связан и уложен. Царские дочери спросили у садов-

pursítant š-amé bāgwānā ki amé gulānā kaj čitagí? e bāgwān jawáb dātī: man yak muzúre dārín, amá čitagí. e ĵiník bi watí dilá pígr kurtant ki biyáit tā bāndā mašmá brawán ɾa ābāziyā.

bāndā ki būt, amé pādišāāĵ ĵiník wat rā jód kurtant ki brawánt. amé zāg maróči watí aspāĵ puṭá dūt kurtagí, amé asp ātagí bi amāiyā. amé zāg watí pādišāien ĵulānā watí gwarā kurtagí. amé aspāĵ bi āškāĵ bastagí. amé zāg dédi watí tilāen šakā zurtagí, watí sarā dédi šák a-kánt. amé ki pādišāāĵ ĵiník ātant, amé gwandén ĵiníkāĵ čam kapt bi me zāgá. amé zāg ki watí sarā šákī kurt, watí šakā amídā be "óši kurt. be me draxtā jāt at, amé pādešāāĵ gwandén ĵiníkāĵ čam kapt be me šakā. amídā oštāt, íči na gušt. amé zāg watí ĵwānén ĵulānā gipt, bi aspāĵ sarā bast, ā wat amá watí uškumāgā gipt bi watí sarā bast. š-amídā watí aspā zurt u burt, bi dūrā, elāi kurt, ya káme puṭ am sist, wat š-amídā šut bi bāgāĵ pānādā. amé pādišāāĵ gwandén ĵiník ātī, ameši šakā zurt wa búrti pa wat.

yak čunt roč gwast. amé pādišāāĵ ĵiník pa watí pisā bi gulāmāĵ dastā galó^w dem dātant. ar yáke yak galó^w dem dātant. e gulām galó^wānā š-amídā zurt wa burt pa pādišā. ódinā bi pādišāāĵ demā íšti. e pādišā airān mántī, watí wazíl u wakilānā loṭítī ki ešānā pa čéwāĵ xātírá pa man dem dātág ant. amé wazíl jawáb dātī ki āĵ pādišā, man agár bgúšín, ta mnā ta^mmiya

ника, кто набрал эти цветы. Садовник ответил: «у меня есть один слуга, это он набрал!» Девушки про себя подумали: «давайте, завтра сходим купаться!»

На следующее утро царские дочери собрались итти. А юноша в этот день заставил дымиться волосок своей лошади, и лошадь пришла к нему. Юноша надел на себя свои царские одежды, привязал свою лошадь поодаль, а сам взял свой золотой гребень, да и причесывает свою голову. Когда царские дочери подошли, младшая девушка заметила юношу. А когда юноша причесывал голову, он забыл здесь гребень: уронил его под деревом. Младшая царевна заметила этот гребень; она остановилась, но ничего не сказала. Юноша взял свою хорошую одежду и привязал ее к лошади, а сам взял тот свой овечий желудок и повязал им голову. Потом он взял свою лошадь, повел ее и пустил вдаль, только выдернул несколько волосков; а сам направился отсюда к саду. Младшая царская дочь подошла, взяла его гребень и унесла с собой.

Прошло несколько дней. Царские дочери послали с рабом своему отцу дыни. Каждая послала по одной дыне. Раб взял дыни, отнес царю и поставил перед царем. Царь удивился и позвал своих правителей и наместников: зачем, дескать, они мне их прислали? Визирь отвечал: «о царь, если я скажу, ты

na kanā? amé pādišā gúštī ki man ič waxt trā tamiya na kanín, ta bguš. amé wazíl gúštī: ā mazānen galówā tī mazānen ĵiník pa ta dem dātagí ki ameší dil pa mardā omán kurtagí. e pādišā gúštī: ĵuwán int. amé miyāntaíen galó" tī miyāntaíen ĵiniká int, amé gwandentarúk tī gwandén ĵiniká int. amé pādišā gúštī ki tawár pkánit amé ĵārčínā. e tawár kúrtant ĵārčínā. amé ĵārčínā gúštī: ta bra, amé maxlūkā bguš ki bāndā ič kas ma rot ki bāndā pādišāĵi ĵiník pa wat márd a-giránt.

tāriēnā bût, maxlūk gird bi yak ĵā bûtant. amé zāg š-amídā šut, bi yak ĵāe čer kapt, bi yak tandūrāĵi tā. amé pādišā āúrt, bi amé maxlūkāĵi tā yak kapóte elái kurt wa gúštī: amé mnī ĵinikānī dil bi ar kasí sará bīt, amé kapót wat bál a-kanánt, bi māí sará rawánt, nindánt. amé mazānen ĵinikāĵi wār bûtī. amé mazānen ĵinikāĵi dil bi wazílāĵi zāgāĵi sará at. amé kapótā bál dātant, amé kapót šut, bi wazílāĵi zāgāĵi sará ništ. wārí amé gwandén ĵinikāĵi bût. amé gwandén ĵinikāĵi dil bi wakílāĵi zāgāĵi sará at. amé kapótānā bál dātant. amé kapót šútant bi amāí sará ništant. eší pa wat wakílāĵi zāgā gipt. wārí amé gwánd-gwandén ĵinikāĵi bût. eš ar čē sālī kurt, amā zāg paidā^a na bīt. e gušt: šmā amé kapótānā elá pkánit, amé kapót āi rā wat getír paidā ^akanánt. amé pādišā kapótānā elá kurt. amé kapót gáštant éngūr, gáštant ángūr, yak wār šútant, bi tandūrāĵi tā ništant,

не подвергнешь меня наказанию?» Царь сказал: «говори, я тебя ни в каком случае не накажу!» Впзирь сказал: «большую дыню тебе послала твоя старшая дочь, потому что ей хочется мужа!» Царь сказал: «хорошо!» — «Средняя дыня—твоей средней дочери, а самая маленькая—твоей младшей дочери!» Царь сказал: «позовите глашатая!» Позвали глашатая. Он сказал глашатаю: «иди, объяви народу, чтобы завтра никто не уходил, потому что завтра царские дочери будут выбирать себе мужей!»

Наступило утро. Весь народ собрался в одном месте, а этот юноша пошел отсюда и спрятался в одном месте, в печке. Царь принес и выпустил в народ голубя и сказал: «кто бы ни был по сердцу моим дочерям, эти голуби взлетят, сами направятся к тому и сядут на него». Настала очередь старшей дочери. Старшей дочери был по сердцу сын визиря. Голубя пустили лететь, голубь полетел и сел на сына визиря. Настала очередь младшей дочери. Младшей дочери был по сердцу сын наместника. Голубей пустили лететь, голуби полетели и сели на него. Она взяла себе сына наместника. Настала очередь самой младшей дочери. Сколько она ни смотрела, того юноши нельзя было найти. Она сказала: «выпустите голубей, голуби сами его лучше найдут!» Царь выпустил голубей. Голуби сунулись сюда, сунулись туда, и вдруг направились

bi me zāgāi sarā. amé pādišā airān mānt ki e mnī jinīk bi! e brot, yak gā're rā bgit! e pādišā gušt ki e wārī na būt! pa duwārāg kapót ātant bi amé zāgāi, amé zāgā burtant, bi amé maxlūkāi tā čér kurtant. amé kapót ātant, š-amé maxlūkāi tā eši rā paidā kurtant, bi sarāi ništant. e gaštīnā pādišā gušti: albatān xudā bi ameši pešāniyā kurtagi. amé wazil u wakilāi zāgānā burti, juwānén tamāni tā kurt, amé zāgā wa amé watī jinīkā burt, bi arāi kulundāi tā kurt.

yak róče būt, amé wazilāi zāg wa wakilāi zāg go watī wasirkā guštant ki ai wasirk, ta amé amā duénānā säre yak asp bdāi wa säre yak tūpāk bdāi ki amā rawān pa šikārā. e gušti: nápa bāz juwān int. amešānā säre yak asp u tūpāk dāti. amé zāg go watī jenēnā gušti: ta bra, pa man yak tūpāke ša watī pisā bzin wa yak áspe. e gušt: juwān int. e š-amidā šut bi watī pisāyā, gušti: ai bābā, ta amé mnī mardā yak áspe go yak tūpāke bdāi ki ā-m rot pa šikārā. eši pis gušti: nápa bāz juwān int. š-amidā šut, yak lakundāge go yak ābūe dāt. amé zāgāi jinén aurti, watī mardāi dastā dāt. ameši mard amé aspā be-zenāyā suwār būt wa ai kurt u šut. amé aspā burti, bi yak zambūr-dānāgāi dapā bāsti wa watī aspāi putā dūti kurt wa gušti ki ar če bi dunyā āu ast, man maróči ša ta lošin ki amidā byāyant. ameši asp gušti: nápa bāz juwān int-a. bi me yak damā ar če āu at, e jāmī

к печке и сели на юношу. Царь изумился: и это моя дочь! она пойдет и возьмет какого-то лысого! Царь сказал: «этот раз не в счет!» Но и вторично голуби приблизились к этому юноше. Юношу схватили и спрятали среди народа, но голуби приблизились, отыскиали его в народе и сели на него. На этот раз царь сказал: «должно быть, бог приготовил ему такую судьбу!» Он повел сыновей визиря и наместника и поместил их в хорошие дома, а этого юношу со своей дочерью повел и поместил в ослиный хлев.

Однажды сын визиря и сын наместника сказали своему тестю: «тесть, дай нам обом по лошади и по ружью, и мы отправимся на охоту!» Он сказал: «очень хорошо!» и дал им каждому по лошади и по ружью. Этот юноша сказал своей жене: «сходи и возьми у своего отца и для меня ружье и лошадь!» Она сказала: «хорошо!» Она пошла отсюда к своему отцу и сказала: «батюшка, дай моему мужу лошадь и ружье, пусть и он также едет на охоту!» Ее отец сказал: «очень хорошо!» Он пошел и дал негодное ружьишко и какую-то клячу. Жена юноши доставила это и вручила своему мужу. Ее муж без седла сел на эту лошадь, погнал ее и уехал. Он увел эту лошадь, привязал ее к одному улью, а сам задымил волоском своей лошади и сказал ей: «сколько ни есть в мире газелей, сегодня я от тебя требую, чтобы они сошлись сюда!» Его лошадь сказала: «очень хорошо!» В этот самый миг, сколько ни было

kurt wa āurtī. amé zāg amídenā pa wat yak xajmāe jat, wat bi me xajmāā tā büt. āū am amešī ešku-āškā ātant. yak āūe lang at. amé wazíl u wakílāi zāg bi amešī padā kápt-atant. amé āū am rástam átī bi me āūānīyā. yak wār amé zāgāi čam kápti, tawārī kurt, gúšti: bílit āūā. amé wazíl u wakílāi zāg ístant wa ātant bi amé zāgāyā. amé zāg gúšti: šumā če kār dārit bi digārāi āūān. ā gústant: amā rā plānā pādišā dem dātagí pa āūā. e gúšti: man šmā rā āū a-daín pa yak šárte: bi šmāi rástén padā yak gulāmien nāldáge kilín. e gústant: bāz jwān int-a, byār, bil. amé zāg šut, yak āyíne rā burt, bi ātíšā sórī kurt, āurtī, bi amešānī padā lačént wa š-amídā šut, amā āūā āurt u kúšti. lāšāi ešānā dāt, dil u jagārāi pa wat zurt wa gúšti: ar če waší u noší ast, bāit bi me sarág wa pādágāi tā, ar če tālí ast, brot bi mawānī lāšāi tā. ešānā gúšti: anūn šmā brāit. amé wazíl u wakílāi zāg šútant, ātant bi watí gešā. amé zāgāi jénén ešānā pursít ki gúj-int mnī mard? ā gústant ki āi rā am dístan, amādā čār a-kúrt, šikāre číze na díst atī, amā āi rā amé āūāi sarág u pādágā dātan.

yak sá'te digār büt, amé zāg átī bi mā zانبūr-dānāgāi dapā. amé aspā páčī kurt wa suwār büt, ai kurt wa átī bi watí gisā, amé sarág u pādāgānā dāt bi watí jénénā. amešī jénén zabr pakít, begāenā āurtī, bi

газелей, она собрала их и привела. Юноша разбил здесь для себя шатер и поместился в шатре. Газели собрались вокруг него. Одна газель хромала, а сыновья визиря и наместника ее преследовали. Эта газель прямо подошла к другим газелям. Взгляд юноши упал на нее и он закричал: «оставьте газель!» Сыновья визиря и наместника оставили ее и подошли к юноше. Юноша сказал: «что вам нужно от чужих газелей?» Они сказали: «нас послал за газелями такой-то царь!» Он сказал: «я дам вам газель, но с условием: я поставлю вам на правую ногу рабские клейма!» Они сказали: «очень хорошо, неси, ставь!» Юноша пошел, понес железо и раскалил его на огне; принес и приложил им к ногам. Потом он пошел, привел и убил ту газель и ее тушу отдал им, а сердце, печень, (голову и ножки) взял себе и сказал: «все, что есть вкусного и приятного, пусть придет в эту голову и ножки! все, что есть горечи пусть идет в их тушу!» а им он сказал: «теперь идите!» Сыновья визиря и наместника пошли. Они пришли домой, жена юноши спросила их: «где мой муж?» Они сказали: «мы его видели, он там бродил; на охоте он ничего не нашел, и мы ему отдали голову и ножки этой газели!»

Прошло немного времени. Юноша подошел к улью, отвязал лошадь, сел верхом и погнал ее; приехал домой и отдал жене голову и ножки газели. Его жена хорошенько изжарила, и вечером принесла и поставила перед мужем,

watí mardāi demá íštī wa pa watí pešāi gešā ya káme zurt wa burt. ameši pis ki wártī, gušti: bābā, e čo wás ant! digár náint? pa man byār. ā gušti ki ast. písī gušt: nápa bra, byār. amé jinikó šut, ya káme ātúk bi yak kāsāgāi tā kurt wa āurt, bi me ātúkānī tā yak arāi léde prent. ān čo ki āurt pa watí pisā, písī ki wart, gušti: bābā, ešānī tā arāi léde. amé jiník gušti: ta amā rā bi yak arāi kulundāi tā prentág āi, albatā ātúk go leđān a-bayānt. ameši pis gušti: nápa man bāndā šma rā bi tamānī tā kanín.

tārienā ki būt, yak digá pādišāe āt pa ameši wasírkāi jānā pa jāngā, ki jāng pkant. amé zāg šut, watí aspāi puṭā dūtī kurt, amā šerāi puṭā dūtī kurt, sīmúryāi puṭā dūtī kurt. karār watí aspā suwār būt, šer u sīmúry ātant bi eši padā. ā sīmúry čāmm a-kašit, amé šerlāp tál a-dāt, jat ki amé pādišā ki pa eši wasírkāi jāngā āt-at, ameši ʔošúmā ʔátlī kurt. yak wār ameši dast tīr wart. ameši wasírk āurt watí dasmālā, bi ameši dastā bast. e laškārā čist tamāmī kurt wa šapī āt bi watí gešā. amé pādišā šút-atī demtīrā, gušt-at go watí jiníkā: maróči ānčen mardúme ātī ki čist amā laškārā tamāmī kurt. amé ki ātī, ta purs ki ta maróči guṭā būtág āi? agār dístāi ki bi amāi dastā mnī dasmāl bást-at, gúḍā bzānāi ki amā int-a, gúḍā ta purs ki tī dastā če būtagī. yak katráe digár būt, amé zāg āt, šapénā ki

а немножко взяла и отнесла в дом к своему отцу. Как только ее отец поел, он сказал: «батюшки, как это вкусно! нет ли еще? принеси мне!» Она сказала, что есть. Ее отец сказал: «ну, так сходи, принеси!» Девушка пошла, налила в миску немного похлебки и принесла, а в похлебку бросила ослиного навозу. Как только она принесла своему отцу и ее отец поел, он сказал: «батюшки, тут ведь ослиный навоз!» Девушка сказала: «ты ведь бросил нас в ослиный хлев, поэтому похлебка и выходит с навозом!» Ее отец сказал: «ну, завтра я помещу вас в настоящий дом!»

Когда наступило утро, другой царь подступил с войной к его тестю, чтобы повоевать. Юноша пошел, задымил волоском своей лошади, задымил волоском того льва (дива), задымил волоском птицы-симург. Коротко говоря, он сидел верхом на своей лошади, а лев и птица-симург шли сзади него: симург выклевывал глаза, а лев вспарывал животы и избивал, так что он на смерть перебил войско того царя, который пришел воевать с его тестем. Вдруг его поранили в руку. Его тесть принес свой платок и завязал ему руку. Он совсем прикончил это войско и к ночи вернулся домой. А царь еще раньше ушел и сказал своей дочери: «сегодня приходил такой-то вот человек, который совсем прикончил то (вражеское) войско! когда (твой муж) вернется, спроси: где, мол, ты был сегодня? и если увидишь, что на его руке повязан мой платок, знай, что это он и есть, и тогда спроси, что, мол, случилось с твоей рукой?» Немного

wáptant, amesi jenen säil kurt: amé mnī pisāi dasmāl be meši dastā bastagi. amesi jinén zūti kurt, šut, watī pisā sí kurti ki ti dasmāl bi amesi dastā bastagi. amesi pis gūsti ki šmā rā man bāndā mutlaxān bi tamāni tā kanin. amé zāgāi jinén ki pādā āti, šapēnā wáptant.

tārienā mālā amé zāg šut, watī aspāi putā dūti kurt. āspi ki āti, amé zāg gūsti ki man ša ta loṭin ki bi me yak ročā pa man amīdā tilāāi šār u kalāte jod pkan. amesi asp gūsti: pa če bi yak róče? man pa ta bi nim sāātā jod a-kanin. e gūsti: nápa bāz jwān int, ta pa man jod pkan. amé asp loṭiti mūci pariyānā. amé parī ātant, go eši yak damā tillāāi gise jod kurtant. tāngāt roč dar náy-āt at, e gisā tayār kúrtant. amé zāg šut, watī jinēnā zūrti u aurti, bi gešāi tā burtant. amé parī bi yak sāātā pa eši nān jod kurtant.

amé ki roč būt, mullā ustāt pa azānā, ič na zānti ki watī demā gujān-gūri pkant wa azān bdānt. dīsti tā ša ingūr roč dar ātā, ša āngūr am roč dar ātā. pādišā ki ustāt, sāili kurt, gūsti wā wajlān! amé pādišā mnā kušit! watī maxlūkānā gūsti: biyāit ki mašmā brawān pa amé pādišāāi salāmā. amé maxlūk watī aspānā zen kúrtant wa suwār būtant, ātant pa amé pādišāāi salāmā. amé pādišā āt, eši dastānā gipt, čukit. amé pādišāāi

погода, юноша пришел. Ночью, когда они легли, его жена взглянула: да ведь это платок моего отца повязан у него на руке! Его жена заторопилась и пошла известить своего отца: у него, мол, на руке повязан твой платок! Ее отец сказал: «я завтра же помещу вас в настоящий дом!» Жена юноши вернулась, и они ночь проспали.

Рано утром юноша пошел и задымил волоском своей лошади. Когда лошадь пришла, юноша сказал: «я хочу от тебя, чтобы в течение одного этого дня ты для меня здесь построила золотой город и замок!» Лошадь сказала: «почему в течение одного дня? я для тебя построю в течение получаса!» Он сказал: «очень хорошо,строй для меня!» Лошадь созвала всех пэри. Пэри пришли и в один миг построили золотой дом. Еще солнце не взошло, когда они окончили этот дом. Юноша пошел, взял свою жену и привел ее; они перебрались в дом. Пэри тотчас приготовили для него еду.

Когда наступил день, мулла встал на молитву и не мог понять, в какую сторону обратить свое лицо и звать на молитву: он увидел, что и с той стороны взошло солнце, и с этой стороны взошло солнце! Царь встал, посмотрел и сказал: «ох, этот царь меня убьет!» Он сказал своим подданным: «давайте, пойдем на поклон к этому царю!» Его подданные оседлали лошадей, сели верхом и прибыли к тому царю на поклон. Этот царь подошел, взял его

jiník átī, bi watí mardāī zānāī sarā ništ. amé písi ki dist, watí dilá gúšti ki sāīl pkan mnī jinikā ki watí mardāī zānāī sarā ništagi! yak katráe digár ki büt, pa ešán nān āúrtant. e ki nān wártant, amé zāg gúšti go amé pādišā: man amé ti mardumāni tā du gulām dārín. amé pādišā pursít ki ká int-a ti gulām? amé zāg gúšti: yáke á int-a, yáke á int-a, nišānī pa e nišānī ki rāstāī pādāīš yak nāldāge. amé maxlūk aīrān mántant, amé pādišā am aīrān mánt ki e čunén káre büt. amé maxlūk gúštant go amé zāgā ki amā amā mardumānā lúč a-kanán. agár ān čo ki büt ki ti gulāmien nāldāg bi āwāni pādā na at, gúdā amā go ta jāng a-kanán. amé zāg gúšti: nápa bāz juwān int-a. šmā, matláb, amā zāgānā biyárit u bi mnī demā luč pkánit. amé maxlūk gúštant: nápa bāz juwān int-a. amé maxlūk šútant, amā ar duén zāgāni dastānā gíptant u āúrtant u bi amé zāgāī demā lúč kurtántiš, amé zāgā gúštant: anūn ta biyā, sāīl pkan ki ti nāldāg gujāmadā int. amé zāg āt, sālī kurt, gúšti: e mnī nāldāg ant. amé pādišā ki dístī, ša amé watí jāgā ustát u āt, amé zāgāī demā čukít, gúšti: ta rāst a-gušāī. karār ame watí gulāmānā gúšti: man šmā ra pa watí pisāī xātīrā ičiyā na kanín.

karār amé pādišā ame zāgā zurt u burt bi watí gisā. ódīnā ki búrtī, amé watí maxlūkānā gírdānā lojtīt wa gúšti: man anūn pír bütág un, mnī jā

руки и поцеловал. Пришла царская дочь и села на колени к своему мужу. Когда ее отец увидел это, он сказал про себя: «посмотри-ка! да ведь это моя дочь уселась на колени к своему мужу!» Немного погодя, принесли еду. Когда они поели, юноша сказал царю: «среди твоих людей есть двое моих рабов!» Царь спросил: «кто твои рабы?» Юноша сказал: «один — вот этот, другой — вот этот! а доказательство то, что у них на правой ноге клеймо!» Люди изумились, и царь изумился: что́, мол, за происшествие случилось! Люди сказали юноше: «мы разденем этих людей, и если окажется, что у них на ногах нет твоего клейма для рабов, тогда мы будем с тобой воевать!» Юноша сказал: «очень хорошо! только вы приведите этих людей и разденьте их передо мной!» Люди сказали: «очень хорошо!» Люди пошли, схватили их обонх за руки, привели и раздели их перед юношей и сказали: «теперь подойди и смотри, где твои клейма!» Юноша подошел, посмотрел и сказал: «вот мои клейма!» Царь, как увидел, так встал с своего места, подошел, поцеловал юношу и сказал: «ты говоришь правду!» Наконец, юноша сказал этим своим рабам: «ради своего отца я вам ничего не сделаю!»

Итак, царь взял юношу и отвел к себе домой. Когда он его туда отвел, он созвал весь свой народ и сказал: «я теперь состарился, пусть вместо

amé mnī zāg pādišā bit. amé maxlúk gírdi gústant: nápa bāz juwán int-a, bí tā ti amé zāg pādišā bit. amā gírdiy a-lótan ki ā pādišā bit. karār amé zāg pādišā büt. man š-amódinā jístun u bástun, pa wat imāne āúrtun, pa ta juwānen jínike āúrtun.

XV

būt būt, ša xudā getír káse na būt. pādšāe at, dāšti du zāg. e zāgi šútan^t pa šikārā, šikārāi jāgā dú bütant. gwandén brāse šúti, dísti yak šikāre. e šikārā māre wart-āti, amé šāxi band gipt-āti bi dapāi. e brās šúti bi watí mazānen brāsāiā, gúšti: biā ki aždīāre gorānde rā wartā, šāxi band giptāgan^t bi dapāi. édā átant. aždīār gušt: āi ādamī-zāt, š^{mā} ma trusít, e šāxā ša mnī dapā agār dūr pkānit, ar če bloṭit, man ^adā^bín šmā rā. e šútant, arrāge āúrtant, e šāxā arrág kúrtant, e aždīār šāxā wárti. e čorí gústant: biā, brawán ammāi pisāi šārā. e šútan^t watí pisāi šārā, šārāi mardúm aždīārā distant, múči jístan^t, yakén pādšā mánti. čorí gústant: āi mardumān, ma jéit. písíš āt, p-é aždīārā čergéj préntan^t, wašāmāde kúrtant. aždīār gúšti: ša šmā du brāsān yāke biāit. gwandén trusít, mazānen brāsī šut.

меня будет царем этот мой сын!» Весь народ сказал: «очень хорошо, пусть этот твой сын будет царем! мы все хотим, чтобы он был царем!» Итак, этот юноша сделался царем. Я оттуда выскочил и завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел красивую девушку.

(XV. О приключениях царевича и о кознях его младшего брата и визиря)

Было-было, лучше бога никого не было. Был царь, у него было два сына. Его сыновья отправились на охоту. На охоте они разделились. Младший брат пошел и увидел одного барана; его поел змей, но его рога застряли в пасти. Этот брат пошел к своему брату и сказал ему: «подойди, змей пожрал барана, но его рога застряли у него в пасти». Они подошли туда. Змей сказал: «рожденные человеком, не бойтесь, и если вы удалите у меня из пасти эти рога, я дам вам все, что вы захотите!» Они пошли, принесли пилу и отпилили рога; змей пожрал рога. Юноши сказали: «давай, пойдем в город нашего отца!» и они пошли в город своего отца. Жители города увидели змея и все разбежались, остался один царь. Юноши сказали: «люди, не убегайте!» Их отец подошел, змею постлал ковер и сказал ему: «добро пожаловать!» Змей сказал: «пусть придет один из вас, двух братьев!» Младший брат испугался, старший брат пошел.

aždiřár gušt ki man a-räin demá, ta ša pádā biyá, ar čiz a-kāit tíā, ma trusáĭ: trā zā^arát a-kánt. yákke ša pádā kāit, trā tī rikébā zārát a-kánt, amá tī dištár int. amé mār átant, eší rā zārát kúrtant. ša pádā yak máre át, eší rā tā rikébā zārát kurt. čorí šut, aždiáāĭ gisá sár büt. e aždiyá ša watí siyādān sōĭ ku ki man watí ĵaníkā b-e ādami-zātā bdāin yā ma dāin. siyādī gústan^t: agá sāĭ šapá ĵoĵ ma bit, eší póst a-kašán, ša ka^a púrř a-kanán. agá ĵoĵ büt, eč kārā heč. gúšti: šarr. watí ĵaníkā gísí dāt.

bi awalíen šapá sāĭ gođí kitóāĭ tā kúrti ki ma gušánt ki wāb šutá. eš šapí ĵoĵ na büt. tári ustát, aždiá át, gúšti: tī woš go gođiā bütá. šapí büt. sāĭ muĵúl kitówāĭ tā kúrti. ĵaník át, watí mārí^{en} pošá kašítí, e čorí āgá na büt. ĵaník čirágā búní dāt, níští, e čorí āgá na büt. tári roč büt, aždiá át, gúšti: ĵoĵ na bútit. čorí gušt: na. aždiá gušt: tī woš go muĵúlān bütá. šapí büt, čorí watí čangúlā šáxi kurt, eší rā wád ku. šapí wáptí, wāb na šut. ĵaník át, watí pošá kašítí, čirágā búní dāt, níští, čorí āgá büt. ĵoĵ bútant. tári roč büt, aždiá át, gáli kurt.

dā roč gwast. čorí aždiá gúšti ki man a-räin watí pisáĭ šārā. eší gušt: bāz ĵwān int. át watí ĵánénāĭā. ĵánén gušt ki bra mni pi^sáýā, bguš ki ta

Змей сказал: «я пойду вперед, а ты иди сзади, и кто бы ни подошел к тебе, не бойся: это тебя будут приветствовать; и сзади некто подойдет к тебе, чтобы поклониться твоим стремнам, это — твоя невеста!» Змей подошли и приветствовали его. Одна змея подошла сзади и поклонилась его стремнам. Юноша пошел и добрался до дома змея. Змей спросил у своих родственников: «отдавать мне свою дочь за рожденного человеком или нет?» Его родственники сказали: «если он в три ночи не сладит (с женой), мы снимем с него кожу и набьем ее сеном! ну, а если сладит, тогда ничего!» Он сказал: «хорошо!» и выдал за него свою дочь.

В первую ночь он положил в карман три рюхи, чтобы не говорили, что он заснул. Ночью он не сладил (с женой) и утром встал. Змей пришел и сказал: «твои мысли были с рюхами!» Наступила ночь, он положил к себе в карман три бабки. Девушка пришла, сняла свою змеиную оболочку, но юноша не проснулся. На утро, когда взошло солнце, пришел змей и сказал: «не сладились?» Юноша сказал: «нет!» Змей сказал: «твои мысли были с бабками!» Наступила ночь, юноша обрезал себе палец и посыпал на него соли. Ночью он лег, но не заснул. Девушка пришла, сняла свою оболочку, зажгла светильник и села. Юноша проснулся, и они сладились. На утро рассвело. Пришел змей и стал шутить.

Прошло десять дней. Юноша сказал змею: «я отправляюсь в город своего отца». Тот сказал: «очень хорошо!» Он пришел к своей жене. Жена сказала:

áspe bdäi. áspe ki dátī, lāgárene byáräi, pa-zórene ma yáräi, ša lagámānī ta konágene byáräi, zenānī tā konágene byáräi. čorí šut aždiáäiā, gúšti ki mnā áspe bdäi. gúšti: bra, pa wat áspe biyár ša aspānī tā. šut, lāgáren áspe āurtī, šut, konágen lagáme āurtī, šut, zenānī tā konágen zéne āurtī. jänénī gúšti ki bra, mnī māsā bguš ki azráti Sulejmānī paḥbambári aptekállā bdäi. e čorí šúti, gúšti: azráti Sulejmānī paḥbambári aptekállā bdäi. māsī dátī, eš zurt o āurtī. jänénī gúšti ki bra, mnī māsā bguš ki azráti Sulejmānī ampānā bdäi. čorí šúti, gúšti ki azráti Sulejmānī ampānā bdäi. ešī rā dátī. eš zurt o āurtī. čorí gúšti: man a-rāin watī pissāi gisā. jänénī gúšti ki bra, p^alānā gudáräi sarā mnind ki man ša watī pis o māsā raxsatī a-girín o káin.

čorí šut, amā gudáräi sarā ništ, gušnág büt, gúšti: äi biyā, ki man yak lunkāe nān bzūrín o borín. eš yak lunkāe nān zúrti, dístī ki máre. sínge zúrti, játi sarágäi täi. gušti: äi čorí, kuštínā mnā kúštäi, plānā ampānāi tā dārūānā mnī sarā dē. eš zúrti, bē sarāi játi. e mār čoriäi jänén átī, amé mārien postā wat rā kúrt-atī. čorí gúšti: brawán. e š-amédā šútant, bi watī pisāi šārā šútant.

tārī roč büt. gwandén brási ša gisāi demā gwast, čámmī kápti bi jänénäi. dístī čonén zabrén-e, ýišī kurt, kapt. jänén átī, gwandén čoriäi

«иди к моему отцу и скажи, чтобы он дал лошадь; когда он даст лошадь, выбирай худую, сильную не бери, уздечку бери старую, и седло бери старое!» Юноша пошел к змею и сказал: «дай мне лошадь!» Тот сказал: «иди и сам выбери себе лошадь!» Он пошел и привел худую лошадь; пошел и взял старую уздечку; пошел и из седел выбрал старое седло. Его жена сказала: «иди и скажи моей матери: „дай мне ладанку святого пророка Сулеймана!“» Юноша пошел и сказал: «дай мне ладанку святого пророка Сулеймана!» Мать дала ему. Он взял и принес. Его жена сказала: «иди, скажи моей матери, чтобы она дала сумку святого пророка Сулеймана». Она дала. Он взял и принес. Юноша сказал: «я отправляюсь в дом своего отца!» Его жена сказала: «иди и подожди у такой-то переправы, потому что я попрощаюсь с отцом и матерью и приду».

Юноша пошел, стал ждать у той переправы, проголодался и сказал: «дай-ка, я возьму и съем кусок хлеба!» Он взял кусок хлеба, как вдруг увидел змею. Он схватил камень и бросил ей в голову. Она сказала: «юноша, ты меня на смерть убил! приложи мне на голову лекарства из такой-то сумки!» Он взял и приложил ей к голове. А эта змея была жена юноши, она надела на себя змеиную кожу. Юноша сказал: «пойдем!» Они ушли оттуда и пришли в город своего отца.

На утро рассвело. Младший брат проходил перед домом, и его взгляд упал на жену брата. Он увидел, как она хороша, лишился чувств и упал. Жен-

demā páki ku go watí dasmálā, čorí ustátí, šútí watí pisá^{ya}, gušt: āi bābā, e janén bābi mni brāsá na dārit, bābi man dārit. pādšā watí wazílā lotít, wazílā guští: yak káre pkan ki e čorí^{ya} pkúsan, janikā bzínan, bdáyan bi gwandén zāgā. wazíl guští: bāz jwān int.

čorí^{ya} lotítant, čorí^{ya} guštant: šapí sāi kūzāgā pur pkanāi ša debāi širā, tārí biyārāi. čorí^{ya} rang zard büt. šut janíkā^{ya}. janík guští: tí rang pa če zard int? čorí guští: bi^{ya} ki e rang guštág ant. e janík dasmálā zúrtí, demāi páki kurt. rángi am-awálāi rang büt. e janík guští ki yussá ma war, ki āsān int. šapí čorí^{ya} bíri dāt. debāi púte dúti kurt. deb rástant, ar yáke yak úre šir āurt, e kūzāg pur bútan^t.

tārí ki roč büt, e kūzāgānā zúrtí, búrtí, bi pādšāyā, dātí. wazíl guští ki e ziyānā na bit, byā ki digá abáre gušán. čorí^{ya} guštant ki bra, š-ā dunyā gul byār. čorí guští: šarr. čorí átí janíkāyā, guští: byā ki e rang guštág ant. janík guští: āsānen káre. guští: kunčít bzūr, bra plāná čammāgāi sarā, pkiš, pa wat kūdíke jođ pkan. kunčít ki gul kúrtant, ar če parí ki kāit, šor ma dāi, sāi parí ša pādā kāit, miānjínāi puččānā bzūr u biā: mni nāko-zák int, e puččāni zúrtāi, pādā čak má janāi. e čorí guští: šarr.

щина подошла и обтерла своим платком лицо младшего юноши. Юноша встал, пошел к своему отцу и сказал: «батюшка, эта женщина не подходит к моему брату, а подходит ко мне!» Царь позвал своего визиря и сказал визирю: «подумай что-нибудь, чтобы убить этого молодца, а девушку возьмем и отдадим младшему сыну!» Визирь сказал: «очень хорошо!»

Юношу позвали и сказали юноше: «наполни ночью три кувшина дивьим молоком и утром принеси!» Юноша побледнел и пошел к девушке. Девушка сказала: «почему ты побледнел?» Юноша сказал: «подумай-ка, что они сказали!» Девушка взяла платок, обтерла его лицо, и он принял прежний вид. Девушка сказала: «не печалься, ведь это легко!» Ночью она прикрыла юношу и заставила дымиться волосок дива. Дивы пришли, и каждый принес по-немножку молока; кувшины наполнились.

На утро, когда взошло солнце, он взял кувшины, отнес царю и отдал. Визирь сказал: «он не погибает! давай, скажем ему что-нибудь другое!» Юноше сказали: «иди и принеси цветок с того света!» Юноша сказал: «хорошо!» Юноша пришел к девушке и сказал: «подумай-ка, что они сказали!» Девушка сказала: «это легкое дело!» Потом она сказала: «возьми кунжуту, иди к такому-то источнику и посеи его, а для себя приготовь укромное место, и когда кунжут зацветет, сколько бы ни пришло пэри, ты не шевелись; затем придут три пэри, ты захвати платье средней и возвращайся: она дочь моего дяди; но когда ты возьмешь ее платье, не оглядывайся!» Юноша сказал: «хорошо!»

kunčít zurt u āt čammágāi sarā, ešānā kīštī, eš sabz kúrtant, pa wat kūḍike jōḍī kurt. e kunčít gul kúrtant. e parí ātant, gwāzīyā kúrtant, šútant, sāi parí ša pādā ātant, watī puččānā kašítant. e čorí šut, miyānjīnāi puččānā zurt u āt. dúi digā bál kurtant, e miyānjīnāi tanā mānt. e šut čorí'āyā, gúšti: mnī puččānā bdāi pa brāsī u gwārī. e čorí gušt: man na dāin. gúšti: bdāi pa trū-trūzākī. čorí gúšti: na dāin. gúšti: bdāi pa nākó-nākozākī. gúšti: na dāin. gúšti: bdāi pa janī u mardī. čorí dātī. gúšti: ai ādamizāt, ta édā čé^{wā} kanāi? čorí gúšti: bi'yā ki mnī pis mnā dem dātā ki bra, š-ā dunyā gul bi'yār. eš gúšti: āsānen kāre, ta amédenā mnin^d ki man a-rā^hin, gul a-kārīn. eš bālī kurt. yak sā^hāte na gwast, eš ātī, gul āúrtī, dātī, gúšti: annūn brawān gīsā. ešā s^{wā}rī ku watī puštā, e šútan^t bi gīsā.

e gulānā čorí burt, dāt watī pisā. pīsī wazīlā gúšti: eš z'yānā na bīt. wazīl gúšti: biā, digā léme pkanān. čoriā loṭítant. wazīl gúšti: apt xim zarr ant, kelī go ti māsā šuṭā, bā^hid brawāi, biyārāi. čoriāi rang zard būt. čorí āt janēnāniyā, e gúštant: ti rang pa čé zard int? gúšti: biyā ki wazīl

Он взял кунжуту и пошел к источнику. Он его посеял, и кунжут вырос, а для себя он приготовил укромное место. Кунжут зацвел. Пришли пэри, выкупались и ушли; вслед за ними пришли еще три пэри и разделись. Юноша пошел, схватил платье средней и вернулся. Две другие взлетели, средняя осталась одна. Она пошла к юноше и сказала: «во имя любви брата и сестры отдай мою одежду!» Юноша сказал: «не дам!» Она сказала: «отдай ради любви тетки и племянника!» Юноша сказал: «не отдам!» Она сказала: «отдай ради любви дяди и племянника!» Он сказал: «не отдам!» Она сказала: «отдай ради любви жены и мужа!» Юноша отдал. Она сказала: «рожденный человеком! что ты здесь делаешь?» Юноша сказал: «поверишь ли, мой отец меня послал, чтобы я принес цветок с того света!» Она сказала: «это ведь легкое дело! ты здесь побудь, а я пойду и принесу цветок!» Она взлетела. Не прошло и часу, как она пришла, принесла цветок, отдала ему и сказала: «пойдем теперь домой!» Она посадила его на спину, и они отправились домой.

Юноша отнес эти цветы и отдал своему отцу. Его отец сказал визирю: «он не погибает!» Визирь сказал: «давай, придумаем другую хитрость!» Юношу позвали, и визирь сказал: «есть семь сосудов с золотом, а ключ исчез вместе с твоей (покойной) матерью, нужно, чтобы ты сходил и принес его!» Юноша побледнел. Потом юноша пришел к девушкам, и девушки сказали: «отчего ты побледнел?» Он сказал: «подумайте-ка, что сказал визирь!» Девушки сказали:

e rang guštá. janén guštant: e āsānen kāre. čoriā guštant: bra, plāná jā gorráj dāpe pač a-bít, amódā watí aspá band.

čori šúti, gorráj dāpe pač büt, watí aspá básti, šúti, dísti ki du gók ant, watí wā^húndā janánt. čorí gušti: šmā pa če watí wāúndā janít? čoriā guštant: bra, š-āškā bjā. čorí šut ākaštírā, dísti, du kučák ant, watí wāúndā giránt. gušti: šmā pa če watí wāúndā girít? čoriā guštant: bra, š-āškā bjā. čorí šut, dísti ki du janén zāg ant, yáke lakatáb int, yáke ša čérā p-ameší ātíš kurtá. čorí gušti: ta pa če ātíš kurtág äj eší čérā? čoriā gušti: ta bra, š-āškā byā, man go ta gušin. e šúti, dísti ki mní mās tajḡánāj tā jós a-kánt. eš watí zāgá dísti, ša tajḡánāj tā dár büt. zāgi gušt: äj māsí, ta pa če e rang jós a-warái? gušt: man ša ti ḡamán e rang jós a-warín. gušti: äj māsí, ta édā céwa kanáj? čorí gušti: wazíl gušti: apt ximm zarr ant, kelí go ta atá. māsí gušt: äj māsí, trā amé rangá kanánt, ki ziyán pkanánt.

čorí ša watí māsá kelí⁷ā zurt u šut, āt duén janén zāḡán'yā, gušti: šmā pa če e rangá kanít? janén zāg gušti: man ā dunyá ném man rogín eší sará wām dáštun, eš ā dunyá mnā na dāti, ar če guštun ki bdāi, na

«это легкое дело!» Они сказали юноше: «ступай! в таком-то месте будет раскрыт вход в могилу, там ты привяжи свою лошадь!»

Юноша отправился, вход в могилу был раскрыт, он привязал лошадь, а сам пошел и увидел двух быков, нападающих на своего хозяина. Юноша сказал: «почему вы нападаете на своего хозяина?» Они сказали юноше: «ступай! заходи на обратном пути!» Юноша пошел дальше и увидел двух собак, хватающих своего хозяина. Он сказал: «почему вы хватаете своего хозяина?» Они сказали юноше: «ступай! заходи на обратном пути!» Юноша пошел и увидел двух женщин: одна висит, а другая развела под ней огонь. Юноша сказал: «зачем ты развела под ней огонь?» Она сказала юноше: «ступай! заходи на обратном пути, и я тебе скажу». Он пошел и увидел: да ведь это моя мать варится здесь в большом котле! Она увидела своего сына и выскочила из когла. Ее сын сказал: «матушка, почему тебя варят таким образом?» Она сказала: «я варюсь так из-за скорби по тебе!» Потом она сказала ему: «сын, что ты здесь делаешь?» Юноша сказал: «визирь сказал, что есть, мол, семь сосудов с золотом, а ключ у тебя!» Его мать сказала: «сын, с тобой так поступают, чтобы тебя погубить!»

Юноша взял ключ от своей матери и пошел обратно. Он подошел к двум женщинам и сказал: «почему вы так делаете?» Женщина сказала: «на том свете она была мне должна пол-мана масла, и на том свете она мне его не отдала;

dāti, annūn ešī rā lakatáb kurtág un, watí nem man rogínā bgírīn. čorí šut kučákāniyā, gušt: šmā pa će watí wā^hūdā gírit. kučák gúštant: am^hmā watí wāūdā p-améšā girán ki ā dunyā amā rā nān yáke rā dāt, yáke rā na dāt. šut gokāniyā, gokānā gúštī: šmā pa će watí wāūdā janít. gok gúštant: amā rā ammāi wāūd tāri tā begāi jóg a-jāti, am^hmā ra kā aúrti, yáke rā báz a-dāt, yáke rā kam. p-améšā am^hmā áe rā janán.

šut watí áspāyā, suwār būt watí aspā, šúti watí gisā, burt keliyā, dāti bi watí pisā. písi wazílā loṭít. pādšā gúštī: keliā aúrti. wazíl gúštī: e z^hyāna na bit, b^hyā ki ešī rā yak šárti digā pkanán. pādšā gušt: ju^hān int. wazíl čoriyā loṭiti, čoriyā gúštī: b-é rodāi tā ša ta yak búrje loṭin, yak xíšte ša zarrā bit, yáke ša sorā. čoriāi rang zard būt. čorí āt watí janénāniyā, gušt: b^hyā ki wazíl e rang guštā ki b-é rodāi tā yak búrje bandāi, yak xíšte ša zarrā, yáke ša sorā, ešī rā bā^híd šapí joḍ kanāi. janéni gúštant: yussā ma war ke āsānen kāre. dasmālā zúrtant, demāi pāk kúrtant. šapí čoriyā bír dātant, dūt kurtant parí u preštágāi puṭā. parí u preštág ātant, ar yáke yak xíšt aúrtant, búrje joḍ būt. ešī rā búrtant be yáuri āsmānā, sar kúrtant^t, šútant.

сколько я ни говорила ей: „отдай!“ она не отдавала, и теперь я ее подвесила, чтобы получить свои пол-мана масла!» Юноша отправился к собакам и сказал: «почему вы хватаете своего хозяина?» Собаки сказали: «мы потому хватаем своего хозяина, что на том свете он одной давал пищу, а другой нет!» Он пошел к быкам и сказал быкам: «почему вы нападаете на своего хозяина?» Быки сказали: «наш хозяин с утра и до вечера запрягал нас в ярмо, а когда приносил сено, то одному давал много, а другому мало; поэтому мы на него и нападаем!»

Он пошел к своей лошади, сел верхом на свою лошадь и отправился домой; снес ключ и отдал своему отцу. Его отец позвал визиря. Царь сказал: «он принес ключ!» Визирь сказал: «он не гибнет! давай-ка, подвергнем его еще одному испытанию!» Царь сказал: «хорошо!» Визирь позвал юношу и сказал ему: «я требую от тебя, чтобы в этой реке был замок, такой, чтобы один кирпич его был из серебра, другой из золота!» Юноша побледнел. Он пошел к своим женам и сказал: «подумайте только, что́ сказал визирь! построй, мол, в этой реке замок, такой, чтобы один кирпич был из серебра, а другой из золота, и нужно, чтобы ты выстроил в одну ночь!» Жены сказали: «не беспокойся, это легкое дело!» Они взяли платок и обтерли ему лицо, а ночью прикрыли юношу и заставили дымиться волоски пэри и ангелов. Пэри и ангелы пришли: каждый принес по кирпичу, и построился замок. Они воздвигли его до самого неба и ушли.

tári roč büt. wazíl ustát, pādšāa gušt: äi pādšā, biā ki roč š-éngū dar ná' átá, š-éngū dár átá! pādšā gušt: biyárit e kúnāⁱ pusságā. wazíl gušt: na, pādšā, man drógā na gušín. pādšā gušt: bráit, säil pkánit, bálke drógā na gušít. e šútant, säil kúrtant, gúštant: wazíl drógā na gušít, eš rástā gušít. čorí áti, gúšti: búrje jód kurtun. pādšā wazílā gúšti: e ziyānā na bit. biā ki mašmā múčči brawán, burjái sará bālā bayán. wazíl gúšti: báz jwān int. čoriā loťítant. pādšā gúšti: ammā rawán burjái sará, bālā bayán, agár zántan, yak xíste xaráb istág äi, ammā trā go zāmā janán. čorí gúšti: báz jwān int. čorí šúti watí janénāniyā, gúšti: biā ki pādšā e rang guštā. janéní gúštant: e āsānen káre.

múčči šútant. bālā bütant. čoriāi janén gúšti: ta ma^r ra, man a-rāín. čorí gúšti: báz jwān int. janén šúti, uštáti. pādšā múčči bālā büt-atant. pādšā gúšti: äi wazíl, yak xíste xaráb istá, dé^hi bi gardinái! amé ki gúšti: déi, čoriāi janén parí u preštágai putá dúti ku, parí u preštág múčči átant, ar yáke watí xíštā burt. pādšā u wazíl múčči káptant, rodái tā múčči múrtant. š-amódā jístun u bástun, pa wat imāne āúrtun, pa^t ta dištāre āúrtun.

На утро рассвело. Визирь встал и сказал царю: «о царь! посмотри-ка, солнце не отсюда вошло, а оттуда вошло!» Царь сказал: «подайте-ка мне этого сына разврата!» Визирь сказал: «нет, царь, я не лгу!» Царь сказал: «сходите и посмотрите, но только не лгите!» Сходили, посмотрели и сказали: «визирь не лжет! он говорит правду!» Пришел юноша и сказал: «я построил замок!» Царь сказал визирю: «он не погибает! давай-ка, мы все пойдем и подыдемся на замок!» Визирь сказал: «очень хорошо!» Позвали юношу, и царь сказал ему: «мы пойдем и поднимемся на замок, и если выясним, что ты неправильно положил хоть один кирпич, мы тебя убьем мечом!» Юноша сказал: «очень хорошо!» Юноша пошел к своим женам и сказал: «подумайте только, что сказал царь!» Жены сказали: «это легкое дело!»

Все пошли и поднялись наверх. Жена юноши сказала: «ты не ходи, я пойду!» Юноша сказал: «очень хорошо!» Его жена пошла и остановилась. Царь и все приближенные тоже поднялись наверх. Царь сказал: «визирь, если хоть один кирпич поставлен неверно, ударь его по шее!» Как только он сказал: «ударь его!» жена юноши заставила дымиться волоски пэри и ангелов. Все пэри и ангелы пришли, и каждый унес свой кирпич. Царь и визирь и все приближенные упали в реку и погибли. Я оттуда выскочил и завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел невесту.

XVI

būt būt, čap ša xudá káse getír na büt. yak róče 'at, yak pādšáe 'at, sāi zāg dāšt. pādšā gúšti: bābā, agár man murtun, tā sāi šap mni go'rā psátit. du-sāi roč büt, pādšā murt. kasánen zāgi šut watí brāsáni'yā, gúšti: bābā, mašmā rā pis če nasí'át kurt, gúšti: tā sāi šap u sāi roč mni go'rā psátit. mazánen zāg gúštant: ti pisāi māsā bgáyan, murdágāi nasí'átā kái tā sár a-bá? karár kasánen zāg tīr-kamānā zurt u šut watí pisāi gorāi sarā. karár yak nāučáge jóđ kurt, karár bi tái ništ. ānčo ki nuašām büt, dísti ki š-améngū yak buzlangí, yak lúnče bi asmānā ĩnt, yáke bi đigārā ĩnt. karár watí aspāi mex-tabílā bi đigārā jat, watí zām wa tūpākā amódā išt, bināe gorrai pač dātínā zurt. karár pādšāai zāg eši rā go watí tīr-kamānā jat. buzlangí murt. karár eši lāšā gipt, burt, dūrā prent, eši aspā wa zām u tūpākā burt watí gisā, watí pirazālāi māsāi dastā dāti. karár māsī aspā gípti, yak tabilāai tā kurt.

tāri roč büt, pādšāai kasánen zāg šut watí mazánen brāsániyā, gúšti: lālā, pis bāšmā rā če nasíyát kurt? gúštan^t: ti pisāi māsā bgáyan, murdágāi nasí'átā kái tā sár a-bá^{rt}? karár pādšá'en kasánen zāg watí tīr-kamānā

(XVI. Об исполнении завета покойного отца)

Было-было, никого лучше бога не было. Когда-то был царь, у него было три сына. Царь сказал им: «дети, если я умру, вы три ночи оберегайте мою могилу!» Через два-три дня царь умер. Младший сын пошел к своим братьям и сказал: «братья, какой наказ оставил нам отец? он сказал ведь: „до истечения трех ночей и трех дней берегите мою могилу!“» Старшие сыновья сказали: «совокупимся с матерью твоего отца! кто исполняет наказ мертвеца?» Тогда младший сын взял лук и стрелы и пошел к могиле своего отца; устроил засаду и уселся в ней. Как только наступил вечер, он увидел с одной стороны бузланги, одна губа у него доходит до неба, другая до земли. Он вбил в землю коновязный кол для своей лошади, положил возле свой меч и свое ружье и принялся раскапывать могилу. Царский сын выстрелил в него из своего лука. Бузланги издох. Он взял труп, отнес и бросил поодаль, а лошадь, меч и ружье отнес к себе домой и поручил старухе-матери. Его мать приняла лошадь и поставила в конюшню.

На другое утро младший царевич пошел и сказал своим старшим братьям: «братья, какой наказ оставил нам отец?» Они сказали: «совокупимся с матерью твоего отца! кто исполняет наказ мертвеца?» Тогда младший царевич взял

zurt u āt watí pisáĭ gorráĭ sará. nāučágāĭ tā ništ, dist ki š-amāngūr yak buzlangí kăĭt, yak lúnĭe bi asmánā int, yáke bi đigárā ĭnt. karár watí aspá bast u watí zām u tūpákā bi đigárā ĭšt. bināe padšāāĭ gorráĭ pač dātínā zurt. karár padšāāĭ zāg watí tĭr-kamánā zurt, ĭat buzlangí^{va}. buzlangí kapt. karár ešĭ rā burt, đūrā prent. karár átĭ, aspáĭ wa zām u tūpákā zurt, burt, watí māsāĭ dastā dātĭ. karár wáptĭ.

tári duwārdág roč būti, šut watí brāsáni^{va}, gúštĭ: lālā, pis bāšmā rā ĉe nasĭyát kurt. gúštan^t: bra, tĭ pisáĭ. māsā bgáyan, murdágāĭ nasĭ^{va}átā kăĭ tā sár a-bá^{rt}. karár pādšāāĭ kasánen zāg watí tĭr-kamánā zurt u šut watí pisáĭ gorráĭ sará. karár nāučágāĭ tā ništ, dist ki š-amāngū yak buzlangí, yak lúnĭe bi đigárā int, yáke bi asmánā int. karár watí aspá bast, watí zām u tūpákā ĭšt, bināe pādšāāĭ gorráĭ pač dātínā zurt. karár pādšāāĭ zāg ešĭ rā yak tĭr-kamán ĭat, kušt ešĭ rā. ešĭ lāšā burt, đūrā prent. ešĭ zām go tūpákā burt, bi watí māsāĭ dastā dāt. karár wapt.

maróĉĭ ša ro-darātā yak pādšāe ĭārčínā bi ĭārā prent ki ar kas pa šartā kăĭt, bĭāĭt, ki man ĉil ĉā ĭatā un, ar kas š-amé ĉil ĉā prent, man watí ĭaníkā bi āĭ^{va} dāĭn. karár e pādšāen kasánen zāg sí büt. šut watí mazánen

свой лук и стрелы, пришел к могиле своего отца, сел в засаду и увидел, что с той стороны подходит бузланги, одна губа у него доходит до неба, другая до земли. Он привязал свою лошадь, положил на землю свой меч и свое ружье, и принялся раскапывать царскую могилу. Царский сын взял свой лук и выстрелил в бузланги, бузланги упал. Он его отнес и бросил поодаль. Потом он подошел, взял его лошадь, забрал меч и ружье, вручил своей матери и лег спать.

Опять наступило утро. Он пошел к своим братьям и сказал: «братья, какой наказ оставил нам отец?» Они сказали: «убирайся! совокупимся с матерью твоего отца! кто исполняет наказ мертвеца?» Тогда младший царевич взял свой лук и стрелы, пошел к могиле своего отца, сел в засаду и увидел с той стороны бузланги, одна губа у него до неба, другая до земли. Он привязал свою лошадь, положил меч и ружье и принялся раскапывать царскую могилу. Царский сын выстрелил в него из лука и убил его. Он оттащил труп и бросил поодаль, а меч с ружьем отнес и отдал своей матери, сам лег спать.

В этот день один царь с востока прислал глашатая для объявления, что пусть приходит всякий, кто хочет состязаться: я, мол, выкопал сорок колодцев, и кто бы ни перескочил через эти сорок колодцев, я выдам за того свою дочь. Итак, этот младший царевич узнал об этом. Он пошел к своим старшим

brāsānī^{ya}, gúštr: lālā, bīyā ki bašmā brawān bi ro-darātā, pālānā jāgā pādšāe jārčīnā bi jārā prentā, čil čā jatā, ar kas š-amé čil čā prenīt, watī janikā bi āie^{ya} dant. mazānen brās gúštant: bra, ti māsā bgāyan, trā kái g^o wāt a-bart.

karār pādšāi kasānen zāg šut watī māsāyā, watī aspā zen u erāy kurt, s^wār büt, šut pa pādšāi sāilā. karār š-améngū šúti, watī aspā āibāt dāt. āspi š-amé čil čā vížžu prent. karār yak jínike rā bi watī puštā s^wār kurt, āt bi watī gisā, watī māsā gušt: yak táxte jód pkan p-amé jínikkā, jínikā bi me taxtāi sarā mnādén. karār māsī táxte jód kurt, jínikkā bi taxtāi sarā nādént. tārī duwārdāg roč büt, čorī watī ^e digā aspā s^wār büt, šut pa pādšāi sāilā. maróči duwārdāg watī ^e digā aspā āibāt dāt. āspi š-amé čil čā^há vížžu prent. karār e digā pādšāi janikā watī puštā su^wār kurt, burt bi watī gisā, ešī rā am bi taxtāi sarā nādénti. šapī wapt, tārī duwārdāg watī e digā aspā s^wār büt, āti pa pādšāi didānā. karār duwārdāg pādšāi e digā jínikā am búrti.

maróči watī brāsānā loṭīt, ar sāi aspānā kašīt ša gisāi tā, ar sāi jínikānā kašīt ša gisāi tā, tūpākānā am kašīt ša gisāi tā, zāmānā am kašīt ša gisāi tā. mazānen aspā wa mazānen jínikā wa mazānen tūpākkā dāt bi

братьям и сказал: «братья, давайте, пойдем на восток! в таком-то месте царь выслал глашатая с объявлением: он выкопал сорок колодцев, и за всякого, кто перескочит через эти сорок колодцев, он выдаст свою дочь». Старшие братья сказали: «убирайся! совокупимся с матерью твоего отца! кто тебя возьмет с собой?»

Младший царевич пошел к своей матери, оседлал свою лошадь, сел верхом и отправился к царю на прием. Итак, там он выступил, разогнал свою лошадь, и его лошадь легко перепрыгнула через эти сорок колодцев. Потом он посадил девушку верхом сзади себя, добрался до своего дома и сказал своей матери: «устрой трон для этой девушки!» Для этой девушки устроили трон, и девушку посадили на этот трон. Вновь наступило утро, юноша сел верхом на другую лошадь и отправился к царю на прием. В этот день он опять разогнал свою другую лошадь, и его лошадь легко перескочила через те сорок колодцев. Итак, он и другую царскую дочь посадил сзади себя верхом и отвез к себе домой; ее также усадили на трон. Ночь он проспал, а на утро вновь сел на свою третью лошадь и отправился к царю на прием. Итак, он опять увез и третью дочь царя.

В этот день он позвал своих братьев, вывел из дому всех трех лошадей, вывел из дому всех трех девушек, вынес также из дому ружья, вынес из дому также и мечи. Самую большую лошадь, старшую девушку и самое большое

watí mazánen brāsá, mi'ántaiēn aspá wa mi'ántaiēn ĵiníkā wa mi'ántaiēn zāmá dāt bi watí mi'ántaiēn brāsá. kasánen aspá wa kasánen ĵiníkā wa kasánen tūpákkā wa kasánen zāmá wat zúrti. š-amódā ĵístun u bastun, pa wat imáne āwúrtun, pa pādšāi zāgá dištāre āwúrtun.

XVII

būt būt, čap ša xudá káse na būt. yak wáxte at, yak pīramárde at. e pīramárd dāštī yak warnāen ĵánéne. ešī ĵánén dāštī yak yāre. e ĵánák pa watí yārā ĵuwānén nahār pakkítī, pa watí yārā maǵdáen ārtánā pakkítī. e pīramárd ar roč gúštī: āi ĵánén, ta pa če m'nā pūk dahāi? e ĵánák gúštī: man čon kanín? tī gwār ar roč ke man ārt gečín a-kanín, tī gwār ša Xurāsán tússe ĵant, ārtáni urténānā bart. e pīramárd gúštī: man gwārāi pigrā dārín.

e š-amédā yak látte zúrti, rādág būt. šúti be watí gwārāi alkā. ešī gwār dístī: mnī brās kāit. e š-amédā arkát kurt. e pīramárd gúštī: má yā, tī pisā. gátun, ĵuwānen kār na kurtág āi. ešī gwār gúštī: tī geš bun gīt, man trā

ружье он отдал своему старшему брату; среднюю лошадь, среднюю девушку и средний меч он отдал своему среднему брату, а меньшую лошадь, младшую девушку, самое маленькое ружье и самый маленький меч взял сам. Оттуда я убежал и связал, себе принес благополучие, а царскому сыну привел невесту.

(XVII. О плешивом)

Было-было, кроме бога, никого не было. Когда-то был один старик. Этот старик имел молодую жену, а у его жены был возлюбленный. Эта женщина для своего возлюбленного готовила хорошие кушанья, и для своего возлюбленного пекла хлеб из сеяной муки. Старик каждый день говорил: «жена, что ты даешь мне все муку с отрубями?» Женщина говорила: «что я поделаю? каждый день, когда я просеваю муку, твоя сестра выпускает ветры из Хоросана и уносит сеяную муку». Старик сказал: «ужо я позабочусь о сестре!»

Он взял посох, собрался в путь и пошел в селение к своей сестре. Сестра его увидела: вот подходит мой брат! Она поднялась. Старик сказал: «не подходи! я совокуплялся с твоим отцом! хороших дел ты не делала!» Его сестра

yak sāl-int, trā na distā un. e piramārd gúšti: ta watí kārānā kurtág āi, man ódā púk a-warín, ta š-édā túss a-žanāi, ārtānī urténānā go watí tussā barāi. eši gwār gúšti: ta gānók bütág-āi, či balā? ičči ma gu, yāke buškint, čéwā gušit? āi lālā ján, yak ga brawán gešā, ar ka guštā, drog guštā. eš āwúrti gešā, čā dāti, eš zabr j^wān wárti, eši gwār gúšti: yak gārre go wat bárāi, man trā garókā da^hin, go wat bárrāi, ar abāre bit, garók pa^t ta gušit.

e piramārd demā büt, garók be āi padā büt. garókā nākói be gešā išti. piramārd šut pa langārā. e žanák gúšti garókā: bⁱra pa dārā! e garók gúšti: šar. daságe zúrti, šúti be gokānī kulundāi tā. yak ga dísti, yak warnāen mardáke āti. e žanák gúšti: piramārd yak garróken čorikāe ā^wurtā. e mardák gúšti: š-e garrókān sad byārit, pa^m man yāke, šar, man rāin, ta pa man yak mūrge gir o byār, man pa^t ta kušin. e žanák šúti, yak mūrge j^wānén gípti, ā^wúrti. e mardák ilāl kúrti, žanakā gúšti: man ā rāāi dapā gallā rečín, ta ar kadén murgā pakkítāi, mni rāāi dapā gallā rét-at, āmā rāāi tā bra, ā rāāi tā ke gallā na rét-at, ma^r ra. žanák gúšti: šarr, man murgā pačín o kāin.

сказала: «пусть сгорит твой дом! вот уже год, как я тебя не видела!» Старик сказал: «ты тут делаешь свои дела, а я должен там есть муку с отрубями! ты отсюда выпускаешь ветры и своим ветром уносишь сеяную муку!» Его сестра сказала: «ты с ума сошел, что ли? не говори ничего, а то кто-нибудь услышит и что́ скажет? пойдем-ка, братец, в дом! кто бы тебе ни наговорил, напраслину сказал!» Она повела его домой, дала чаю. Он поел, как следует, и его сестра сказала: «возьми-ка с собой плешивого! я дам тебе одного плешивого, возьми его с собой! что́ ни случится, плешивый тебе скажет».

Старик пошел впереди, плешивый сзади него. Старик оставил плешивого у себя дома. Старик пошел пахать, а женщина сказала плешивому: «сходи за дровами!» Плешивый сказал: «хорошо!» взял веревку и пошел в коровник. Вдруг он увидел, подошел молодой мужчина. Та женщина сказала: «старик-то привел плешивого парня!» Мужчина сказал: «пусть хоть сотню приводит этих плешивых, мне все равно! ну, хорошо, я пойду, а ты возьми и принеси мне курицу, и я тебе ее зарежу». Женщина пошла, выбрала хорошую курицу и принесла. Мужчина ее зарезал и сказал женщине: «при выходе на дорогу я посыплю зерна; как только ты сваришь курицу,— а при выходе на мою дорогу будет насыпано зерно,— ты по той дороге и иди, а по дороге, где зерна не будет насыпано, не ходи!» Женщина сказала: «хорошо, я сварю курицу и приду!»

garrók e abaránā uškítī, ša mardákāi padā šútī. mardák gallánā ke réti, garrók ša padā gallánā rúptī, be watí nākóāi ráāi sará réti. gúdā šut be watí nākó^wāi, gúšti: maróči mašmá murgāi gošt warán. nākói gúšti: ša gujá? garrók gúšti: ta či kār dārāi? ša^m man, ke man trā murgāi gošt bdāin.

katrái gidá garrók sāil kurt, dístī tā janák kāit. janák ke nazínk áti, garrók tawār kurt, gúšti: wā tātī, amā édān-an, ingūrí biyā. janák āirān büt ke man čunén káre kúrtun, ša xajālatíyā áti, goštānā íšti, garrókā o nākó^wāi gúšti: beāit, bórit ke sárd a-bayánt. amā int-a, garrók o nākói átant. janák gúšti: doši man wábe dístun, múrge xairát kúrtun. garrók gúšti: xudā kabúl pkant. janák gúšti: xudā kabúl-ā kurt, agár sāi mardúm bútin, zabr kabúl büt. garrók gúšti: man burzágāi sará bālā bāin, agár mardúme bgíndin, gušin ke bāit. janák gúšti: man yak mardúme gíndin, bra amāe rā bguš ke bāit. garrók gúšti: šarr, ráin. garrók šut, mardákā gúšti: mnī nākó pa^t ti jānā minnīt. mardák gušti: pa če? garrók gúšti: man na zānin, trā kušit. mardák gúšti: man čon kanin? garrók gúšti: man raín, agár mnī nākó améngūri bāit, bzānāi ke pa^t ti jānā kāit.

Плешивый слышал этот разговор и пошел вслед за женщиной. Как только тот насыпал зерна, плешивый сзади подобрал зерно и насыпал его при выходе на дорогу к своему дяде. Потом он пошел к своему дяде и сказал: «сегодня мы с тобой поедим куриного мяса!» Дядя сказал: «откуда?» Плешивый сказал: «что тебе за дело? от меня, раз я тебе дам куриного мяса!»

Немного погодя, плешивый взглянул и увидел, что женщина подходит. Когда она подошла поближе, плешивый закричал: «тетя, мы здесь, иди сюда!» Женщина удивилась: что, дескать, я наделала? Она в замешательстве подошла, поставила мясо и сказала плешивому и его дяде: «идите, ешьте, а то остынет!» Вот плешивый и его дядя подошли. Женщина сказала: «прошлую ночь я видела сон, и принесла курицу в жертву!» Плешивый сказал: «да будет она угодна богу!» Женщина сказала: «богу-то она угодна, но если бы (вас) было трое, она была бы еще более угодна!» Плешивый сказал: «я подымусь на верхушку горы, и если кого-нибудь увижу, скажу, пусть приходит!» Женщина сказала: «я вижу человека, сходи и скажи ему, пусть придет!» Плешивый сказал: «хорошо, я пойду!» Плешивый пошел и сказал тому мужчине: «мой дядя на тебя умышляет!» Мужчина сказал: «за что?» Плешивый сказал: «не знаю, только он убьет тебя!» Мужчина сказал: «что же мне делать?» Плешивый сказал: «ну, я пойду, а ты знай, что если мой дядя сюда придет, то по твою душу придет!»

garrók āt, gúšti: mardák gušít: tī nākó kāīt, man raín; agár nāīt, man na raín. janák gúšti: bra. garrók gúšti: šuttínā rawāī, yak kučáke dārít, mardúm a-wárt. janák gúšti: yak látte bzūr o b'ra. píramárd yak látte zurt o šúti. amé ke mardákāī nazínkā āti, mardák yag ga jísti. píramárd tawār kúrti. na, mardák jíst. e pádā āt, gúšti ke ā mardák ganóke at, či balá! ančo ke mnā dísti, jísti. man áe rā tawār kúrtun, na "ušát. amā-int ke janák gúšti: šar, zúti b'árit, man a-raín. amā-int, 'eš goštānā wártant, janák šut be gešá. maróči na bût.

bándā duwārág garrókāī nākó šut pa langárā. garrók dasságe zurt, gúšti: man raín pa dārā. janák gúšti: šarr, bra pa dārā. garrók šut be gokānī kulundāī tā, srapíti, dísti, amā mardák āti, gúšti janákkā: ta zī čón kurtāī? janák gúšti: man amā ráe ke ta gúštāī, man amā ráe tā átun, man rást be garrók o nākóāī sarā átun. gúđā pa^t ti padā mardúme dem dátun, ta pa če jístāī? mardák gúšti: man čon kurtín-un? garrók gúšti: mni nākó pa^t ti jānā kāīt, t'rā kušít, man dístun ke kāīt, man trussítun. janák gúšti: garrók dróg a-jánt. man watí mardá dem dátun pa ti padā, garrók gúšti: man raín. garrók āt, gúšti ke mardák guštá: agá ti nākó ma āīt, man

Плешивый вернулся и сказал: «тот человек говорит: „если придет твой дядя, пойду; если не придет, не пойду!“» Женщина сказала: «сходи!» Плешивый сказал: «итти-то иди, только у него собака, кусает людей!» Женщина сказала: «возьми палку и иди!» Старик взял палку и пошел. Как только он подошел поближе к тому человеку, тот вдруг побежал. Старик ему закричал. Нет! убежал! Он вернулся и сказал: «тот человек был сумасшедший, что ли! как только он меня увидел, так побежал; я ему кричал, но он не остановился». Вот женщина сказала: «ну, скорее ешьте, и я пойду!» Вот они поели мяса, и женщина пошла домой. Не вышло в этот день!

На другой день дядя плешивого опять пошел пахать. Плешивый взял веревку и сказал: «я пойду за дровами!» Женщина сказала: «хорошо, иди за дровами!» Плешивый пошел в коровник и спрятался. Он увидел: подошел тот мужчина и сказал женщине: «что ты вчера наделала?» Женщина сказала: «я пошла по той дороге, как ты сказал мне, пошла по той дороге, и прямехонько пришла к плешивому и к его дяде! потом я посылала за тобой, а ты почему убежал?» Мужчина сказал: «что мне было делать? плешивый сказал: „мой дядя придет по твою душу и убьет тебя!“ я увидел, что он подходит и испугался». Женщина сказала: «плешивый врет! я посылала за тобой своего мужа, а плешивый сказал: „я пойду!“ потом плешивый пришел и сказал, будто бы тот человек сказал: „если твой дядя не придет, я не пойду!“ я сказала: „иди и скажи, пусть

na káin. man gúštun: bra, bguš ke bāit, ā ke déme ta átī, ta jístāi. mardák gúšti: šar, anūn cón kanāi? janák gúšti: man maróči zārattā rāin, ta pa^m man yak čattīe bgir o b'yār, pa man kuš o man pačín o barín zārattā. mardák gúšti: šarr. janák gušti: bálke garrók o nakóji kor bayánt! mardák gúšti: šar, man rāin pa čattīe, ta ša padā, tā-wáxte ārt tár pkan. man tā-wáxte káin. janák gúšti: šar, zūte b'āāi. mardák šut o zūtī čattīe gipt o ā'urti. janákā gúšti: mnā kārče bdāi, man čattī'ā pa^t ta ilāl kanín. janák āe rā kārče dāt, 'e čattī rā ilāl kurt. zūtī postāi jāti, goštāni koťiti. janák lo'fā bir kurt, goštānā loíāi tā prénti. mardák gúšti: šar, man a-rāin, ta wāt a-rawāi zārattā. janák gúšti: šarr, bra. mardák šut.

janák goštānā pakkīti o parzonágāi tā goštānā patápti o rādág büt. garrók dísti: janák rāut. garrók arkát kurt, ša janákkāi pānādā šut, yak górrē tā putrit. janák átī, zārattā nazink kúrti. garrók tawār kurt janákkā, gúšti: engūri ma yā ke ti puč nāpāk ant. janák gúšti: yā auli'ā, man ti kurbān-un, yak árze dārín. garók gušt: man ti arzā zūrín, ta parzonágā bil amódā, pa yak šárte ke man yak abāre gušín, agār ta mni abārā bzūrāi. janák gúšti: pa čammān. garók gúšti ke amā pābānde ke be šmāi gisāi

придет!“ но как только он стал подходить к тебе, ты убежал!» Мужчина сказал: «ну, хорошо, что мне теперь делать?» Женщина сказала: «сегодня я пойду на богомолье! возьми и приведи мне козленка и зарежь его для меня, а я сварю и отнесу на богомолье». Мужчина сказал: «хорошо!» Женщина сказала: «хоть бы плешивый и его дядя ослепли!» Мужчина сказал: «ну, хорошо, я пойду за козленком, а ты пока замеси тесто! я тем временем приду». Женщина сказала: «хорошо, приходи скорее!» Мужчина пошел, быстро нашел и привел козленка и сказал женщине: «дай мне нож, я тебе зарежу козленка!» Женщина дала ему нож, и он зарезал козленка. Он быстро содрал с него шкуру и нарезал мясо на куски. Женщина поставила котел и положила мясо в котел. Мужчина сказал: «ну, хорошо, я пойду, а ты тоже иди на богомолье!» Женщина сказала: «хорошо, иди!» Мужчинa ушел.

Женщина сварила мясо, завернула его в скатерть и собралась. Плешивый видит: женщина идет. Плешивый поднялся, пошел в стороне от женщины и спрятался в одной могиле. Женщина подошла и приблизилась к месту богомолья. Плешивый закричал женщине: «не подходи сюда, так как твое платье не чисто!» Женщина сказала: «о святой, да стану я твоей жертвой! у меня есть просьба». Плешивый сказал: «я исполню твою просьбу, оставь там свой сверток! только при условии, что я скажу тебе нечто и ты будешь хранить мой наказ!». Женщина сказала: «пуще глаза!» Плешивый сказал: «зарежь того барана, который

dapá int, amá pábándā pkúšāi o garrók o nākói tā sāi šap o roč am-awānā pábándāi goštānā be māvān bdāāi, ta o ti yār š-amā goštān ma wārit. gúḍā garrók o nākói ša sāi šap o ročā gúḍā kór bayánt. janák gúšti: pa čammān. amódā goštānā go parzonágā íšti o rādág büt.

garrók katrāe gidā ša gorā dār kapt o goštānā go parzonágā zurt o rādág büt. āti watí nākóāi, goštānā watí nākóāi demā íšti. nākói gúšti: ta e goštānā ša gujá āurtāi? garrók gúšti: ta či kār dārāi? watí goštā b"ār, bgard. e āngāt kámm ant, begāi pábándāi góšt a-warāi. man trā yak pānte dāin, ta mni abārā bzūr. eši nākó gúšti: šarr, man ti abārā zūrín. garrók gúšti: mašmā bi gisāi tā brawān, mašmā rā janák tā sāi šap o roč pábándāi gošt dant. sāi roč ke purā büt, ta bguš ke wāx! mni čam kor bütant, ša^t ti padā man am gušín ke wāx! mni čam am kor bütant. pira-mardúk gúšti: šar.

roč begā büt. garrók ká^mme dār baḍā kurt. eš o nākói šútant gisā. janák ešānā maróči zabr xizmát kúrti. ešāni demā pábándāi gošt āwurt, ešānā tā sāi roč zabr xizmát kúrti, pa kārā nāišti. sāi roč ke purrá büt, garrókāi nākó gúšti: wāx! mni čam kor bütant. š-āi padā garrók gúšti: wāx! mni čam am kor bütant. pīramardúk janākā gúšti: pa man yak jullúke pren, mni dastā bgir, mnā be mā gokāni kulundāi kiníkkā pren.

откармливается у дверей вашего дома, и три дня корми плешивого и его дядю этим мясом, а сама ты и твой возлюбленный этого мяса не ешьте: через трое суток плешивый и его дядя ослепнут». Женщина сказала: «пуще глаза!» оставила там мясо и скатерть и пошла.

Немного погодя, плешивый вышел из могилы, взял мясо и скатерть и пошел. Он пришел к своему дяде и положил перед ним мясо. Его дядя сказал: «откуда ты принес это мясо?» Плешивый сказал: «что тебе за дело? ешь свое мясо и иди! этого еще мало, вечером ты будешь есть кормленного барана! я дам тебе один совет, а ты делай, как я скажу!» Его дядя сказал: «хорошо, я буду делать, как ты скажешь!» Плешивый сказал: «мы пойдем домой, и та женщина трое суток будет давать нам мяса кормленного барана, а когда пройдет три дня, ты скажи: „ох! мои глаза ослепли!“ вслед за тобой и я скажу: „ох! мои глаза ослепли!“» Старик сказал: «хорошо!»

Наступил вечер. Плешивый взял на спину немного дров, и он и его дядя пошли домой. В этот день женщина хорошо ухаживала за ними и принесла им мяса кормленного барана. Три дня она хорошо ухаживала за ними и не заставляла работать. Когда прошло три дня, дядя плешивого сказал: «ох! мои глаза ослепли!» За ним и плешивый сказал: «ох! и мои глаза ослепли!» Старик сказал женщине: «набросай мне тряпья и возьми меня за руку и положи

janák gāl-pa-gāl, p-ešī yak koná jullúke prénti, ešī dastá gípti, burt be amá kulúndäi kinikkā, gušti: amédā kap. janák šut be gisá.

janákkäi yār āti, be tawārā be gisāi tā putrit. janák watí yārā gušti: man tā-wáxte be gisān raín o káin, ta amédā bwasp, garrók o nākói kor bútant, ta anún pa če trussāi? mardák gušt: man am na trusín šä ešán. janák gušti: šar, man a-raín, ta amédā bwasp. janák garrókā gušti: man raín be alká o káin. ta gisāi dapā tā-wáxte mnind. garrók gušti: mnā yak látte bdäi ke áre yā múrge ma āit gisāi tā. janák ešā yak látte dátí, wat šut be alká pa gaštínā, janák pa watí yārā dulmá bír kurt-at.

garrók arkát kurt, čammānā pač kurt, säil kúrti, išk o áškā, ič ka näint, dísti tā mardák waptá. amé loíai tai sorén rogínā mardákäi dapāi tā réti. mardákäi dap suti. sorén rogín mardákäi tā šutant. mardák lagattúk jat. mardákäi napás šut. garrók āt, watí jägā ništ.

yak katrāe gidá janák āt. janák ki gisāi dapā āt, garrók go me laṭṭā yáke be janákkäi lingán jāti. janák piryāt ku, garrók gušti: bā-a-bāi! tá-wäi, tātí! na zántun ke tá-wäi, man guštun, bálke áre. janák gušti: šarr, zalár näint. janák šut be gisāi tā, mardákā tuitti (ṭuk-ṭuk jātí ki bustit),

около коровника!» Женщина с радостью набросала для него старого тряпья, взяла его за руку, отвела его к коровнику и сказала: «ложись здесь!» а сама пошла домой.

Пришел ее возлюбленный и, не спросившись, вошел внутрь. Женщина сказала своему возлюбленному: «я схожу пока в несколько домов и вернусь, а ты здесь лежи! плешивый и его дядя ослепли, чего тебе теперь бояться?» Мужчина сказал: «я их и не боюсь!» Женщина сказала: «ну, хорошо, я пойду, а ты здесь лежи!» Плешивому она сказала: «я схожу в селение и вернусь, а ты пока посиди у входа в дом!» Плешивый сказал: «дай мне палку, чтобы осел или курица не забрались в дом!» Женщина дала ему палку, а сама пошла походить по селению. А еще раньше та женщина поставила вариться для своего возлюбленного мясо в сале.

Плешивый поднялся, открыл глаза и осмотрелся кругом: никого нет! Он увидел, что мужчина заснул, взял из котла кипящее сало и вылил ему в рот. Его рот сгорел, кипящее масло прошло ему внутрь, он затрепетал, и душа из него вышла. Плешивый пошел и сел на свое место.

Немного погодя, пришла женщина. Когда она подошла к двери, плешивый ударил ее палкой по ногам. Женщина закричала. Плешивый сказал: «ой-ой! это ты, тетя! я не знал, что это ты! я думал, наверное, это осел!» Женщина сказала: «ну, ничего!» Женщина пошла в дом и стала кликать мужчину,

dísti: mardák na ustít, säjl kurt, tā mardák murtá. janák arkát kurt, garrókā gúšti ke mašmāi gisá memán° átá, amédā amé memán murtá. garrók gúšti: man wat kór-un, čón kanín? janák gúšti: yak káre pkan ke mašmā baⁿ-nām bayán, amé mardákā barán, yak jāe kurm o kond pkanán. garrók gúšti: mnī čam kor ant. man íčči na gindín. janák gúšt: yak ʔajráte pkan, man tī dastá girín, gúdā am trā yak kūzáge zar am dāín. garrók gúšti: šarr, pa yak šárte ke ta am mnī dastá bgirái. janák gušt: šar, brawán.

átant, janák mardaká be garrókāi badđá dāt. janák garrókāi dastá gipt, šútant. be yak jāe garrók mardaká prénti. janák gúšti: pa če préntāi? garrók gúšti: man š-e ziyát burtá na kanín. janák gúšti: e ráāi sará préntāi, bálke mardúme bāit, gúdā čón a-kanāi? garrók gušt: magá man kuštá-un-i? janák gúšti: tī xajrát a-baín, ta ešá bád pkan, man trā ar če loťāi, dāín. yak gidá kūzáge zar am dāín. garrók gúšti: ta in ka zará ša gujá a-karái? janák gúšti: mašmāi ʔulāni čérā du kūzág zar dārit, amāwānā trā dāín. garrók gúšti: šarr, ta ke mnā ná-īlāi, mnī badđá bdāi. janák mardákā garrókāi badđá dāt. janák demá büt, garrokāi dastá gipt. ʔe ʔešá búrtant, be rodāi tā préntant.

чтобы вставал. Она увидела, что он не встает, посмотрела, а тот мертв! Женщина засуетилась и сказала плешивому: «к нам в дом пришел гость, и здесь этот гость умер!» Плешивый сказал: «я ведь слепой! что я могу сделать?» Женщина сказала: «постарайся что-нибудь сделать, а то мы будем опозорены! давай, унесем этого человека и зароем его где-нибудь!» Плешивый сказал: «мои глаза слепы! я ничего не вижу!» Женщина сказала: «постарайся как-нибудь! я возьму тебя за руку, а потом дам тебе еще горшок с золотом!» Плешивый сказал: «хорошо, но с условием, что ты возьмешь меня за руку!» Женщина сказала: «хорошо, пойдем!»

Они подошли, и женщина взвалила мужчину плешивому на спину. Женщина взяла плешивого за руку, и они пошли. В одном месте плешивый сбросил тело мужчины. Женщина сказала: «зачем ты бросил?» Плешивый сказал: «я больше не могу нести!» Женщина сказала: «бросил у самой дороги! еще подойдет кто-нибудь, что тогда будешь делать?» Плешивый сказал: «разве я убил его?» Женщина сказала: «да буду я твоей жертвой! положи его к себе на спину, и я тебе дам все, что захочешь! дам тебе еще другой горшок с золотом!» Плешивый сказал: «откуда ты возьмешь столько золота?» Женщина сказала: «под нашими постелями есть два горшка золота, и я их тебе отдам!» Плешивый сказал: «хорошо, раз ты не отстаешь от меня, клади его мне на спину!» Женщина положила тело мужчины плешивому на спину. Женщина пошла вперед и взяла плешивого за руку. Они его понесли и бросили в реку.

gúdā garrók čammānī páč kurt, janákā gúšti: tī pisā bgáin, go tī trū-girīā! janák gušt: pa če? garrók gúšti: šar, be^t ta mālūm a-kanín. garrók janákā gíptī, bál áurt, jat be rodāi miyānjīnā, wat šut be watī nākówāiyā. gúdā ar če māl o čiz o jul múččānā lađđít o zúrťi o rādág bŭt. šut, be watī alkā rast. š-amódā jístun o bástun, pa wat imāne ā^wúrtun, pa^t ta dištāre ā^wúrtun.

XVIII

bŭt bŭt, čap ša xudā káse na bŭt. yak wáxte at. yak pīra-gúrke at. e pīra-gŭrk ša gušnagíyā be watī kundāi dapā kapt-átī. yak warnāen gúrke āt, dístī: édā yak pīra-gúrke kaptá, gúšti: āi bābā, ta pa če édā kaptág-āi? e pīra-gŭrk gúšti: āi parzind, čéwā pursāi? ā warnāen gŭrk gúšti: ta go man bguš, ar árze dārāi, man tī abārā zŭrín. ā pīra-gŭrk gúšti: waxt ke amāⁱ at, tamām pīra-gŭrk sér atant. annŭn amā rā sāilā ná kanit. e warnāen gŭrk gúšti: šar, bguš. pīra-gŭrk gúšti: agā ta š-ā pis u pīrúkānī zāg āi, maróči ta mⁱnā ša dummágā sér a-kanāi. gúdā pīra-gŭrk gúšti: āi warnā, tī

Тогда плешивый открыл глаза и сказал женщине: «совокуплюсь с твоим отцом! хоть ты и тетка названная!» Женщина сказала: «за что?» Плешивый сказал: «ладно, уж я тебе объясню!» Плешивый схватил женщину, поднял кверху и бросил на середину реки, а сам пошел к своему дяде. Потом он уложил и забрал все, что было имущества, вещей и платья, пустился в путь и добрался до своего селения. Оттуда я выскочил, завязал, себе приобрел благополучие, тебе привел невесту.

(XVIII. О старом и молодом волке)

Было-было, кроме бога, никого не было. Когда-то был один старый волк. Этот старый волк от голода лег у своего логовища. Подошел один молодой волк, увидел, что лежит старый волк и сказал: «батюшка, зачем ты здесь лег?» Старый волк сказал: «что ты спрашиваешь, сынок?» Молодой волк сказал: «ты скажи мне: если у тебя есть какая-нибудь жалоба, я сделаю, что ты скажешь». Старый волк сказал: «в наше время все старые волки были сыты, теперь же вы на нас не обращаете внимания». Молодой волк сказал: «хорошо, говори же!» Старый волк сказал: «если ты сын тех отцов и дедов, ты накормишь меня сегодня курдючным салом!» Потом старый волк сказал: «ну,

mardíyā bgindín. warnāen gurk gúšti: šar, ta go man brawán, man t'rā ša dummágā sér a-kanín. e pira-gúrk gúšti: šar, gindín tī γāirátā.

e warnāen gurk demá büt, pira-gúrk be padāi büt. šútant yak jáe. e pira-gúrk gúšti: man šutá na kanín, ta b'ra, ar čize kārāi, biyār. e warnāen gurk šúti, yak jáe dísti yak ramáge. e šut ke páse bdúzit. ya ga kučák ešā distant, ešā gón káptant. e dísti, mnā kučák nazík kurtág ant. e rāstám be pira-gúrkāi sarā āt. e pira-gúrk dísti, čon kučákānā be mni sarā kārít, yag ga watí liṭikā be watí wangá jāti. ā warnāen gurk āt o gwásti. e kučák distant: édā čonén gúrke! édā kučák trusítant, pádā šútant. e pira-gúrk kará-karā šúti, be watí kundāi dapā kápti.

yak čunt roč amédā pira-gúrk kápt at, dist ke duwārā yak warnāen gúrke āt, gúšti: āi bābāⁱ pir, ta pa če édā kaptág āi? e pira-gúrk gúšti: āi parzind, ta čéwā pursāi? e warnāen gurk gúšti: ar árze dārāi, go man bguš. e pira-gúrk gúšti: awál yak čunt róče bit ke yak warnāen gúrke āt, mnā gušt: ta pa če édā kaptág āi? man gúštun: ša bewakíyā, ša piríyā kaptá un. mnā gúšti: go man brawán, trā ša dummágā sér a-kanín. man gw-āi šútun. ā šut ke páse b'yārit. kučák áe rā gon kaptág ant, kučákānā rāstám be mni sarā āwúrt. man dístun tā kučák mni kārā xarāb a-kanánt,

молодец, посмотрю на твое молодечество!» Молодой волк сказал: «хорошо, пойдем со мной, я накормлю тебя курдючным салом!» Старый волк сказал: «хорошо, посмотрю на твою удаль!»

Молодой волк был впереди, старый волк позади. Они пошли в одно место, и старый волк сказал: «я не могу идти! ты иди и принеси всё, что найдешь!» Молодой волк пошел и увидел в одном месте стадо. Он пошел, чтобы стащить овцу. Вдруг собаки его увидели и бросились за ним. Он видит: собаки ведь меня настигают! и прямо устремился к старому волку. Старый волк видит: что это? ведь он ведет ко мне собак! и тотчас поднял дыбом свой хвост. Молодой волк подбежал и пробежал мимо. Собаки стали смотреть: что это за волк здесь! испугались и вернулись. Старый волк медленно пошел и лег у входа в свое логовище.

Несколько дней лежал там старый волк и увидел, что опять подходит один молодой волк. Он сказал: «батюшка, что ты здесь улегся?» Старый волк сказал: «что ты спрашиваешь, сынок?» Молодой волк сказал: «если жалуешься на что-нибудь, скажи мне!» Старый волк сказал: «вот уже несколько дней, как приходил один молодой волк и говорил мне: „что ты здесь улегся?“ я сказал, что лег здесь от одиночества и старости; он сказал мне: „пойдем со мной, я накормлю тебя курдючным салом!“ и я пошел с ним; он пошел, чтобы привести овцу; собаки бросились за ним, и он привел их прямехонько ко мне;

man watí liṭíkā be watí wangá jātun, e kučák trusítant, pádā šútant, gúḍā man átun watí jāgá. amédā tā róče maróči kaptá un, duwārā man amá gurká na dístun. annún ta kāāḷ ke čo amá gurkáḷ pkanāḷ. e warnāen gurk gúšti: man ā ḍawlén kār ná kanín. e pīra-gúrḱ gúšti: ta kí zág āḷ? e warnāen gurk gúšti: man plāná gurkáḷ zág un. pīra-gúrḱ gušt: ti pis zoráken dīlāwāren gúrke at. e warnāen gurk gúšti: man amá pisāḷ zág un. pīra-gúrḱ gušt: ā rāng bīt, maróči ti ḡairátā bgindín. gúšti: šar, ke mni ḡairátā gindāḷ, brawán.

e warnāen gurk demá būt, pīra-gúrḱ āí padá būt, šútant be ramágāḷ kinikkā. warnāen gurk gúšti: ta amédā mnínd, man raín. e warnāen gurk šut ramágāḷ kinikkā, be yak gazze tā putrít. ramág rāstām be gurkáḷ sará āt, gurk arkát kurt, yak sad pas bulúk kurt. š-amédā tā mā pīra-gúrḱāḷ ān-čo dirt o šut. yak čunt pasā be pīra-gúrḱāḷ išk-w-āškā kušt o prent. annū pīra-gúrḱā gúšti: b^hār ke ta pa dummāgā gaštāḷ. e pīra-gúrḱ wart, ā warnāen gurk be raā ša ar jāe yak lunkā gípt-at o wat rā sér kurt-at. pīra-gúrḱā gúšti: agá e kam ant, pa ta gidá biyárin. e pīra-gúrḱ gúšti: na, xāḷr gindāḷ, bás-int. e warnāen gurk gúšti: man a-raín, ta tā wáxte amešānā b^hār o bgard, ar waxt alás bútant, man duwārā ar če lóṭāḷ, man

я увидел, что собаки мне всё напортят, и задрал свой хвост дыбом, собаки испугались и повернули обратно. Потом я опять пошел к себе и лежу здесь до сегодняшнего дня, того волка я больше не видел! а теперь вот ты приходишь и поступишь, как тот волк!» Молодой волк сказал: «я так не поступлю!» Старый волк сказал: «ты чей сын?» Молодой волк сказал: «я сын такого-то волка». Старый волк сказал: «твой отец был очень отважный волк». Молодой волк сказал: «я сын своего отца!» Старый волк сказал: «пусть будет так! посмотрю сегодня на твою удаль!» Тот сказал: «хорошо, хочешь смотреть на мою удаль, так идем!»

Молодой волк был впереди, старый волк сзади него. Они подошли к стаду, и молодой волк сказал: «ты здесь побудь, а я пойду». Молодой волк подошел к стаду и спрятался в кустарнике. Стадо подошло, прямехонько к волку. Волк встрепенулся, отделил около сотни овец и пошел их рвать и гнать к тому месту, где был старый волк. Он зарезал их несколько, бросил около старого волка и сказал старому волку: «ешь! ты ведь стремился к курдючному салу!» Старый волк принялся есть, а молодой волк еще по дороге хватал себе отовсюду по куску и насытился. Он сказал старому волку: «если этого мало, я тебе еще принесу!» Старый волк сказал: «нет, спасибо, молодчина! довольно!» Молодой волк сказал: «ешь пока и гуляй, а когда кончится, я тебе

pa^t ta kārín. e pīra-gúrċ bāzén duwāe kurt. gúḍān ā warnāen gurċ šúti. e pīra-gúrċ amédā wart o gašt. š-amódā jístun o bástun, pa wat imāne ā^wúrtun, pa^t ta dištāre.

XIX

būt būt, čap ša xudā kāse na būt. yak wáxte at. yak gúrke at. e gurċ yak šápe wápt-atī, yak wābe dísti ke man sāi lunkā čarpén wártun. tári ke roč būt, e gurċ be watí wābāi randā šúti.

yak jāgāe āt, dísti ke yak áre. e gurċ gúšti: wā, ar, man trā warín. ar gúšti ke mnā wartínā warāi, amā mnā ya ga suwār bāi, gúḍā mnā bor. yáke améš int: ḡadímā š^mmāi pis o pīrúċ zorák suwār-kār átant. e gurċ gúšti ke man amā pisāni zág un. ar gúšti: šar, beýā suwār bāi. gurċ āt, ešā suwār būt. e ar gúšti: čamānā band. gurċ gúšti: šar. čamānā básti, arāi sarā suwār būt, ar ešā rāstām be alkāi tā búrti. ya ga alkāi mardúm sāil kurtant ke arāi sarā gúrke. ya ga kučákānā be gurċāi padā préntant. gurċ watí čamānā páč kurt, dísti tā ar mnā be alkāi tā āurtā, wat rā ša arāi sarā prénti. kučák bi āi padā káptant, ešā gón káptant. e gurċ wat rā pa yak balāe alās kúrti š-e kučákāni dastā.

опять принесу все, что захочешь!» Старый волк много молился и благодарил. Молодой волк ушел, а старый волк здесь ел и бродил. Оттуда я выскочил и завязал, для себя приобрел благополучие, для тебя привел невесту.

(XIX. О глупом волке)

Было-было, кроме бога, никого не было. Когда-то был один волк. Однажды ночью этот волк спал и видел сон: вот я съел три жирных куска! На утро, когда наступил день, этот волк отправился за своим сном.

Он пришел в одно место и увидел там осла. Волк сказал: «ох, осел, я тебя съем!» Осел сказал: «есть-то меня ешь, только сначала садись на меня верхом, а потом уже ешь! ведь в старину ваши отцы и деды были отличными наездниками!» Волк сказал: «я сын тех отцов!» Осел сказал: «хорошо, иди же и садись верхом!» Волк подошел и сел на него верхом. Осел сказал: «закрой глаза!» Волк сказал: «хорошо!» Он закрыл глаза и сидел верхом на осле, а тот отвез его прямехонько в селение. Жители селения стали всматриваться: на осле волк! Они сразу спустили на волка собак. Волк открыл глаза и увидел: да ведь осел привез меня в селение! Он соскочил с осла, но собаки бросились на него и пустились за ним в погоню. Насилу-насилу волк высвободился от этих собак.

gúdā šut be yak jāgāe, dístī yak páse. e gурk gúštī: āi pas, xudā t'rā čon rasentá, man trā warín. e pas gúštī: xudā mudām a-rasenít, amá yak katrāe čammānā band, man pa ta yak ráxse pkanín. gурk gúštī: šar. gурk ke čamānā bástī, e pas seťúke jat ke ya ga rāst kúrtī. gурk čamānā pač kúrtī, arkát kúrtī, be burzágāi sará bālā büt, sáil kúrtī tā pas pa gujá rot. gúdā gурk gúštī be dilá ke agár man bráin, duwārág kučák m'nā gón a-kapánt, beyá ke má ráin. amá int ke gурk na šúti.

duwārág yak sūne rādág büt, yak jāe āt, dístī yak uštíre. gурk gúštī: āi uštír, xudā t'rā čon rasentá! uštír gúštī: xudā ar waxt raseníť. uštír gúštī: m'nā wartínā waráī, amá mni sínágāi čérā yak kitábe ast, amá kitábā bwánāi, gúdā mni sínág kađák bit, gúdā mnā bor. yáke améš int ke γadímā š'māi pis u pírúk zorák mullá átant. e gурk gúštī: man amá pis u pírúkāni zág un. arkát kúrtī, be uštírāi čérā putriti, uštír wat rā ešī sará préntī, ešā lagáštī-lagáštī. gúdā gурk wat rā pa yak balāe alás kúrtī.

š-amédā rāstám be watí kundā šúti. ódā watí liťikā déme kundā kúrtī. gúdā gúštī wat rā ke āi gúrke beákl, ti pis raxsgír at yā ti pírúk? ā š-á ará büt ke ša ti demá jístī, šar, ā am ĵandúm! e š-á pasá büt ke ša ti

Потом он пошел в одно место и увидел овцу. Волк сказал: «овца, как это бог тебя привел! я тебя съем!» Овца сказала: «бог всегда направляет! но закрой ненадолго глаза, я тебе спляшу!» Волк сказал: «хорошо!» Как только волк закрыл глаза, овца сделала прыжок и ускользнула. Волк открыл глаза, вскочил, поднялся на пригорок и стал смотреть, куда пойдет овца. Потом он сказал про себя: «если я пойду, собаки опять набросятся на меня! лучше уж не ходить!» Так волк и не пошел.

Опять он отправился в одну сторону, пришел в одно место и увидел верблюда. Волк сказал: «верблюд, как это бог тебя привел!» Верблюд сказал: «бог всегда направляет!» Потом верблюд сказал: «есть-то меня ешь, только под грудью у меня есть книга, и когда ты прочитаешь эту книгу, в моей груди образуется отверстие, тогда и ешь меня! к тому же ведь отцы и деды ваши были отличные грамотеи!» Волк сказал: «я сын тех отцов и дедов!» Он двинулся и забрался под верблюда. Верблюд на него навалился и стал его мять и жать. Насилу-насилу волк от него вырвался.

Оттуда он направился прямеховько к своему логовищу. Там он повернулся хвостом к логовищу и сказал сам себе: «глупый волк, твой отец был плясуном или дед? с тем ослом вышло так, что он убежал у тебя из-под носу! ладно! ну, его в ад! с той овцой вышло так, что она убежала у тебя из-под

demá jísti, šar, á am jandúm! e š-á ustirā büt ke ti jindā kúšt-at. e gurkáĭ kundāĭ tā yak dúzde bāzén číze āwurt-át, wat am be kundāĭ tā at. e gurk ke e dol gúšti, duz^d dastānā bālā číti, arkát kurt, gurkáĭ liṭikā gípti, ešā yak dā laṭ jāti. e gurkáĭ napās šúti. jístun u bástun, pa wat imāne āwúrtun, pa ta dištāre āwúrtun.

XX

büt büt, yak mullā robāe at. e mullā robā zorāken balāe at. yak róče ša spantānān bāzéne číti u bi dasāge awālā kaḍák ku, gúḍā mán kašít bi yak dasāge u bi watí guṭá ku, malangiēn puč bi watí gwará kurt u šut bi šērāiyā. šer ki mullā robā ša dūrā ki dist, salām dāt, gúšti: salām alāĭk, mullā robā. mullā robā alāĭk kúrti. šer pursíti ki mullā, aĵábe ki amā rā maróči yát kurtāĭ. mullā robā ĵawáb gardént ki brawán bi ziyārátā. šer gúšti: tā brawán, bi gisá tā mnind, man šagālā dém a-daín, ki agdārānā bgúšit ki biyāyant. átant bi šerāĭ gisá. šer šagālā loṭíti ki bra, agdārānā múčcānā bguš ki biyāyant ki rawán bi ziyārátā.

šagāl š-amódinā šut, awālā bi pilāngāĭ gisá, gúšti: šmā rā šer gúšti ki bāndā ukmánā biyāit bi mni gisá ki mullā robā ātagí bi gisá ki bāndā

носу! ладно! ну, ее в ад! с тем верблюдом вышло так, что он тебя самого убил было!» А в логовище этого волка один вор натаскал много вещей, и сам еще был в логовище. Пока волк так говорил, вор засучил рукава, двинулся, схватил волка за хвост и ударил его раз десять палкой, так что душа из волка вон вышла. Я выбежал, завязал, для себя снискал благополучие, для тебя привел невесту.

(XX. О лисице-мулле)

Было-было, была одна лисица-мулла. Эта лисица-мулла была очень хитра. Однажды она набрала много зерен руты, сначала проделала в них отверстия, потом нанизала на нитку и надела на шею, оделась в дервишескую одежду и пошла ко льву. Лев еще вдали завидел лисицу-муллу, поклонился и сказал: «мир тебе, лисица-мулла!» Лисица-мулла ответила на приветствие. Лев спросил: «что это, мулла, ты сегодня меня вспомнил?» Лисица-мулла сказала в ответ: «пойдем на богомолье!» Лев сказал: «пока пойдем, ты посиди у меня дома, а я пошлю шакала передать другим, чтобы пришли!» Они вошли ко льву в дом. Лев велел шакалу: «иди, скажи всем другим, пусть придут: мы, мол, идем на богомолье».

Шакал пошел сначала в дом к барсу и сказал: «лев сказал вам: „завтра непременно приходите ко мне, потому что пришла лисица-мулла, и мы завтра

rawán bi ziyārátā. amé plang gúšti: ta bra, agdārānā bguš, man bándā āzír a-baín. amé šagál š-amódinā šut bi babrái gisá, babrá gúšti: šmā ra šer guštagí ki bándā mutlaxán biyáit bi mni gisá ki mullá robá ātagí bi gisá, rawán bi ziyārátā. babr šagálā gúšti ki ta bra, agdārānā bguš, man bándā mutlaxán a-káín. šagál š-amódinā sar gipt u āt bi gurrkái gisá, gurrká gúšti ki trā šer guštagí ki bándā ukmánā biyāi bi gisá ki mullá robá ātagí bi gisá ki bándā rawán bi ziyārátā. gurrk gúšti: juwán int-a, ta bra, pilá bguš ki biyánt, man bándā ukmánā káín bí šerái gisá. amé šagál š-amódinā āt bi pilái gisá, pilá gúšti: trā šer guštagí ki bándā ukmánā biyāi bi mni gisá. amé pil gúšti: pa čewāi xātíra? amé šagál jawáb dāt ki mullá robá ātagí bi gisá ki bándā rawán bi ziyārátā. pil gúšti: man bándā ukmánā káín, ta bra bi gisá. amé šagál gúšti: nápa bāz juwán int-a, man a-raín, magá ta bándā ukmánā biyāyāi. pil gúšti: ta bra, man ki gúštun: káín, bzánāi ki káín. karár šagál š-amódinā āti bi gisá. šer pursít ki múčānā sí kurtāi? šagál jawáb gardént ki ān, aya, múčānā sí kurtun.

karár tārīenā múči ātant bi šerái gisá, distant tā mullá robá amédinā ništagí. ātant, salām dātant. mullá aláik kurt, gúšti ki maróči mašmá rawán bi ziyārátā. múči jam bútant u rádág bútant. mullá u šer u babr u plang bi

отправляемся на богомолье!“» Барс сказал: «иди сообщить другим, а я завтра явлюсь!» Отсюда шакал пошел к тигру и сказал тигру: «лев сказал вам: „завтра обязательно приходите ко мне, потому что пришла лисица-мулла, и мы отправляемся на богомолье!“» Тигр сказал шакалу: «иди сообщить другим, а я завтра обязательно приду!» Шакал собрался и пошел оттуда к волку. Он сказал волку: «лев сказал тебе: „завтра непременно приходи ко мне, потому что пришла лисица-мулла, и мы завтра отправляемся на богомолье!“» Волк сказал: «хорошо, иди сказать слону, чтобы приходил, а я завтра непременно приду ко льву в дом!» Шакал пошел оттуда к слону в дом и сказал слону: «лев сказал тебе: „завтра непременно приходи ко мне!“» Слон сказал: «чего ради?» Шакал ответил: «лисица-мулла пришла, и мы завтра отправляемся на богомолье!» Слон сказал: «я приду непременно, иди домой!» Шакал сказал: «очень хорошо, я пойду, только ты завтра непременно приходи!» Слон сказал: «ты иди, раз я сказал: „приду“, знай, что приду!» Итак, шакал оттуда пришел домой. Лев спросил: «всех известил?» Шакал сказал в ответ: «да, господин, всех известил!»

Итак, на утро все пришли ко льву и увидели, что лисица-мулла сидит здесь. Они подошли и поклонились. Мулла ответил на приветствие и сказал: «сегодня мы с вами отправляемся на богомолье!» Все собрались и пустились

demá bŭtant. šŭtant bi yak jăgăe, gušnág bŭtant. yak wār šer soĵ kŭrti kī mullá, gušnág bŭtun. mullá robá gŭšti: amé šagál pa če go mašmá gón int-a? amé šagálā bgirit, bwāpénit, pkušiti. šagálā gíptant, kúštant u wártant, wat rá sér kurtant. š-amídinā šŭtant bi digá jăgăe. yak šápe mántant, pa duwārág šer gušnág bŭt. šer mullá robáa gŭšti ki man báz gušnág bŭtun. mullá robá šérā gŭšti: amé gŭrk mašmáj mánĵinā čéwā kant? bgirit, ameší rá pkúšit u bórit. gíptant, gŭrká kúštant u wártant. pa duwārág š-amídinā šŭtant bi digá jăgăe, pa duwārág šer gušnág bŭt, gŭšti: mullá robá, man gušnág bŭtun. pa duwārág mullá robá gŭšti: amé piláng mašmáj mánĵinā čéwā kant? bgirit, pkúšiti u goštáni bórit. gíptant, pilángā kúštant u goštáni wártant, pa duwārág šŭtant bi digá jăgăe, mántant. pa duwārág šer gŭšti: man gušnág bŭtun. mullá robá gŭšti: amé pil mašmáj mánĵinā čéwā kant? bgirit, pkúšiti u goštáni bórit. gíptant pilá, kúštant u goštáni wártant.

amé mullá robá dísti ki digá náĵint-a. š-amé piláj rotínkân bázéni gipt, bi wati srená bast ki ar jā gušnág bit, buwárt. š-amídinā šŭtant bi digá jăgăe, yak šápe mántant. šer gŭšti: ta u. babr amédinā mníndit, man a-raín pa šikárā. mullá robá gŭšti: báz ĵuwán int-a. šer šut pa šikárā. der

в путь. Мулла, лев, тигр и барс были впереди. Они дошли до одного места и проголодались. Вдруг лев сказал: «мулла, я проголодался!» Лисица-мулла сказала: «зачем этот шакал вместе с нами? возьмите этого шакала, повалите его и убейте!» Шакала схватили, убили и съели; насытились. Отсюда они пошли в другое место, ночь переночевали, и опять лев проголодался. Лев сказал лисице-мулле: «я очень проголодался!» Лисица-мулла сказала льву: «что делает среди нас этот волк? возьмите, убейте его и съешьте!» Волка схватили, убили и съели. Опять они пошли отсюда в другое место, опять лев проголодался и сказал: «лисица-мулла, я проголодался!» Опять лисица-мулла сказала: «что делает среди нас этот барс? возьмите, убейте его и мясо съешьте!» Барса схватили, убили и его мясо съели. Опять они отправились в другое место и остановились, и опять лев сказал: «я проголодался!» Лисица-мулла сказала: «что делает среди нас этот слон? возьмите, убейте его и мясо съешьте!» Слона схватили, убили и его мясо съели.

Лисица-мулла увидела, что больше никого не остается. Она взяла побольше кишек слона и обвязала их вокруг себя, чтобы, как только проголодается, поест. Отсюда они пошли в другое место и остановились на ночь. Лев сказал: «ты и тигр оставайтесь здесь, а я пойду на охоту!» Лисица-мулла сказала: «очень хорошо!» Лев пошел на охоту. Он запоздал и долго не прихо-

būt, náy-āt. mullá robá u babr gušnág bűtant. amé mullá robá gipt ša watí srená rotínkān, pač kurt u wart. yak wār babr dist, gúšti ki ta ša gujá rotínk a-waráŋ? mullá robá ĵawáb dátī ki man watí lāpá tál dātág-un u ša watí rotínkān kašin u warín. babr beaglén gúšti: man am watí lāpá tál a-daín u ša watí rotínkān a-warín. watí lāpá tál dāt, murt. mullá robá kapt bi saráŋ, ša goštānī wart, wat rā sér kurtī. dérá šer āt, dístī tā mullá robá bi lāšáŋ sará int-a u góšt a-wárt. šer gúšti: e pa če murt? mullá robá ĵawáb dāt ki díli dárd a-kú, watí dílá gipt, tál dāt. šer gúšti: bóran, wat rā sér pkanán u brawán. wártant, wat rā sér kurtant u šútant bi dga ĵágáe.

yak tuén lāxe sará bālá bűtant. mullá robá gúšti: wāx armán! waxt, mašmáŋ pisānī waxt ātant! šer gúšti: pa čéwā? mullá robá ĵawáb dāt ki amé lāxá gindáŋ? šer gúšti: ān. amé mullá robá gúšti: mašmáŋ pis š-amé lāxá áškā prentág-ant. yak wār amé šer gúšti: magá mašmá amá pisānī zāg ná-wan? mán a-prenín. karār ser arkát ku, prent, bi šurānī tā kapt, murt. robá šut bi lāšáŋ sará, wart, zabr wat rā sér kurt u š-amódinā ĵist u āt bi watí ĵágá. e ɖaʊl mullá robá āwānā e ɖaʊl ziyán kurt. man š-amódinā ĵistun u átun.

дил. Лисица-мулла и тигр проголодались. Лисица-мулла взяла с своего пояса кишки, развязала их и стала есть. Тигр вдруг увидел и спросил: «откуда это ты ешь кишки?» Лисица-мулла ответила: «я вспорола себе брюхо, вытаскиваю свои кишки и ем их». Глупый тигр сказал: «я тоже вспорю себе брюхо и буду есть свои кишки!» Он вспорол себе брюхо и умер. Лисица-мулла бросилась на его тело, стала есть его мясо и насытилась. Лев пришел поздно и увидел, что лисица-мулла сидит на трупе и ест мясо. Лев сказал: «отчего он умер?» Лисица-мулла ответила: «у него стало болеть сердце, он взял и вспорол его!» Лев сказал: «давай есть, насытимся и пойдем!» Они поели, насытились и пошли.

В одном месте они поднялись на большую скалу. Лисица-мулла сказала: «увы! если бы опять пришло время наших отцов!» Лев сказал: «что так?» Лисица-мулла ответила: «видишь ведь эту скалу?» Лев сказал: «да». Лисица-мулла сказала: «наши с тобой отцы с этой скалы бросались на ту сторону!» Лев тотчас сказал: «разве мы с тобой не дети тех отцов? я брошусь!» Итак, лев напрягся, бросился, упал на камни и скалы и издох. Лисица направилась к его трупу и стала есть; поела как следует, убежала оттуда и вернулась к себе. Так погубила их лисица-мулла. Я оттуда выбежал и пришел.

XXI

būt na bāt, ša mašmāi xudā getír káse na bāt. yak álke at. yak róče bāt, amé alk lađítant u šútant bi digá jáe. amé ki šútant, bi amešāni inke-níyā yak bóđe u yak kuróse mānt. ar duén bāz gušnág būtant. yak wār yak táše mālídág distant. amé bođ go amé kurósā gúšti: bí tā mašmā amé mālídágānā barán, bi dūrā bilán u júpt pkanán, ar kas demtírā šut, amé mālídágāniyā sār bāt, amé mālídágānā go amāi buwárt. kurós gúšti: nápa bāz juwán int-a, amé mālídágānā zurt u burt, bi dūrā išt, wat padoi āt. amé ki āti, go bođā gúšti: anūn bji. ar duén júpt kúrtant, bođ demā bāt. amé ki bođ demā bāt, yak wār šut, mālídágāni sarā oštāt u tawār kúrti, kurósā gúšti: anūn trā am warín, amé mālídágānā am warín. amé badbāxten kurós gúšti: nápa bāz juwán int-a, bor. amé bođ amé mālídágānā go amé kurósā wárti u š-amódinā šut bi yak jāgāe.

dísti tā amédinā yak áspe go zen u sanjān int-a u šidág a-jānt u čār a-kánt pa watí wāundā. yak wār amé bođ dísti u gúšti: āi áspi šidagi, agár man trā borín, čón int-a? amé asp gúšti: man yak šidáge deín, ta dil-trák a-baāi u mirāi. amé bođ gúšti: agár man amā baín ki yak táše

(XXI. Про вошь-богатыршу)

Было ли, не было ли, лучше нашего с вами бога никого не было. Был один табор. Однажды этот табор снарядился и перебрался на другое место. Когда он переселился, на брошенном месте осталась одна вошь и один петух. Оба очень проголодались. Вдруг они увидели миску с тюрей. Вошь сказала петуху: «давай, снесем эту тюрю, поместим подальше от себя, а сами станем рядом друг с другом, и каждый, кто побежит вперед и добежит до тюри, тот съест вместе с тюрей и другого!» Петух сказал: «очень хорошо». Он взял тюрю, отнес и поставил подальше, а сам вернулся. Когда он вернулся, он сказал вши: «теперь беги!» Оба принялись бежать на перегонки. Вошь опередила, и когда опередила, она сразу взяла, стала на тюрю и закричала петуху: «теперь я съем и тебя, и тюрю!» Бедняга петух сказал: «ну, хорошо, ешь!» Вошь съела тюрю вместе с петухом и отправилась оттуда в другое место.

В одном месте она увидела, что там лошадь, оседланная и снаряженная; она ржет и мечется, ищет своего хозяина. Вошь увидела и тотчас сказала: «о ржущая лошадь, что, если я тебя съем?» Лошадь сказала: «я один раз испущу ржание, у тебя порвется сердце, и ты умрешь!» Вошь сказала:

mālidágā u go yak kuróse wárt atun u man trā anūn bilín? amé aspá gipt, drūwāká warti.

šut bi yak jāgāe, dístī tā amédinā yak leḏāe go ratá čarít. yak wār amé boḏ tawārī kúrtī ki äḡ leḏāe ratí, trā borín yā na? amé leḏá gúštī: āncén tī bi mnī padāḡ tā ziyān a-bít. amé boḏ gúštī: man amā baín ki mālidágānā u go yak kuróse wártun u yak áspe rā go zen u sanjá wártun, e mnā bgušít: ta bi mnī padāḡ tā ziyān a-bayāḡ! amé boḏ amé leḏá gíptī, wártī.

šut bi yak jāgāe, dístī tā amédinā yak šikārie čār a-kánt. yak wār amé boḏ amé šikāriyā gúštī: trā borín yā na? amé šikārī gúštī: man trā go yak tūpáke kundákā kušin. amé boḏ gipt amé šikāriyā, go amé tūpákāḡ wártī.

sútī bi yak jāgāe, bi yak rodāḡ kirá dístī tā yak gimārien janáke watí maškā āp a-kánt. amé boḏ amé janákā gúštī: man trā borín yā na? amé janák gúštī: man agār yak táse āp bi tī sará brécín, ta wát a-mirāḡ! amé boḏ gipt amé janákā go amé tāsāḡ u go amé maškāḡ wártī.

šut bi yak jāgāe, dístī yak šuwānāge. amé šuwānāgeā tawār kúrtī ki äḡ šuwānág, man trā borín yā na? amé šuwānág gúštī: yak padagien

«я—та, кто съел чашку тюри с петухом! и чтобы я теперь тебя оставила!» Она схватила эту лошадь и съела ее целиком.

Потом она пошла в другое место и увидела, что там пасется оседланный верблюд. Тотчас вошь закричала: «о оседланный верблюд, съесть мне тебя или нет?» Верблюд сказал: «такие, как ты, пропадают в моих следах!» Вошь сказала: «я—та, кто съел тюрю с петухом и съел лошадь с седлом и убранством! и этот мне будет говорить: „ты пропадешь в моих следах!“» «Вошь схватила верблюда и съела.

Потом она пошла в другое место и увидела, что там ходит охотник. Тотчас вошь сказала охотнику: «съесть мне тебя или нет?» Охотник сказал: «я тебя убью дулом ружья!» Вошь взяла и съела охотника с его ружьем.

Потом она пошла в другое место и на берегу одной реки увидела, что беременная женщина набирает в мех воду. Вошь сказала этой женщине: «съесть мне тебя или нет?» Женщина сказала: «если я вылью на тебя чашку воды, ты сама умрешь!» Вошь взяла и съела эту женщину с ее чашкой и мехом.

Потом она пошла в другое место и увидела пастуха. Она закричала этому пастуху: «о пастух, съесть мне тебя или нет?» Пастух сказал: «я как ударю тебя

laṭ bi tī sarágā bjanín, ta wát a-mirái. amé boḍ go wat gúšti: man amá baín ki yak táse mālídágānā go yak kuróse wártun u yak áspe rā go zen u sanjánī u yak leḍáe rā go ratái u yak šikārie rā go tūpákāi u yak janáke rā go maškái wártun, man anún eši rā āncóš bilín? gumúdī ku pa šuwānágāi jānā. yak wār amé šuwānág go amé watí laṭá jat bi amé boḍái sarágā, amé boḍá kúšti u lapái tál dāt, dístī ki yak gīmārien jínén zāge go tāsá ništá, yak leḍáe γurúk-γurúk a-jánt u go gaján int-a u oštātá, yak kuróse am bāng a-dánt u oštātá, yak áspe šidagíen go zen u sanjá oštātá, múči amá ḍāḷ drūwá ant bi lāpái tai, múcānā ruxsát kúrtī ki šútant. man š-amódinā jístun u bástun, pa wat yak imāne áúrtun.

раз по голове пастушьей палкой, так ты сама умрешь!» Вошь сказала про себя: «я — та, кто съел чашку тюри с петухом, кто съел лошадь с седлом и убранством, и верблюда с его седлом, и охотника с его ружьем, и женщину с ее мехом для воды! а теперь оставляю его так!» Она бросилась на пастуха. Пастух сразу ударил вошь своей палкой по голове и убил вошь. Потом он вспорол ей брюхо и увидел, что там сидит беременная женщина с чашкой, стоит и ревет верблюд в пене, стоит и кричит петух, стоит оседланная и сваряженная лошадь, — все так и невредимы у нее в брюхе! Он всех их высвободил, и они ушли. Я оттуда выскочил, завязал, для себя снискал благополучие.

Записки Академии Наук по Историко-филологическому отделению. VIII серия.

Том XIII, вып. 3. Сиракан Тигранян. Древне-армянская книга канонов. Очерки, описания и исследования памятников. I. Описательная часть. 1918. Ц. 3 р.

Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения. 1928. Ц. 3 р.

Худūd ал-'алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. 1930. Ц. 20 р.

Зарубин И. И. Вершикское наречие канджутского языка (оттиск из Записок Коллегии востоковедов, т. II, вып. 2). 1927. Ц. 1 р.

Зарубин И. И. К характеристике мунджанского языка (оттиск из сборника «Иран», т. I). 1927. Ц. 1 р.

Зарубин И. И. Очерк разговорного языка самаркандских евреев (оттиск из сборника «Иран», т. II). 1928. Ц. 1 р.

Андреев М. С. Язгулёмский язык. Таблицы глаголов (1904 г.). 1930. Ц. 2 р.

Миронов Н. Д. Каталог индийских рукописей Азиатского музея. 1914. Ц. 10 р.

Миронов Н. Д. Каталог индийских рукописей Публичной библиотеки. Собрание И. П. Минаева и некоторые другие. Вып. I. 1918. Ц. 4 р.

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Записки Института востоковедения Академии Наук СССР.

Том I. Б. Я. Владимирцов. — Н. Н. Поппе. — Комиссия по латинизации. — И. Ю. Крачковский. — Е. Жуков. — А. Н. Самойлович. — С. Е. Малов. — Н. Н. Поппе. — Н. Я. Марр. — Н. А. Белгородский. — Б. А. Васильев. — Б. В. Миллер. — Р. А. Галунов. 1932. 321 стр., с 6 табл. Ц. 8 р.

Труды Института востоковедения Академии Наук СССР.

- I. Проблемы литературы Востока. I. Сборник статей Н. О. Конрада, Б. А. Васильева и Е. Э. Бертельса 1932. 126 стр. Ц. 3 р.
- II. В. И. Беляев. Арабские рукописи Бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения Академии Наук СССР. 1932. XVI + 52 стр. Ц. 2 р. 50 к.
- III. Абū-л-'Алā' ал-Ма'аррī. Рисāлат ал-малā'ика. Издание текста, перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. 1932. VII + 106 стр. Ц. 2 р. 50 к.
- IV. Белуджские сказки, собранные И. И. Зарубиным. 1932. VIII + 220 стр. Ц. 3 р.

Печатается

Библиография Востока. Том I, вып. 1 и 2.

Проспекты и каталоги высылаются по первому требованию
Перечисленные издания высылаются наложенным платежом

Заказы направлять:

Ленинград 1, В. О., Тучкова наб. 2, Сектор распространения Издательства Академии Наук СССР